

ПОБЕДИЛИ!
ПЕРАМАГЛІ!

80лет

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ
(1941-1945)

ПОБЕДИЛИ! ПЕРАМАГЛІ!

Сборник поэзии, прозы и публицистики
Союза писателей Беларуси, Союза писателей России
(Санкт-Петербургское, Ленинградское областное,
региональное Псковское отделения) и Липецкого
Союза писателей «Воинское содружество»

Санкт-Петербург
2024

УДК 822-822
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Издание Союза писателей Беларуси, Союза писателей России (Санкт-Петербургского, Ленинградского областного и Псковского региональных отделений) и Липецкого Союза писателей «Воинское содружество»

80-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков оккупированных территорий Беларуси и Ленинградской области, городов Пскова, Новгорода, Выборга и других, а также полного освобождения от фашистской блокады города Ленинграда посвящается.

Коллектив авторов и редакционный совет выражают глубокую благодарность за помощь в издании книги «Победили! Перамаглі!» Фонду памяти поэта и воина Игоря Григорьева и лично председателю о. Григорию Григорьеву.

Редакционный совет: Михаил Поздняков – председатель, Наталья Советная, Валентина Дробышевская, Сергей Порохов, Светлана Конева, Игорь Смолькин, Виктория Шафронская, Андрей Антонов, Наталия Пунжжина, Андрей Геращенко, Тамара Ковальчук, Валентин Баюканский

Победили! Перамаглі!: Сборник поэзии, прозы и публицистики Союза писателей Беларуси, Союза писателей России (Санкт-Петербургское, Ленинградское областное, региональное Псковское отделения) и Липецкого Союза писателей «Воинское содружество» / сост. Н.В. Советная. – СПб, 2024. – 540 с.
ISBN 978-5-00182-123-6.

Книга «Победили! Перамаглі!» словно хранитель правды, свидетель памяти и славы мужественного советского народа – победителя в Великой Отечественной войне. На её страницах встали плечом к плечу, как когда-то наши отцы, деды и прадеды в далёком сорок первом, белорусы и русские – кровные братья и сёстры – герои произведений и писатели – поэты, прозаики, публицисты Союзов писателей двух государств: России и Беларуси, чтобы передать потомкам священную память о Великой Победе советского народа в войне 1941-45 годов.

УДК 822-822
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

- © Авторы, 2024
- © Кочанова Н.И., Шугля В.Ф., Беглов А.Д., Дрозденко А.Ю., Иванов Н.Ф., Карлюкевич А.Н., Поздняков М. П., Порохов С.Ю., Орлов Б.А., Смолькин И.А., Баюканский В.А., вступл., 2024
- © Советная Н.В., составление, 2024
- © Д. Г. Рыбалтович, рисунки, 2024
- © МИРВЧ, 2024

ISBN 978-5-00182-123-6

Приветственное обращение Председателя Совета Республики Национального собрания Республика Беларусь к читателям международного российско-белорусского сборника поэзии, прозы и публицистики «Победили! Перамаглі!»

Великая Отечественная война навсегда останется одним из самых трагических и героических периодов в судьбе белорусов и всего советского народа. Эта беда в одночасье изменила жизнь миллионов людей, вошла в каждый дом, в каждую семью. Боль в наших сердцах никогда не утихнет.

Более чем три года Беларусь буквально стонала от зверств нацистов. В кровавых жерновах войны погиб каждый третий житель нашей страны. Однако нечеловеческая жестокость не сломила волю белорусского народа и даже под гнетом нацистского террора наш народ сохранил свою честь и достоинство, до конца оставаясь верным Родине.

Мы, белорусы, как никто знаем цену мира и победы, сохраняем историческую память и решительно защищаем правду, дабы не повторить событий прошлого. Суверенитет и независимость — наше самое главное достояние, наши ориентиры и непреходящие ценности, формирующие фундамент мирного созидательного развития белорусской государственности. Это наш путь.

Спустя всего восемь десятилетий благополучной жизни планета вновь оказалась на пороге глобального конфликта. Очередной неверный шаг западных неоколониалистов может оборвать тонкую ткань мирного времени, обрекая большую часть человечества на неминуемую гибель. Наш общий долг перед старшими поколениями, перед самими собой, перед теми, кто идет за нами, — не допустить этого.

Сейчас наша очередь писать новые страницы истории — яркой, интересной, мирной, передавать молодежи наше трепетное отношение к своей Родине и друг другу. Надо делать все возможное и невозможное, чтобы наши страны были сильными и становились еще сильнее, успешно развивались и процветали, уверенно занимая свое достойное место в новом более справедливом и гуманном многополярном мире.

Книга «Победили! Перамаглі!» — общий результат творческой работы плеяды знаменитых писателей двух государств, настоящий гимн мужественному советскому народу и бесценный вклад в священное дело сохранения, обеспечения незыблемости и преемственности народной памяти. Ее главное призвание — служить благородной цели — проникая до глубины души, воспитывать истинных патриотов, помогать читателям осознать не только разумом, но и сердцем, что лишь правда, какой бы тяжелой она ни была, открывает путь к Победе.

Поздравляю авторов и всех причастных к созданию этой замечательной антологии Победителей. Верю, что такое доброе начало будет способствовать рождению новых востребованных авторских проектов и инициатив, поможет зажечь молодые таланты и дарования на литературном небоскребе Беларуси и России, нашего Союзного государства. Мира, благополучия и всего самого наилучшего всем вам!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА КОЧАНОВА,
Председатель Совета Республики Национального
собрания Республики Беларусь

Дорогие друзья!

Десять лет назад, к 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, был также осуществлён литературный проект: подготовлен и издан белорусско-русский сборник «Победители», посвящённый Великой Победе. В своих произведениях писатели Тюмени и Минска выразили своё отношение к этому грандиозному событию. На встрече членов Общественной Палаты Российской Федерации с Президентом России В.В. Путиным книга была передана ему в дар.

В нынешнем году писателями Беларуси и России (Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Псковщины, Липецкой области) реализован новый замечательный проект — книга «Победили! Перамаглі!», посвящённая 80-летию освобождения не только Беларуси, но и Ленинградской области, Пскова, полного снятия блокады Ленинграда. Знаменательная юбилейная дата — событие, поистине всенародный праздник, который объединяет людей памятью о павших на полях сражений героях и чувством безмерной благодарности всем, кто отстоял нашу свободу и независимость.

Этот праздник дорог для всех, кто освобождал территории Советского Союза, кто разгромил немецко-фашистские полчища, и тех, кто сегодня трудится на благо Родины и Союзного государства, созидая и приумножая его благосостояние.

Книга «Победили! Перамаглі!», объединившая на своих страницах писателей двух стран, но одного по духу и историческим корням народа, несомненно, послужит укреплению традиционно дружеских белорусско-русских отношений и станет вкладом в копилку бесценной исторической памяти. Сегодня мы вместе держим ответ перед нашей тысячелетней историей и нашими предками, которые на первое место всег-

да ставили Родину и знали, что достичь больших целей можно только вместе. Именно вместе мы преодолеем все преграды, воплотим в жизнь всё задуманное.

От имени областных общественных объединений региональной организации «Союз-интеграция братских народов» и от меня лично примите искренние и сердечные поздравления с 80-й годовщиной освобождения Беларуси, Ленинградской области, Пскова, Новгорода и других городов СССР от немецко-фашистских захватчиков и с приближающимся 80-летием Великой Победы!

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ ШУГЛЯ,
председатель Совета ТРОО «Союзинтеграция
братских народов», Почётный Генеральный Консул
Республики Беларусь в Российской Федерации в Тюмени.

Дорогие друзья!

В 2024 году Санкт-Петербург отметил священные даты: 81-ю годовщину прорыва блокады Ленинграда и 80-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

Для нашего города и всей страны Ленинградский День Победы стал символом мужества, самоотверженности и безграничной любви к Родине. Голод, холод, непрекращающиеся бомбежки и артобстрелы, потери родных и близких не сломили дух ленинградцев.

В нашем городе нет ни одной семьи, которую бы не затронула блокада. В октябре 2022 года Санкт-Петербургский

городской суд признал геноцидом, военным преступлением и преступлением против человечности блокаду Ленинграда оккупационными властями, войсками нацистской Германии и их пособниками в 1941-1944 годах. Документы и свидетельства ленинградцев доказали невиданный масштаб злодеяний нацистов. От голода и бомбежек погибло более миллиона человек. Сумма ущерба, нанесённого городу и его жителям, превысила 35 триллионов рублей в пересчёте на современный рубль.

Книга «Победили! Перамаглі!» – хранитель правды, живых свидетельств о трагическом и вместе с тем героическом прошлом. В годы Великой Отечественной войны плечом к плечу в борьбе с врагом стояли русские и белорусы, представители всех народов Советского Союза. Сегодня нас объединяет общая история и гордость за страну, ставшую 79 лет назад победителем в жестокой и кровавой битве с фашизмом. Наш долг – помнить и чтить подвиг отцов и дедов, рассказывать правду своим детям и внукам, настойчиво и целеустремлённо заниматься патриотическим воспитанием молодого поколения.

Мы продолжаем практику присвоения городским школам имён Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации. Сегодня уже создаются школьные уголки, посвящённые новым героям – участникам Специальной военной операции. Тем, кто восстанавливает историческую справедливость, защищает Донбасс, новые регионы России от неонацистов.

Мы вместе с ветеранами стоим на страже исторической правды, сообща боремся с попытками фальсификации результатов Второй мировой войны. Наша сила – в сплочении и единстве. Только суверенное, независимое, уважающее и не забывающее своё прошлое государство может противостоять любым вызовам и угрозам.

Желаю всем здоровья, мира и благополучия!

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ БЕГЛОВ
Губернатор Санкт-Петербурга

Уважаемые читатели!

В 2024 году мы отмечаем 80-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады и 80-летие освобождения Ленинградской области от немецких захватчиков.

Общей победе в Великой Отечественной войне предшествовали успехи советских войск в отдельных сражениях. Битва за Ленинград стала одной из самых ожесточённых и продолжительных за всю войну. Военная обстановка усугублялась обстоятельствами, связанными с осадой большого города.

Важным моментом оперативного планирования для советского командования здесь стала острая необходимость скорейшего снятия блокады, уносившей тысячи жизней мирных горожан.

Наступательные операции с целью разорвать осадное кольцо начались еще в десятых числах сентября 1941 года в крайне тяжелой для советской стороны стратегии чешской обстановке. Сумев не допустить быстрого взятия города, сорвав попытки германской стороны перерезать транспортное сообщение по Ладожскому озеру, советское командование на протяжении военных кампаний 1941-1942 гг. неоднократно пыталось восстановить сухопутное сообщение Ленинграда со страной.

Используя географические особенности Приневского края (лесистая, заболоченная местность с малым количеством дорог), немецкие захватчики сформировали здесь мощную систему осадных позиций. Вести маневренную войну в таких условиях было очень сложно. Для успешного проведения наступательных операций необходимо иметь значительное материально-техническое превосходство над противником. Но превосходства у советской стороны в то время ещё не было.

В январе 1943 г., накопив значительный опыт проведения наступательных операций, а также необходимые материальные ресурсы, советские войска в ходе операции «Искра» смогли прорвать вражескую оборону в Южном Приладожье и обеспечить сухопутную связь города с «Большой землей».

Ещё больше года продолжалась борьба за снятие блокады города. В январе 1944 года в ходе операции «Январский гром» блокадное кольцо было окончательно снято. И только к августу 1944 года Битва за Ленинград завершилась.

9 августа 2024 года Ленинградская область будет отмечать официальный праздник – «День окончания Ленинградской битвы».

Жители нашего региона, безусловно, ценят масштаб работ, проведённых за последние годы по сохранению исторической памяти о событиях 1941-1944 годов.

В Ленинградской области выпускается большое количество литературы, создаются мемориалы, проводится реконструкция музеев, том числе, легендарной «Дороги жизни».

Идёт активная поисковая работа, работают топонимические комиссии, проводятся конференции и круглые столы, на которых поднимаются вопросы, связанные с малоизученными страницами тех лет.

В исследовательской деятельности задействованы музеи, библиотеки, архивы, общественные организации и учебные заведения.

Все достижения в деле сохранения исторической памяти – результат большого коллективного труда!

От всей души приветствую выход книги «Победили! Перамаглі!».

Искренне уверен, что она будет востребована всеми жителями Ленинградской области и Республики Беларусь.

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДРОЗДЕНКО
Губернатор Ленинградской области

МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ПОБЕДИТЕЛЯМИ!..

Отрадно, что сборник литературно-художественных произведений, посвящённых юбилеям освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и освобождения Ленинград-

ской области, полного снятия блокады Ленинграда, выходит в 2024 году. Впереди – 80-летие Великой Победы. Ценой своих жизней наши деды и прадеды доказали наше правое дело, защитили Отечество, разрушили фашистское логово в Германии.

Авторы книги «Победили! Перамаглі!» нашли свои художественные образы, свои символы, чтобы передать не просто те или иные сюжеты, высказать те или иные мысли, они показали сопричастность нас, сегодняшних, к тем событиям, которые в Беларуси и России никогда не забудут. Забыть Великую Отечественную войну, обойти её молчанием, сделать вид, что есть темы не менее важные в истории минувших времён, – значит стать предателем.

У каждого из авторов книги много личного, того, что не даёт успокоиться творческому вдохновению, того, что обязывает найти самые яркие, самые главные слова.

Автор проекта, известный в Беларуси и России литератор Наталья Советная, сумела объединить десятки интересных художников слова. Уверен, что книга «Победили! Перамаглі!» окажется востребованной в школах, средних специальных учебных заведениях и ВУЗах наших стран – Беларуси и России. Воспитывать патриотизм должна и обязана художественная литература. Воспитывать, открывая сердца и души читателей, прежде всего – молодых людей, которым следует осмыслить, понять, что победу всегда приносит Правда, какой бы тяжёлой

не была к ней дорога.

Поздравляю всех авторов, всех, кто причастен к созданию замечательной «антологии Победителей»! Верю, что этот проект поможет рождению новых творческих, издательских инициатив, посвящённых Великой Победе.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ КАРЛЮКЕВИЧ
Председатель Союза писателей Беларуси

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Великая Отечественная война 1941-45 гг. стала суровым испытанием духа русского народа. Русского в том глубоком понимании, которое включало и включает в себя всеобъемлющее понятие – советский народ.

Для гражданина Советского Союза каждый метр русской земли, независимо от того, территория ли это Белорусской Республики, Украины, Кавказа, Прибалтики или Российской Федерации, был отчей землёй. Наши деды и прадеды, защищая страну от фашистских захватчиков, среди которых были представители многих европейских государств, отдавали свои бесценные жизни за будущее детей нашей общей страны.

Не только для порабождённой Европы, но для всего мира советский народ стал надеждой, спасителем, защитником, примером. Этого ему не простили затаившиеся до времени поверженные враги. Наша победа над фашизмом в 1945 году уже почти восемьдесят лет не даёт покоя потомкам нацистов. Именно поэтому они стремятся уничтожить не только славу и

память героического прошлого советского народа, но и любое напоминание о нём: будь то памятник, обелиск, табличка, 9 мая – цифра в календаре, книга...

Да, книга – хранитель правды, вечный свидетель памяти и славы мужественного советского народа! А в наших жилах, как писателей, так и читателей, течёт кровь победителей, тех, кто ценой собственной жизни оплатил жизнь своих потомков, нашу жизнь. Мы помним это и будем помнить всегда!

На страницах книги «Победили! Перемагли!», посвящённой 80-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков территорий Советского Союза, встали плечом к плечу, как когда-то наши отцы, деды и прадеды в далёком сорок первом, белорусы и русские – кровные братья и сёстры – герои произведений и писатели: поэты, прозаики, публицисты, чтобы передать священную память детям и внукам. Чтобы предупредить: «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет!».

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ ИВАНОВ,
Председатель Правления Союза писателей России

СОЕДИНЯЯ ПРОШЛОЕ С БУДУЩИМ

Быстротекущая река жизни, как известно, устремляется в будущее, подпитываясь родниками живой воды прошлого. В грозные дни сорок первого под Ленинградом и Москвой, летом сорок второго в Сталинграде советские воины черпали силы из глубин истории в великих примерах наших воинов – от простых ратников, ополченцев до полководцев. В бой вело их слово, будь то «Не в силе Бог, а в правде» или «За Волгой для нас земли нет». Уже в годы войны появились стихи, повести, рассказы, романы о народном подвиге: «Мы попросаемся в Кронштадте» Алексея Лебедева, «Прощайте, скалистые горы» Николая Букина, «Василий Тёркин» Александра Твардовского, «Морская душа» Леонида Соболева, «Волоколамское шоссе» Александра Бека, «Русский характер» Алексея Толстого.

В послевоенные десятилетия к читателю пришли повести, романы Юрия Бондарева, Константина Симонова, Михаила Алексеева, трилогия Александра Чаковского «Блокада». Кровное братство многих народов нашего Отечества, фронтовая дружба, беспримерная любовь к Родине, стойкость солдат и офицеров через слово писателей стали известны всему миру, вошли славной страницей в летопись Отечества.

Отмечая 80-летие освобождения Родины от немецко-фашистской оккупации, «мы знаем, что ныне лежит на весах». На долю нынешнего поколения выпали новые испытания. Нет сомнения в мужестве, отваге, доблести бойцов СВО. Писатели XXI века, поэты, прозаики с честью выполняют свой долг, соединяя прошлое с деяниями нынешних защитников Родины.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ОРЛОВ
Председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей
России, секретарь Правления Союза писателей России

ПОБЕДИЛИ, ПОТОМУ ЧТО БЫЛИ ЕДИНЫ!

80 лет мирной, созидательной жизни! На цветущих родных просторах! 80 лет без ужасов войны! Без рек крови и слёз! Без миллионов погибших, замученных, расстрелянных, сожжённых...

Это – огромное счастье! И оно состоялось благодаря мужеству наших отцов, дедов и прадедов. Они приняли удар, выстояли, победили, очистили наши земли от коричневой чумы, потому что были едины: русские и белорусы, грузины и казахи, украинцы и евреи – представители всех национальностей советского народа. Они были тем монолитом, который сокрушил германское, европейское и мировое зло.

Что может быть сегодня более важным, значимым, дорогим? Только счастливые, мирные последующие десятилетия! Только радости и успехи наших детей, внуков и правнуков! Только дальнейший расцвет наших земель! Только наши миролюбивые, свободные, благодарные народы! Которые под знаменем Великой Победы, не теряя Святой Памяти о нашем героическом и тяжёлом прошлом, продолжают строить создающее Союзное государство Беларуси и России, с полной решимостью отстаивают справедливое мироустройство. Укрепляют наше единство как залог мира и счастливого будущего.

Поэтому мы и обязаны помнить, какой ценой досталась Великая Победа над варварами, человеконенавистниками, объединёнными фашисткой Германией. Помнить отважных сыновей и дочерей Победы! Помнить о геноциде наших народов! Помнить и держать порох сухим! Помнить и передавать нашу Святую Память детям, внукам и правнукам. Ради того, чтобы ужасы войны никогда не повторились! Чтобы не возродились нацизм, фашизм, бандеровщина, бесчеловечность во всех их формах и проявлениях.

Этой благородной цели и служит наш совместный сборник произведений, на это и направлен наш общий писательский голос, на это и нацелены наши желания и поступки.

Мы помним! Мы бдительны! Мы едины!

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ПОЗДНЯКОВ
Председатель Минского городского отделения
Союза писателей Беларуси,
председатель общества дружбы «Беларусь – Россия»

СТОЯЛ ИЮЛЬ. ШЁЛ ЖАРКИЙ БОЙ

Есть в Пскове небольшая улица. Тянется она от автовокзала на северо-запад до улицы Ротной, и длина её всего 532 метра. Но название её известно всем псковичам – это улица 23 июля. В этот день в 1944 году город был освобождён от немецко-фашистских захватчиков войсками 3-го Прибалтийского фронта. Как позднее подсчитали, в городе фашистами было разрушено более 60% домов. При восстановлении Пскова и появилась на свет улица 23 июля. Она была сформирована в 1947 году и повторяет часть пути воинов-освободителей. В самом её начале находится мемориальная стела в честь этой значимой для города даты. Тихая ухоженная улица...

Память и Родина... Как это близко!
Запах черёмухи у обелиска.
Белый бордюр и в тюльпанах газон...
Свежесть весенняя, воздух – озон!

(Людмила Воронова)

На этой улице всё мне до боли знакомо, здесь стоит школа № 18, в которой я проучился (1968-1978 гг.) с первого по десятый класс. Директор школы, фронтовик, Василий Фёдорович рассказывал нам о той Великой войне и о том, как советские воины освобождали Псков. Я помню, насколько строже становился его взгляд, как сжимались скулы во время этих рассказов.

Седой ветеран о войне вспоминал,
И речь зазвучала набатом,
Как будто парнишкою снова он стал,
Собой заслонившим комбата.

(Наталья Кондрашук)

Скупая мужская слеза наворачивалась на глаза, когда говорил он о погибших однополчанах. Схватка с врагом была кровавой – не на жизнь, а на смерть...

Стоял июль. Шёл жаркий бой
За город древний над рекой.
Снаряды падали, рвались.
Бойцы отчаянно дрались.

(Виктор Кудлачёв)

А ведь многие бойцы были чуть взрослее нас – старшеклассников. Скольким из них так и не суждено было получить образование, увидеть своих взрослых детей...

Ничего у судьбы не просили,
Честно выплакав горе своё.
Умирили, спасая Россию,
Шли и гибли во имя её.

(Валерий Мухин)

Имена их высечены на мраморе и граните, в наших сердцах и в нашей памяти, потому что:

Их ратный подвиг был великим,
Давно погас пожар войны.
Остались праведные лики
В огромной памяти страны.

(Иван Иванов)

Забыть об этом невозможно, забыть об этом нельзя! И пусть настоящая книга, как Вечный огонь, будет будоражить умы молодых поколений, свидетельствуя, что «нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). И за Родину! Это касается братских народов и России, и Беларуси, поскольку враг у нас тогда был один – фашистская Германия! И армия одна – Советская армия! И победа одна – одна на всех, одна на все времена!

Солдаты! Солдаты минувшей войны!
Солдаты победной цветущей весны!
Мы память о вас пронесём сквозь года –
И жить будет праздник Победы всегда!

(Виктор Кудлачёв)

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ СМОЛЬКИН-ИЗБОРЦЕВ
Председатель Псковского регионального отделения СП России

ВЫТЕРПЕЛИ, ВЫЖИЛИ И ПОБЕДИЛИ!

Как неумолимо время! Об этом невольно вспоминаешь, когда берёшь в руки этот сборник. Он посвящён 80-летию освобождения Беларуси, Ленинграда и Ленинградской области, Пскова и Псковской области от немецко-фашистских захватчиков. 80 лет назад (этот срок для любого человека – целая жизнь) народы Советского Союза вершили историю – уничтожали страшного врага – фашизм, освобождали родную землю и приближали долгожданную победу. Её цена огромна, для современных людей – немыслима: десятки миллионов погибших, миллионы раненых, сотни тысяч пропавших без

вести, тысячи разрушенных городов и сёл, исковерканные судьбы. Об этом нельзя забывать! Мы должны рассказать о той жуткой окопной правде войны, о которой большинство нынешней молодёжи мало что знает, а некоторые даже не догадываются. Нужно об этом говорить ради памяти тех, кто страдал и погибал, ради наших героев – отцов и дедов. Для большинства авторов этого сборника, людей серебряного возраста, Великая Отечественная война не просто слова. Мой отец Анатолий Баюканский потерял в ленинградской блокаде всех родственников, сам чудом выжил. Освобождал Белоруссию, Латвию, воевал с милитаристской Японией. Да и у всех писателей «Воинского содружества», принявших участие в сборнике, похожая ситуация. Война оставила в их семьях незаживающие раны. Но наши народы всё вытерпели, выстояли и победили. Именно поэтому сборник и называется «Победили! Перемагли!». Убеждён, что такие издания нужны, особенно сейчас, чтобы наша общая Победа не подвергалась никаким пересмотрам и корректировкам.

ВАЛЕНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ БАЮКАНСКИЙ
Руководитель Союза писателей «Воинское содружество»

БИТВА ЗА БЕЛАРУСЬ И ЛЕНИНГРАДСКАЯ БИТВА

*Дорогие друзья!
Дарагія сябры!*

Мы празднуем региональные победы 80-летней давности. От фашистской нечести были освобождены деревни и города, районы и области России, полностью – Республика Беларусь. Эта

книга – напоминание о нашем общем горе и общем подвиге. Победа! Торжество после одоления беды, поминовение павших во имя живых.

Крупнейшим и наиболее продолжительным сражением в истории Великой Отечественной войны признаётся Ленинградская битва (10.07.1941 – 09.08.1944).

Она началась 10 июля 1941 года, когда немецко-фашистские войска, преодолев сопротивление советских войск в Прибалтике, вторглись на территорию Ленинградской области (в то время в её состав входили Ленинград, а также северная часть нынешних Псковской и Новгородской областей). Наступление немцев началось с рубежа реки Великая в направлении Луги – Красногвардейска – Ленинграда. По согласованному плану в этот же день финны перешли в общее наступление на Ленинград на Карельском перешейке. Над городом нависла угроза как с севера, так и с юга.

Через месяц, уже 8–10 августа, бои велись на ближних подступах к Ленинграду. Несмотря на героическое сопротивление советских войск, противник прорвал левый фланг Лужской линии обороны, 19 августа занял Новгород, на следующий день – Чудово, тем самым перерезал шоссе и железную дорогу Москва – Ленинград. В конце августа финские войска вышли на государственную границу СССР 1939 года. 8 сентября немецко-фашистские войска захватили Шлиссельбург и блокировали Ленинград с суши, сообщение с городом можно было поддерживать только по Ладожскому озеру и воздушным путём. Началась 872-дневная блокада Ленинграда.

8 ноября немецкие войска захватили Тихвин и перерезали последнюю железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру доставлялись грузы, переправляемые затем водным путём в блокадный город. Прорваться к реке Свирь противнику не удалось. Вскоре советские войска перешли в контрнаступление и 20 ноября овладели Малой Вишерой, а 9 декабря – Тихвином, отбросили врага за реку Волхов. Завершилась Ленинградская стратегическая оборонительная операция.

Задачами советских войск в Ленинградской битве теперь были: оборона города, изматывание войск противника, подго-

товка разгрома германской группы армий «Север» и финских войск между Онежским и Ладожским озёрами и на Карельском перешейке. Эти задачи решались силами Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского (Калининского) фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом и партизанскими соединениями на протяжении трёх лет.

Первым значительным успехом стала стратегическая наступательная операция «Искра», проведённая в январе 1943 года. 18 января войска фронтов Ленинградского и Волховского фронтов при содействии части сил Балтийского флота, Ладожской военной флотилии и авиации дальнего действия прорвали блокаду Ленинграда и освободили Шлиссельбург. Южнее Ладожского озера образовался коридор шириной 8–11 км, через который были проложены автомобильные и железнодорожные дороги. Однако полностью связь города со страной не была восстановлена. Все основные железные дороги, идущие в Ленинград, были перерезаны противником. Синявинские и Пулковские высоты на протяжении года отвоевать не удалось.

В январе-феврале 1944 года советские войска провели стратегическую Ленинградско-Новгородскую операцию. 14 января войска Ленинградского фронта, взаимодействуя с Балтийским флотом, перешли в наступление с ораниенбаумского плацдарма на Ропшу, а 15 января – от Ленинграда на Красное Село. 20 января после упорных боёв наступавшие войска соединились в районе Ропши, ликвидировали петергофско-стрельнинскую группировку противника и продолжали развивать наступление на юго-западном направлении. В это время командование Волховского фронта приступило к проведению Новгородско-Лужской операции. 20 января был освобождён Новгород. К концу января были освобождены Пушкин, Красногвардейск (Гатчина), Тосно. А 27 января 1944 года блокада Ленинграда была полностью ликвидирована. В этот день в Ленинграде был дан салют.

12 февраля советские войска во взаимодействии с партизанами овладели городом Луга. В результате Ленинградско-Новгородской операции было нанесено тяжёлое поражение группе армий «Север», освобождена почти вся Ленинградская область

(за исключением Карельского перешейка) и часть Калининской. Советские войска вступили в пределы Эстонии, были созданы благоприятные условия для разгрома противника в Прибалтике.

Летом 1944 года войска Ленинградского и Карельского фронтов при участии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий в ходе Выборгско-Петрозаводской наступательной операции (9 июня – 9 августа 1944) нанесли поражение войскам противника, оборонявшегося на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Полное освобождение Ленинградской области и значительной части Карело-Финской ССР создало условие для вывода из войны Финляндии и освобождения Заполярья.

Ленинградская битва была завершена 9 августа 1944 года полным освобождением Ленинградской области. Героическая оборона Ленинграда стала символом мужества советского народа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Ленинград был награждён медалью «Золотая Звезда». Звание «город-герой», присвоенное Ленинграду ещё во время войны, было официально закреплено за столицей Ленинградской области.

Не менее драматические события развернулись в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии. Здесь военные действия продолжались с 22 июня 1941 года по 28 июля 1944 года. Это были три года один месяц и шесть дней Битвы за Беларусь.

Героическая оборона Брестской крепости, сотен гарнизонов и отдельных дотов, десятков тысяч одиночных окопов, превращённых в крепости, ожесточенно сдерживали нашествие врага. На начало июня 1941-го в Вооружённых Силах СССР находилось свыше 5,3 млн человек. Из них белорусы составляли около 200 тысяч. С началом Великой Отечественной войны в действующую армию были мобилизованы и добровольно ушли ещё сотни тысяч человек. Всего в годы Великой Отечественной войны во фронтовом противостоянии фашизму приняли участие более 1,3 млн белорусов. Вместе с русски-

ми, украинцами, представителями всех народов Советского Союза они в конечном итоге разгромили врага.

Но в 1941 году после кровопролитных боёв вся территория современной Беларуси была оккупирована немцами уже к концу августа. Фронт ушёл на восток, однако «новый порядок», установленный оккупантами, означал геноцид и массовый террор для 8 млн. жителей и около 900 тыс. советских военнопленных. Концлагеря, тюрьмы, гетто действовали повсеместно. В пределах республики было создано 580 лагерей смерти, в том числе более 170 гетто. Находившийся под Минском лагерь смерти Тростенец считается крупнейшим по количеству жертв (206,5 тыс. человек) после Освенцима, Майданека и Трешлинка. В Беларуси за время оккупации фашистские захватчики истребили свыше 3 млн. мирных граждан и более 810 тыс. военнопленных, угнали на каторжные работы в Германию около 380 тыс. человек. Во время карательных операций было уничтожено около 5,5 тыс. населённых пунктов, в том числе 630 вместе с жителями. За годы ВОВ было разрушено и сожжено 209 городов и 11 726 сельских населённых пунктов.

Но народ не покорился. Он ответил оккупантам партизанским движением, подпольной борьбой, организованным саботажем. Ядром сопротивления стали коммунисты и комсомольцы. На оккупированной территории работали десять подпольных областных комитетов компартии Белоруссии и десять обкомов коммунистического союза молодёжи. Они объединяли первичные организации и ячейки, руководили деятельностью 35 тыс. коммунистов и свыше 95 тыс. комсомольцев.

На оккупированной территории существовали районы, где была восстановлена советская власть.

За три года героической борьбы в тылу врага белорусские партизаны и подпольщики убили и ранили около 500 тыс. оккупантов и их пособников, пустили под откос более 11 тыс. вражеских эшелонов и 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных станций, 948 штабов и гарнизонов врага, подорвали и уничтожили более 18,7 тыс. автомашин, взорвали более 300 тыс. рельсов, 819 железнодорожных и 4,7 тыс. других мостов, разрушили свыше 7,3 тыс. км телефонно-телеграфных

линий связи, сбили и сожгли на аэродромах 305 самолётов, подбили 1,3 тыс. танков и бронемашин, уничтожили 438 орудий разного калибра и 939 военных складов.

В результате стратегического наступления Красной армии в 1943 году фронт приблизился к границам Белоруссии. 23 сентября был освобождён первый районный центр – Комарин. В конце сентября были освобождены Хотимск, Мстиславль, Климовичи, Кричев. 23 ноября 1943 года был освобождён Гомель – он стал столицей освобождённых территорий Белоруссии. В январе-марте 1944 года была проведена Калининско-Мозырская операция с участием Гомельского, Полесского и Минского партизанских соединений, в результате которой были освобождены Мозырь и Калининичи.

Летом 1944 года советские войска провели стратегическую наступательную операцию «Багратион» (23 июня – 29 августа), в ходе которой Белоруссия была полностью освобождена от оккупантов. Красная армия во взаимодействии с партизанами разгромила немецкую группу армий «Центр». С советской стороны в операции участвовали 2,4 млн человек, более 36 тыс. орудий и миномётов, 5,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, около 5,3 тыс. самолётов. С немецкой стороны на линии фронта находились 1,2 млн солдат и офицеров, 9,5 тыс. орудий и миномётов, 900 танков и штурмовых орудий, 1,3 тыс. самолётов. Были полностью уничтожены 17 дивизий и 3 бригады противника, 50 дивизий лишились более половины своего состава. Только в минском котле была окружена и разгромлена 105-тысячная группировка немецких войск, в Бобруйской операции – 40-тысячная.

Поздно вечером 3 июля 1944 года Минск был освобождён от оккупантов. Последним 28 июля 1944 года был освобождён город Брест. В ходе операции «Багратион» советская армия нанесла крупнейшее поражение немецкой армии за всю военную историю Германии, разгромив группу армий «Центр» вермахта. Это была одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества.

На территории нашей республики были уничтожены свыше 381 тыс. и взяты в плен 158 тыс. гитлеровских солдат,

офицеров и генералов. Из их числа 57 600 человек 17 июля 1944 года провели по центральным улицам Москвы.

В 1965 году звания «Крепость-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» удостоена Брестская крепость. В 1974 году, в 30-ю годовщину освобождения Белоруссии, за вклад в победу в Великой Отечественной войне высшей степени отличия – звания «Город-Герой» был удостоен Минск. Орденом Отечественной войны I степени награждены Могилев, Орша и Борисов.

Битва за Беларусь. Такого термина в истории Великой Отечественной войны не существует. Хотя бы из-за того, что битва за Беларусь началась задолго до этой войны.

По Рижскому договору 1921 года с советской Россией Польша обязалась предоставить автономию Западной Украине и Западной Белоруссии, однако так и не сделала этого. Жестокое угнетение белорусских и украинских рабочих и крестьян носило национальный характер, поскольку национальные меньшинства в Польше были лишены многих прав. Единственным официальным языком в стране был польский, хотя даже по официальным польским данным, треть населения говорила не на польском языке. Значительная часть земли в Западной Белоруссии и на Волыни ещё со времён Российской империи находилась в руках польских помещиков, а после 1921 года польские правительства в «восточных кресах» раздавали большие земельные угодья ветеранам войны с Россией 1919-1920 гг. Привилегированная фермерская прослойка так называемых «осадников» должна была ополячить белорусскую и украинскую территории.

Освободительный поход Красной Армии на Западную Украину и в Западную Белоруссию (17 сентября – 6 октября 1939 года) уничтожил государственную границу, разделяющую белорусский народ, а потому был встречен с воодушевлением. По этой же причине в 1941 году началась бескомпромиссная борьба против новых оккупантов.

Битва за Беларусь. Она продолжается и сегодня. Кто-то вновь мечтает о «восточных кресах», кто-то зарится на плоды труда работающего белорусского народа, кому-то не по нраву свободолюбивый характер славян, мысль о реванше лелеют потомки тех «завоевателей», которых унижительным маршем провели по московским улицам.

Битва за Ленинград! Она тоже, судя по событиям в мире, не завершена. Недавно принято решение о развёртывании Московского и Ленинградского военных округов. Не Санкт-Петербургского, заметьте, что соответствовало бы и реалиям сегодняшнего дня и исторической традиции. Развёрнут именно Ленинградский военный округ.

На параде Победы и на торжественных прохождении войск традиционно выносятся копии штандартов советских фронтов: Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских... Пурпурные полотнища реют рядом, вместе, единым порывом. Они ведут за собой полки, дивизии, армии. Они напоминают о прошлых баталиях, вселяют веру в будущие Победы.

Все чаще люди задают вопросы: «Завершилась ли Великая Отечественная война в мае 1945 года?», «Не являются ли события в Европе, прежде всего на Украине, продолжением войны с фашизмом?» Коллективный сборник, созданный писателями и поэтами Союзного государства Россия-Беларусь, - повод задуматься над этими вопросами. А главное – воздать дань памяти тем людям, которые оставили нам право жить на земле наших предков.

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ПОРОХОВ
Председатель правления Ленинградского областного
отделения Союза писателей России

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

«И ЭХОМ НАБАТНЫМ СЛОВА ПРОЗВУЧАТ...»

БЕЛАРУСЬ

Поздняков Михаил Павлович – поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Почётный член Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного государства, председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Автор более 100 книг. Лауреат 38-ми литературных премий, в том числе – Национальной литературной премии Беларуси, а также международных премий им. В. Бианки (Москва), им. И. Григорьева (Санкт-Петербург), им. Н. Гоголя, им. Б. Хмельницкого, им. Г. Сковороды (Киев, Чернигов), им. А. де Сент-Экзюпери (Париж), Ф. Петрарки (Рим), им. Г. Бёля (Германия – Украина), им. М. Твена (Сан-Франциско) и др. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, академик Международной академии русской словесности (Россия), академик Международной академии литературы и искусств (Украина), председатель общества дружбы «Беларусь – Россия». Директор Минского городского театра поэзии. Почётный гражданин Быховского района Могилёвской области. Имеет государственные награды Беларуси и Союзного государства.

«Победили! Перемогли!»

ХАЙ БЯГУЦЬ, ПРАЛЯТАЮЦЬ ГАДЫ

БЕЛАРУСЬ І РАСІЯ

Ёсць імёны бясконца святыя,
Абагрэтыя сонцам любві, –
Дзве сястры – Беларусь і Расія,
Дзве сястры па душы і крыві,

Вочы – сінія промні блакіту,
Чыстых рэк і святлістых нябёс,
Дабрыні і сяброўству адкрытых,
Парадніў іх прадбачлівы лёс.

Праца, росквіт жыцця – іх стыхія,
Мір, і згода, і шчасце для ўсіх.
Дзве сястры – Беларусь і Расія,
Ганарыцеся лучнасцю іх.

У часіны грымотна-ліхія,
У пагрозы жыццю на Зямлі
Дзве сястры – Беларусь і Расія –
Поруч смела і дружна ішлі.

Не гудзіце, завеі густыя,
Не грымі, навальніца бяды.
Дзве сястры – Беларусь і Расія –
Неразлучныя будуць заўжды.

ВЕТЭРАНЫ

Адыходзяць... Так мала ў страі
Ветэранаў – сыноў Перамогі,
Назаўсёды ў былыя баі
Клічуць іх баявыя дарогі.

Адыходзяць... За праўду сваю
Пастаяць з маладымі сябрамі,
Што ў атаках палеглі ў зямлю,
Каб яна расцвітала садамі.

Адыходзяць... І звон медалёў
Замаўкае, нібыта адвага,
Што на тысячах спела палёў
Ад ускраін Масквы да Рэйхстага.

Адыходзяць... Няўмольна, без слоў...
Толькі рана ўсміхацца з надзеяй
Безаблічных і змрочных часоў
Крывасмокам, дзялкам, ліхадзеям.

Адыходзяць... А бітва ідзе –
За сумленнасць, святло Перамогі,
Толькі вераць: жахлівай бядзе
Не бываць! Хоць не тояць трывогі.

Адыходзяць... Ды спраў найсвятых
Зноў трымаецца моладзь упарта,
Гэта ўнукі і праўнукі іх
Заступаюць на верную варту.

ПЕРАМОГА, РАДЗІМА, НАРОД

Хай бягуць, пралятаюць гады
Над краінай маёй, залатыя,
Толькі ўзрушана будуць заўжды
Узвышаць нас паняцці святыя:

Перамога, Радзіма, Народ! –
Хай лунае над намі святліста,
І мацуе, і лучыць штогод
Іх магутна-жывое адзінства.

Нам нястомна ісці на паклон
Да герояў Вялікай Айчыннай.
І адвечную веліч тых дзён
Берагчы, шанаваць несупынна.

Кожны трэці ў пажары вайны
Вечным болем застыў назаўсёды.
Не сплаціць нам жажлівай цаны
За наш сонечны час, за свабоду.

Нам прыгожа і радасна жыць,
Іх адвагай і вераю правай,
І штоміг мірным днём даражыць
І нязгаснай народнаю славай.

ЛІПЕНЬ

Слаўным гімнам руплівай сяўбе
Зноў віруе зялёная кіпень.
Я вітаю ўсім сэрцам цябе,
Гераічны і велічны Ліпень!

Ты расквеціў вясёлкай наш лёс.
Не забыць нам, удзячным, ніколі,
Што ты шчасце народу прынёс,
Што ты вывеў Радзіму з няволі.

Што з усходу нам сонцам прыйшло
Ад фашысцкай чумы вызваленне.
Векапомнае тое святло
Сёння лучыць усе пакаленні.

Час змагання, час светлых надзей...
Краем родным заўжды ганаруся.
З чыстым сэрцам, між добрых людзей
Гімн спяваю маёй Беларусі.

Я – з партызанскай Беларусі.
Я – з працавітага народа.
Заўсёды шчыра ганаруся,
Што з гартаванае пароды.

Мой тата, зведаўшы нямала,
Прайшоў дарогай франтавою.
Матуля мужа шчыравала
У партызанаў сувязною.

Я помню вёскі адбудовы,
Якую ворагі знішчалі,
І як франтавікоў удовы
У адзіноце векавалі.

Я рос між веры іх і праўды,
Мяне іх годнасць мацавала.
Я не прымаю сёння здрады,
Чаго б яна не апранала.

У сэрцы – тата і матуля,
Якім мне схібіць немагчыма.
І ні на крок не адступлю я,
Калі пакліча ў бой Радзіма.

СПЯВАЕ ЖЫТА

Спявае жыта...
Чуйны вецер струны
Перабірае – майстар-адмыслоў.
І сонца грай, калосся пошум думны
У песні мілай чуецца ізноў.

Прыслухайся: у роўным спевае жытнім
Пранізлівая дзіўная туга...

Кранае сэрца голас старажытны,
Вякоў мінулых тайная смуга.

Спявае жыта... Сэрцам прыхініся
І ты адчуеш трапяткой душой
Кліч жаўрука ў блакіце звонкіх высяў
І водар хаты матчынай жывой.

У песні гэтай стройна-несціханай
Гучыць адвечны заклік малады.
Спявае жыта прагай апантанай,
Святлом нас напаўняючы заўжды.

Спявае жыта... Большой асалоды
У родным полі і не можа быць.
Не страшныя нікія нягоды,
Пакуль нам песня гэтая гучыць.

ХЛЕБ ДЛЯ ПАРТИЗАН (Рассказ)

Утро выдалось ясное, не слишком морозное. Из печных труб ямницких хат дым вился в небо ровными столбиками. «Значит, ветра нет. Это и хорошо, теплее будет в дороге, дети не замёрзнут», – обрадовалась Маша.

Почти до самой ночи они с матерью и младшими сёстрами выпекали хлеб. Он уже в специальных мешочках лежит в санях, под сеном. Мать запрягает лошадь, а Маше нужно быстро собрать в дорогу сыновей. Она напоила их горячим чаем, сунула в руки по краюшке душистого хлеба. Дорога впереди дальняя и опасная. Хлеб нужно отвезти в лес к условленному месту и передать партизанам. В отряде среди них был и её брат Вася, а также многие ямницкие мужчины и молодые парни. Муж Маши и другой брат воевали где-то на фронте.

Сыновей она всегда брала с собой, когда отправлялась на

такое задание. Так было надёжнее. Фашисты и полицаи не цеплялись тогда, не обыскивали повозку. Им, конечно, и в голову не приходило, что молодая мама будет рисковать не только своей жизнью, но и малолетними детьми.

Вот и теперь на выезде из деревни, где находился вражеский пост, немецкий офицер только провёл их внимательным взглядом, а полицай, который подбежал поближе, выкрикнул:

– Куда это так рано собралась?

– Тётю в Колетном проведать надо, – спокойно ответила Маша.

Поправив на шее шарф и забросив на плечо винтовку, полицай заторопился назад в тёплую сторожку.

Тётя на самом деле жила в Колетном, и Маша всегда, передав партизанам хлеб, сало, соль или медикаменты, обязательно заезжала к ней, чтобы не вызвать у фашистов никаких подозрений.

Ехать нужно было километров пятнадцать. Маша и не волновалась даже, а мальчики и вообще, ни о чём не зная, радовались: не дома на печи сидеть без дела, а кататься в санях.

Дорога шла лесом. Лошадь, отдохнувшая за ночь, легко бежала по накатанной дороге. Они уже проехали более половины пути, как где-то впереди послышались разрывы гранат и выстрелы. Маша остановила лошадь. Сердце тревожно забило в груди. «Что делать?» Прислушалась. Выстрелов больше не было, вокруг опять установилась тишина. Только настороженно и приглушённо шумели высокие сосны, слегка покачивая белоснежными вершинами. «Уже близко место встречи с партизанами, надо торопиться, — решила молодница и дёрнула вожжи. — Но, лошадка, но, милая!»

А километра через два она увидела впереди подбитую немецкую автомашину, окутанную чёрным дымом. Рядом лежали убитые фашисты. Внезапно до неё долетел гул машин, он нарастал, приближался с той стороны, куда она и направлялась.

– Немцы! – резанула по телу жуткая догадка. – Застанут здесь – никого не пощадят...

Маша изо всех сил стала резко разворачивать лошадь прямо в лес.

– Ложитесь лицом вниз, деточки! – приказала она испуганным сыновьям, продолжая стегать лошадь, которой не понравилось бездорожье.

Из-за поворота показалась немецкая машина. Заметив свернувшую в лес повозку, фашисты открыли бешеный огонь.

– Но! Но! Но, лошадочка милая! – кричала мать, стремясь укрыть собою мальчишек.

Лошадь бежала, выбирая дорогу между деревьев, подминая молоденькие сосёнки и ёлочки. Ветви хлестали Машу по рукам и лицу. Но она не обращала внимания и лихорадочно думала об одном: только бы не наскочить на пень, только бы не остановилась лошадь, только бы спасти своих детишек.

Вражеские пули врезались в деревья, свистели над головой, сбивая снег с деревьев, а женщина гнала и гнала испуганную лошадь.

Вскоре повалил снег, густой, как вата, засыпая санный след и пряча беглецов от вражеского огня. Лошадь перешла на тихий шаг, и Маша уже не торопила её. Через несколько минут лошадь и вовсе остановилась, с её худых боков валил густой пар. Минут через двадцать метель также внезапно утихла, как и началась. Мать прижала к себе сыновей, накрыла их одеялом. Те, как будто ничего и не произошло, радостно улыбались.

«Как же передать хлеб партизанам?» – задумалась Маша. Она дёрнула вожжи и направила лошадь на лесную дорогу, которая вела в Колетное.

«Заеду к тётё, оставлю малышей у неё, а сама поеду на условленное место», – приняла она, наконец, решение.

Но через несколько минут, уже на дороге, услышала позади лошадиный топот. «О Боже, кто там?» — пронеслось в голове. Маша оглянулась – и на её лице появилась счастливая улыбка.

Первым среди трёх всадников скакал её брат Вася.

– Не дождались тебя мои ребята в условленном месте, поэтому и отправился сам на поиски, догадался, что в Колетное направишься, — сказал он, слезая с лошади и обнимая родных. — Боялся, чтобы в лапы фашистов не попали. Завязав бой с ними, наши отошли, силы оказались неравными.

Партизаны забрали хлеб и простились, а Маша заторопилась в Колетное к тётё. И на этот раз хлеб попал по назначению.

МАТЕРИНСКАЯ НАДЕЖДА (Рассказ)

Материнское сердце! Сколько теплоты, света, чистоты живёт в нём! Материнская любовь! Материнская вера, материнская надежда! Они бесконечны, как сама жизнь. Что может быть глубже её?! Разве только любовь к Родине, к родному краю.

Чем дальше, тем острее чувствую их жизнетворящую силу, значимость и величие. И не только потому, что с каждым годом всё дальше и дальше моё последнее прощание с мамой – сердечной и хлопотливой, словно пчёлка, внимательной и чуткой, как никто. Не только потому, что всё чаще зовёт к себе небольшая деревушка Забродье на Быховщине, почти безлюдная и одичавшая, но по-прежнему объятая садами, сиренью, клёнами, берёзами и липами. Забытая и грустная, где блуждает и окликает моё быstroногое золотое детство...

На всю жизнь потрясён я силой материнской любви, веры и надежды. До последних дней в душе будет жить образ моей бабушки Матрёны Зыковой. Родила одиннадцать, воспитала семерых детей. Война отняла ещё двух сыновей. Василька, партизанского разведчика, похоронила сама, рискуя жизнью. Да, видимо, не риск это был – под носом у фашистов похоронить сына-партизана. Это – проявление мужества.

На Петьку, «самого младшенького», получила уведомление: «Без вести пропал». Но не поверила этому Мать. Тридцать два года ждала сына. Каждый выходной день, в каждый праздник сначала бодро, а когда состарилась, то с палочкой, торопилась к бетонке встречать своего Петьку. Все тридцать два года прислушивалась к гудению машин, к ночному шуму, к каждому скрипу дверей, ждала: может быть, Петька приехал? Может, сын стучит в оконное стекло, а не ветер веткой берёзы? И твёр-

до верила: он придет! А вместе с ней, когда стал понимать и размышлять, ждал дядю Петра и я. Когда кто-то говорил, что он никогда уже, вероятно, не вернётся, я плакал, забившись в угол, и начинал верить ещё сильнее. Обиды словно и не было. Разве мог я держать её в душе, когда рядом была бабушка, которая и за восемьдесят пять лет не разучилась оставаться ласковой, не утратила душевной целебности и чистоты.

Умирая, бабушка спрашивала: «Кто это пришёл? Это не Петя?» И просила: «Он объявится ещё, ждите...»

И я ждал... И каждый незнакомый ветеран войны для меня как дядя Петя.

ДОБРОТА (Рассказ)

Через деревню отступали фашисты. Наши гнали врага на запад, не давая закрепиться, прийти в себя.

Пронеслись последние вражеские мотоциклы и автомобили. На улицу, оглядываясь по сторонам, стали выходить, выбираться из своих укрытий уцелевшие люди: старики, женщины, дети. Из-за леса доносился приближавшийся гул наших танков. Шло долгожданное освобождение! Все пошли по дороге навстречу.

Вдруг застрекотал немецкий мотоцикл. Он выскочил на середину улицы и остановился на песке как раз перед группой сельчан. Перепуганный белобрысый немец отчаянно плакал, проклинал Гитлера и войну. Затем бросил на землю автомат и принялся топтать его. Потом вытащил из кармана фотокарточку, с которой улыбались красивая белокурая женщина и две маленькие девочки с белёхонькими, напоминающими бабочек, бантиками на светлых головках, подносил угрюмым людям, обливаясь слезами, на непонятном своём языке энергично пояснял им так хорошо знакомое.

– А где же ты, где вы все раньше были, о чём думали, когда плакали мы?.. Тебя ожидают дети. А кто вернёт наших, расстрелянных, сожжённых, замученных?

Это сказала бабушка Марфа, у которой фашисты замучили сына и сожгли его семью: жену и троих маленьких детишек.

– Надо было раньше проклинать своего поганого Гитлера, – продолжала старуха. – Едь к своим деткам и жене, а это, – она подняла автомат, – никогда больше не бери в руки. Едь и смотри, чтобы и твои дети, и дети твоих детей никогда не стреляли в людей.

Немец покопался в мотоцикле, завёл его и уехал. Все несколько минут смотрели ему вслед. Проводила немца взглядом и Марфа.

– Пускай дождутся доченьки отца. Пускай доберётся до своего дома солдат, – перекрестила она его вслед.

Я услышал эту историю от мамы ещё в детстве. И запомнил на всю жизнь. Видимо, чтобы рассказать её вам...

ВИНТОВКИ (Рассказ)

Мать зашивала штопаные неоднократно Серёжины штанишки, когда в калитку загрохотали чем-то металлическим строго и настойчиво. Она выглянула в окно. С улицы долетели привычные уже за второй год оккупации немецкие угрозы.

– Быстро на печь! – скомандовала мать двум сыновьям: семилетнему Серёже и пятилетнему Толе, а сама выбежала из хаты, боясь, чтобы непрошенные гости не выломали калитку. Два гитлеровца с винтовками в руках зашли во двор.

– Яйца, брот, шнапс давать! Шнель, шнель! – затребовали ваяки и уверенно направились в хату.

Поставив оружие в угол, оккупанты сели за стол, показывая своим видом, что они долго ждать не собираются.

– Дети, киндер у меня, и самим...

– Партизанен?! – грозно оборвал её младший немец, – ткнув пальцем в портрет на стене.

– Нет! – закачала испуганно мать головой. – Это мой отец, фатер. Он умер ещё до войны.

Она достала из шкафчика два яйца и несколько кусочков сала в мисочке. Отрезала два ломтя испечённого вчера хлеба, принесла две вилки.

– Шнапса нет, никс, по-вашему, – скрестила она на груди свои натруженные руки.

Младший фашист подошёл к печи и открыл заслонку. Высмотрев чугунок с картошкой, приказал подать его на стол.

Погергетав, немцы принялись за еду. Долго нюхали хлеб.

– Гут! Зер гут, муттер! – похвалили они хозяйку. – Очень вкусный брот!

На печи зашевелились дети, две пары гневных детских глаз сверлили врагов. Непрошенные гости подхватились из-за стола, бросились к винтовкам, но, убедившись вскоре, что угрозы для них нет, опять отнесли винтовки в угол на выходе из хаты и продолжили трапезу.

Не торопясь съели всё, что было на столе, поблагодарили хозяйку и направились на выход. И вдруг их лица застыли, сделались белыми, глаза испуганно забегали по сторонам.

Угол, в который они поставили свои винтовки, был пуст.

Немцы бросились на печь, заглянули под кровати, забежали по дому. Мальчиков нигде не было. Вояки выскочили в сени, но оружия не было и там.

– Муттер! Капут! – подбежал к не менее перепуганной матери старший немец. – Постреляйт всех, дом сжигать! Винтовки давать! Шнель!..

Мать не на шутку забеспокоилась, но не растерялась. Она знала, что может произойти с ними. Фашисты ни с кем не церемонились и при малейших подозрениях расстреливали беззащитных людей или сжигали заживо.

– Пошутили они, маленькие ведь ещё, глупенькие, приняли винтовки за игрушки, – заплакала мать, – сейчас найдём...

Она проворно взобралась по лестнице на чердак, где спрятались Серёжа с Толей, незаметно выскользнув из хаты. Нашулав под тряпьем винтовки, обрадованная, вытянула их и опустила вниз.

– Вот, берите, чтоб они сгорели вместе с вашим Гитлером, который развязал войну...

Схватив оружие, немцы выбежали из сеней во двор, как ошпаренные.

– Где киндер? Где? – грозно посматривали они по сторонам. – Партизанен! Расстреляйт!..

– Убежали они, не понимают ещё, – плакала мать.

Потопавав угрожающе ещё несколько минут по двору, немцы вышли на улицу.

Вздыхнув с облегчением, мать плотно закрыла калитку.

– Мамочка, не плачь... Не плачь, – подбежали к ней её сорванцы. – Мы спрятали их винтовки, чтобы они никого не убили...

– Глупенькие, – смягчилась мать, обнимая сыновей. – Отец ваш на фронте воюет. Вскоре наши солдаты всех фашистов прогонят.

ДЯДЯ ДАВЫД

(Рассказ)

Мой дядя по отцовской линии Поздняков Давыд Кузьмич погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Безусловно, рождённый позже, в 1951 году, я никогда не видел его воочию. И узнал о нём только тогда, когда учился в шестом классе, получив задание от учителя истории проследить судьбу родственников, воевавших против фашистов. Меня, конечно же, заинтересовали в первую очередь мои папа и мама, которым посчастливилось выжить в ту ужасную пору. Отец принимал участие в трёх войнах: во время освободительного похода Красной Армии на территорию бывшей Западной Беларуси в 1939 году, в советско-финляндской войне 1940 года и Великой Отечественной 1941-1945 годов. Мама была партизанской связной, доставляла в лес хлеб, соль, медикаменты, ценные сведения. Неоднократно оба бывали в шаге от смерти, но Бог миловал... А вот про дядю Давыда, к моему стыду, я почти ничего не знал. Кроме того, что жил он до войны в нашей деревне Забродье, что погиб где-то на территории России, что

оставил после себя двух сыновей, моих двоюродных братьев Анатолия и Валентина. Кстати, когда я был ещё ребёнком, они уехали из села сразу же после окончания семилетней школы и живут где-то в глубине России. Никаких документов о гибели дяди Давыда я не видел. Тетю Сашу, вдову его, расспросить не удосужился. Просто ничто и никто при её жизни не подтолкнуло меня к этому, не пробудило интереса к его судьбе. И это непростительно. Почему не интересовался? Может из-за того, что вокруг очень много тех, у кого кто-то погиб? Возможно, люди не хотели ворошить очень болезненное? Но, скорее всего, из-за неумения заниматься судьбой рода, познавать своё родословное древо. Слабо, значит, способствовала этому и школа, общественная жизнь. Оборвалась и связь с сыновьями Давыда. Может быть, они и владеют хоть какой-нибудь информацией о том, как, где воевал их отец, когда и где погиб...

...Но вот в июне 2010 года в составе белорусской писательской делегации я принимал участие в работе Пленума Союза писателей России. Пленум проходил три дня в городе Курске, куда съехались делегаты со всех регионов России, а также почётные гости-литераторы из Беларуси и Украины. Кроме пленарных заседаний и обсуждения насущных вопросов творческого союза участники пленума посещали музеи, другие учреждения культуры, встречались с читателями, знакомились с жизнью города и области. Была налажена поездка и в музей, посвящённый битве на Курской дуге летом 1943 года. На территории музейного комплекса меня поразило всё, особенно Храм. Величественный, он притягивал какой-то особенной таинственной силой, утешал после услышанного о жестоких боях, о пролитой крови, мужестве и жертвах. В самом Храме меня удивило то, что на стенах золочёными буквами были начертаны имена героев невиданного сражения, которые сложили свои головы на Курской дуге... Я принялся вчитываться в фамилии. Их было так много, что я понял тщетность своего замысла «пройти» глазами по всем спискам. Поэтому вскоре после фамилий на первые буквы алфавита перешёл к стене с фамилиями на букву «П». Машинально. Я никого не искал. Подсознательно решил поинтересоваться, есть ли герои с фамилией, похожей на мою. Ка-

ким же тёплым, радостным и одновременно жгучим было моё чувство, когда увидел фамилию «ПОЗДНЯКОВ». Это приятное открытие и в то же время внутренняя боль неимоверно возросли, когда столбик с такой фамилией длился и длился. Я насчитал около пятидесяти человек... Значит, и мои однофамильцы, а может быть, и отдалённые родственники (прапрадед мой был сибиряком) отважно сражались с ненавистным врагом, решительно и бесстрашно защищали Родину, её будущее... Однако каким непередаваемым чувством я был охвачен, когда, просматривая инициалы напротив каждой этой фамилии, неожиданно выхватил взглядом «Поздняков Д. К.» ...Невозможно передать, что творилось в моей душе... Вероятно, это мой родной дядя погиб здесь, на Курской дуге... Не знаю, сколько бы я простоял в оцепенении в том величественном Храме, если бы наша писательская группа не уезжала. Меня позвали. Все заметили, что со мной что-то происходит, ведь вид у меня был то ли растерянно-встревоженный, то ли возвышенно-возбуждённый. Я рассказал в двух словах о произошедшем в Храме...

Вечером, выступая на большом литературно-песенном празднике в Курской областной филармонии, я сообщил об этой открывшейся для меня впервые волнующей новости. И прочёл своё стихотворение «Три сестры», посвящённое Беларуси, России и Украине. Зал взорвался бурными аплодисментами. Когда я шёл через зал на своё место, многие громко благодарили меня и даже пожимали руки...

Назавтра все писатели – участники Пленума Союза писателей России – группами по 10-12 человек разъехались по районным городам Курской области. Моя группа направилась в Поныри. Встретили нас очень радушно.

Мы ознакомились с жизнью города и встретились с местной интеллигенцией. Представляя мне слово для выступления, руководитель нашей группы, председатель Уральского регионального отделения Союза писателей России Александр Кердан не преминул упомянуть и о моём дяде Давыде, погибшем под Курском летом 1943 года... Все с особым вниманием слушали меня. После творческой встречи и праздничного обеда нас отвезли на поле, где в тот памятный военный

год шли тяжёлые кровопролитные бои. Там ко мне подошёл русский поэт из Ижевска Василий Глушков и рассказал, что на этом поле сражался его старший брат...

С той минуты мы с ним не расставались. Бродили по полю, всматривались в пейзажи, читали стихи, беседовали, словно родные братья, которых связывает очень многое. Нас, седовласого старика и человека зрелого возраста, породнили и это героическое курское поле, и мужество его брата и моего дяди, и её величество Поэзия, которая и познакомила на бессмертной и священной славянской земле в центре России. На той земле, которая навсегда приютила наших родственников, которых нам помнить, прославлять и защищать, как и миллионы других соотечественников, погибших, сгоревших заживо в кровавом пламени чудовищной войны, заслонивших собой мир, жизнь человечества от фашистской чумы. Защищать от тех, беспамятных и одичавших, кто на западе и востоке, на севере и юге снова пытаются размахивать позорными знамёнами со свастикой, оголтело, по-звериному уничтожая инакомыслящих. Однако правда истории, высокий Божий суд, наши святая память и решительное осуждение не позволят им толкнуть мир в бездну.

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Анатолий Юрьевич Аврутин – поэт, переводчик, публицист, литературный критик, прозаик, главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член Союза писателей Беларуси. Член Союза писателей России. Обладатель «Золотого Витязя – 2022» в жанре поэзии. Награжден орденом и медалью Франциска Скорины, а также высшей наградой Союза писателей России – знаком «За заслуги в литературе». Действительный член Международной славянской литературно-художественной Академии (Варна, Болгария) и Академии российской литературы (Москва). Член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств.

О РОДИНА, ТЫ МОЙ НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ

* * *

О Родина, ты мой нательный крест,
Мой крест сосновый в горькую годину.
И первая любовь... И благовест...
И поздний взлёт... И ранние седины...

О, как же ты мучительно-добра
К тем, для кого ты – главное на свете:
Здесь дыбы, пытки, плети, топора
Достойны только любящие дети.

А кто тебя насилдовал и жёг,
Те значатся в названьях улиц наших,
Как будто нет Руси, а есть чертог,
Где вместо «русский» – лающее «рашен».

Как будто бы из всех родимых мест
Родимый дух ушёл в слепые дали.
Как будто бы с груди нательный крест
Лихие люди в бешенстве сорвали...

...Наш примус все чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал – кроха в два вершка, –
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала –
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
Что сказка – это не всерьёз,
Мы знали – папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принёс.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала –
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.

Дряхлеет мама... Знаю, знаю –
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу: золотится взгляд...

Бредёт навстречу дряхленький Мирон,
Ещё с войны контуженный, живучий.
Извечный завсегдатай похорон
Других солдат, что в мир уходят лучший...

Он сдал в музей медаль и ордена,
Он потерял жену, а с ней – рассудок.
И встречного: «Закончилась война?...» –
Пытает он в любое время суток.

«Да-да, Мирон, закончилась...Прости,
Что мы тебе об этом не сказали...»
Он расцветает... И звенят в горсти
Монеты на бутылку от печали.

Бутылка так... На первом же углу
Он встречного о том же спросит снова:
«Закончилась?...» Морщинки по челу
От радости бегут не так сурово.

Проклятый век... Шальные времена...
В соседней Украине гибнут дети.
А здесь Мирон: «Закончилась война?...»,
И я не знаю, что ему ответить...

ГРУШЕВКА

Стирали на Грушевке бабы,
Подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озяблой,
Смывали с одёжки войны.

Из грубой дощатой колонки,
Устроенной возле моста,
Прерывистой ниточкой тонкой
В корыта струилась вода.

От взглядов работу не пряча
И лишь проклиная её,
Стирали обноски ребячьи
Да мелкое что-то своё...

И дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль...

* * *

*В годы войны на территории Беларуси
фашисты создали 14 лагерей, в которых
полностью забирали кровь у детей,
переливая её своим раненым. Тела детишек сжигали.*

– Я з Крыніц... Жыва пакуль...
Зваць Алеся.
– З Докшыц я... А ты адкуль?
– Я з Палесся...

Кровь возьмут до капли, всю,
Без разбору.
Было б восемь Михасю,
Шесть – Рыгору.

А Алесе скоро семь...
Время мчится.
Было б лучше им совсем
Не родиться.

Горе-горюшко родне...
Крови алость,
Что немецкой солдатне
Доставалась.

В госпитальной чистоте
Бывшей школы
Перелили в вены те
Кровь Миколы.

Заживляла след от пуль
Кровь Алеси,
Что шептала:
– Ты адкуль?
Я – з Палесся...

И фашист, набравшись сил,
Встав с кровати,
Нет, не «мутер» говорил,
Плакал: «Маці...»

И не мог никак понять,
Хромоножка,
Почему назвать кровать

Тянет «ложкам»?
Ведь не знал он этих слов...
Как, откуда
У немецких докторов
Вышло чудо?

Не понять ему – бандит –
В мракобесье:
Кровь Миколы говорит,
Кровь Алеси...

Узелок развязать не могу – как его ни развязывай,
Хоть и скрючились пальцы, а всё развязать не могу...

Всё тебе расскажу... Только ты никому не рассказывай,
 Чтоб не корчилось небо на мартовском талом снегу.
 Этот худенький март, нездоровьем моим опечаленный,
 Эти чёрные дыры зелёных, тревожащих глаз,
 Этот миг немоты, что сменился на выкрик отчаянный,
 Этот свет негасимый, что в сердце внезапно погас...
 Вы откуда взялись, чёрных снов ошалевшие вороны,
 Что оставили, злыдни, в моих растревоженных снах?
 Разлетались бы лучше во все свои чёрные стороны,
 А не то подхвачусь и могу зашибить впопыхах...
 Будут перья лететь, станут клювы от крови багряными,
 Только как победить ошалевшее то вороньё,
 Если сделались чувства и мысли какими-то странными,
 А в гортанных речах зашифровано имя твоё?
 Пугану вороньё... Закартавит оно по-над рощицей,
 И в скукоженном сердце притихнет вороний бедлам...
 И уже не поймёшь – то ли белое в черном полощется,
 То ли чёрные слёзы сползают по белым щекам?..

В той стороне, где падает на плиты
 Небесный луч, пронзителен и строг,
 Где очищеньем рощи знамениты,
 Где всё – душа... И музыка... И Бог...
 Где полнится сомнением пространство,
 Где всё – мечты, где нету – наяву,
 Где постоянство есть непостоянство,
 Где синева не верит в синеву, –
 Там хожено, там плакано, там люто...
 Там умирают прежде, чем простить,
 Там каждая последняя минута
 Лишь для того, чтоб тихо говорить.
 Чтобы понять – извечное терзанье
 Дано душе мятущейся твоей,
 Как высший дар... Как божье наказание...
 Как тень от тени в царствии теней...

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Андреев Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, писатель, литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства. Автор 340 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персонализм в классической русской литературе XIX века», «Философия литературы. А.С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Легкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Между временем и мною», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

У КАЖДОГО СВОЯ ВОЙНА (Рассказ)

– Война была не такая, война была другая, – капризно твердила пышная Людмила Дорофеевна, дама представительная, с манерами, целомудренно оправляя оборки платья в цветочек.

– Позвольте с вами не согласиться, – сухо кашляя в кулачок, сопротивлялся subtilный Орфей Иванович. При покашливании на левой стороне его узкой, но выпуклой груди со сдержанным достоинством позванивали густо посаженные

медали, скромно уступившие место в первой – верхней – шенгенге выразительному ордену (второй орден горячей звездой одиноко распластался справа).

9 мая 1975 года, в день 30-летия Великой Победы, бравоый Орфей Иванович заглянул к Людмиле Дорофеевне с букетом тюльпанов и с не вполне ему самому ясным, однако же достаточно определённым намерением. Праздник придавал уверенности бывшему капитану-артиллеристу, а ныне вдовцу и преподавателю музыкального училища по классу кларнета и флейты.

Дело происходило давно, в Таджикистане, в Ленинабаде, городе Ленина на Сыр-Дарье – древнем городе, который, по преданию, завоевал сам Александр Македонский. Героев рассказа нет уже в живых, но я, любимый ученик Орфея Ивановича, исполнявший самые ответственные партии в оркестре под его руководством, отчетливо помню облик моих невыдуманных персонажей, их искренние интонации, залитый солнцем среднеазиатский сухой май и своё первое тяжёлое недоумение, так усложнившее мою до того беспечную молодую жизнь.

... Цветы Людмила Дорофеевна поставила в вазу, водрузив её в центр овального стола; при этом она, походя, ткнув холеным пальцем большую кнопку, выключила чёрно-белый телевизор «Горизонт», по которому звучали колючие марши и показывали документальные кадры военного времени. Советские войска непрерывно побеждали врага на всех фронтах и собирались делать это весь день – и вдруг наступила, казалось бы, мирная тишина. В этот момент она и произнесла свою простую фразу про «другую войну», так задевшую Орфея Ивановича. Очевидно, поэтому она повторила её, издевательски не поменяв ни слова.

– Вы ведь водку пьёте? Извините, я не держу в доме водки, – добавила хозяйка.

– Спасибо, я не пью водки, гм-гм, с некоторых пор. Я захватил хорошее вино, если вы не возражаете.

На этикетке креплёного марочного вина «Ганчи» медалей было больше, чем на груди скромного, однако довольно решительно настроенного гостя.

Откупорив бутылку с вином, Орфей Иванович разлил его в бокалы – почти до краев. Людмила Дорофеевна воспитанно не подала виду, но как-то удивительно тонко, едва ли не кружевами и манжетами, дала понять, что она не одобряет такие широкие, практически варварские жесты.

– За Победу, за Великую Победу! – неуклюже вставая, сказал Орфей Иванович, игнорируя нюансы её поведения, от которых в любое другое время он получал ни с чем не сравнимое удовольствие, и вытянул вино до конца большими громкими глотками. Людмила Дорофеевна не притронулась к бокалу, даже не пригубила.

– Так какая же была война? – вежливо поинтересовался раненный в ногу и контуженый капитан, дошедший до Берлина, но оказавшийся потом в Средней Азии – за то, что он когда-то высказал своё мнение о войне и о знаменитом генерале (капитан назвал его «людоедом» и «фашистом») в кругу подвыпивших, но весьма бдительных однополчан. Кроме того, ему припомнили, что он обучался игре на кларнете у специалиста, закончившего Венскую консерваторию. Специалиста отправили на Колыму, а его любимого ученика Орфея, коренного минчанина, – туда, где потеплее, в Среднюю Азию.

– Я всю войну провела в городе Белая Церковь, что на Украине, – начала Людмила Дорофеевна явно с намерением выговориться и убедить неизвестно в чём, неизвестно чему сопротивлявшегося гостя.

– Вы были под оккупацией?

– Не сказала бы.

– Но ведь немцы захватили город?

– Они вошли туда и без наглости расположились в домах мирных жителей, никого особо не стесняя.

– Так-так, – сказал капитан и прошёлся по комнате, слегка приволакивая ногу. При этом медали на его груди зазвенели вызывающе и даже саркастически. – И что же делали немцы в городе Белая Церковь?

– Они не делали ничего плохого.

– Они никого не убивали?

– Что вы?! – изумилась Людмила Дорофеевна. – Они нам помогали.

Капитан воинственно прошёлся в другой конец комнаты. Бряцающие медали уже не скрывали гнева и раздражения.

– Да не мельтешите вы перед глазами, ей-Богу, сядьте, я вам сейчас всё расскажу.

Орфей Иванович присел на краешек стула воспитанным истуканом. Хозяйка налила ему вина в бокал – ровно до половины, как и полагается в приличных домах и компаниях. Он не шелохнулся.

Людмила Дорофеевна отпила маленький глоток вина и продолжила:

– В доме моего отца, репрессированного большевиками за то, что он был священником и сыном священника, – доме большим, с прекрасным земельным участком, – встал на постой немецкий офицер с денщиком.

Орфей Иванович мрачно смотрел на свой бокал.

– Они не тронули иконы в красном углу. И мне любезно предложили лучшую комнату, заметьте.

– Сначала вероломно напали на нашу страну, потом вломились в ваш дом, а потом вам предложили комнату в вашем же доме? Сразу видно: культурные люди.

– Не будьте таким наивным и занудным. Мужчины всегда воюют, а военным надо было где-то жить. Так было всегда, во все времена. Но офицер с денщиком вели себя вежливо, не позволяли себе никакого хамства, всегда «битте» и «данке шен». У обер-лейтенанта были до блеска начищенные сапоги, великолепный одеколон, гладко выбритое, ухоженное лицо, голубые глаза. Как у вас. Он вообще чем-то напоминал вас. Вы знаете, он обращал на себя внимание. Однажды, когда я слушала по радио сводку Совинформбюро, – да, да, я легкомысленно нарушила строгий запрет – в комнату ко мне постучался офицер, герр обер-лейтенант, звали которого, дай Бог памяти...

– Ганс. Или Фриц. Что, впрочем, одно и то же.

– Не ёрничайте, Орфей Иванович. Вам это не идёт. Его звали Рихард.

– А зачем он постучался в вашу комнату?

– Что за вопрос?! Надеюсь, это не пошлый намёк? Не помню уже. Так вот. Со страху я выключила радиоприёмник, но оставила его на прежней, московской, волне. Он вошёл, пристально посмотрел на шкалу и сделал вид, будто не заметил, что чёрная стрелочка предательски застыла на запретной точке. Он, конечно, обо всём догадался. Вообще, он вёл себя очень прилично, хотя, кажется, был ко мне равнодушен.

– За победу над фашистской Германией, нашим злейшим врагом, – сказал Орфей Иванович и залпом выпил вино. Людмила Дорофеевна вновь проигнорировала его тост.

– А его денщик, представляете, постоянно насвистывал арии из опер. Он знал весь мировой репертуар и обожал Чайковского. Кроме того, он бесподобно ухаживал за цветами. Такого цветника я не видела в своём доме никогда. Боже мой, какие он вырастил розы! Уму непостижимо!

Орфей Иванович налил себе бокал до краёв.

– А когда немцы вынуждены были отступить, то денщик аккуратно собрал вещи и целый день, насвистывая без единой нотки фальши и жмурясь от солнца, сажал морковь в огороде – под линейку, строго по линии. Забивал колышки, натягивал верёвочку – и только потом сеял семена. «Зачем вы это делаете? – спросила я, разумеется, по-немецки (в школе мы все учили немецкий). – Ведь вы же отступа..., простите, уходите. Вы не увидите результатов своего труда». Он перестал свистеть, посмотрел на меня и ответил: «Но ведь вы же не уходите, фрау Людмила. Здесь будут жить хорошие люди. Я хочу, чтобы после нас остались лучшие воспоминания». Представляете? Потом пришли солдаты Красной Армии в грязных сапогах и растоптали весь посев морковки. Нет, не весь, кое-что выросло, и морковка оказалась чудесной, просто чудесной. А по телевизору и в кино немцев представляют варварами, дураками и садистами. Это враньё, и больше ничего. Меня это возмущает. Я просто не могу смотреть военных фильмов.

– А я убивал немцев, – задумчиво сказал Орфей Иванович. – У одного были начищенные сапоги, а я взял и убил его.

– За что?! – воскликнула Людмила Дорофеевна, в ужасе закрывая свежее лицо руками.

– За то, что он хотел убить меня. Прострелил мне ногу своим крупнокалиберным, и в мой грязный сапог набежало с литр крови. Едва Богу душу не отдал...

– А за что он хотел убить вас?

– Вы не поверите, Людмила Дорофеевна, но этот фашист положил почти половину нашего батальона. Нельзя было нам атаковать с той гибельной позиции, нельзя. Поляна простреливалась вражеским пулемётом насквозь. Я ведь сказал об этом комбату Леонидову, царство ему небесное.

– А он, что, не послушал вас?

– Приказы на войне не обсуждаются, Людмила Дорофеевна. Они выполняются. Глупые приказы – тем более. Любой ценой. Мои лучшие друзья лежат под Белой Церковью. Я забыл спросить того гада, зачем он убивал наших солдат. Мне было не до того. Я убил его, всадил в него три пули, все, что оставалось в обойме, а потом ещё и штык-нож вонзил, со скрежетом. Наверное, задел за ребра, хотя мне показалось, что у него вместо сердца – камень, и я сталью – по камню. А потом я сел и заплакал. Мне ребят было жалко. Лешку... Матвея... Витька... Потом меня подобрала санитарка, славная девушка. Александра. Через два дня её убили... Её Лешка любил... Я не долечился в госпитале, сбежал на фронт. Мне хотелось убивать этих нелюдей, с камнями вместо сердца, ещё и ещё. У меня была другая война, Людмила Дорофеевна. Там не сажали морковку и не насвистывали арий. Извините.

– Вы меня не обманываете? Вы на самом деле убили человека?

– Не человека, а фашиста.

– Фашисты тоже люди. Они были культурными людьми, они не могли убивать просто так. Должна же быть причина. Почему никто не говорит о причине?

– Они убивали за идею, просто потому, что считали себя сильнее. И умнее. И талантливее. Иконы не трогали, а людей уничтожали. Они считали меня второсортным «материалом». Поэтому я их и ненавижу.

– Ненависть разрушает человека.

– Ненависть к фашистам укрепляет мой дух. А ещё я нена-

вижу фашистов за то, что они заставили меня убивать и ненавидеть. Они и меня сделали немного фашистом...

– Большевики тоже хороши, скажу я вам. Они тоже перекраивали мир «за идею», и для них мой отец тоже был второсортным «материалом». Да и вас они не пожалели...

– Не путайте божий дар с яичницей. Одно дело – убивать из любви к людям, и совсем другое – из любви к себе, из презрения к другим. Большевики были вооружены благими намерениями. Их жестокость – это жестокость романтиков, а жестокость фрицев – это жестокость глупых циников.

– Вот именно – вооружены. Всё воюем и воюем. Не люди, а бойцовская порода какая-то. Вот и вы туда же. Какой вы упрямый и ...принципиальный. А казались таким мягким человеком. Покажите мне рану на ноге.

– Вы думаете, я притворяюсь хромым?

– Не говорите глупостей. Покажите ногу. Да, да, поднимите штанину. Какой ужас!

Глядя на давний шрам, грубо зарубцевавшийся красно-то-сизым зигзагом, напоминавшим зловещий разлёт немецкого Z, легко можно было представить, в какие клочья была разодрана нога молодого тогда ещё человека.

– А за что вам дали орден, вот этот? – она аккуратно приоткрыла пальцем с отполированным ногтем к лакированной эмале ордена Боевого Красного Знамени.

– Именно за то, что я убил фашиста, который не сумел убить меня.

– А этот? – пальчик коснулся застенчиво рдевшего ордена Красной Звезды.

– За то, что спас мирных жителей. Немцев...

Они замолчали. Было слышно, как натруженно тикают настенные часы, уставшие подгонять время, которое пока что оказалось не в силах изменить людей.

– Какую же оперу мы будем ставить в следующий раз? – спросила Людмила Дорофеевна, поймав паузу в осипшем бое домашних курантов.

В музыкальном училище была традиция: силами учащихся и преподавателей раз в сезон ставили новую оперу. Здесь

было много талантливейших сосланных музыкантов, которые щедро делились секретами мастерства с учениками. Муж Людмилы Дорофеевны, органист из Риги, умерший лет пять тому назад, тоже оказался в Ленинабаде не по своей воле. Именно он делал искусные аранжировки для оркестра, дирижировал которым Орфей Иванович. Последние годы дирижёр взял на себя ещё и миссию аранжировщика. Оперные постановки давались всё труднее и труднее: кто-то умирал, кто-то уезжал в Москву и Ленинград.

– Что-нибудь из Вагнера, я думаю. Может быть, «Тристана и Изольду». Немецкая опера гораздо глубже и сильнее итальянской, согласитесь. Даже русская ей уступает.

– Несомненно.

– Конечно, мне трудно тягаться в аранжировке с покойным Янисом Теодоровичем...

– Нет, нет, ваши аранжировки тоже хороши. Они очень колоритны и своеобразны. Сохраняют и передают дух оригинала.

– Вы так считаете?

– Так все считают. Спасибо за цветы.

– Если вы намекаете на то, что пора заканчивать мой затянувшийся визит, то извините, я ещё не всё сказал. А я не всегда бываю так смел, отважен и словоохотлив, как сегодня.

– Так говорите же.

Орфей Иванович шевельнулся на стуле, и медали смущённо издали мелодическое шуршание.

– Я хотел бы иметь честь... – тут Орфей Иванович сухо кашлянул в кулачок. – Видите ли... Эх, была не была: соблаговолите стать моей супругой, Людмила Дорофеевна.

Часы оторопели и, кажется, забыли отсчитать два-три положенных такта. Нависла пауза.

– Разумеется, я буду вашей женой, – сказала Людмила Дорофеевна, мило теребя оборки платья. Как опытный дирижёр, она выжала из паузы максимум, и оркестр, то бишь её голос с трогательно осевшим тембром, вступил в нужном месте, не раньше и не позже. Партитура диалога ожила. Пауза только подчеркнула значимость её грянувших слов. – Для меня это большая честь. По-моему, за это стоит выпить.

Орфей Иванович растерянно посмотрел на пустую бутылку, стоящую на столе, и сделал движение, чтобы встать со стула. Желание Людмилы Дорофеевны для него давно уже было законом.

– Нет, нет, сиди, Орфей Иванович, тебе нельзя, надо беречь ногу. У меня есть «Рижский бальзам». Он крепче водки. Годишься?

Пустая бутылка была убрана со стола (при этом Людмила Дорофеевна ободряющим и плавным движением ладони прикоснулась к свежим тюльпанам, которые, в выправке дворцового караула, вытянули свои пламенеющие бутоны на сочных тугих стеблях), бокалы сменили старинные рюмки из массивного хрусталя.

– Это ещё дореволюционное стекло. Единственное, что осталось от деда, не считая иконы. За что пьём?

– За тебя, моя дорогая.

Медали слабо звякнули, стиснутые внушительной грудью Людмилы Дорофеевны, ордена дозрели до бордового румянца. Орфею Ивановичу был подарен поцелуй, о котором он грезил ещё там, на фронте, – ещё до того, как убил фашиста. И только теперь он обнимал женщину, ради которой, оказывается, воевал: он только сейчас понял это.

В этот момент где-то в городе, затерянном на просторах жестокой Азии, прогремел залп салюта в честь победы над варварами из Европы.

– И за то, что ты остался жив, мой воин, – сказала Людмила Дорофеевна и выпила, опередив капитана и кларнетиста.

Вечерние сумерки быстро поглощали дневной свет.

По высокому небу, обгоняя друг друга, плавно скользили лёгкие облака.

ГАЛИНА БАБАРИКО

Бабарико Галина Сидоровна – поэтесса, прозаик. Член Союза писателей Беларуси. Автор сборников стихов: «Доверие», «Дорога в осень» и «Мотивы Мойства». За заслуги в области образования и воспитания была награждена Почётной грамотой Верховного Совета Республики Беларусь. Лауреат Международного литературного конкурса «Семья – Единство – Отечество» (2014), премии им. Ю. Колесника Брестского облисполкома (2017), Брестского областного конкурса «Духовное величие» (2018). Живёт в деревне Мачул Столинского района Брестской области.

ДУМКИ НА КУРГАНЕ

СІМВАЛ МУЖНАСЦІ

Летнія дні сорак першага года...
 Дваццаць другі дзень... Праклятая дата...
 Сталі Айчыны шчытом назаўсёды
 Першымі тут цытадэлі салдаты.

Рваліся бомбы, снарады і міны,
 Пекла баёў гартавала герояў,
 Брэсцкая крэпасць, дакладней руіны,
 Білася насмерць, не кідала зброю.

Смага – пакутай, смяротныя раны...
 Краліся ночкаю з каскай, біклажкай
 Да Мухаўца, да вадзіцы жаданай...
 Толькі ж застацца ў жывых вельмі цяжка...

Брэсцкая крэпасць, ты сімвалам стала
 Мужнасці, вернасці, славы навекі:
 Тут наступлення фашысцкага джала
 Зведала стойкасць Байца...Чалавека...

Штык-абеліск, узляцеўшы да неба,
 Вечны агонь і некропаля пліты
 Нашым нашчадкам напамняць, што трэба
 Мір берагчы. Гэта сцяг іх, забітых...

ПЕРАМОЖНЫ МАЙ

Дзвятага Мая – галоўная з дат:
 Свой шлях пераможны закончыў Салдат.
 Крывавых дарог, што вялі ад Рэйхстага,
 Вяртанне на захад... Чырвонага сцяга
 Трыумф ганаровы... Апошнія стрэлы...
 Як мірна гучаць салаўіныя трэлі...
 І кідае кветкі Еўропа пад ногі,
 Пялёсткі з садоў засцілаюць дарогі,
 Бялюць бінтамі пялёсткі на сцежках,
 На тварах абветраных ззяюць усмешкі:
 Уволю адведаўшы гора ад страт,
 Варожае логава знішчыў Салдат.
 О, колькі параненых і пахаваных!
 Нарэшце, прыйшоў ён, так доўгачаканы,
 Еўропе прынёс вызваленне, свабоду
 Той велічны май сорак пятага года.
 Жыццё ўратаваў светлы май пераможны,
 Пакінуў свой след у краіне ён кожнай.
 Паклонімся нізка, сябры, ветэранам:
 Фашызм растапталі! Ім наша пашана,
 Найлепшыя словы і кветак букеты
 Салдатам, ад зла ўратаваўшым планету.

ДУМКИ НА КУРГАНЕ СЛАВЫ

Курган насыпаны народам,
Які ў жахлівую вайну
Аддаў за мір, спакой, свабоду
Найбольшую за ўсіх цану.

Мільёны чалавечых жыццяў,
Цана крыві, магіл, крыжоў...
Вось гэты мір (яго вы зберажыце)
Праз пекла ўсё ж да нас прыйшоў.

«Баграціён»... «Кацёл» пад Мінскам,
Дзе рознай нечысці «капут»...
Штыкі чатыры ў абеліска –
Шляхі франтоў сышліся тут.

Франты чатыры, партызаны –
Радзімы верныя сыны.
Пясчынка кожная Кургана
Нясе адбітак той вайны.

Курган, як Перамогу, вецер
І час не разнясуць у пыл.
Мы ўсе – той Перамогі дзеці:
Каб не яна, то хто б з нас жыў?

ПАМЯЦІ ДЗЯЦЕЙ-ВЯЗНЯЎ
АЗАРЫЦКАГА ЛАГЕРА СМЕРЦІ

Ні ежы, ні вады,
І за калючым дротам...
Прыгналі іх сюды,
На мёрзлае балота.

Пад кулямётны брэх
І пад свістанне куляў
Пасцеллю, ежай – снег.
Якія ўжо тут гульні!

Іголачкі сасны
Без смаку, быццам вата...
Надзея грэе сны:
Іх вызваляць ад катаў.

Забойцай ходзіць тыф...
Застыўшая матуля,
Яна дзяцей сваіх
Да сэрца больш не туліць.

Галодных дзесяць дзён
Без хлеба, супу, кашы!
Закончыўся палон:
Прышлі...Нарэшце...Нашы...

Ды «тыфус» немчура
Зрабіла бія-зброяй:
Згарала дзетвара
Не толькі ў стылым доле.

І ў белізне палат
Яны трызнілі «мама»,
І плакаў дзед-салдат,
Капаючы ім ямы.

На неба ад зямлі,
Парваўшы смерці кола,
За рукі іх вялі
Азарычаў анёлы.

9 МАЯ. ПАМЯЦЬ

Смарагдавымі ніткамі мурог
Зямныя раны зацягнуў трывала.
Байцоў забітых з франтавых дарог
Дарма зязюля ля ваколіц звала.

Вайна па Беларусі прапаўзла,
Як быццам крыважэрны цмок-пачвара.
Клубіліся над ёю хмары зла –
Пасеяла крыжы, бяду, пажары.

Без Перамогі той, што ў сорок пятым
Данеслі на штыках да сцен Берліна –
Да логава – савецкія салдаты,
Акупаваны свет, дакладна б, згінуў.

Давайце, людзі, памяць не губляць
І шанаваць герояў слаўнай даты,
Загінуўшых малітвай памінаць
З удзячнасцю ў мая дзень дзявяты.

Не толькі ў асаблівы дзень. Заўжды
Няхай набатам стукае сумленне,
Нам напамін пра грозныя гады,
Калі Еўропу паднялі з каленяў.

Салдат, які цягне вайны цяжар,
Які прайшоў па франтавых дарогах,
Цаной жыцця прынёс народам дар,
Узняўшы сцяг свой – сімвал Перамогі.

Дай, Божа, нам вайны не ведаць жах,
Не адчуваць смяротнага дыхання,
Каб людзі спалі дома па начах,
З усмешкай сустракалі час світаньня.

*Прысвячана маладым,
якія загінулі ў час вайны*

Не збылося? Не збылося! Не збылося...
Гэта трэшчылка лягла між нашых лёсаў.
Дзесьці згублены ў Сусвеце шчасця ключык.
Засталася горыч. Сэрцу так балюча.

Не гулялі мы і ўвесну да світаньня.
Ні спатканняў. Ні каханьня. Ні расстаньня.
Не было вяселля. Не было пярсцёнкаў.
Мы не зваліся з табою мужам, жонкай.

Не сварыліся з табою мы ніколі,
Не сышліся нашы сцежкі ў чыстым полі,
Не збіралі мы рамонкі на букеты,
Варажылі бомбы, кулі ў твая леты.

Разлучыла нас вайна з табою, мілы.
Рассявала не пялёсткі, а магілы.
Не сустрэцца нам ніколі ў гэтым свеце...
Мы – падлеткі, мы – падранкі, гора дзеці.

ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

Рассвет вставал над миром не спеша.
Котёнком рыжим солнышко лениво
Потягивалось. Птичьих переливов
На листьях отзвук росами дрожал.

Несла лишь память о войне былой
Застывшей каплей крови земляника:
В сороковые здесь от боли, крика
Земля взрывалась – шёл смертельный бой.

А солнце проступало сквозь туман,
Алело, растекалось по поляне.
Бинты травы затягивали раны,
Но пар вздымался от воронок-ран.

Война по миру сеяла кресты,
На подлости была неутомима:
Бросала похоронки на любимых
В дома, где ждали, строили мечты.

Ты больше всех измучена, страна,
Расстреляна: снаряды, бомбы, пули...
Наш Минск очищен третьего июля,
На запад хлынула войны волна.

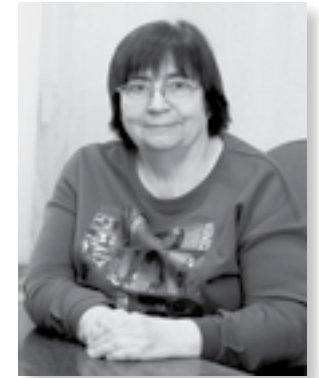
Пусть этот день запомнится в веках
Днём Независимости, Днём Свободы,
Как праздник белорусского народа,
Добытый в изнурительных боях.

Рассвет встаёт над миром не спеша...
Застывшей каплей крови земляника...
На мир с надеждой с неба смотрят лики,
А пристальной – солдатская душа.

ВАЛЕНТИНА БЫСТРИМОВИЧ

Быстримович Валентина Ефимовна – писатель, журналист. Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства. Редактор журнала «Алеся». Автор четырёх книг. Живёт в Минске.

ХЛЕБ С ЧУЖОГО СТОЛА

(Рассказ)

Притаилась наша деревенька среди лесов. Стоит на пригорке, а огороды все на склонах. По меже мы сбегали вниз на ковёр тимopheевки, плескались в канаве с рыбёшками и возвращались домой, счастливые и чумазые. Мы, дети, что такое война, не осознавали: мне было пять, а брату девять. А мама плакала.

В первые дни войны на фронт ушли почти все мужчины из деревни, и мой отец ушёл с братьями Тимохой и Иваном. Провожали их под гармошку, а на околице зарыдали бабы, заголосили. Мама побледнела: «Вернись, Азар!» Отец поднял и поцеловал меня, наклонился и поцеловал Колю: «Помогайте матери. Береги детей, Прасковка». Мужчины ушли строем, а мы стояли и смотрели вслед.

Осиротела деревня без мужиков. Война наступала, сводки с фронта слушали сообща, переживали. Почтальона ждали, как Бога и как приговор. Первые похоронки резанули по сердцу всех.

Немцы пришли в деревню весёлые, похватили кур и ушли. Деревня вдалеке от дорог, мы надеялись, что не заглянут больше, но не обошла война стороной.

С безумными глазами прибежала из соседней деревни тётка Марфа: «Дубинку жгут, людей жгут. Палёным даже здесь пахнет. Уходите в лес! Все, все уходите!» Упредила людей и побежала обратно, её дом в Дубинке был...

Пронеслась злая весть от дома к дому, собирая людей на улице. Страшно. Не хотелось верить, что деревни жгут, людей жгут. Многие подались в лес, а мама заупрямилась: «Не уйду со своего дома!»

Коля в растерянности бегал по дому, уговаривал: «Мама, идёте! Убьют же!» Но мать не двигалась, бессильно опустив руки: «Из своего дома не уйду». Потеряв надежду уговорить, брат схватил буханку хлеба со стола, сунул в торбу и в отчаянии крикнул: «Пошли вы в ж...». Хотя никогда раньше не произносил бранных слов, заплакал и ушёл.

Мы остались вдвоём, мама сидела бледная, мне стало страшно, и я заплакала. Мама подхватила, схватила простыню и выскочила со мной во двор: «Где саночки?» Саночек не было. «Детка, посмотри, что там?» – посадила она меня на лестницу, по которой мы лазили на чердак за сеном. Я поднялась на несколько перекладин и увидела лыжников в белом с автоматами, крикнула: «Идут», интуитивно ощутив страх ягнёнка, который ещё не знает, что такое волк, но, увидев, боится.

Мама посадила меня за плечи и, набросив простынь, побежала к лесу. Конечно, мы вышли поздно. Впереди к лесу бежали люди, набросив простыни. Раздались очереди пулемётов, мама упала и вдавила меня в снег: «Не двигайся». В двух шагах лежал дед Мирон, он приподнял голову, свист пуль и слабый стон.

Мне не терпелось посмотреть, и я приподняла голову. Пули просвистели рядом, мама с силой толкнула в плечи: «Лежи». Те, кто ушёл в лес раньше, прижавшись к стволам деревьев, смотрели, как падали соседи, как загорались избы.

Коля залез на сосну, когда мы упали, закричал: «Маму и Таньку убили!», и зарыдал на весь лес. Его никто не успокаивал, многие плакали. Коля рыдал и кричал: «Мама, мама!» Как будто на его зов из леса появились партизаны: «Ура-а-а!» Они бросились мимо нас к деревне. Они тоже были во всём белом.

Мы подползли к деду Мирону: его серые глаза смотрели в небо, мама закрыла их. Немцы отступили. Благодаря партизанам часть деревни уцелела. Люди шли обратно, а куда было возвращаться нам, чьи дома горели? Оставшиеся дома неместили всех погорельцев.

Женщины миром копали землянки, обкладывали брёвнышками. Люди делились всем: посудой, одеждой, едой. Мама заболела, глаз покраснел и тёк, опухла голова. Сёстры матери и бабушка жили с нами в одной землянке. Притащили откуда-то железную печку, принесли картошки. Мы её резали и жарили прямо на корпусе железной печки.

Тётя Акулина чудом сберегла свою швейную машинку и стала шить бурки из шинелей. Обшивала всю округу, за работу брала – кто что даст, а некоторым, таким, как мы, и даром шила. На заработанные деньги кормила всех нас.

Партизаны в нашей округе не бросили жителей: то кулёк муки принесут, то другой провиант раздобудут: «Корми детей, женщина». Часто доходили слухи, где и когда они на немцев напали, это поддерживало дух сельчан. Если бы не партизаны, не знаю, как бы выжили.

Весна выдалась затяжной и голодной, появились волки. Семенной картофель не трогали: «Помирать собирайся, а жито сей!» Резали картошины и сажали кусочки с глазками. В поле искали прошлогоднюю картошку, из неё пекли блины, когда их ели, песок хрустел на зубах. Пекли хлеб, смешав молотые жёлуди с перемёрзшей картошкой. Хлеб был тяжёлый, как кирпич, и липкий, как клейстер. А когда пошёл клевер, его цветы сушили, мололи и добавляли в хлеб. Невкусный, но я ела: очень хотела есть.

Однажды зашла к крёстной, они жили богаче: её муж не ушёл на фронт. В комнате никого, а на столе – хлеб, белый, пушистый, пахнет так, что защекотало в носу, закружилась голова. Не удержалась, схватила полбуханки и бежать. По дороге съела половину, а половину принесла домой: «Мама, хлеб». «Где взяла?» – испугалась мама. Призналась. Она понесла хлеб к крёстной, таща меня за собой, попросила у неё прощения. Никогда не забуду боль и сострадание в глазах крёстной. Она

заплакала, и мама заплакала, с этого дня крёстная ежедневно приносила нам кусок хлеба.

В лесу нашли подстреленную лошадь, мясо поделили между сельчанами. Пошла лебеда, крапива, мокрица, стали мучиться животами, но вместе с тем это была еда. Коля с ребятами наловчились ловить в канаве рыбёшек, называли их «сикла», жарили на костре. Я ела «сиклу» с удовольствием, а они надоевшей почему-то смеялись.

В войну оголяется душа. Одни делились последним, шли на подвиг, другие – в полицаи и гребли неумно, как на пять жизней. Не буду называть фамилию полицая, чтобы не травмировать его внуков, он был один в деревне.

Голод, холод, тиф. Тётка Акулина, тётка Антонина, бабка Дарья, мама, я и Коля плашмя лежали на полу землянки. Выжили. Потом шутили, что Акулина в бреду мяса просила, а бабка Дарья хотела идти на болото лягушку искать, чтобы её мясо сварить.

После войны тётя Акулина шитьём заработала денег на козочку, а потом ещё на одну. Потом у нас стало четыре козочки. Нам выделили под жильё кузню с чёрными, как уголь, стенами, козы ночевали вместе с нами. Волков много развелось, прямо к домам приходили. Понемногу мужики возвращались.

Не буду описывать, как пришли к нам односельчане, как всей деревней собрали общий стол и отметили возвращение моего отца. Это уже другая история. Скажу только одно: каждый, переживший войну, знает: «Всё переживём: кризис, наводнение, засуху – главное, чтобы войны не было». И он будет прав.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ БЫВАЕТ (Рассказ)

Многие современные женщины словосочетания «женское счастье» не признают. Говорят, есть просто счастье. Рассказывают о карьере, равноправии, самореализации... Но я точно знаю: женское счастье есть.

Бывает счастье рыбака — когда клюёт. Бывает счастье моряка — когда ветер в корму. Бывает счастье альпиниста — когда под ногами покорённая вершина. Счастье бывает разным, и у каждого своё. Победа, удача, выигрыш, открытие — всё это счастье, радость. Но женское счастье по природе своей особое.

Я провела своё детство у дедушки Азара и бабушки Прасковьи в деревне Ямница. Худенькая, с натруженными руками, бабушка оставалась красивой и в возрасте. Не раздумывала она о том, есть ли женское счастье, – а оно у неё прижилось.

Пожились Азар и Прасковья до войны, и дети родились до войны. Азар ушёл воевать, как и все мужчины из деревни. Прасковья осталась с двумя детьми на оккупированной территории. Деревню сожгли немцы, до конца войны жила с детьми в землянке. Голод, холод.

Дошли слухи, что Азар в плену под Слуцком. Зима, лютый холод, ехать более трёхсот километров, в лесах — волки, на дорогах — немцы. Оставила Прасковья детей под присмотром матери и сестёр и поехала с дедом Митрофаном в далёкий Слуцк на телеге. Ей мать золотую копейку дала, с царских времён припрятанную, свой перстенёк в платочек завязала. Родня собрала в дорогу хлеба, сала и яиц — последнее отдавали.

Говорили, что немцы за золото и продукты выпускали пленных, если жёны за ними приезжали. Дорога шла через лес. Завьюжено, снежно, волки то справа, то слева воют. Потом на протяжении пяти километров с чисто немецкой точностью — виселицы через каждые сто метров. На груди повешенных доски с надписью: «Я партизан».

Лошадь шарахалась и стригла ушами то ли от волков, то ли от покойников, то ли от всей этой жути. В деревнях оставались на ночлег. Люди пускали. Общее горе всех сделало ближе. Доехали.

Сердце разрывалось, когда глядела Прасковья на худых, измождённых, голодных солдат за колючей проволокой. «Забери меня, женщина, — просили некоторые. — Я всё умею делать». Но она искала своего: «Ищу Азара. Не слышали?» — спрашива-

ла. Нашлись, кто знал. Сказали, что Азар бежал, вроде, убит.

Не нашла мужа, но что убит — не поверила. Выкупили одного солдата и вывезли, спрятав в сене на дне телеги. Всея деревней выходили, ушёл в партизаны. Ничего о нём больше не слышали. Весть по селу разнеслась: «Азара убили». Не плакала Прасковья, говорила: «Жив Азар, сердцем чую». И родне запретила говорить, что погиб. Детям сказала: «Отец придёт». Удивлялись односельчане: как каменная — ни слезинки.

А Азар несколько раз бежал из плена. Его ловили, собаками травили, били, но выжил. После войны в лагерь под Челябинском сослали, как «бывшего в плену». Пять лет отработал, и только оттуда смог сообщить, что жив.

Десять лет прошло. Уходил на войну — дочке Танюшке было пять, а вернулся — почти шестнадцать. Она не узнала отца, когда тот во двор вошёл, позвала мать: «Мама, какой-то дядька!» Поняла, кто, когда мать заголосила и бросилась мужчине на грудь. И сама подбежала и обняла.

Когда вернулся Азар, построили дом, из временки выбрали и зажили, как все. Я никогда не слышала, чтобы они спорили или повышали голос. В их взглядах всегда были тепло и любовь. Подарком судьбы было для Прасковьи возвращение Азара. Всегда об этом помнила.

Трудились много. Работа, как и день, начиналась с рассветом и прекращалась с закатом. Но как они ценили то время, которое им осталось! Много одиноких женщин было после войны. А Азар — мужик видный. Женщины с него глаз не сводили, сами проявляли инициативу, но не прельщался Азар, отшучивался или говорил, что для него лучше Прасковки никого нет. А Прасковья не злилась на женщин — война ведь мужчин забрала — и верила Азару.

По вечерам, когда корова была подоена, куры и свиньи накормлены, подстилка скоту подброшена, приходили к ним в дом соседки, одинокие женщины. Приходили скоротать вечер. Азар сидел у стола, женщины на лавке у стены, а я сидела на печке. Приходили как бы по делу, спросить: «Где будут наделы отавы давать? Не пора ли косить начинать? Где трава лучше?»

Прасковья приглашала пройти в хату, и люди проходили, сидели на лавку и начинали степенный разговор о погоде, косье, молотье.

Прасковья светилась лучами женского счастья. Она топталась у печки, готовила на завтра корм скоту, но вместе с тем шутила, смеялась, и для каждого у неё находились добрые слова и утешение. Каждый вечер в доме собиралось человек семь или восемь. Заходили на огонёк.

Только спустя время я поняла, что люди приходили погреться в лучах хотя бы и чужого, но счастья. С тех пор, как вернулся Азар, поселилось оно в доме. Оно не было громким, броским и ярким. Было тихим, ясным и лучистым, было в глазах Прасковьи, в голосе, в дыхании. Заполняло углы, пронизывало пространство и впитывалось в стены. И люди не хотели уходить из хаты Прасковьи и Азара.

И мне было хорошо сидеть на печке, слушать их и на всех смотреть. В последующей своей жизни я никогда не видела таких счастливых людей. В тяжелом труде, в болезни и в горе они были поддержкой друг другу. Лучистое оно, счастье женское. Его нельзя спрятать — оно светится. Всю жизнь я мечтала о таком счастье. Кто-то, наверное, с сарказмом скажет — войны не хватило.

СТАНИСЛАВ ВОЛОДЬКО

Володько Станіслав Віктаровіч – паэт-песеннік, дзетскі пісатэль. Член Саюза пісатэлей Беларусі, Русскай пісатэльской арганізацыі Латвіі і Асацыяцыі дзетскіх пісатэлей Латвіі. Аўтар кніг стыхаў «У вачах Айчыны», «Памяці гаючая трава», «На гэтай зямлі», «Ад вытоку да вусця», «Обращение к сердцу», «Под небом Родины», ряда кніжэч стыхаў, сказоў і расказаў для дзетей. Награджэн медалёю Францыска Скоріны, нагруднымі знакамі «За вклад у развіццё культуры Беларусі» і «За большы вклад у літэратуру», медалёю Максіма Богдановіча і памятнай медалёю «К 100-летію со дня рождэння М. А. Шолохова». С 1985 года жывёт у Латвіі, у Даугавпілсе.

МНОГАЕ БАЧЫЦЦА Ё ВЕЧНЫМ АГНІ...

ЛЯ ВЕЧНАГА АГНЮ

1

Б'ецца, як сэрца, трапеча агонь.
 Вецер цалуе, хвалюе яго.
 Гэты вятрыска – дыханне палёў,
 Што далятае з далёкіх гадоў.
 Многае бачыцца ў Вечным агні.
 Праведны гнеў і ласкавасць у ім.
 Быццам Купальскае вогнішча ён –
 Мы ачышчаемся гэтым агнём...

Нас азарае высокі агонь,
 Нас бласлаўляе свяшчэнны агонь.
 Як абярэг ад ліхога ўсяго,
 Мы панясём з сабой водбліск яго.

2

Ля Вечнага агню
 Мы ўсе тут як радня,
 Сярод сяброў сваіх
 Зноў памінаем іх,
 Што з бітвы не прыйшлі –
 У зямельку паляглі.
 І вось на белы свет
 Цвятком агню ўзышлі.

З БЛАКАДНІКАМІ ЛЕНІНГРАДА

З блакаднікамі Ленінграда
 Зноў Дзень прарыву адзначаю:
 Не знаўшы дзён галодных, рад я
 Пірог, пячэнне есці з чаем.

І гэтым чаем праганю я
 Камяк пякучы, даўкі ў горле,
 Калі з іх вуснаў словы чую
 Аб страшным голадзе, аб горы.

Заглядваю цішком у вочы:
 Ім столькі ўбачыць давялося
 Смярцей, калі бялелі ночы,
 І, як ваўчыца, выла восень.

Прышлося зведаць мне калісьці
 Блакаду кругавой парукі.

Ды ў параўнанні з іх – здаліся
Нязначнымі мае ўсе мукі.

Хай не чарсцвеюць нашы сэрцы
І ў свята мірнае, і ў будзень,
І, як блакадны хлеб, мізэрным
Паёк духоўны наш не будзе!..

ПАЛЯВАЯ ПОШТА

*Всё что было не со мной, помню.
Р. Раждзественскі*

Ізноў мне памяць з той пары далёкай
Прыслала ліст па пошце палявой.
І паштальёнам так было нялёгка
Дарогамі вайны крыж несці свой.

Пад грукат кананады й пуляў свісты
У сцюжу й спёку крочылі яны.
Як провад тэлефонны, сувязісты
Цягнулі сэрцаў палкі пазыўны.

І самі паштальёны так чакалі
Ад родных запаветнага пісьма.
Лісты разнёсшы, з горыччу ўздыхалі,
Што з дому доўга вестачкі няма...

І кожны з іх, вядомы – невядомы,
У нашу Перамогу лепту ўнёс.
І помнік паштальёну франтавому,
Адзін на свеце, у Расіі, ёсць.¹

Там вецер-паштальён яго вітае
З нядаўняй даўніны, крыху сівой,
А журавы ў нябёсах пралятаюць
Трохкутнікамі пошты палявой...

¹ У Варонежы каля галоўпаштамта.

ПЯХОТА

На ўскрайку Еўропы
І ў цэнтры Еўропы
Іваны, Пракопы
Капалі акопы.

Падчас на Каляды,
Парой на Купалле
Пад неба паглядам
Акопы капалі.

Знаходзіў, бывала,
Капаючы, хтосьці
Мінулай навалы
Салдацкія косці.

І гнулася зноў жа
Дадолю пытанне:
Акоп гэты, можа,
Магілай мне стане?

Лячыліся жартам
Ад скрухі, знямогі:
– А раптам ёсць скарб тут
У фонд Перамогі!

– Капайма, пяхота, –
Акопіны будуць!
Яшчэ каля хаты
Капаць будзем бульбу!..

... У цэнтры Еўропы,
На ўскрайку Еўропы
Капалі акопы
Вайны далакопы!

НЯМА БЕЗЫМЕННЫХ ГЕРОЯЎ¹

Няма безыменных герояў,
Якія ў баях паляглі.
Яны і пад мірнай зарою
Запляміць імя не маглі.

І неслі імя сваё годна,
Сумленна жылі кожны дзень,
Выносілі стойка нягоды,
Адпрэчвалі слабасць і лень...

Вайна ўжо за дальняй гарою,
А ўспомніцца – жаль апячэ:
Няма безыменных герояў,
Ды шмат невядомых яшчэ.

Шчыруйма, як сонца, нястомна,
Каб таяў няведання снег,
Пакуль толькі Богу вядомы
Імёны іх светлыя ўсе.

¹ Выказванне Юліуса Фучыка.

ЛЮДМИЛА ВОРОБЬЁВА

Воробьёва Людмила Анатольевна – литературный критик. Член Союза писателей Беларуси. Автор книг «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018), «Миг надежды, чуда, вдохновенья...» (2022). Лауреат ряда международных литературных премий: «Серебряное перо Руси» (2020), им. Н. Гоголя «Триумф» (2019), им. М. Булгакова (2020), им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017, 2021), всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова (2021), им. Г. Бёлля за большой вклад в литературу и коммуникации (Германия, 2020), премии мира в литературе (Германия – Россия, 2021). Награждена медалью им. М. Богдановича (2022), им. А. Чехова «За заслуги в изучении и популяризации чеховского наследия» (2020), медалью им. поэта и воина И.Н. Григорьева, Золотым Дипломом международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2023), Золотым Дипломом за литературные достижения (GRAND 2021, Германия), лауреат сайта «Российский писатель» в номинации за лучшую литературно-критическую статью и книгу (2019, 2020, 2022), литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега» (2019, 2020, 2022), «Молодая гвардия» (2022). Живёт в Минске.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ВОЙНЫ И МИРА

(О поэме Валентины Дробышевской
«Не знать бы войны»)

*Чужая деревня, знакомый до боли старик...
Ночной разговор за «духмяным рамонкавым» чаем.
– Усё будзе добра, бо з неба глядзіць маладзік!
Заснуть не могу, хоть согрела уютная хата...
Рассказ старика пробудил в моём сердце вину:
Он не был отважным героем, он не был солдатом,
А просто, борясь и взрослея, прошёл всю войну...*

Валентина Дробышевская. Не знать бы войны

Та далёкая война 41-го осталась в прошлом, но закончится ли когда-нибудь она в человеческой памяти? Сегодня мы вновь находимся на перекрестье веков, накануне скорбной и светлой даты – 80-летия освобождения Беларуси от фашистско-немецкой оккупации. Поэтому так важно в жизни и в литературе философско-углубленное осмысление феномена войны, которое представляет в своём произведении писатель, переводчик и публицист Валентина Станиславовна Дробышевская. Как выживал народ, как побеждал дух в тех невероятно жутких условиях? Надо признать, эта тема нынче не очень популярная, противоречивая и сложная.

Что примечательно: личная драма главного героя – Андрея Петровича – в поэме «Не знать бы войны» приобретает всеобщие черты военной эпохи. История одинокого человека, рассказанная им случайной гостье, которую он спасает из снежного заноса и автомобильного плена, поражает трагическим колоритом авторского изображения. Поэтесса показывает героическое в истории сквозь призму собственного переживания. И память, связанная с Великой Отечественной войной, жива у нашего народа генетически. Мы слышим тихий ночной голос старика, и в главе «Боль» явственно встаёт его неизбывная беда, тогда ещё горького семилетнего ребёнка:

Отец воевал, а потом... похоронку прислали...
И маму, и брата с сестрой он весной потерял
Тогда, в сорок третьем. В селе партизан укрывали ...
Нагрязнули немцы, пока он гнилушки копал.
И шесть пареньков, боль и память сожжённой деревни,
Ушли на болото (враги сторонились болот).
Среди камышей в шалаше, выживая, выросли,
Питаясь дарами, что людям природа даёт.

Сиротское детство, безжалостно украденное войной, погружает нас в тоскливую, мрачную многомерность образов. Но существенно понимание Божьего замысла о человеке милосердном:

Брели по болоту войной измождённые дети,
Мечтая о маминой тёплой домашней еде,
Их горькие слёзы заглатывал шквалистый ветер,
Их боль расплывалась кругами по чёрной воде...
.....
Стояли. Багульник опутал уставшие ноги.
Боялись ступить, да и некуда было идти.
Молчали. В безмерном отчаяньи вспомнив о Боге,
Просили, чтоб дал им хотя бы чуть-чуть подрасти...

Во всём ощущается нравственное усилие и нравственное измерение памяти – сакраментальная сопричастность происходящему – на наших глазах гибнут несчастные дети. Тонкая кромка между жизнью и смертью, насквозь пронзающая нестерпимой жалостью. Так рождается трагический сюжет на пересечении эпох, на разломе былого и настоящего. Беларусь – земля преимущественно деревенская: лес да поле, равнина да болото. Белорусский пейзаж Валентины Дробышевской – печальная акварель, полная тревожной задумчивости. Отчётливые мазки и серо-чёрные краски. Особое душевное зрение автора и жгучая боль за искалеченные судьбы ни в чём не повинных детей. Скорбная память, чувство вины не дают покоя и

возвращают в те поистине ужасные времена, когда томитель-но-тяжёлые моменты пути никак не кончаются и усугубленная смертность войны неотвратимо даёт о себе знать:

«Брела под охраной пехотная детская рота, / Их старый цыган-командир уводил на восток... // Последние силы теряла особая рота, / Невинная рота войной обречённых детей... // В то страшное утро ушли в небеса девятнадцать... / Их лес отпел, но не знали о том соловьи... / А четверо раненых, маленьких, словно скитальцы, / По пыльной дороге усталые жизни несли...»

Не случайно вспоминаются слова белорусского писателя Виктора Козько, чьё детство пришлось на годы военного лихолетья и послевоенной разрухи, однажды сказавшего, что правда о той жестокой войне на самом деле «гораздо глубже и страшнее...». Она уже навсегда вошла в генную память народа: детские дома, сироты войны – это был, по мысли прозаика, «сиротский путь», или «дорога через минное поле». Такие образные и характерные цитаты стали символами тех горестных и беспощадных лет. Пронзительно-щемяще в главе «Сжатое сердце» скажет и Валентина Дробышевская: «Победу сиротки встречали уже в детском доме...» И ей как женщине-матери, чутко угадавшей детское сердце, духовные страдания детской души, стоит отдать должное. Ведь война и оккупация создают чувство незащищенности, глубоко запрятанного хронического страха.

Кроме того, никто не отменял и проблему совести – одну из самых больных, не вызывающих сегодня в обществе ни отклика, ни интереса. Однако автор, с жертвенной исповедальностью продолжая свою военную историю, не боится осмысливать тёмные, трагические стороны народного бытия. Извечный Знак Беды, что подобен врагу, неотступно преследует наших обездоленных странников:

Дошли до деревни и в первую дверь постучали.
Открыла старушка. – Ах, Божачка! Зося, хутчэй! –
Всю ночь под лучиной две матери мира спасали
Родных, горемычных, обглоданных болью детей.

Но у добра и зла всегда есть имена. Через эти образы добра и зла, правды и беспардонной лжи особенно убийственно проявляется неминуемая подлость предательства. «Цыган укрываешь? / Ты хочешь, чтоб немцы и эту деревню сожгли?», – внезапно появившийся сосед Юзеф не пожалел маленьких сирот, истомившихся по домашнему теплу, каких милосердно приютила и обогрела милая и ласковая Зося.

Забрав все продукты и даже последнюю свечку,
На время покинула подлость рыдающий дом.
Ушли из семейного вечера бедные дети
В осеннее утро. И снова ... в лесу вчетвером.

.....

...Прошло две недели. Детишек нашли партизаны.
– Не трогайте, дяденьки, здесь хорошо мы живём.
– Не бойтесь! – мужчины горячие слёзы глотали.
– Одержим победу – у каждого будет свой дом.

История живёт в нас. В каждом нашем шаге. И никому не прощает предательства. Чаяния о человеке совестливом, милосердном, человеке, ищущем справедливости обретают в поэме Валентины Дробышевской новое мощное дыхание. «Чуть-чуть повзрослев», остро нуждаясь в материнской любви, главный герой Андрей отправляется на поиски тёти Зоси и бабы Мани, а узнав об их гибели, испытывает сильное потрясение, немое отчаяние, совершенно нечеловеческий гнев...

Махнула платком постаревшая серая хата.
По пыльной дороге нёс сжатое сердце Андрей.
За всех неотважных героев, за всех несолдатов
Прощенья просил на могилах своих матерей.

Странен и величественен был его сочувствие-монолог: «Потом на кургане невинно сожжённой деревни / Стонал, и хрипело: «Будь проклята ведьма-война!» / Без сил под засохшей берёзой упал на колени / И всех деревенских, погибших шептал имена». Невыносимая тяжесть слов и некая гнетущая

тяжесть обезумевшего мира неподъёмным камнем ложится на наши души и сердца. Мучительно больно. Далёкая правда становится самой материей жизни. Да, очень высокую цену мы заплатили. Война не просто разрушает и творит хаос, но прежде всего она калечит человеческие души. Дело в том, что представители поколения «детей войны» запомнили её иначе, чем их непосредственные предшественники. Вполне оправданно, трагический аспект в воспоминаниях героя поэмы преобладает над героическим.

Прошло тридцать лет. Жил Петрович в полесской деревне.

В колхозе толковым, рукастым прослыл печником.
Среди семи сотен домов молодой Доброельни
Особенным был его жёлтый, со ставнями, дом.
Бурлила весёлая жизнь в белорусской глубинке.
– Как в городе нынче у нас! В клуб пошли танцевать! –
Девчата Петровича звали. Своей половинки
Не встретил Андрей: он боялся опять потерять...

Война всё отняла, на десятилетия убила в нём радость восприятия мира. Свободно и просто Андрей Петрович вступал в общение лишь с землёй, камнем, деревом, железом. Здесь деревенский житель, видимо, чувствовал себя увереннее, нежели с людьми, с которыми, как бы душевно не готовился, внутренне не собирался, ему было трудно открыть собственное сердце, чтобы довериться кому-то раз и навсегда. Непомерная цена победы. «Живёт человек, только вот изменить он не в силах / Хотя бы отрывок в написанной Богом судьбе», – звучит мудрый голос автора. Разве это не та же астафьевская правда войны, когда в сердце страх любви, когда в нём больше боли, чем желания простого человеческого счастья. Сами собой возникают внезапные психологические параллели: любимое детище Виктора Астафьева – рассказ «Пастух и пастушка» по сей день остаётся загадкой, как для критиков, так и для читателей. Его необычное жанровое определение связано с тем, что автор хотел показать одновременно возвышенную сентиментальность пасторали и суровый, приземлённый быт войны. Писатель хотел сказать,

что истинная любовь возможна даже на войне, но в такой обстановке влюблённым не удаётся обрести счастье. Вот она, суровая и неприятная правда войны, которая до сих пор ещё во многом не раскрыта. Стремится преодолеть пространственные измерения времени в своём обжигающем болью поэтическом произведении и Валентина Дробышевская, пытается найти, связать эту невидимую, когда-то утерянную в прошлом, такую хрупкую ниточку любви с днём настоящим. Кажется, ей это удаётся.

Пожалуй, пришло время, именно сейчас обозначить и проблему исторической ответственности человека. В Беларуси тема войны – тема общенационального звучания. И автор поэмы «Не знать бы войны» смогла отдельную, частную историю сделать общечеловеческой – достоянием памяти. Смогла передать преданность традиции В. Быкова, А. Адамовича, И. Мележа, Я. Брыля, И. Навуменко, И. Шамякина, А. Кулешова, М. Танка, П. Панченко... Им всем как представителям славянской литературы присуще понимание трагической природы войны. Недаром в главе «Цивилизация» героиня В. Дробышевской спасает старика, видимо, настал и её черёд ответить добром на добро. Значит, ничего в жизни случайного не бывает...

Звоню. – Заплачу сколько надо! Пожалуйста, милый!

– Ды што там... Приеду на трактары. –

Только быстрее! –

Вернулись к Андрею Петровичу прежние силы
Стараньями добрых, надёжных районных врачей.

.....

А Вы – молодец! Приезжаете к дедушке часто?

– Теперь буду чаще. А может, к себе заберу.

– Таким, горемычным, побольше б любви и участия...

Он к Вам не поедет. Не бросит деревню свою.

Существует нечто большее, выходящее за рамки наших привычных понятий о мире, природе и человеке. Вещи ментальные, необъяснимые и гораздо значительные. Цивилизация, для которой характерна не только жажда мести, воздаяния, побе-

ды, но и светлой печали, тоски по Богу, неизбывной любви, сердечной муки, надежды и веры... Автор спешит выговориться до остатка, что подтверждает искомая актуальность стиха-эпилога, в котором таинственно соединились и заклинание и сама молитва, спешит прокричать на весь белый свет: «Только не знать бы ... войны». В патриотической тональности названия поэмы заключена весомая истина. Если «история» сослагательного наклонения не знает, то она не знает слишком многого, не знает чего-то существенного. Ибо подлинное художество есть безусловное правдивое и мудрое условие сослагательного наклонения мысли через образы. Поэзии такая мощь подвластна.

Поэтическое слово Валентины Дробышевской способно обнажить боль и скорбь, холод и отчаяние, бездну и свет души... Хочется думать, что будущее всегда есть! Пускай у человечества будет будущее!

ВАЛЕНТИНА ДРОБЫШЕВСКАЯ

Дробышевская Валентина Станиславовна – поэт, прозаик, детский писатель, литературный редактор, переводчик, сценарист, педагог, филолог.

Член Союза писателей Беларуси. Автор трёх поэтических сборников и четырёх книг для детей, соавтор двух книг прозы. Творчество нашло отражение в периодической печати и альманаха Беларуси, России, Канады, Сербии, Чехии. Победитель многочисленных международных литературных конкурсов. Победитель конкурса профессионального мастерства «Столичный учитель – столичному образованию» (2020). Лауреат Международной Пушкинской премии (2017), премии Мингорисполкома (2020). Награждена медалью Максима Богдановича (2022), медалью поэта и воина Игоря Григорьева (2023). Живёт в Минске.

НАВЕЧНА

*Майму дзядулю Пракопчыку Пятру Антонавічу
і ўсім загінулым беларускім салдатам
у гады Вялікай Айчыннай вайны прысвячаецца...*

Ты на моры застаўся навечна,
Хоць ніколі не быў пры жыцці...
Паглынула чужая далеча
Сны і мары дадому дайсці.
Прытуліць сваю мілую Маню
І любімых сыноў шасцярых...
Той апошняй смяртэльнаю ранню
Ты ў атаку рвануўся за іх.

За жыццё, за святло, за надзею!
 Выбух. Ты над зямлёй узляцеў...
 Горыч. Боль. У грудзях халадзее:
 Не паспеў. Не паспеў. Не-пас-пеў...

Цэлы свет ратаваў, каб навала,
 Зграя жорсткіх фашысцкіх ваўкоў,
 Не стаптала і не разарвала
 Лёс дзяцей, лёс бацькоў, лёс вякоў.

...Ты дадому з вайны не вярнуўся...
 І да смерці чакалі сыны
 Там, дзе звіў гаспадарлівы бусел
 Радавое гняздо для сям'і,

Там, адкуль пазіраюць валошкі
 І над Юхнаўкай шэпча рагоз,
 Там, дзе ранкам смакуюць бярозкі
 Чысціню дьяментавых рос...

Там чакалі, чакалі... Чакалі!
 Тут ты ціхенька спіш вечным сном.
 Чайкі з мора цябе адпявалі,
 І чужым ахінулі крыжом.

...Калабжэцкія стогнуць бярозы,
 Хоць усіх і не ведаюць слоў,
 П'юць мае беларускія слёзы
 За загінулых нашых дзядоў.

НЕ ЗНАТЬ БЫ ВОЙНЫ

(Поэма)

*Памяти моего отца Прокопчика
 Станислава Петровича и всем детям вой-
 ны посвящается...*

ЗАНЕСЛО

«Rammstein» и кусочек надломленного поднебесья.
 Дрожит от снежинок и слёз лобовое стекло...
 Мы больше не вместе, не вместе, не вместе, не вместе...
 Удар. Темнота. В голове: занесло, за-нес-ло...

Сигнал. Выползаю. – Не думай сустрэць тут дзяўчыну! –
 Вдыхаю: – Спасибо! – Смеётся спаситель: – Як ёсць.
 Нялёгка ўжо мне выграбаць з-пад сумёту машыну.
 Ідзі, вунь, у хату, гарэзлівая маладосць.

Смешные поленья (не боги горшки обжигают),
 Чужая деревня, знакомый до боли старик...
 Ночной разговор за «духмяным рамонкавым» чаем.
 – Усё будзе добра, бо з неба глядзіць маладзік!

Заснуть не могу, хоть согрела уютная хата...
 Рассказ старика пробудил в моём сердце вину:
 Он не был отважным героем, он не был солдатом,
 А просто, борясь и взрослея, прошёл всю войну.

БОЛЬ

Отец воевал, а потом... похоронку прислали...
 И маму, и брата с сестрой он весной потерял
 Тогда, в сорок третьем. В селе партизан укрывали ...
 Нагрянули немцы, пока он гнилушки копал.

И шесть пареньков, боль и память сожжённой деревни,
Ушли на болото (враги сторонились болот).
Среди камышей в шалаше, выживая, выросли,
Питаясь дарами, что людям природа даёт.

Потом заболел самый младший, Акименко Ваня,
Наелся чего-то: грибов ядовитых иль мха...
И ... помер. Проплакав всю ночь, утром рано
Ушли ребяташки, рогозом прикрыв паренька.

Брели по болоту войной измождённые дети,
Мечтая о маминой тёплой домашней еде,
Их горькие слёзы заглатывал шквалистый ветер,
Их боль расплывалась кругами по чёрной воде...

Егор, самый старший из них, провалился в болото.
Тонул на глазах, а они... не сумели спасти.
Стонали мальчишки, зажав необъятное что-то
Не в детской, а в старческой, болью пронзённой груди.

Стояли. Багульник опутал уставшие ноги.
Боялись ступить, да и некуда было идти.
Молчали. В безмерном отчаянье вспомнив о Боге,
Просили, чтоб дал им хотя бы чуть-чуть подрости...

Пошли на берёзку, страшась в каждом шаге могилы.
Почуяли дым и увидели табор цыган.
Их встретили ласково, тёплой едой накормили,
Помазали чем-то от гнойных нарывов и ран.

Цыган было много: два старца, пять женщин и дети.
Двенадцать детей! Самой маленькой девочке – год!
– Все ваши? – спросили ребята. Им старец ответил:
– Все наши, и все перед Богом – единый народ!

– А мы? – Тоже наши. Детей не своих не бывает.
Ложитесь, чявате, мы завтра отправимся в путь!
– А дети фашистов? – Их судьбы Всевышний решает,
А нам перед дальней дорогой пора отдохнуть.

Прижавшись друг к другу, под тихую песню цыганки
Они засыпали, но вдруг – страшный гром и раскат!
За Замковым лесом стреляли немецкие танки,
А значит, поблизости был партизанский отряд.

– Уходим немедля, сейчас! – И опять по болоту,
Оставив во тьме одинокий сухой островок,
Брела под охраной пехотная детская рота,
Их старый цыган-командир уводил на восток.

До леса дошли и упали без сил. Снились мамы,
Их тёплые руки и трепетно-ласковый взгляд.
– Вставайте, чявате! – в испуге цыганка кричала.
– Вставайте! Поблизости где-то взорвался снаряд!

Им было уже всё равно – хоть под ствол пулемёта.
Хотелось покоя и ... к мамам своим поскорей!
Последние силы теряла особая рота,
Невинная рота войной обречённых детей.

... От адского гула качались-стонали деревья!
Кричали оглохшие дети! Земля ходуном!
– ЛОЖИТЕСЬ! – но все убежали от страшного зверя,
Ревущего в небе, от взрывов грохочущих бомб.

И всё. Темнота. Глухо, словно лежишь в подземелье.
– Андрэйка, сынок, вось сунічак¹ табе поўны збан²! –
Очнулся мальчишка. В глаза ему странно глядели
Глаза: спас собой его старый цыган.

¹ Суніцы (бел.) – земляника

² Збан (бел.) – кувшин

Болело всё тело, но выбраться силы хватило.
 – Кто жив, отзовитесь! – в надежде парнишка шептал.
 – Андрей, помоги! Видишь, Митю ольхой придавило! –
 Кричал цыганёнок. – Скорее! Он вроде дышал!

Усердно пытались ольху приподнять – не сумели.
 Тогда стали землю руками и палками рыть.
 Встречали, от ужаса оцепеневшие ели,
 Из месива смерти восставшую детскую жизнь.

В плетёной корзине нашли годовалую Аню.
 Застыла. А в крохотной ручке дрожал абразок¹.
 Война нанесла ей безмолвия жгучую рану:
 Кровавые ленты окрасили светлый платок.

В то страшное утро ушли в небеса девятнадцать...
 Их лес отпевал, но не знали о том соловьи...
 А четверо раненых, маленьких, словно скитальцы,
 По пыльной дороге усталые жизни несли...

ОБОГРЕЛИ

Дошли до деревни и в первую дверь постучали.
 Открыла старушка. – Ах, Божачка! Зося, хутчэй! –
 Всю ночь под лучиной две матери мира спасали
 Родных, горемычных, обглоданных болью детей.

У Зоси жилось хорошо: всей душой обогрела,
 Но как-то на ужин нежданно явился сосед.
 – Пируешь? Делись. Без меня ничего б не имела.
 – Які ж гэта пір? Малако, пару бульбін і хлеб.

Красивая милая Зося с подачи соседа,
 Который фашистам прислуживал с первого дня,

¹ Абразок (бел.) – иконка

Кормила по пятницам немцев горячим обедом,
 А с немцами вместе кормилась соседа семья.

Прекрасною Зося в округе слыла гаспадыняй.
 «Sehr lecker» казалось отравой из уст палачей,
 Но помнила Зося о маме, о дочке, о сыне
 И помнила: кормит других деревенских детей.

Теперь ещё четверо... Прячутся тихо за печкой.
 Заплакала Аня. – Что это? – Не выдай, Юзеф! –
 Мелькнули глаза с очумевшею злостью за свечкой.
 – Не выдай, малю! Не бяры на сябе гэты грэх!

– Святою себя возомнила? О рае мечтаешь?
 Чтоб завтра же выродки эти отсюда ушли!
 – То ж нашы залескія дзеці! – Цыган укрываешь?
 Ты хочешь, чтоб немцы и эту деревню сожгли?

Забрав все продукты и даже последнюю свечку,
 На время покинула подлость рыдающий дом.
 Ушли из семейного вечера бедные дети
 В осеннее утро. И снова ... в лесу вчетвером.

Еду через день тётя Зося всегда приносила.
 И Анечка тихо спала у неё на руках.
 – Частуйцеся, дзеткі мае, незвычайная сіла
 Даецца маленькім ад цёпленькага малака.

...Прошло две недели. Детишек нашли партизаны.
 – Не трогайте, дяденьки, здесь хорошо мы живём.
 – Не бойтесь! – Мужчины горячие слёзы глотали.
 – Одержим победу – у каждого будет свой дом.

Спокойно ребятам жилось в партизанском отряде:
 Кто видел в них боль, вспоминая о детях своих,
 А кто по-отцовски их лысые головы гладил...
 Настали морозы – и в тыл малышню увезли.

СЖАТОЕ СЕРДЦЕ

Победу сиротки встречали уже в детском доме.
Чуть-чуть повзрослев, к тётке Зосе поехал Андрей.
Он помнил тепло материнское, многое помнил...
Но встретил мужик незнакомый его у дверей.

– А где тётя Зося? – Убили ещё в сорок третьем...
– Проклятые немцы! – Её... по ошибке... свои...
– За что? За бесценное, щедрое, доброе сердце?
– Кормила фашистов. Соседи тогда донесли.

– Юзеф! Я убью его, этого фрица и гада!
– Юзеф – председатель колхоза. В почёте теперь.
Остынь, паренёк! Выступать бесполезно... Не надо...
– Отмыться сумел-таки прихвостень, выродок, зверь!

– А где же могила? – За речкой её схоронили.
– А где баба Маня? – Она рядом с дочкой лежит.
– За что же старушку... За что же старушку убили?
– Она умерла, когда внуков в детдом увезли.

Махнула платком постаревшая серая хата.
По пыльной дороге нёс сжатое сердце Андрей.
За всех неотважных героев, за всех несолдатов
Прощенья просил на могилах своих матерей.

Потом на кургане невинно сожжённой деревни
Стонал, и хрипело: «Будь проклята ведьма-война!»
Без сил под засохшей берёзой упал на колени
И всех деревенских, погибших шептал имена.

Прошло тридцать лет.
Жил Петрович в полесской деревне.
В колхозе толковым, рукастым прослыл печником.
Среди семи сотен домов молодой Доброельни
Особенным был его жёлтый, со ставнями, дом.

Бурлила весёлая жизнь в белорусской глубинке.
– Как в городе нынче у нас!

В клуб пошли танцевать! –
Девчата Петровича звали. Своей половинки
Не встретил Андрей: он боялся опять потерять...

9 Мая всегда проводил на могилах,
Солёную боль отдавая горячей земле:
«Живёт человек, только вот изменить он не в силах
Хотя бы отрывок в написанной Богом судьбе.

Закон справедливости нужные точки расставил:
Предатель Юзеф наказание всё же понёс». ...Над грустным погостом свободные
крылья расправил
Задумчивый аист под шёпот-молитву берёз.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Проснулась. Светло! Телефон! Как?! Зарядку забыла...
Прислушалась: тихо. – Петрович! – Ни слова в ответ.
Оделась, умылась, резную кровать застелила.
Кукушка кукует на ходиках... Скоро обед!

О Господи! Бледный Петрович лежал на диване.
К нему! Дед дышал, только что-то хрипело внутри.
Наверное, воспоминания жгучие раны...
– Я скоро! Пожалуйста, родненький, ты потерпи!

На улице – снег. Вся деревня засыпана снегом.
К машине – сугроб. Ни дороги, ни следа кругом.
Где взять телефон? Сиротливо согнулись под небом
Забитые хаты. Ползу, пробиваюсь! Окно!

Раз не заколочено – значит, живут в этом доме!
Стучу. Из-за шторы старушка с испугом глядит.
Я с болью кричу ей о бабушке, о телефоне!
Она мне кивает и машет: «Давай, заходи!»

Я вызвала скорую. – Толькі не змогуць даехаць
Да нашага краю з раёну твае дактары.
Так сёлета мы і жывём, дзякуй Богу, пад снегам...
Ты лепш трактарысту самуйлаўскаму набяры!

Звоню. – Заплачу сколько надо! Пожалуйста, милый!
– Ды што там... Приеду на тракторы. – Только быстрее! –
Вернулись к Андрею Петровичу прежние силы
Стараньями добрых, надёжных районных врачей.

Теперь я узнала: он родом из тридцать шестого.
Но как-то не вяжется страшный военный сюжет.
В рассказах Петровича видела парня другого,
А было ему в сорок третьем всего лишь семь лет!

– Вы кто ему? – Внучка. – Герой у Вас бабушка! – Знаю.
Спасибо Вам, доктор! – Дрожащую руку тяну.
– В деревни далёкие мы не всегда успеваем
К таким старикам, что в глуши одиноко живут.

А Вы – молодец! Приезжаете к бабушке часто?
– Теперь буду чаще. А может, к себе заберу.
– Да... Им, горемычным, побольше б любви и участия...
Он к Вам не поедет. Не бросит деревню свою.

ЭПИЛОГ

... Я дома. Скорее – под душ! Телефон – на зарядку:
Пятьсот сообщений-упрёков от бывшей любви.
Звонок. – Что с тобой? –
 Всё в порядке. Теперь всё в порядке!
– Я знал: эгоистка ты! – Только не знать бы ... войны.

ЛЮДМИЛА ВОРОНОВА

Воронова Людмила Викторовна (Людмила Воронова-Супрун) – поэт, прозаик, переводчик, автор-исполнитель. Член Союза писателей Беларуси, Российского Союза писателей. Автор трёх сборников поэзии, нескольких десятков песен и многочисленных публикаций в различных коллективных отечественных и международных сборниках и альманахах. Лауреат международных литературных конкурсов, в том числе дважды лауреат премии министра обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства (2019, 2023), «Славянский калейдоскоп» (2023), «Поэт года-2014» в номинации «Выбор издательства», дипломант интернет-марафона «Георгиевская лента 2015» и др. Награждена медалями «Святая Русь», «Просветители Кирилл и Мефодий», «Максим Богданович», «Георгиевская лента», «Александр Пушкин». Живёт в Минске.

стра обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства (2019, 2023), «Славянский калейдоскоп» (2023), «Поэт года-2014» в номинации «Выбор издательства», дипломант интернет-марафона «Георгиевская лента 2015» и др. Награждена медалями «Святая Русь», «Просветители Кирилл и Мефодий», «Максим Богданович», «Георгиевская лента», «Александр Пушкин». Живёт в Минске.

ДАВНО БЫЛА ВОЙНА...

НЕЗАБУДКА

*А сколько их было, таких Незабудок,
Отважных и смелых девчат?..
из песни Л. Вороновой*

Ты помнишь меня, Незабудка?
Ведь это же твой позывной?
Давай помолчим хоть минутку,
Сольёмся в одно с тишиной.

Тебе под гранитною глыбой
Пришлось, дорогая, лежать,
А мы ведь с тобою могли бы
При встрече друг друга обнять.

Но, знать, не судьба. Разделила
Нас временем жутким война.
Ты так незабудки любила!
Стоишь пред глазами – стройна...

Пилотка к лицу, гимнастёрка...
Не женский – военный наряд.
А помнишь подругу Настёнку?
Не пуля настигла, снаряд.

...Как много б хотелось поведать,
Тебя, Незабудка, вернуть,
Спасибо сказать за Победу...
Осталось одно – помянуть...

ПОКЛОН

Горит огонь так трепетно и мило,
Блестит глазами павших за победу,
Как солнца луч, над воинской могилой,
С частичкой моего родного деда.

Поклон тебе, озёрская¹ земляца,
За память! И за то, что приютила
Погибших за тебя, чтоб возродиться
Смогла ты и цвести, вобрав их силу.

Как мало им от нас, погибшим, надо,
Чтоб помнили, бесценный мир храня,

¹ г. Озёрск Калининградской обл., где в братской могиле на площади Победы захоронен Четверт Василий Филиппович вместе с 1700 бойцами, погибшими в боях за Калининград.

Да тишь гранита, а не канонада
Над пламенем горящего огня.

Невидимая нить, что вне снаряда,
Связала нас, мой предок, в узелок...
О, как же много от тебя мне надо!
Чтоб, как и ты, сын Родину сберёг.

Как давно была война, а болит...
Забывать о ней нам память не велит.
Там на горке шёл когда-то смертный бой,
А теперь растут берёзоньки стеной.

Ах, берёзки, как солдаты, вы в строю!
Сколько воинов погибло в том бою!
Помнит подвиг их земля у маяка¹,
Приютившая бойцов того полка.

На земле лежит раскопанный снаряд.
Может он запомнил лица тех ребят?
Может он, молчащий, ржавый и глухой,
Нам расскажет, как вели последний бой.

Но молчит снаряд, а в рощу много лет
К маяку приносит бабушка букет
И рассказывает внукам в сотый раз
О погибших...Тех, кто их деревню спас.

Посреди деревни памятник стоит –
Молодой солдат, закованный в гранит.
В плащпалатке, сжали руки автомат.
А за ним – глаза таких, как он, солдат.

На бетонном на панно – мгновеньем – бой...
И могилы, где лежат в земле сырой
Те бойцы, что бой вели у маяка,
Жизнь отдавшего за нас с тобой полка.

Каждый год приходят люди по весне
Вспомнить всех солдат, погибших на войне,
Поклониться и цветы им возложить
С благодарностью за то, что могут жить.

ХАТЫНЬ

Здесь перемешан скорбью воздух,
И от золы – горчей полынь,
Бьёт колокольным эхом отзвук,
Стучит, как пульс: «Хатынь! Хатынь!»

Кричит предвестник смерти ворон.
И под гранитной крышей – стынь,
Здесь каждый столб от горя чёрен
И двадцать шесть звонов... Хатынь.

И... «Человек непокорённый»
С ребёнком! Высшей из святынь!
Безмерным горем не склонённый,
И сердце в нём стучит – Хатынь!..

Тут нет сегодня, нет и завтра.
Глухой, гортанный звук пустынь,
В огне багряного заката
Наказ живым несёт Хатынь.

Читайте вслух, читайте громко!
Да так, чтоб, в памяти храня,
Передавалась боль потомкам
При виде Вечного огня!

¹ Маяк находится на горе, на окраине лесного массива Крыницы, между деревнями Золотеево и Деречин (Республика Беларусь). В войну там шёл сильный бой.

АНДРЕЙ ГЕРАЩЕНКО

Герашенко Андрей Евгеньевич – прозаик, публицист, детский писатель, драматург, поэт. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства. Председатель Координационного совета российских соотечественников при Посольстве России в Республике Беларусь, председатель Витебского общественного объединения «Русский дом», генеральный директор ООО «Авангард». Автор около сорока книг. Произведения переведены на де-

сять языков мира. Победитель международных, белорусских и российских литературных конкурсов, в том числе VI Всероссийского конкурса «Твои, Россия, сыновья» (2015), «Русь: 1000 лет после Владимира Святого в судьбах России, Украины и Беларуси», «Деяния Петра Великого в судьбах народов Евразии», «Великая Русская революция в судьбах российских соотечественников». Указом Президента России В. В. Путина награждён медалью Пушкина (2016), почётным знаком соотечественника (решение Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, 2021), медалью «Памяти героев» (приказ министра обороны России С. К. Шойгу, 2022). Живёт и работает в г. Витебске.

МАМКА, Я – ЖИВОЙ!

(Рассказ)

Солнце стояло в самом зените и нестерпимо пекло голову – Антон обронил кепку, когда его почти у самого моста удари-

ли прикладом в спину. Подросток провёл ладонью по коротко стриженной голове, чтобы хоть немного ослабить жар, и посмотрел на мост – немцы устанавливали там пулемёт.

– Расстреливать будут. Ей Богу – расстреливать! – обречённо пробормотала немолодая женщина и перекрестилась.

Остальные согнанные к мосту люди хранили молчание. Кто-то разглядывал мост с пулемётами, другие хмуро – траву и реку. На фашистов старались не смотреть и не встречаться с ними взглядами.

День у Антона не заладился почти сразу же с самого утра: толком не проснувшись, он полез за кружкой, чтобы выпить воды и неожиданно опрокинул двухлитровый бидон с молоком, стоявший на столе. Молоко было для младших, и мать с трудом достала его накануне. В бидоне оставалось ещё немного молока, но это было почти ничего. Мать вначале с досады несколько раз стегнула Антона наотмашь тряпкой, которой начала было вытирать стол, а затем просто села и разрыдалась. Антон стоял рядом и не знал, что сказать.

– Ну, чего смотришь волком?! – наконец, спросила мать, перестав плакать.

– Ничего я не смотрю – думаю, – пожал плечами Антон.

– Кате ведь молоко надо, маленькая она... Да и Миша...

– Знаю я, – перебил Антон.

– Знаешь?! Так чего же ты... – мать не договорила и вновь замахнулась тряпкой.

Антон машинально закрыл лицо руками и отшатнулся.

– Дать бы тебе! Вот отец бы всыпал, если бы был сейчас тут!

– Да не нарочно я – не заметил. Поставила так, – проворчал Антон, но тут же виновато добавил: – Чего делать-то теперь?

– Иди к тётке – у неё молоко должно быть. Попроси. Или... – мать на мгновение задумалась, а затем махнула рукой. – Или, постой – я сама лучше.

– Взрослым ещё хуже ходить – дядька Иван вчера пропал. Говорят, его немцы забрали, – возразил Антон, – взрослых чаще задерживают.

– Как же, взрослых чаще. А с Колькой что случилось, помнишь?

– Помню, – хмуро кивнул Антон. – Только это по глупости – и его, и немецкой...

– Много ты знаешь!

Кольку Сыча убили две недели назад, когда в Витебск вошли немцы. Всё это произошло прямо на глазах у Антона. Какое-то немецкое подразделение расположилось в здании уцелевшей после боёв школы. Немцы приволокли полевую кухню, разложили возле неё крупу и какие-то консервные банки. Оставив повара орудовать у кухни, немцы принялись ломать в соседнем дворе остатки деревянного забора на дрова. Повара кто-то позвал, и кухня осталась без присмотра. Колька Сыч был отчаянным парнем, из тех, кто не прочь прибрать к рукам то, что плохо лежит, и ещё до войны попил немало крови местному участковому. Вот и на этот раз он не утерпел и то ли не смог удержаться от искушения попробовать немецкую тушёнку, то ли просто из дури и озорства решил показать дворовым мальчишкам своё превосходство – теперь этого уже никто не узнает, рванул к кухне и схватил две консервные банки. Но на его беду появился повар, который что-то тут же злобно начал кричать. Колька выронил одну банку из рук, а вторую быстро сунул за пазуху и побежал в сторону проходной, надеясь, что путь ещё свободен. Но ему не повезло: из проходной показались два немца, которые несли разобранный на дрова штакетник. Увидев бегущего Сыча, немцы бросили штакетник на землю и достали из-за спин автоматы. Колька в отчаянии остановился, выхватил из-за пазухи консервную банку, хотел бросить её в сторону бегущего к нему повара, но в этот момент его прошила автоматная очередь. Сыч, как подкошенный, упал лицом вниз, банка выпала из его руки и откатилась в сторону, а по спине расплылись три кровавых пятна, быстро слившиеся в одно сплошное. Оба солдата и повар подбежали к Кольке одновременно. Повар пнул ногой откатившуюся банку и начал что-то зло выговаривать стрелявшему солдату. Второй солдат тоже был недоволен своим спутником. Но стрелявший лишь пожал плечами и что-то стал горячо объяснять. На выстрелы

собрались остальные немцы, а из школы вышел офицер.

Антон и остальные мальчишки наблюдали за всем этим с безопасного расстояния. Понемногу стали собираться люди.

Кончилось всё тем, что нашли какого-то переводчика в пыльном серо-зелёном костюме, который пояснил, что немцы не хотели убивать Сыча, но решили, что он хочет швырнуть в повара гранату.

– Но всё равно он вор. Любой человек, покушающийся на имущество немецкой армии, будет наказан. Если бы он не воровал продукты, не случилось бы этого досадного недоразумения, – переводчик говорил громко и чётко, но всё время не поднимал глаза, разглядывая землю.

– Ничего себе «недоразумение»! Убили ведь парня – ни за что почти. Он, может, есть хотел, – возмутилась одна из женщин.

Загудели и остальные.

Переводчик что-то сказал немецкому офицеру, и тот, раздражённо выхватив пистолет, несколько раз выстрелил в землю прямо перед ногами собравшихся жителей и громко заорал по-немецки, трясая ещё дымящимся стволом. Люди тут же замолчали и испуганно прижались к стене дома.

– Разговор окончен. Господин Шильке сказал, что самолично пристрелит любого, кто попытается что-нибудь украсть или будет выражать недовольство. Немецкий порядок – это не большевистские привычки, и теперь придётся жить по-новому, – пояснил переводчик, всё так же разглядывая землю.

Людей разогнали, а окровавленное тело Кольки Сыча просто отволокли за угол и там бросили, ничем не прикрыв. Немного подумав, повар зашвырнул туда же и злосчастную банку тушёнки. Потом она пропала: кто-то польстился, скорее всего, из своих – немцы бы побрезговали, хотя наверняка никто этого не знал. Окровавленное тело Кольки лежало возле стены, и над ним роились мухи. Антона едва не стошнило, когда он всё это увидел.

Позже появилась мать Кольки. Её душераздирающие крики слышны были, наверное, во всём Витебске.

– Коленька, сыночек! – причитала Сычиха, обхватив го-

лову руками, – Что же ты наделал-то? Зачем тебе та тушёнка была?! Сволочи, ребёнка из-за банки убили, чтоб вы передохли все!

На крики явился немецкий офицер с пистолетом в руке. Переводчика не было, но жильцы и так догадались, что, если Сычиха не замолчит, он пристрелит и её.

Бабы едва увели убитую горем женщину со двора.

Потом на подводе приехали какие-то дальние родственники Сычей, забрали тело Кольки и его причитающую мать. Больше она в дом не вернулась – по слухам, осталась у родственников.

Тётка жила на другой стороне Западной Двины, и идти к ней нужно было через мост. На мосту дежурили немецкие автоматчики, но к тётке Антон прошёл без всяких проблем. Выслушав племянника, тётка немного поворчала – у неё и у самой был трёхгодовалый карапуз, но всё же налила литр молока.

Подходя на обратном пути к мосту, Антон заметил, что на другой стороне реки прямо на траве немецкие солдаты собрали несколько десятков человек, которых со всех сторон окружили автоматчики. Какие-то люди в окружении немцев были и на мосту. Подросток решил переждать, и повернул назад, но его уже заметил высокий, здоровенный немец, который неожиданно вышел из-за кустов, росших вдоль берега. Фашист что-то крикнул по-немецки и поманил Антона рукой. «Рвануть назад и вдоль Двины по кустам?!» – нерешительно подумал Антон и посмотрел назад. Но немец разгадал его намерения и, сняв автомат с плеча, демонстративно направил его на подростка. «Сейчас застрелит, как Кольку Сыча», – у Антона всё похолодело внутри, и он несмело подошёл к немцу.

Немец сразу же потянулся к бидону и, открыв крышку, заглянул внутрь.

– Млеко? – спросил фашист и, сняв крышку, повернул бидон горлышком к солнцу, чтобы лучше разглядеть содержимое.

Удовлетворённо хмыкнув, он оставил бидон себе, а Антона направил прямо к мосту. Антон понуро побрёл к уже поджидавшим его там двум немецким солдатам.

Проходя мимо немцев, Антон получил от одного из них

увесистый пинок. С головы мальчишки на асфальт слетела парусиновая кепка. Антон хотел её поднять, но тут же получил между лопаток ощутимый тычок прикладом карабина. Его присоединили к группе жителей, собранных на мосту, которых под конвоем повели на другой берег.

На той стороне немцы тоже не теряли времени зря, и с разных сторон сгоняли на берег около моста людей.

Когда Антон оказался на берегу, там было уже сотни полторы народа. В основном это были женщины и мальчишки – и мужчин, и девочек было гораздо меньше. Попадались и знакомые – понуро сидела учительница биологии из соседней школы. Она жила неподалёку.

– Расстреливать будут! – вновь запаниковала женщина.

– Да тихо ты, тьфу ты! – рассерженно сплюнул на траву старик и затравленно взглянул на обступивших их автоматчиков.

«Сейчас уже полдень, наверное, мать заждалась. Вернусь ли вообще домой?!» – Антон вспомнил Кольку Сыча, и у него заныло под ложечкой от какого-то нехорошего предчувствия.

Прямо под ногами сновали в траве многочисленные муравьи и прочие букашки, живущие в одном только им ведомом мире и не обращающие никакого внимания ни на согнанных людей, ни на окруживших их фашистов.

Антон вспомнил, как несколько лет назад они с друзьями на берегу Двины нашли муравейник с чёрными муравьями и, наловив рыжих, бросали тех в чужое гнездо и с интересом наблюдали за муравьиными драками. Казалось, это было совсем давно, в какой-то другой жизни.

По обе стороны реки немцы деловито измеряли какое-то расстояние и размечали его небольшими красными флажками. Согнанные возле моста жители с тревогой и подозрением наблюдали за всей этой вознёй, но пока ничего не могли понять. Если их собрались расстреливать, то для чего эти флажки по обоим берегам Двины?

Когда в Витебск пришли немцы, Антон больше всего удивился тому, что у них красные флаги – издали, особенно если не был виден белый круг с чёрной свастикой, они были точь-в-точь, как и советские. Отличие было заметно лишь при ве-

тре, когда флаги развевались. Антону же до этого казалось, что флаги у фашистов должны быть непременно чёрного или ещё какого-нибудь мрачного цвета, вроде мышьиной, серой немецкой формы...

На мосту немцы старательно установили пулемёт.

Появился переводчик – тот самый, которого Антон видел во дворе своего дома в тот день, когда убили Сыча.

Немецкий офицер в сопровождении переводчика подошёл к согнанным людям и что-то резко сказал по-немецки.

– Встать! – так же резко, но уже по-русски сказал переводчик.

По своему обыкновению он смотрел под ноги, не поднимая глаз.

Люди один за другим встали и вопросительно повернулись в сторону подошедшего офицера. Тот начал говорить в полной тишине. Переводчик тут же переводил:

– Сегодня ночью были убиты два немецких солдата. Их убили бандиты, которые скрываются от немецких властей. Вы должны сообщить имена таких бандитов и то, где они прячутся. Все они будут уничтожены, как и весь большевистский строй – немецкая армия скоро будет в Москве и Ленинграде. Остатки Красной армии бегут и не могут оказать достойного сопротивления. Всё уже предрешено. Но два немецких солдата погибли. Мы не утверждаем, что именно среди вас находятся те два бандита. Но любое убийство немецких солдат будет жестоко караться. Вы все должны будете переплыть реку. По вам, пока вы будете плыть, будет открыт огонь. Те, кто доплывёт, будут отпущены. Те, кто откажется плыть – будут расстреляны на месте!

Не веря своим ушам, поражённые люди растерянно смотрели то на переводчика и офицера, то на установленный на мосту пулемёт, то на безмятежно и спокойно сверкающую на солнце Западную Двину.

– На обоих берегах установлены флажки, – продолжал пояснять переводчик. – Между ними пятьдесят метров. Если кто-то заплывёт за линию флажков в любую из сторон или его снесёт течением, он будет расстрелян.

– Что же вы делаете?! – неожиданно первой нарушила молчание учительница биологии. – Хоть детей отпустите – они ни при чём!

Зашумели и остальные.

Немецкий офицер достал пистолет и выстрелил учительнице прямо в лоб. Она упала в траву. Люди с криками отпрянули назад. Один из автоматчиков дал поверх голов небольшую очередь.

– По сигналу, выстрелу из пистолета, вы должны будете бежать к воде, – пояснял переводчик, словно ничего не случилось. – Ровно через минуту по вам будет открыт огонь.

Антон вертел головой по сторонам, но быстро понял, что убежать не получится – их охраняло слишком плотное кольцо автоматчиков.

На лицах у немецких солдат сияло предвкушение особенного развлечения. В собственных глазах они были почти богами, которым предстояло решать, жить или умереть этим перепуганным людям, сгрудившимся возле моста.

Немецкий офицер, не обращая внимания на причитания и плач женщин, поднял вверх правую руку с пистолетом и, что-то громко крикнув, выстрелил вверх. Антон рванул вперёд и бросился к реке. Рядом с ним побежали другие люди. Некоторые остались стоять на месте. Они были то ли парализованы страхом, то ли не умели плавать и обречённо ожидали своей участи.

Холодная вода сразу же обожгла тело, но Антон, не обращая ни на что внимания, побежал по мелководью вперёд. Он не слишком верил в то, что немцы отпустят переплывших реку, но выбора всё равно не было – главным было не получить пулю сейчас. Пробежав по воде несколько метров, Антон сообразил, что самым первым быть тоже не слишком хорошо, и поубавил шаг, инстинктивно стараясь держаться в центре людского потока.

Немцы начали стрелять ровно через минуту после сигнала. Заработали автоматы. Чуть позже к ним присоединился и пулемёт, установленный на мосту. Волна огня в первую очередь накрыла людей на берегу. Офицер тоже не упустил такую

возможность и лично расстреливал из пистолета метавшихся по траве женщин. Оставшиеся в живых с криками ужаса побежали к воде вслед за теми, кто уже плыл по реке.

Антон плыл почти в самой середине людского потока. Вокруг был настоящий ад. Казалось, вода кипит от пронзающих её очередей и судорожных взмахов рук и ног плывущих. Постепенно крови в реке становилось всё больше, и Антон уже ощущал на губах её горьковато-солёный привкус. Совсем рядом просвистела очередная автоматная очередь, и мальчишка тут же почувствовал, как кто-то железной хваткой сжал его ногу. Обернувшись, он увидел позади себя окровавленного старика. Антон рванул ногу прочь и старик, судорожно пытаясь схватить его вновь, ушёл под воду, словно хотел нырнуть и настичь беглеца. Подросток закричал от страха и рванул вперёд. То тут, то там под воду с криками отчаяния уходили люди. Сквозь эти жуткие звуки, сливающиеся в одну невыразимую боль, едва доносился хохот стреляющих палачей. Вода стала совсем красной, и в ней от людской крови уже нельзя было ничего различить. «Надо нырять – так немцы меня не увидят, а если и попадут – то случайно», – решил Антон и, набрав воздуха в лёгкие, нырнул вглубь. Под водой плыть было неудобно, и кто-то несколько раз больно ударил его по телу то ли руками, то ли ногами. Выставив на мгновение голову, чтобы набрать воздуха, Антон вновь нырнул и поплыл к совсем уже близкому берегу.

До берега оставалось совсем немного. Невысокий плотный мужчина, Антон и молодая женщина уже не плыли, а бежали по мелководу. Щёлкающие вокруг пули поднимали целые фонтаны брызг. Женщину убили почти сразу, а мужчину – у самой кромки воды. Он с выпученными глазами упал прямо на Антона, придавив его своим телом. Антон рухнул вслед за ним и замер: «Пусть думают, что и в меня попали – сейчас вытащу ногу и рвану вперёд».

Огонь автоматчиков переместился ближе к середине Двины, где плыла основная масса обречённых на смерть. Воспользовавшись этим, подросток осторожно вытаскивал из-под живота убитого мужчины придавленную ногу, бросился к траве, споткнулся о какую-то корягу, упал навзничь и зажмурил от страха

глаза – ему казалось, что тело вот-вот разорвут безжалостные автоматные пули.

В него не стреляли. Осторожно повернув голову, Антон осмотрелся. На берегу, тяжело отдуваясь, сидел пожилой мужчина и смотрел на реку. Чуть дальше, причитая, по траве ползала женщина с безумными глазами и густыми, мокрыми, растрёпанными волосами. В реке в живых осталось совсем немного и у них уже не было почти никаких шансов – немцы сосредоточили весь огонь на уцелевших. Однако всё же одна молодая девушка доплыла, но тут же обернулась и, заметив, что в Двине остался кто-то из её родных, с жутким криком бросилась назад, подняв тучу брызг. Её голова скрылась в воде и больше не появилась на поверхности.

Через несколько минут всё было кончено – в воде никого не было видно, а огромное кровавое пятно медленно сносило вниз по течению. Антон посмотрел на своё тело и увидел, что всё оно покрыто кровью. Чуть позже до него дошло, что это чужая кровь.

Появился тот самый здоровенный немец, который задержал Антона перед мостом. Все трое уцелевших со страхом ожидали своей участи. Немец что-то крикнул и жестом показал, что они могут идти. Мужчина тут же поднялся и пошёл в сторону. Женщина продолжала причитать и в страхе закрылась от немца руками. По всему было видно, что она не в себе. Антон поднялся на ноги и пошёл за мужчиной, но его тут же окликнул немец. Обернувшись, подросток понял, что тот жестами подзывает его к себе. «Убить хочет, что ли?» – испугался Антон и нерешительно пошёл к здоровяку – бежать прочь уже просто не было сил.

Немец показал Антону на росший неподалёку куст. Возле куста валялся пустой бидон, в котором Антон нёс от тётки молоко. Взяв бидон, подросток подхватил лежащую здесь же крышку и вопросительно посмотрел на немца. Тот указал автоматом в сторону моста.

Антон теперь ненавидел этот мост и боялся идти, но делать было нечего, и он понуро пошёл вперёд. Встречные немцы хлопали его по плечам и что-то довольно восклицали,

радостно показывая вздёрнутые вверх большие пальцы. У самого моста Антон увидел свою парусиновую кепку и, подобрав её с земли, нахлобучил на голову.

Больше его никто не трогал. Высохшая на солнце чужая кровь стягивала кожу, но возвращаться к реке, чтобы умыться, Антону не хотелось. Окружающие со страхом смотрели на окровавленного подростка – стрельба была слышна по всему городу, а людская молва быстро разнесла весть о страшном испытании, поэтому все прекрасно понимали, откуда он идёт и что с ним произошло.

– Антоша, сынок! – громко закричала неизвестно откуда появившаяся мать.

– Тут я, мамка! Тут. Живой я, не раненый даже. Не раненый! – прошептал Антон и разрыдался в её объятиях...

СЛАВОМИР ДАРГЕЛЬ

Даргель Славомир Григорьевич – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей Беларуси. Автор двадцати трёх книг поэзии и прозы. Лауреат Международного литературного конкурса «Семья-Единение-Отечество», в 2015 году – победитель литературного конкурса Союза писателей Беларуси, посвящённого 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 70-летию Великой Победы (за документальную прозу о войне). Награждён медалью Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу». К 100-летию Белорусской милиции объявлена благодарность МВД за участие в конкурсе на лучшее произведение, посвящённое органам внутренних дел. В 2023 году стал победителем конкурса посвящённого 105-летию пограничной службы Республики Беларусь, в номинации «Лучшее прозаическое произведение о пограничной службе».

ПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЁННО

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В городах и районах
Встал на вахту народ.
В миллионных колоннах
Под оркестр и знамёна
Полк Бессмертный идёт.
Павших Вас – миллионы.

Помним всех поимённо,
 Помним павших бойцов
 И, склонивши знамёна,
 Вспоминаем отцов,
 Наших прадедов, дедов,
 Одержавших Победу.
 Вечно будете в ратном строю,
 Невзирая на годы, столетия.
 Вы не пали в смертельном бою –
 Вы шагнули в бессмертие.

ВETERAN

Отгремели бои в сорок пятом.
 Пал тобой покорённый Рейхстаг.
 Был тогда молодым ты солдатом,
 И вся грудь у тебя в орденах.

Ты не кланялся вражеской пуле –
 До Победы хотелось дожить.
 Годы жизни тебя не согнули –
 Много в жизни пришлось совершить.

Ты окончил войну, и, увольте,
 Надо быстро вернуться домой,
 Но ты вновь оказался на фронте,
 Только фронт был уже трудовой.

Пусть давно голова серебрится –
 Ты совсем стал седой, ветеран.
 Павших братьев знакомые лица
 Часто сняты тебе по ночам...

И, как прежде, в строю все солдаты,
 Пьёте вновь фронтовые сто грамм...

Лишь далёкого грома раскаты
 Пробуждают тебя по утрам.

Только память друзей возвращает,
 Ведь она не подвластна годам.
 А салют на Девятое Мая
 В честь тебя, наш седой ветеран!

МЫ С ДЕРЕВНЕЙ СОЖЖЕНЫ

Нас закрыли в сарае –
 И никак не спастись,
 Жжёт огонь и пылает!
 Очень хочется жить!

Полыхает деревня,
 В небо тянется дым,
 Нет в огне нам спасенья,
 Мы, живые, горим.

Чёрный дым над деревней
 Устремляется ввысь.
 С треском рушатся стены.
 Обрывается жизнь...

Все с деревней сожжённой
 Поднялись к небесам,
 Наши муки и стоны
 Не простятся врагам.

Мы, с деревни сожжённой,
 Молим мир сохранить!
 Слышьте нас, миллионы,
 Чтобы жить! Чтобы жить!

ОБЕЛИСКИ

На могилах солдат обелиски
Охраняют погибших покой.
До Победы был путь их неблизкий,
И не все возвратились домой.

Под землёй почивают солдаты,
А вокруг расцветает весна.
Не вернулись тогда, в сорок пятом,
И за мир заплатили сполна.

Долг отдали свой Родине с честью
И, поднявшись в священном бою,
Обелисками в бронзе воскреснув,
Вы навечно в солдатском строю.

ВСТРЕЧА

Здравствуй. Вот мы и встретились снова.
А в ответ – тишина, тишина...
Мы не виделись с сорок второго...
Нас навек разлучила война.

Ожидала тебя эти годы,
В одиночку растила детей.
Были радости, были невзгоды...
Только не было с фронта вестей...

Слышишь ты соловьиные трели.
Над просторами в бронзе встаёшь.
Наши дети давно поседели,
А внучок на тебя так похож.

Только здесь суждено повстречаться,
Но тебя мне никак не обнять.
Тебе вечно останется двадцать.
Мне исполнилось – семьдесят пять.

ЗИНАИДА ДУДЮК

Дудюк Зинаида Иосифовна – прозаик, поэт, драматург, детский писатель, журналист. Член Союза писателей Беларуси. Автор восьми сборников стихов, более двух десятков книг документальной и художественной прозы, а также сборников драматических произведений и книг сказок для детей. Лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь, победитель ряда литературных конкурсов.

КАБ БОЛЕЙ НА СВЕЦЕ ВАЙНЫ НЕ БЫЛО

У ПАМЯЦЬ ПРА ДРАМЛЁВА

Вёска Драмлёва спіць пад вялікім курганам,
Душы вяскоўцаў з дымам сышлі ў нябыт.
Смерць прылятае сюды самотным груганам,
Дрэвы схіляюць галовы ад смутку й жальбы.

Вецер тутэйшы хаўтурна галосіць начамі.
Засціцца хмарамі зорак нязгасных святло.
Душы загінулых з неба глядзяць за намі,
Моляць, каб болей на свеце вайны не было.

Ледзьве трывае зямля ўжо са зброяю сховы,
І праклінае зацята так званы прагрэс,
Дзе абясценена мудрае слова,
Дзе ўладарыць хлусня з агрэсіўнасцю спрэс.

Вёска Драмлёва спіць пад вялікім курганам,
Лісце апошняе шчодро кладзецца на дол.
Лес апусцела здалёку стаўся дазвання,
Ды жыццедайна рунь зелянее вакол.

БАЛАДА ПРА СУВЯЗІСТА

Бег салдат з запасною катушкай:
Зноў на лініі недзе разрыў.
Прыпадаў параненай птушкай
Да разбітай счужэлай зямлі.
Як у сэрцы пасля гэта змесціць,
Як душою адыдзе пасля?
Сувязісту адведзена месца –
Поле бітвы на ўвесь прасцяг...

... Сувязіста знайшлі пасля бою.
У скрываўленых чорных руках
Ён трымаў разарваны провад –
І праз рукі сувязь цякла!
І дасюль і прывідна, і лёгка
Ён ляціць над прасторай зямлі.
Нібы ветразь, яго гімнасцёрка
Надзімаецца ветрам тугім.
І самотна яму і тужліва...
Праз бясконцыя дні і гады
Ён шукае, шукае разрывы
І злучае для нас правяды.

ВЯРТАННЕ З ВАЙНЫ

Ён сорак год ішоў з былой вайны,
Бяспаметны, знядолены вайною.
Не мог заснуць да рання ў цішыні,
Пытаўся ў сноў і явы: «Скуль я? Хто я?»

Ён на людзей з надзеяю глядзеў:
Мо нехта з іх пазнае ў ім салдата?
Ці даваенны ўспомніць нейкі дзень,
Або прызнае сына ў ім ці брата?

Ён сорак год не пакідаў шпіталь.
Чужыя людзі дарагімі сталі,
І сорак год цяпло іх, дабрата
Яго з нябыту да жыцця вярталі.

Нібы дзіця, узіраўся ў даўніну,
Калі здалёку прывідна і шчасна
Матуля прыгадалася яму,
І родны дом, і дзень маленства ясны.

Успомніў потым некага з сяброў,
Пачаў шукаць радню на Беларусі,
Як памяць шуганула ў ім кастром...
Праз сорак год салдат з вайны вярнуўся!

ВИКТОР ЕРМОЛОВИЧ

Ермолович Виктор Иванович – писатель, член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства, кандидат исторических наук, доцент. Автор 23 книг. Лауреат премии Министерства обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства (2019 г.), лауреат литературной премии имени Ивана Новикова (2020 г.). Живёт в Минске.

БЕЛАРУСЬ: ЭПИЗОДЫ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ (1941-1942 гг.) (Статья)

Партизанская война с врагом – это способ защиты своего Отечества, которым успешно пользовались с древних времён многие народы мира для борьбы против чужеземных захватчиков. Известно, что уже в V в. до н.э. причерноморские скифы успешно вели партизанскую войну против многократно превосходящей их армии персидского царя Дария I. В результате захватнический поход персов в северное причерноморье окончился полным провалом.

Слово «партизан» произошло от французского *partisan* – воин-доброволец, который нередко принимал участие в борьбе против чужеземного врага на захваченной им территории и был вооружён партизаной – копьем с длинным широким наконечником. Этот вид оружия получил широкое распространение в странах Европы с XV века. Современную трактовку это слово обрело в XIX в. во время освободительной борьбы итальянского народа за свободу и объединение страны (ита-

льянск. – *partigiano*), где «партизан» означало «доброволец», участник вооружённой борьбы против иностранных захватчиков во вражеском тылу.

В годы Второй мировой войны на территории многих оккупированных германскими войсками стран Европы действовали силы сопротивления. Их основу составляли партизанские отряды. Особенно активно они действовали на захваченной врагом территории СССР, Югославии, Греции, Бельгии, Польши, Франции и Италии. Следовательно, партизанская война – это явление не только белорусское, а интернациональное, однако в годы Великой Отечественной войны оно обрело на территории Беларуси и западных областей России невиданные ранее в истории масштабы. Против немецко-фашистских оккупантов и их пособников сражались не отдельные отряды добровольцев, а поднялся почти весь народ Беларуси. В антифашистском движении на территории республики с оружием в руках сражались 444 тыс. партизан и подпольщиков. 373 тыс. человек являлись бойцами 1255 партизанских отрядов, большинство из которых были объединены в 213 бригад¹. Кроме того, ещё 400 тыс. человек составляли армию резерва белорусских партизан. Многие из них не смогли стать партизанами по причине отсутствия оружия.

Партизанские отряды начали создаваться в Беларуси уже летом 1941 г. Так, уже в июне 1941 г. Тихон Пименович Бумажков (первый секретарь Октябрьского РК КП(б)Б Полесской области) и Фёдор Илларионович Павловский (уполномоченный наркомата заготовок по Октябрьскому району) создали и возглавили истребительный отряд из числа жителей Октябрьского района «Красный Октябрь», который в силу сложившейся военно-политической обстановки уже в июле 1941 г. перешёл к партизанским формам борьбы. Отряд совместно с частями Красной Армии вёл вооружённую борьбу против немецких войск на р. Птичь. Партизаны провели ряд успешных операций,

¹ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов и их личном составе / А.Л. Манаенков, Е.П. Горелик, А.Ф. Маркова [и др.] – Минск: Беларусь, 1983. – С. 16.

в ходе которых уничтожили 30 немецких танков, 55 единиц автобронетехники противника, взорвали несколько мостов. 18 июля 1941 г. при артиллерийской поддержке бронепоезда № 52 (командир лейтенант Колокольников) партизаны отряда разгромили штаб немецкой дивизии в д. Воземля. В ходе того боя противник потерял 80 солдат и офицеров, были захвачены значительные трофеи и важные документы противника, которые были переданы командованию советских войск.

За героизм и умелое руководство партизанской борьбой против немецких захватчиков командиру отряда Т. П. Бумажкову и комиссару Ф. И. Павловскому, первым из белорусских партизан, 6 августа 1941 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Всего же высшими наградами Родины в годы Великой Отечественной войны были отмечены 88 участников партизанского движения в Беларуси.

Однако, несмотря на то что партизанские отряды в Беларуси начали создаваться и действовать уже летом 1941 г., партизанское движение республики в начальный период Великой Отечественной войны массовый характер обрести не смогло. Вопреки официальным заявлениям партийных и советских руководителей БССР, которые фигурируют в материалах февральского (1943 г.) пленума ЦК КП(б) Б, где сообщалось, что в 1941 г. были созданы и направлены в районы Минской, Витебской, Могилёвской, Гомельской, Полесской, Пинской, Брестской, Вилейской и Барановичской областей 437 отрядов, которые насчитывали 7200 человек¹, реальное положение дел было совсем иным. Детальный анализ архивных документов и материалов по истории партизанского движения Беларуси в 1941 г. позволил установить реальную картину событий и явлений. Так, из числа фигурирующих в материалах пленума ЦК КП(б) Б сформированных партизанских отрядов большинство даже не находилось во вражеском тылу.

Созданные на советской территории, они не пересекали линии фронта. Те из числа указанных формирований, что выполнили поставленную перед ними задачу и смогли выйти в

немецкий тыл на оккупированную территорию Беларуси, по разным причинам не смогли там закрепиться и успешно вести борьбу с врагом. Они возвращались в советский тыл, не выполнив своего главного предназначения. Из 437 названных в официальных документах партизанских формирований в полной мере выполнили задание командования только единичные отряды и группы. Показательным в данном случае является следующий факт. В одной из записок, адресованной в ЦК КП(б)Б, говорилось: «Выпущенная группа учебно-оперативным центром Западного фронта в составе 104 человека 6 сентября 1941 г. была доставлена для перехода фронта в Путивльский район Сумской области 9 сентября 1941 г. Большинство их ушли с частями Красной Армии и часть позорно сбежала»¹. Таким образом, с большой подготовленной группы специалистов для ведения партизанской войны в тылу врага на оккупированную немецкими войсками территорию Беларуси не дошло ни одного человека.

Подобные явления в то время были скорее правилом, чем исключением. Из 16 партизанских отрядов, которые были сформированы Пинским обкомом партии и действовали в июле 1941 г. на территории области, осенью 1941 г., после отхода советских войск с территории БССР, остался только один отряд численностью 60 человек под командованием В.З. Коржа². Остальные партизаны, т.е. 15 отрядов, которые изначально находились на территории Пинской области, вышли в советский тыл или разошлись по домам. В июле – августе 1941 г. на территории Витебской области действовало 36 партизанских отрядов. После отступления частей Красной Армии там осталось 12 отрядов, а в декабре 1941 г. их было уже только 9. При этом численность их личного состава также значительно сократилась.

Летом 1941 г. на территории Гомельской области было организовано 65 партизанских отрядов, в среднем по 5 на

¹ НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 184. – Л. 25

² Ермаловіч, В. 3 архіваў партызанскага руху / В. Ермаловіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2. – С. 15.

¹ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 20. – Д. 214. – Л. 9

каждый из районов области. Число партизан превышало 1770 человек. В декабре 1941 г. число партизанских отрядов указанной области уже не превышало 10, в которых насчитывалось не более 150 человек¹.

На территории Барановичской, Белостокской и Вилейской областей партизанские отряды в 1941 г. вообще не действовали и даже не создавались. Анализ архивных документов даёт возможность установить, что число партизан Беларуси зимой 1941 г. не превышало 3 тыс. человек. Слабость и малочисленность партизанских отрядов на территории республики в 1941 г. объясняется, главным образом, сложившейся военно-политической обстановкой, отсутствием условий, необходимых для ведения партизанской войны в тылу врага. На данном этапе партизаны не получали поддержки у большинства населения в районах своего базирования. Население Беларуси в рассматриваемый период занимало позицию нейтралитета, как в отношении партизан, так и к германским оккупационным властям. Оно находилось в деморализованном состоянии в результате резкого изменения военно-политической обстановки в регионе. Об этом убедительно свидетельствует рапорт В.Р. Болтикова, старшего оперуполномоченного Копаткевичского районного отдела НКВД на имя заместителя наркома внутренних дел БССР полковника Мисюрева. «Настроение населения к фашистам таково, – сообщал В.Р. Болтиков, – что нам всё равно, какая власть, будут ли германцы, будут ли Советы, всё равно нам нужно подчиняться тем или другим»².

И всё же, несмотря на огромные трудности, особенно зимой 1941 – 1942 гг. партизанское движение Беларуси смогло выстоять и даже укрепиться. Успешные действия партизанских отрядов под командованием Т.П. Бумажкова, Ф.И. Павловского, В.З. Коржа, И.П. Кожара, М.Ф. Шмырова и других содействовали постепенному позитивному изменению в отношении местного

населения к партизанам. Положительную роль в этом процессе сыграла прежде всего победа советских войск под Москвой, а также человеконенавистническая политика оккупантов на захваченных ими территориях в отношении местного населения. Уже в зимние месяцы 1942 г. численный состав партизан значительно вырос. Оккупанты также начали их считать реальной силой.

Уже летом 1942 г. партизаны Беларуси начали проводить против оккупантов значительные по своим масштабам боевые операции. Например, в августе 1942 г. партизанский отряд под командованием А.И. Петракова и А.В. Романова уничтожили хорошо охраняемый немцами железнодорожный мост через р. Дриссу. Из-за этого железнодорожное сообщение на линии Полоцк – Даугавпилс прервалось на 16 дней, при этом последствием данной операции было то, что пропускная способность железной дороги снизилась с 60 до 8 эшелонов в сутки.

28 августа 1942 г. объединённые силы 8, 24, и 36-го партизанских отрядов Могилёвской области под руководством С.Г. Жунина («Сергей») уничтожили вражеский гарнизон и коммуникации на железнодорожной станции Славное, которая являлась важным пунктом обеспечения войск и транспорта противника, двигавшегося в направлении к фронту по магистрали Брест – Минск – Смоленск. Гарнизон, охранявший станцию Славное, насчитывал 200 солдат и офицеров противника, которые были вооружены батальонным минометом, станковым и 12 ручными пулемётами, автоматами и винтовками. Он был укреплён окопными сооружениями, имел 10 постов охраны. Во время 3-часового боя партизаны разгромили гарнизон, уничтожили здание станции, немецкие казармы, 6 складов с военным имуществом и продовольствием, 2 военных эшелона с техникой и всё железнодорожное оборудование, которым была оснащена станция. Было уничтожено 120 солдат и офицеров противника¹.

Аналогичные операции проводились партизанами и в дру-

¹ Ермаловіч, В. І. Беларусь. Шлях да Вялікай Перамогі / В. І. Ермаловіч. – Мінск: Беларусь, 2019. – С. 62.

² НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 62. – Л. 8.

¹ Архив Института истории НАН Беларуси. – Ф. 4. – Оп. 4а. – Д. 1. – Л. 54-55. советско-германском фронте.

гих районах Беларуси, например, Минской и Полесской областях. В ночь на 3 ноября 1942 г. был уничтожен 132-метровый железнодорожный мост на р. Птичь. Перевозки противника по железной дороге Брест – Гомель были приостановлены на 18 дней.

Активность партизанского движения в Беларуси во второй половине 1942 г., как и в других районах СССР, оккупированных немецкой армией, совпадает по времени со Сталинградской битвой. В это время вермахт для охраны военно-экономических объектов в своём тылу был вынужден использовать 10% от общего количества немецких войск, что действовало на советско-германском фронте.

В конце 1942 г. в рядах партизан Беларуси уже насчитывалось около 50 тыс. человек, а это, по стандартам военного времени, численность одной советской общевойсковой армии. В 1942 г. белорусские партизаны уничтожили 100 немецких танков, 181 самолёт, пустили под откос 1180 военных эшелонов противника. В результате их действий было выведено из строя более 100 тыс. солдат и офицеров противника, из которых 15 тыс. убиты¹.

Для сравнения: в октябре-ноябре 1942 г. в Северной Африке действовала 8-я британская армия численностью в 230 тыс. человек, одержавшая победу под Эль-Аламейном, которая считается первым значительным успехом британской армии не только в Африке, но и вообще во Второй мировой войне. Западные историки, политики и публицисты приравнивают её по значимости к Сталинградской битве, объявляя при этом, что данная операция положила начало действиям Второго фронта. 8-й британской армии, которая состояла из 10 дивизий и 4 особых бригад и имела на вооружении 440 танков, 2311 орудий и 1500 самолётов, противостояла итало-германская войсковая группировка, которая в своём составе насчитывала 4 немецкие дивизии и 1 бригаду, 8 итальянских дивизий, или 80 тыс. че-

¹ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. – Т.1. /редкол.: А.Т.Кузьмин, Г.В.Будай, И.М.Игнатенко и др. – Минск, 1983. – С.513.

ловек, 540 танков, 1219 орудий и 350 самолётов. Потери войск фашистской коалиции составили 55 тыс. убитыми, ранеными и пленными¹.

Простой анализ указанных данных показывает, что уже в 1942 г. эффективность борьбы партизан Беларуси, которые в 4,5 раза уступали по численности английской армии в Северной Африке, была сопоставима с итогами действий западных союзников по антигитлеровской коалиции.

¹ История военного искусства / под ред. члена-кор. АН СССР, ген.-лейтенанта П.А. Жилина. – М.: Воениздат, 1986. – С. 322.

ТАМАРА ЗАЛЕССКАЯ

Залеская Тамара Георгиевна – поэт, прозаик. Член Союза писателей Беларуси. Окончила филологический факультет и аспирантуру Московского государственного университета. Автор сборника стихов «Белые сады», автор и составитель сборников «Созвучие», «Чистая правда и фантазия», «Приснится сон». Стихи, песни и рассказы печатались в газетах и журналах, сборниках стихов и прозы. Песни на стихи

Тамары Залеской исполнялись в праздничных концертах во Дворце Республики и в телевизионных проектах. Они входят в репертуар Образцово-показательного оркестра и Академического ансамбля песни и танца Вооружённых Сил Республики Беларусь, Президентского оркестра, оркестра им. Жиновича, ансамбля «Сябры», исполняются популярными белорусскими певцами. Неоднократно награждалась дипломами министра обороны Республики Беларусь. Руководитель литературно-музыкального объединения «Аккорд» при детской библиотеке № 2 г. Минска.

ВЕРОЧКА

(Очерк)

Верочка – так звали младшую сестру моей матери. Уменьшительное имя раньше звучало непривычно, когда говорили о взрослых, тем более что и детей-то не баловали нежностями. Однако – Верочка, и только так, всегда. Она была всеобщей любимицей.

В бедной крестьянской семье росли два брата и три сестры. Может быть, детей родилось больше, но тогда в деревне

выживали не все. Бабушка Саша растила их одна, её муж погиб в начале 20-х годов, упав с высоты при ремонте кровли на церкви. А церковь в селе Аргамач-Пальна (это в России) вскоре закрыли, как, впрочем, и везде. Храм стоит до сих пор и медленно разрушается.

Дети росли послушными и сызмала были приучены к деревенскому труду. Дочери к тому же с шести лет начинали плести кружево. Этому их учила мать-кружевница. Сначала девочки осваивали более лёгкий, узкий «прошив», а затем и сложный «край» с фестончиками и зубчиками. Так они вместе с матерью зарабатывали на жизнь, пока сами не встали на ноги. Электричества, разумеется, не было, но и короткими зимними днями в доме мерно постукивали коклюшки. В деревне работала только начальная школа, и на этом образование детей закончилось.

Конечно, кружево плели в свободное от сельских забот время: прежде надо было думать о том, как прокормиться, растить на своём клочке земли хлеб и картошку, держать корову, гусей, кур. А потом и колхозы подросли...

К началу войны все дети были взрослыми, четверо имели свои семьи и жили отдельно, а с матерью оставалась младшая дочь Верочка. Ей был 21 год.

Один сын бабушки воевал, другой трудился на оборонном заводе. Два зятя тоже были на фронте, и один из них, первый муж моей матери, погиб в 1941 году. Мама, потерявшая первенца из-за тяжёлой работы и отсутствия медицинской помощи, осталась жить со свекровью, чтобы смягчить её горе.

А в семье моего отца было четверо братьев, все участвовали в войне, а двое, Андрей и Иван, домой не вернулись.

Незамужних девушек тоже призывали на войну. На село пришла разнарядка, и Верочку, любимую дочь и опору матери, забрали в армию. Так бабушка осталась в доме одна. Как и другие женщины, она работала в колхозе и ждала писем с фронта. Она была уже немолода, и я не представляю, как она выживала в трудные, голодные военные годы.

В 1944 году пришла похоронка на Верочку. Она была медсестрой и погибла от тяжёлых ранений при освобождении Белоруссии, в деревне Мадора, которая находится в Гомельской

области¹. Похоронку, тетрадный листок с печатью, написанный от руки, бабушке долго не показывали: почтальон отдала конверт моей маме. Дочери, жившие неподалёку, боялись за бабушку и ничего ей не говорили. Похоронка так и осталась у нас дома, а бабушка Саша ждала Верочку с войны ещё год...

Землячка, служившая в том же полку, рассказывала, что у Верочки были раздроблены ноги, она очень мучилась и умерла от большой потери крови. Во время артобстрела можно было спрятаться в укрытие, но Верочка сказала: «Как же я оставлю своих раненых?»

Я думаю, если бы Верочка вернулась, она могла бы работать медсестрой. Или, как бабушка, стала бы кружевницей. Её имени так идёт слово «кружево»...

Ещё не так давно, в начале 2000-х, на Площади Победы 9 мая можно было увидеть много ветеранов войны. Среди них встречались и женщины – в военной форме, с наградами. Мне казалось, что все они – медсёстры, это ведь более женская профессия на войне. Но, разумеется, там были и бывшие связистки, снайперы, топографы и шофёры, как моя свекровь.

С одной медсестрой, прошедшей войну и всю жизнь работавшей в госпитале, я познакомилась и позже подарила ей диск с песней «Медсёстры». Она написана о тех неизвестных героических девушках, которые не вернулись с войны, и о тех, кто остался жив; о нынешних медсёстрах, заботящихся о здоровье людей.

Первым исполнителем песни была замечательная певица Нелли Богуславская. Военный ребёнок, в шестилетнем возрасте потерявшаяся в самом начале грозных событий, она знала по собственному опыту, что такое война. Её пение трогало сердца зрителей до слёз:

Старинные вальсы
На праздник оркестры играют,
Седая сестричка
Друзей фронтовых ожидает.

¹ В боях за деревню и окрестности погибли более чем 200 советских солдат (похоронены в 2 братских могилах на кладбище, где есть скульптура коленопреклоненного солдата и стела в виде стилизованного меча). Мадора – Википедия (wikipedia.org)

Награды на солнце
Сияют нарядно и гордо,
Слезам омыты
Цветы, и медали, и орден.

Какие гости собрались на этот праздник!
Для вас сегодня трубы медные поют.
Своим медсёстрам, терпеливым и бесстрашным,
Бойцы признательны всегда, пока живут!
Такие женщины сердечны и отважны,
Они в беде протянут руку и спасут.
Своим сестричкам, терпеливым и бесстрашным
Бойцы признательны всегда, пока живут!

Своим медсёстрам скажите просто:
«Спасибо вам за то, что я живу!»

Победа рождалась
В сраженьях, под грохот орудий,
А девушки были
Так молоды, вспомните, люди!..
Война беспощадна,
И наши потери безмерны.
Победа прекрасна,
И память о прошлом бессмертна!

Тепло и забота
Спасают нас в мирное время.
Дежурят ночами
Медсёстры других поколений.
Болезнь отступает,
Работа души не напрасна.
Спасибо, сестрички,
Победа трудна и прекрасна!¹

¹ Песня «Медсёстры» – стихи Тамары Залесской, музыка Александра Фёдорова, посвящается Вере Стефановне Шеламовой (рожд. 1920, Липецкая обл., Елецкий р-н, с. Аргамач-Пальна) – рядовой, с. Аргамач-Пальна, место службы: 390 зсп __.02.1944, госпиталь 196 МСБ, Белорусская ССР, Гомельская обл., Рогачевский р-н, с. Модоры. Место захоронения: Белорусская ССР, Гомельская обл., Рогачевский р-н, Модоры.

ДЕВУШКА ЗА ВЕДРО МЁДА (Очерк)

В большой семье белорусского крестьянина Василия Залесского было шесть дочерей. Конечно, отцу хотелось иметь сына, наследника, но рождались только девочки. Их воспитывали в строгости и приучали к сельскому труду. Родители работали в колхозе, отец держал пчёл, лошадь и корову, мать шила на всю семью, сёстрам тоже хватало работы.

К началу войны три дочери были замужем. Одна, Маргарита, – за военным, Анна и Валентина – за местными парнями. А потом их мужья ушли на фронт. Муж Валентины погиб, а другие вернулись.

Маргарите, жене военного, ответственной комсомолке, умевшей управляться с лошадьми, в первые дни войны поручили отвезти к поезду семью городского начальника. Железную дорогу бомбили – пришлось ехать дальше, а потом стало ясно, что возвращаться уже некуда. Так моя будущая свекровь, в летнем платье, без вещей, оказалась в эвакуации.

В Оренбургской области она поступила в армейскую тыловую часть и выучилась на шофёра. Работала наравне с мужчинами, преодолевая трудности, непогоду и мороз. Она была решительной, выносливой, крепкой, однако это не спасло её от менингоэнцефалита. Болела она долго и тяжело, была парализована, не могла говорить, однако молодой организм каким-то чудом выкарабкался из этого кошмара.

Её муж в это время воевал, был ранен, контужен и всю жизнь прожил с осколками, которые не смогли удалить в полевом госпитале.

Родители и сёстры Маргариты оставались в оккупированной немцами Белоруссии.

В статье «Витебское подполье 1941-1944 г.г.» написано:

«Семья Залесских в д. Зароново выполняла различные оперативные поручения, а их дом служил почтовым ящиком»¹.

¹ Витебское подполье 1941-1944г.г <http://www.pobeda.witebsk.by/shadow/untergrund/12/>

Сёстры Анна, Нина, Валентина, Раиса и Тамара распространяли листовки, собирали необходимую информацию для разведгруппы Анатолия Ижокина – о положении в тылу, передвижении эшелонов противника, строительстве укреплений. Старшая сестра Анна, отважная, жизнелюбивая женщина, несмотря на опасность, активно помогала подпольщикам и партизанам. Она установила связь с подпольной группой Анатолия Сизова в райцентре Городок. При подготовке операции по ликвидации полицаев группу выдал «свой человек». Почти все члены подпольной группы во главе с руководителем и две сестры, Анна и Тамара, оказались в гестапо¹.

После допросов и пыток двенадцать подпольщиков были расстреляны 28 апреля 1942 года на Ходуловской горе, у деревни Новобелецк. В их числе была и Анна. Двое маленьких детей остались без матери, на попечении бабушки. Их отец воевал.

Прямых улик против Тамары не было, и гестаповцы старались выбить от неё признание, меняя способы пыток. Но ни слова о подполье, об Анне, о разведгруппе юная девушка не сказала. Через месяц её решили отправить в Германию.

Отец упробил старосту деревни заступиться за несовершеннолетнюю дочь, и её отпустили из тюрьмы под ответственность старосты на два дня, чтобы она взяла одежду перед отправкой. За помощь староста получил ведро мёда, а на следующий день переодетые в немецкую форму разведчики «арестовали» Тамару и вывезли из деревни. Просто так убежать было нельзя – это подвергло бы родителей и сестёр смертельной опасности. Девушка стала разведчицей разведотдела штаба Калининского фронта, информатором партизанской бригады «Неуловимые». В дождь и снег она бесстрашно ездил верхом на лошади туда, где мужчинам появляться было опасно.

Сёстры Нина и Рая продолжали действовать по заданию руководителя партийного подполья Василия Зимянина. Под его руководством работал и член подпольной группы бургомистр Исидор Шпаков, спасший десятки людей от угона в раб-

¹ [XLS] данных _ бывших узников фашизма.xlsx shmyrev.museum.by/.../данных бывших узников фашизма.xlsx; Залеская Тамара Васильевна. 1925 Беларусь, Городок, СД 23.4.42-28.5.42 Архив, КГБ.

ство. Но 23 сентября 1943 года по доносу паспортистки Нина Залесская и Исидор Шпаков были арестованы и после страшных пыток расстреляны в Орше.

Раиса, Валентина и Тамара приняли эстафету от погибших сестёр. Они распространяли советские листовки, передавали донесения своему командиру Анатолию Ижокину. Тамара снабжала партизанскую разведку новейшими разведанными о движении вражеских эшелонов, давала адреса надёжных проводников к местам диверсий.

В отряде Тамара встретила свою любовь. На красивую девушку обратил внимание молодой командир, и она ответила ему взаимностью. Надо сказать, это было ещё одним везением: не так-то просто юной женщине находиться среди мужчин, если у неё нет надёжного защитника. В начале 1944 года она была тяжело контужена и доставлена на Большую землю. Впоследствии получила инвалидность.

Одну из сестёр Залесских, Раису, должны были угнать в Германию. Когда пленников уже везли на машине, девушка смогла выпрыгнуть на лесной дороге и спрятаться. Падая, она сильно ушиблась, но была рада освобождению. Через несколько лет после войны она умерла от тяжёлой болезни.

Вот такую дань заплатила крестьянская семья войне...

Из шести дочерей осталось трое: Валентина, Маргарита и Тамара. Они жили со своими семьями в Витебске, однако всегда заботились о родителях, оставшихся в деревне. Тамара занималась активной общественной работой, участвовала в ветеранской организации, поддерживала связь с соратниками по борьбе. Сёстры по характеру были разными, но дружили и помогали «один одному», как говорила моя свекровь. Она много пережила сестёр и очень скучала по ним.

Инсульт, случившийся после похорон младшей, Тамары, подкосил здоровье Маргариты Васильевны, но она прожила у нас в семье ещё восемь лет. В последние годы время от времени собиралась ехать домой – «хоронить расстрелянных». Очевидно, она вспоминала прежние перезахоронения останков в деревне Зароново, которые производились, начиная с 1950-х годов. Эти мрачные планы приводили нас в замешательство,

но разубеждать её было бесполезно, и мы ждали, пока страшная тема забудется, как и многое другое...

Маргарита часто вспоминала своё деревенское детство, а об отце и его пчёлах с удовольствием рассказывала даже тогда, когда память стала её подводить. Это известный факт: если старый человек уже не ориентируется во времени и пространстве и не знает, сколько ему лет, картины далёкого прошлого помнятся довольно хорошо.

Мёд свекровь любила всегда и пчёл любила, поскольку с детства помогала отцу на пасеке и в поле. В немощной старости любая, даже самая тяжёлая крестьянская работа представлялась ей необходимой и привычной, даже приятной. «Что папа сказал, то и делали». Как сейчас говорят, это не обсуждалось.

Василий Залесский, конечно, был молодец и большой труженик: даже во время войны, переживая жизненные трудности и семейные трагедии, он не переставал ухаживать за своими пчёлами. Нетрудно представить, что стало бы с его дочерью, не будь у него такой надёжной «валюты», как мёд.

ИРИНА КАРНАУХОВА

Карнаухова Ирина Александровна – писатель, музыкант. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства, Белорусского союза музыкальных деятелей, Союза курских литераторов (почётное звание «Курский соловей-2018»). Организатор (2002 г.) и руководитель народного клуба композиторов и поэтов «Жывіца» Минской области. Автор

38 сборников (из которых 2 – прозы и 1 песенный, 19 сборников для детей, из них 12 – прозаических). Награждена грамотами Союза писателей Беларуси, медалью СПБ «За большой вклад в литературу» (2016), нагрудным знаком «Почётный наставник творческой молодёжи» Международного союза писателей и мастеров искусств (2020), медалью «Белорусскому фонду мира – 60» (2022), знаком Министерства культуры Республики Беларусь «За вклад в развитие культуры Беларуси» (2022). Живёт в г.п. Мачулищи, Минский район, Минская область.

НО ТА ВОЙНА – СТРАНЫ СУДЬБА

СЫН ПОЛКА

Сынам полка посвящается

Голова к груди склонилась,
Не видать совсем лица.
Память мигом обратилась
В боль тернового венца.

Пульс в висках... Горят ладони...
Грохот... взрывы... гул... огонь...
«Ма-а-а-мочка! Спаси!» Но тонет
В вое детский крик. Гармонь
Пискнула: насквозь осколок
Продырявил ей меха...
Ветки скошены у ёлок...
С балок сыплется труха...
По морщинистым бороздкам
Скупо катится слеза.
Там, в окопе, он подросток:
Форма, фляга и кирза...
Политрук закрыл собою:
Снайпер... Пуля у виска...
И с разбитою губою
Малолетний сын полка.
Сил подняться нет... Но рвётся
В бой солдатик молодой:
– Гады! Русский не сдаётся!..
Вот... За мамку!.. Дом родной!
...Металлический кусочек
Столько лет тревожит сон!
Будто вырваться он хочет
Из груди. И перезвон
Колокольный к страшным датам
Не даёт забыть санбат...
Политрук и мама с папой
Рядом с Ангелом стоят.

СМЕРТНОЕ ВРЕМЯ

*Пережившим блокаду Ленинграда,
посвящается*

Вновь канонада... Звук сирены...
С кровати встать... – желанья нет и сил.

А в комнате другой брат Гена:
 Он на четыре года младше был...
 Соседей и родных нет рядом...
 Я вся зачоченела без тепла.
 И безразличен вой снарядов...
 Лишь память довоенная жила
 Во мне с обрывками о счастье...
 Про маму с папой... море... пароход... –
 И всё пропало в одночасье.
 И третий год уже война идёт.
 В опухшем теле боль – хозяйка.
 Нет дров совсем. Ни капли нет воды.
 Костлявая рука – «лентяйка»:
 Не двигается больше без нужды.
 Лишь теплится душа: виденье
 Приходит в виде ангела давно...
 Опять вдруг вой сирены и гуденье,
 А на стене от зарева пятно...
 Не дай Господь познать всё это –
 Страданья, беды, ужасы войны... –
 Тем молодым, кто, солнцем обогретый,
 Живёт сейчас без страха и нужды.

РАРИТЕТ

– Что хранишь ты столько лет
 В стареньком футляре?
 – Это, дочка, раритет:
 Уцелел в пожарах!
 И достал отец баян –
 Кнопки с перламутром.
 Мех раздвинул – в дырках... рван!
 Пискнул почему-то
 Инструмент в его руках...
 – Папа, он же сломан!

Корпус – это просто страх!
 Ой! Внутри обломок...
 Бережёшь старье ты зря...
 – Это, дочка, раны!
 Мы живём благодаря
 Старику-баяну.
 – Это как?
 – Он деда спас
 В самой страшной бóйне!
 Дед был ранен – и не раз! –
 Проклинал все вóйны.
 ...Ночью миномётный залп:
 Взрывы!.. Крики!.. Стоны!..
 В блиндаже на пол упал
 И баян сражённый.
 Словно настоящий друг,
 Он осколок мины,
 Защитив от смертных мук,
 Вместо деда принял.
 До Победы дед носил
 Инструмент походный.
 Детям про баян твердил:
 – Он – защитник рода!

ТАМАРА КОВАЛЬЧУК

Ковальчук Тамара Васильевна – поэт, прозаик, переводчик, детский писатель. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства, академик Международной академии русской словесности (МАРС), председатель общества дружбы «Беларусь – Болгария», член правления общества дружбы «Россия – Беларусь», руководитель литературного объединения «Литератор» города Осиповичи. Автор 21 книги поэзии и прозы на русском и белорусском языках. Организатор Международного фестиваля культур Беларуси и России «Созвездие», координатор Международного литературно-музыкального фестиваля «Русь и Белая Русь – едины!». Лауреат литературных премий: им. В. Никитина, им. А. Курляндского, им. А.Т. Березнева, им. Л.Н. Толстого, литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А.Куприна и др. Награждена медалями Союза писателей России, Союза российских писателей, медалью Максима Богдановича, медалью Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь, медалью Л.Н. Толстого.

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

(Рассказ)

Великая Отечественная война... Сколько горя и бед она принесла, сколько душ человеческих сгубила... Фашисты стирали с лица земли деревни и города, сжигали целые селения вместе с людьми. Маленьких детей бросали на растерзание со-

бакам на глазах у матерей, заваливали колодцы трупами убитых ими людей.

О зверствах фашистов можно говорить долго, но рассказать о всех их злодеяниях не хватит и тысячелетия. Но как же становится невыносимо больно, когда узнаёшь, что вместе с немецкими нелюдьми, продав свою Родину, убивали советский народ полицаи. Что руководило ими? Чем они оправдывали свои поступки?

Много страданий выпало на долю и нашей Беларуси. Каждый третий погиб в этой неравной борьбе, в которой пришлось принять участие моему дедушке Матвею и его семье. В конце тридцатых годов прошлого столетия приехал он вместе с братьями Фёдором и Петром в Белоруссию из России на заготовку сосны. Работящие были ребята, честные да гордые. В скором времени встретили они девчат и поженились, да и остались жить в Белоруссии. Матвей был доволен своей судьбой. Ему нравилось всё, чем она его наградила: и любимая работа лесника, и новый, построенный своими руками дом, и любимая жена Алёна, и семеро детей. Он каждое утро встречал со словами благодарности, и со словами благодарности ложился спать. Да и родные братья, Пётр и Фёдор, жили рядом со своими семьями. Казалось, живи и радуйся. Да не тут-то было! Налетела война чёрным вороном, поползло фашистское отродье по земле белорусской, уничтожая всё на своём пути. За два с половиной месяца вся территория Белоруссии была оккупирована немецкими войсками. Кто успел – ушёл в ряды Советской армии, кто не успел – подался в лес, в партизаны. В городах и деревнях остались старики, женщины да дети.

Братья ушли на фронт, а Матвей – к партизанам, в один из отрядов Сидора Артемьевича Ковпака, оставив семью в деревне. Да и куда было бежать Алёне, имея на руках семерых детей, самой маленькой из которых, дочери Наденьке, ещё и годика не исполнилось. О том, что Матвей в партизанах, женщина никому не говорила. А если кто и спрашивал, то отвечала, что пропал где-то, а где, и сама не знает. Но на самом деле её муж приходил в деревню часто: то за провизией, которую собирала Алёна, то за тёплой одеждой для партизан, то за сведениями о противнике.

Матвей очень хорошо знал лес и всегда был проводником. Особенно его помощь была ценной на болотах, которыми полнились леса. Партизаны уничтожали вражескую технику, вступали в открытые бои с оккупантами. И немцы зверствовали. Они забирали скотину, домашние припасы, угоняли молодёжь в Германию, расстреливали детей, стариков. Женщины прятали своих детей в подполе, под печками. Всё было бы сносно, если бы свои же, деревенские мужики не пошли на службу в полицию. Их было немного, но хлопот и горя принесли они немало. Среди них был Антон Свиристель, мужик гадкий, хитрый и подлый. Каждый день он со своими дружками обходил дома, выискивал, вынюхивал и доносил своим новым хозяевам. И фашисты без разбора жгли дома, вешали людей. За подлость и издевательства над земляками люди прозвали Антона Тосиком. И Тосик лютовал.

Но даже у такого негодяя были чувства. Он давно любил Алёну, не находил себе места, когда приходилось встретиться с ней где-нибудь на улице. Надо сказать, что женщиной она была очень красивой, высокой, стройной и гордой. Чёрная, как смоль, коса всегда ниспадала у неё с правого плеча. Роды сделали женщину ещё более женственной, ещё более привлекательной. Тосик только облизывался, глядя на неё, но не приближался, так как побаивался Матвея. А когда тот пропал из виду, у негодяя появилась возможность часто заглядывать в дом молодой женщины. Он откровенно приставал к ней, предлагал стать его любовницей, мол, война всё спишет. Но Алёна всегда давала ему отпор, невзирая на форму полица, на его власть в деревне. Тогда Тосик заявил в комендатуру, что Алёна связана с партизанами, и её арестовали. Целую неделю женщину истязали. А когда поступил приказ расстрелять, за неё вступился немецкий офицер, сказав, что знает эту семью, в которой очень много детей. И он никогда не видел там ни одного мужчины. Алёну отпустили, предупредив, что за малейший проступок расстреляют её вместе с детьми.

Не добившись своего, Тосик стал ещё более злым, неуравновешенным, дерзким. И вся его сдержанность разом пропала. Ему хотелось овладеть этой горячкой, сломить её волю, унижить перед односельчанами. Однажды он заглянул в дом

Алёны. С первых минут, как только он увидел женщину, разум его будто бы помутился. Подлец схватил не ожидавшую наглого выпада Алёну и повалил на кровать. Она кричала, просила отпустить её, но уверенный в своей безнаказанности полицай уже разорвал на ней кофточку, заломил руки. Силы покидали её. Но в это время что-то грохнуло, и Тосик обмяк. Он всем своим телом навалился на Алёну.

– Мама, мамочка, вставай скорей, – услышала она голос старшего сына Михаила. Мальчик проворно сбросил полица на пол и поднял мать.

– Сыночек, что ты наделал? Они ведь теперь всех нас убьют, – хриплым голосом произнесла Алёна.

– А мы в лес уйдём. Только поторопись, мама. Наденьку я возьму, а ты остальных веди через рожь.

– Хорошо, сынок, хорошо. Только что отец нам скажет, – огорчённо ответила Алёна.

– Он скажет, что мы правильно поступили, мама.

Алёна, не раздумывая, собрала детей и одного за другим высадила в оконный проём.

– Ползите, деточки, ползите молча. Я с вами, – сказала она и сама вылезла в окно.

До леса было метров двести. И уже через пятнадцать минут они достигли его и, поднявшись, поспешили скрыться в зарослях лещины.

Очнувшись, Тосик, сгорая от злобы, дал автоматную очередь по кровати, стенам. Затем зажёг бумагу и, бросив на одеяло, вышел на улицу. Вскоре весь дом был охвачен огнём. А полицай побрёл в комендатуру, чтобы доложить, что на него напали партизаны. Сразу же немцы с собаками направились в лес.

Алёна, услышав лай собак, поняла, что теперь в партизанский отряд идти нельзя. Оставалось одно спасение – болото.

– Дети, идите за мной. Только старайтесь идти очень быстро. Мы должны успеть перейти трясины. Я знаю, что вы устали, мои родные, но, если мы остановимся, нас всех убьют, – со слезами на глазах проговорила женщина. И дети пошли за ней, не задавая вопросов.

Вода в болоте была очень холодная. Она обжигала тела

маленьких детей. Машенька, Петя и Софийка стучали зубами и беззвучно плакали. Сашка и Алёшка шли молча. А Миша нёс на руках уснувшую Наденьку. Вдруг Софийка крикнула и исчезла. Алёна скомандовала «всем стоять», а сама, лёжа на животе, поползла к трясине. Она заметила барахтающуюся дочку и протянула ей ветку.

– Хватайся за веточку, солнышко. Только тихонько. Я тебя вытащу, – проговорила она шёпотом.

Девочка ухватилась за ветку, и Алёна подтащила её к себе. Малышка плакала.

– Тише, моя радость. Осталось совсем немножко, и мы будем на островке. А там и папа за нами придёт. Ты только потерпи, – утешая девочку, проговорила Алёна. Она взяла дочку на руки и скомандовала идти всем за ней след в след. Через полчаса они уже были на месте. Выбравшись на островок, который был в диаметре метра три, Алёна присела на кочку и прижала к себе детей, чтобы хоть немного согреть их.

На островке они просидели четыре дня. Чтобы дети не страдали от голода, Алёна рвала аир и белыми корешками кормила своих напуганных и уставших сыночков и дочек.

Их нашли партизаны и забрали в лагерь. Дети очень сильно заболели. Алёна дни и ночи не отходила от них, уже и не надеялась, что кто-нибудь выживет. Но дети скоро пошли на поправку.

Матвей, узнав, что произошло, решил во что бы то ни стало отомстить предателю и насильнику Тосику за свою семью. Вместе с десятью товарищами они устроили засаду и привели полицая в расположение партизанского отряда, чтобы судить его по законам военного времени.

Но на допросе изворотливый, лживый, подлый недочеловек заявил, что получал сведения о партизанах от Матвея, и что Матвей также состоит на службе у немцев.

Алёна плакала, кричала, умоляла поверить мужу и ей, но всё было напрасно. Не разбираясь в правдивости слов, Тосика и Матвея завели за баню и расстреляли, приказав никому к изменникам Родины не подходить.

Ночью Тосик очнулся и уполз. Оказалось, что пули его

только ранили. Он добрался до деревни к утру, рассказал о расположении партизанского отряда немцам. Через несколько часов лагерь был разбит. И только благодаря сыну Матвея Мише, который не послушался и пошёл за телом отца, скрываясь в темноте, и увидел, что полицая нет, поднял тревогу, отряд в спешном порядке поднялся и ушёл на болото.

Тогда и стало всем ясно, что Тосик оговорил честного человека, но пришло это осознание слишком поздно – Матвей был мёртв. Алёна забрала детей и ушла, только бы не быть рядом с теми, кто расстрелял её мужа.

Закончилась война. Тосик выжил, был осуждён на пятнадцать лет. После освобождения переехал жить в Украину, в городской посёлок Полесское, женился.

В 1980 году по телевидению транслировался документальный фильм об отрядах Ковпака. Моя мать София и две её сестры Надежда и Мария узнали в одном из бойцов своего погибшего отца. Они обратились на телевидение с просьбой ещё раз показать им киноленту. И каким же счастьем было для них увидеть его, молодого! Слезы радости и счастья катились по их лицам. Только горечь давила душу за несправедливую смерть родного человека, не оправданного до той минуты. Ведь никто так и не решился признаться, что расстреляли моего деда по ошибке. Но когда подняли документы, то нашли запись того факта, что именно Тосик оклеветал невинного человека, и что сам он здравствует до сих пор. Мама с сёстрами поехали к нему, уже совсем старому и прикованному к постели. И тогда он признался, что так подло поступил с Матвеем, желая отомстить за несостоявшуюся любовь.

Эта история о любви и преданности, о подлости и предательстве, об измене Родине и о любви к ней не может оставаться закрытой, хотя моя мама хранила эту тайну своих родителей до самого своего последнего дня. И сегодня, когда враги собираются у границ России и Беларуси, жаждут их уничтожения, очень важно говорить об этом, напоминать тем, кто забыл о зверствах фашистов, рассказывать всем, какой ценой была завоевана победа и благодаря кому столько лет мы живём под мирным небом.

БАБУШКА АГАТА (Рассказ)

Старенький домик бабушки Агаты давно уже покосился и одним углом влез в землю. Почерневшие брёвна дома поточил шашель, и они всегда были словно пудрой присыпаны. На соломенной крыше даже вырос кустик смородины.

Как он туда попал, Агата не знала, но и скидывать его от туда не захотела. Ей понравилась эта идея природы: какая ни какая, но красота на давно отжившем свой век здании.

Окна, также как и пол, женщина не красила никогда: боялась оставить свое положение вдовы и всегда тоскующей матери. Дом был разделён на две комнаты: сени и передняя (как она сама их называла).

Побеленные стены потемнели. Время от времени Агата снимала с них паутину и пыль. Пол она натирала старым веником, смоченным в воде, поэтому все доски были жёлтенькие. Белая скатерть украшала круглый стол, на котором стояли фотографии дорогих ей людей – сына и мужа.

Все дороги вокруг дома заросли сорняками. И только одна проторенная тропинка бежала от калитки до высокого дуба в поле. По ней каждое утро и ходила бабушка, взяв кусочек хлеба, конфеты, яблочки и цветы.

Сегодня она также причесалась, умылась и, осенив себя крестным знаменем, пошла туда, где вся её жизнь, где весь смысл ею прожитых девяноста шести лет.

Агата улыбнулась, вспомнив, что сегодня у неё день рождения. Это же надо так родиться – девятого мая. Казалось, что надо радоваться, но из глаз Агаты текли слёзы. Ничего хорошего этот день ей не принёс. Даже победа над фашистами не смогла заставить её улыбаться. И женщина жила воспоминаниями и горечью утраты.

Быстро тропинка привела Агату к знакомому дубу. Она, обняв богатыря, поцеловала огрубевшую кору, погладила неуклюжей рукой листики и тихонько пошла к маленькой могилке с деревянным крестиком. Агата развязала узелок, достала

угощения и положила их на тарелочку, стоявшую на могилке.

– Вот тебе, Ванятка, любимые яблочки и конфеты. Я же обещала. Угощайся. А знаешь, сыночек, сегодня я тебя видела во сне. Какой же ты красивенький! Я вот совсем старая стала, неуклюжая, а ты всё такой же молоденький. Совсем скоро мне придётся покинуть этот мир. Но ты не беспокойся, я буду с тобой. А здесь, на земле, за нами будет присматривать твой братик-дубок. Ты же помнишь, как мы его баловали, растили. Знаю: помнишь, – проговорила женщина и протерла салфеточкой крест.

Агата достала скатерть и, положив её на землю, рядом с могилкой, села. Стянула с головы платок, расплела косу, расчесала гребнем волосы и собрала их в пучок. Слёзы текли ручейками из усталых глаз. В памяти всплыли последние денёчки, когда она видела своего Ваняточку. Это был месяц июнь. Жаркое солнце жгло нещадно. Агата с Ванечкой были в доме. Да они и не спешили никуда. В деревне уже во всю хозяйничали немцы. Они позанимали лучшие дома, выгнав сельчан в сараи. Половину деревни фашисты сожгли. Дом Агаты стоял в стороне от деревни, поэтому и остался невредимым.

С самого утра немцы бегали, кричали, словно обезумевшие. Что случилось, люди не знали, но чувствовали что-то плохое. Ближе к полудню приехали каратели и согнали всех на площадь. Один из них вышел вперёд и начал что-то кричать. Никто его не понимал.

– Партизанен, партизанен, – произнёс обезумевший немец и выстрелил вверх.

Люди притихли и опустили на землю. Тишина повисла над деревней. Было слышно, как тяжело дышат собаки, высунов от жары свои языки.

Прошло минут пять, и тот самый немец снова закричал. Затем схватил младенца из рук женщины, подбросил его в воздух и выстрелил. Ребёнок замертво упал на землю. Его мать кричала от горя, рвала на себе волосы и рыдала. Фашист выстрелил ей в голову. Женщина упала на своего младенца.

Старый дед Игнатий достал из ботинка большой нож и со всего размаха вонзил его в спину нелюдя. Сразу в него полетели пули. Начался переполох.

Агата поняла, что нужно бежать, спастись и, схватив за руку сына, направилась в рожь. Но пуля догнала её и, вскрикнув, она упала на дорогу.

– Беги, Ванечка. Беги к партизанам.

– Мамочка, я боюсь. Я не пойду никуда от тебя, – сквозь слёзы проговорил мальчик.

– Беги, мой любимый. Так надо, – сквозь стон сказала Агата и потеряла сознание.

Ванятка побежал. А за ним уже мчались собаки. Вскоре они догнали мальчика и, повалив на землю, начали рвать. Малыш кричал от боли нечеловеческим голосом. А фашисты хохотали, хохотали и хохотали. Им было весело...

– Очнулась Агата в землянке. Тело болело, голова кружилась. Но она не думала о себе. И стала звать сынишку. К женщине подошёл красноармеец.

– Не двигайтесь, Агата Тимофеевна. Доктор достал из вас пули, и поэтому вам нужно лежать тихонько.

– А Ванечка мой где?

– Похоронили мы его. Возле дуба вашего похоронили, Агата Тимофеевна. Разорвали Ваню фашистские собаки, – еле слышно проговорил красноармеец.

В глазах Агаты потемнело. Казалось, что жизнь покинула её. Но она выжила, до конца войны оставаясь с партизанами. А вот муж её Ефим погиб. И хотя война уже давно закончилась, она каждый день ждала своего любимого...

Агата ещё раз прикоснулась рукой к кресту на могилке сына, поцеловала, затем, улыбнувшись дубу, подняла свой взор к солнцу...

Здесь её и нашёл через два дня шофер автолавки, который привёз бабушке хлеб и молоко. Зайдя в дом, он увидел на столе письмо, в котором было написано: «Похороните меня рядом с сыночком... с моим Ванечкой».

ВАСИЛЬКИ (Рассказ)

Ржаное поле начиналось сразу за сараем Екатерины. Она очень любила ходить по нему, слушать пение жаворонков, смотреть в голубое небо. В ветреный день рожь качалась, словно морские волны.

Жила Екатерина в доме, построенном ещё её дедом Николаем. Родители, Василий и Анна, тоже жили в этом доме, вели хозяйство и растили свою единственную дочурку, которую любили больше, чем свою жизнь. Девочка росла сообразительной. На любой вопрос у неё всегда готов был ответ. Мать всегда, смеясь, говорила:

– И в кого ты такая? Наверное, будешь руководить большим заводом?

Но Екатерина решила, что будет учительницей. Окончив школу, девушка поступила в педагогический институт, который закончила с красным дипломом. Там она встретила свою судьбу – Васеньку. У него были такие большие голубые глаза, что Екатерина утонула в них на всю жизнь. Вскоре они поженились и поехали работать в родную деревню девушки. Жить молодые остались в родительском доме, тем более, что нужно было помогать родителям по хозяйству.

Василий Владимирович вёл уроки биологии и естествознания в местной школе, а Екатерина – русский язык и литературу.

Шло время, и через год, в начале марта, Екатерина родила сынишку, которого назвала Васильком. У мальчика были как ленок волосы, как васильки – глазки. Настоящий подарок Всевышнего! Радоваться бы только жизни, да не тут-то было: началась проклятая война. Ушёл на фронт муж Василий. Как болело сердце молодой женщины! Сколько слёз пролила за то время! Когда немцы заняли всю Беларусь, она, вместе с родителями и сыном, пошла в лес к партизанам. Там Екатерина готовила еду, стирала одежду, ухаживала за ранеными.

После окончания войны все они вернулись в родную де-

ревню, лучше сказать в то, что от неё осталось. Дом Екатерины был разрушен наполовину. Но в нём можно было жить. Совсем скоро вернулся с войны и её Василий. Сколько счастья было в глазах и в сердце женщины! Только не хвасталась она, так как знала, что почти в каждую семью пришла похоронка.

Василий, долго не думая, отремонтировал дом. Жизнь налаживалась.

И вот весна тысяча девятьсот сорок пятого года. Пришла пора засеять поле. Где-то найдя коня и плуг, Василий позвал тестя и сына:

– Ну что, мои дорогие, пойдём вместе по пашне? Пусть жизнь начинается с нас.

И они втроём начали вспахивать первую послевоенную борозду. Собрались все жители деревни. Одни смотрели с интересом, другие с доброй завистью, третьи – с болью и слезами. Екатерина тоже смотрела вслед своим мужчинам. Вот оно – настоящее счастье женщины! Чего ещё нужно желать от жизни? Сердце её стучало, колотилось, как бешеное.

И вдруг земля взлетела вверх. Екатерина окаменела от ужаса. Рядом кричали люди.

Сельчане подбежали к погибшим. А она, Екатерина, не шевелилась, не плакала, не кричала. Жизнь остановилась в одно мгновение и осталась здесь, в этой первой борозде. Первой и последней ... Война не захотела отпустить от себя эту счастливую семью. Она отобрала у женщины самое дорогое – её Васильков.

Каждый год над могилами расцветали синеокие васильки. Екатерина смотрела на них и видела глаза своих родных мужчин, названных красивым именем Василий – Василёк.

Прошли годы, а она, седая и старенькая, как и прежде, идёт сюда и разговаривает со своими Васильками – отцом, мужем, сыночком.

НАТАЛЬЯ КОНДРАШУК

Кондрашук Наталья Петровна – писатель, журналист, издатель. Член Союза писателей Беларуси. Родилась в д. Каменюки Каменецкого района Брестской области. Автор пяти поэтических книг и двух книжек для детей. Произведения вошли в 19 коллективных сборников. Учредитель и составитель литературного альманаха «Лірычны настрой». Победитель многих литературных конкурсов, в том числе литературного стартапа «LitUp» (2024). Руководитель литературного клуба «ПоэтиКо». Живёт в г. Кобрине Брестской области.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ МИРА И ВОЙНЫ

ВЕРНУЛСЯ ПОСЛЕ ТРЁХ ПОХОРОНОК

(Очерк)

Приближается День Победы – на душе становится и радостно, и грустно одновременно. Какое это счастье – жить под мирным небом, не зная ужасов войны! Но так мало осталось рядом с нами тех, кто, пожертвовав собой, принёс нам мирную жизнь.

Весной, накануне майских праздников, я всегда с особенным трепетом вспоминаю своего дедушку Николая, который умер в апреле 1991 года. А в далёком мае 1945-го его возвращение с фронта было настоящим чудом.

Когда после освобождения Беларуси бои шли на западе, моя бабушка Наташа получила похоронку. Безмерное горе ворвалось в сельскую хату: мужа больше нет, на руках трое малых детей. Как жить?

Правду говорят, что беда одна не ходит. Наталья ещё не выплакала всех слёз после первой похоронки, как принесли вторую, а через какое-то время – и третью. Мать мужа и его сестра Люба всегда были рядом, поддерживали как могли, утешали, хотя им самим было очень тяжело, потому что одновременно и они потеряли сына и брата.

И вот однажды...

Наташа даже не поверила своим глазам: в дом вошёл её Николай. Как такое может быть? Три похоронки, а муж... живой. Это не сон: вот он горячо обнимает жену, ласково проводит ладонью по головкам детей: Павла, Коли и Веры.

А потом муж рассказал, что произошло на самом деле.

В бою Николая контузило, и он потерял сознание. Посчитав его мёртвым, отправили похоронку родным. Когда после боя солдаты собирали погибших, чтобы похоронить, заметили что кто-то пытается встать и не может. Это был он, Николай. Его поместили в госпиталь, а так как среди мёртвых его не оказалось, домой отослали ещё одно письмо, в котором значилось, что Лук Николай Павлович пропал без вести. Через некоторое время, окончательно запутавшись и не разобравшись, что же всё-таки произошло с бойцом, руководство воинской части отправило ещё одну похоронку.

Но теперь всё это уже не имело того ужасного смысла, потому что радость и счастье вернулись в дом. Чтоб красноармеец мог немного окрепнуть после тяжёлого ранения, Николаю было разрешено некоторое время побыть дома. Но судьба опять не пощадила семью Лук: умерла дочь Вера.

– Пусть бы лучше я погиб или скотина вся посдыхала, только не она!.. – в сердцах произнёс Николай.

После похорон вернулись в дом, помянули дочь, а вечером пошли в сарай, чтобы управиться по хозяйству. Все животные: две коровы и две свиньи – оказались мёртвыми. Тогда Николай понял огромнейшую силу слов и просил прощения у Бога за то,

что сказал тогда, когда не помнил себя от горя. Спустя много лет, когда у него уже были внуки, он часто говорил нам: «Будьте осторожны со словами...»

...Пришло время возвращаться на фронт. Печальным, но необходимым было расставание: война продолжалась.

В то время, когда мой дедушка вновь покинул дом, умер его сын Коля. Новая беда обрушилась на семью. И опять тяжесть утраты легла на хрупкие женские плечи моей бабушки.

Бог помиловал Николая, и он вернулся домой с Победой, в прямом смысле этого слова, так как переступил порог родного дома 10 мая 1945 года – вместе с известием об окончании войны. А 9 мая 1946 года, через год после возвращения деда, родилась моя мама Анна, или Нюра, как ласково называл её отец.

Станковой пулемётчик рядовой 1283-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта Николай Павлович Лук награждён орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями и медалью «За доблестный труд».

Умер мой дедушка в апреле 1991 года в 80-летнем возрасте. всю сознательную жизнь он прожил в д. Жиличи Каменецкого района Брестской области. А теперь ежегодно в День Победы, «становясь» в ряды «Бессмертного полка», он «выходит» на улицы города Кобрин, в котором я живу. Мой сын Игорь Нижник – правнук Николая Лука – вместе со своей женой Ириной с гордостью несёт портрет прадеда, которого никогда не видел и знает лишь по фотографиям и рассказам родных. 9 Мая навсегда остался священным днём в нашей семье. А значит, память жива!

ТАТЬЯНА КОНОПАЦКАЯ

Конопацкая Татьяна Васильевна – писатель, журналист. Член Союза журналистов Беларуси и Союза писателей Беларуси. Автор-составитель историко-документальной хроники «Памяць. Лунінецкі раён» и книг серии «Лунінецкая памяць». Живёт в г. Кобрин Брестской области.

«ЗВЕЗДУ ГЕРОЯ НЕ УСПЕЛ УВИДЕТЬ И ПРИМЕРИТЬ...»

(Очерк)

На старом Лунинецком кладбище похоронены трое Героев Советского Союза, в их числе – Пётр Николаевич Богданов (11.07.1924-24.08.1945).

Открытием большинства патриотов нашего края, отдавших жизни на алтарь Великой Победы, был писатель-чекист Николай Калинин (18.12.1950-24.07.1990). В первом издании книги «Лунинец» он в соавторстве с Василием Литвинчуком писал: «Герой Советского Союза П.Н.Богданов на фронт ушёл 17-летним пареньком, принимал участие в жесточайших сражениях, был несколько раз ранен. В бою на улицах Берлина старший сержант Богданов заменил погибшего командира и поднял роту в атаку. Боевая задача была выполнена. Родина высоко оценила мужество и находчивость своего славного сына...»

В этой же серии «Города Белоруссии» вышла и вторая книга автора под тем же названием: «Лунинец» (1990). В очерке «Строки на обелисках» Николай Калинин отмечает, что «пришлось

обратиться к архивным материалам, вести длительный поиск». Трудно установить, переписывался или встречался писатель с родными Героя, приводя их воспоминания: «Живёт в Пскове мать Петра Богданова Екатерина Фёдоровна, воспитавшая девятерых детей. Она рассказала: «На фронт Петю не брали. Ему не было ещё и семнадцати, но он своего добился. Фронтные трудности не испугали его».

Крепкий от природы, сильный и смелый, рядовой Богданов вскоре доставлял фашистских «языков». «С 21 января 1942 года Пётр Богданов воевал на Смоленском направлении. С 20 июня 1944 года он сражался в составе войск 1-го и 3-го Белорусских фронтов. С 20 апреля 1945 года – на 1-м Украинском фронте. Ранен тяжело 16 августа 1942 года... В 1944 году награждён медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны II степени. В 1945 году удостоен ордена Славы III степени...» – это сведения из архива Министерства обороны СССР.

Особое испытание на долю старшего сержанта выпало в боях за Берлин. 23 апреля 1945 г. перед батальоном, в котором воевал Пётр Богданов, была поставлена задача: любой ценой захватить мост через Тельтов канал, форсировать его и создать плацдарм на левом берегу.

Мост был виден как на ладони, простреливался со всех сторон. Неоднократные попытки советских воинов овладеть им заканчивались неудачей. Командование полка все надежды возлагало на взвод Богданова и на него лично. В одной из схваток погиб командир подразделения. Заменил офицера старший сержант. Вот строки из наградного листа: «Богданов, командуя стрелковым взводом, с группой бойцов первым достиг моста и, несмотря на ураганный огонь врага, броском проскочил к горящему мосту на противоположный берег... Только в этом бою Богданов истребил до 60 солдат и офицеров противника. Враг, не добившись успеха, вынужден был прекратить контратаки. Это дало возможность переправиться нашим подразделениям через канал, перейти в наступление и занять два квартала Берлина... На боевом счету товарища Богданова до 180 убитых и 93 пленных немецких солдат и офицеров...»

Как известно, писатель-чекист служил в разных ре-спуб-

ликах СССР (Туркмения, Грузия), только в период отпуска посещая малую родину. Возможно, он и не читал письма однополчанина П.Н. Богданова, опубликованного в областной газете «Заря» (Брест, 30.08.1988). Автор публикации описал подвиг Героя Советского Союза сухим языком официального документа. Заголовок «Юный герой», данный, вероятно, коллегами, на мой взгляд, не соответствует облику воина (пусть он даже и молодой, но все же – совершеннолетний). Тем более, Великая Отечественная война дала множество примеров воистину юных героев-пионеров... Но очень важны свидетельства сослуживца старшего сержанта Петра Николаевича Богданова: «...В 17 лет он стал бойцом-добровольцем и попал в наш стрелковый батальон. Смелый, отчаянный, весёлый парень привлёк внимание командира батальона майора Ткаченко, и тот взял Петра своим адъютантом. Всю зиму – с января до начала апреля 1945 года – наша 61-я стрелковая дивизия наступала в Восточной Пруссии. В боях за взятие Гумбиннена, Фридлянда, Цинтау, Кенигсберга проявились лучшие качества Богданова – смелость, находчивость, мужество. В апреле нас перебросили на подступы к Берлину. К этому времени наш 66-й стрелковый полк сильно поредел, в нём уже был только один стрелковый батальон под командованием Ткаченко. В дальнейшем продвижении нам очень мешал Тельтов-канал. Все мосты через него были разрушены. Через один из них тянулись две трубы, одна – большего диаметра, другая – тонкая. На другой стороне канала возвышалась железнодорожная насыпь, где окопались фашисты. Со своих позиций противник поливал нас пулемётным огнём. Трубы над каналом были отлично видны с той стороны. Убедившись, что винтовочным или пулемётным огнём фашистов не выбить из насыпи, командование прислало пушку. Её замаскировали и открыли огонь.

Старший сержант Богданов подполз к артиллеристам и сказал: «Если так дело пойдёт и дальше, до утра не успею перейти на тот берег. Судя по стрельбе, противник вблизи берега не имеет огневых точек. Вы продолжайте стрелять, а я пойду к фрицам в гости».

И он ушёл. Вскоре смотрим – Пётр Богданов уже на том берегу канала, забрасывает огневые точки гранатами. И фашисты не выдержали – бежали. Мы быстро «оседлали» трубы и стали ползти по ним. На середине тонкой трубы синим огнём горел газ. Пламя обжигало, но мы пилотками закрывали дыру и продолжали ползти. На том берегу нас встретил Пётр. Майор Ткаченко обнял смелого и находчивого адъютанта. А находчивость состояла вот в чём. Пётр перебрался по трубе вверх ногами, связав их ремнем, и фашисты не видели, как он переправлялся...»

Публикация подписана: «Г.Багдасаров, г.Степанакерт, Азербайджанская ССР».

В 1993 году город, который носил имя одного из 26-ти бакинских комиссаров (кстати, они тоже были героями произведений Н.Н. Калининича), переименовали в Ханкенди. Среди участников Великой Отечественной войны было несколько воинов с такой фамилией и инициалами, биографии которых связаны с Нагорным Карабахом. Увы, мне не удалось идентифицировать личностей, указанных на сайте «Память народа», с автором письма.

Очередной печатный памятник Герою – в энциклопедическом издании «Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область» (Минск, 1990). Краткая статья тоже подготовлена Н.Н. Калининичем. Но здесь уже содержится информация о том, что Пётр Богданов родился в деревне Деванисы Палкинского района Псковской области, что «трагически погиб 24.08.1945 г. В 1946 г. на могиле установлен обелиск».

Все трое Героев, похороненных в Лунинце, трагически погибли. В смерти каждого – своя тайна... Старожилы Лунинца делились воспоминаниями, что Пётр Богданов, живший в казарме, выделялся среди однополчан. Не только тем, что ходил всегда с трофейной шашкой, хотя это и было запрещено, но также хулиганистым и задиристым характером. «Но такие и совершали подвиги!» – с восхищением завершали рассказ мои собеседники. Лаконично и сдержанно написал о трагической

гибели П.Н. Богданова его однополчанин: «Жизнь молодого воина оборвалась случайно и нелепо...»

Безмерно благодарна за лаконичность и обтекаемость формулировки о завершении земного пути Героя! Все версии, которыми изобилует интернет, просто недостойны Петра Богданова. Он пришёл в этот мир, чтобы совершить подвиг, а дальше – не наше дело! Пусть истина будет заключена в поэтическом посвящении, которое создала землячка Героя Советского Союза: «Да, Пётр остался молодым, красивым и отважным, навек потомками любим... Вот это в жизни важно!»

В книге «Лунинец» отмечено, что на надгробной плите выбиты скупые слова: «ОучастникштурмаБерлина,отважный разведчик, храбрый боец. Правительством присвоено звание Героя Советского Союза...» Увы, после реконструкции на могилах троих Героев установлены стандартные памятники, где указаны годы рождения и смерти...

Сообщения о П.Н. Богданове дополнил всезнающий Интернет: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» старший сержант Пётр Богданов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Эта весть застала молодого воина в Лунинце. Получить награду он не успел...

Та же «всемирная паутина» проинформировала, что в 2001 году в посёлке Палкино была открыта аллея Героев. Таким образом увековечили память выдающихся земляков: пятерых Героев Советского Союза, в числе которых – Пётр Николаевич Богданов, и одного – Героя Социалистического Труда.

В Лунинце по традиции чтят память Героев Советского Союза – в праздничные дни к их могилам возлагались цветы.

В год 75-летия Великой Победы на мой электронный адрес написал Виктор Сергеевич Струнченко – руководитель поискового клуба «Купол» регионального отделения ДОСААФ Псковской области. Переслал и сканированное письмо, которое

с 1986 года сохранилось в Добычинской школе Палкинского района. Из Лунинца участники клуба «Гвардеец» тогдашнего Дома пионеров и школьников написали: «Над могилой П.Н. Богданова шефствует СШ №1 г. Лунинца». Сообщила неравнодушным людям, что сейчас заботу о захоронении несёт ПМК-7. Когда же, накануне юбилея Великой Победы, делегация из Псковской области решила посетить могилу Петра Богданова, именно первая школа Лунинца готовилась принимать учеников Добычинской СШ, где установлена мемориальная доска в память об отважном ученике.

К сожалению, пандемия коронавируса помешала нашей долгожданной встрече...

В книгах нашего земляка отмечено, что «лунинецкие школьники поддерживают связь с матерью Героя», а его сестра Мария Николаевна Шилова, жительница Минска, в 1990 году сообщила: «Мы с мамой каждый год в мае приезжаем поклониться могиле Петра».

Убедительный пример служения Родине важен молодежи в каждом поколении. Памятные даты Героя ежегодно отмечаются возложением цветов к могиле. О его подвиге информируем новые поколения школьников, о встречах общественности сообщаем в районной газете «Лунинецкія навіны». В день рождения Петра Богданова, 11 июля 2020 года, представитель организации, за которой закреплено захоронение, юрист Светлана Васильевна Божко отметила, что труженики коллектива очень впечатляются, узнав возраст Героя... 24 августа 2020 года, в 75-летнюю годовщину смерти Петра Богданова, литию на его могиле служил настоятель храма иконы Божией Матери «Взыскание погибших» протоиерей Сергей Крышталь. Память Героя почтили представители районной организации ОО «Белорусский союз офицеров», городской организационной структуры ДОСААФ, ГУО «СШ №1 г. Лунинца» – учитель Андрей Николаевич Кислюк и педагог-организатор Ирина Александровна Лавринович с учащимися.

100-летие Героя Советского Союза Петра Николаевича Богданова лунинчане будут отмечать в рамках юбилейных мероприятий в честь 575-летия города, что традиционно

проводится накануне дня освобождения от фашистов. Сделаем всё, чтобы почтить память Героя молитвенно и торжественно. Очень надеюсь, что программа приёма делегации Палкинского района, подготовленная нами для марта 2020 года, осуществится в июле 2024 года. Ведь это наш общий долг и возможная лепта в дело увековечения Героев и героев (даже без высокого звания) Великой Отечественной войны. Наше «всё, что могу» – поколению победителей...

АННА КРАСОВСКАЯ

Красовская Анна Станиславовна – режиссёр, сценарист, актриса Театра поэзии Минского городского отделения СП Беларуси, педагог, литератор.

Публиковалась в коллективных сборниках и альманахах. Победитель Международного фестиваля-конкурса «Созвездие» (Минск, 2023). Живёт в Минске.

Моя Беларусь синеокая,
Иду по земле твоей.
Ты – песня бездонно-глубокая,
Царица лесов и полей.

Моя Беларусь родниковая,
Умытая свежей росой.
Брусничная ты и медовая,
С открытой и чистой душой.

Иду по земле твоей ласковой,
Кроплённой священной водой.
Хоть трудной дорогой, но знаковой,
Хранимой небесной звездой.

Иду сквозь века, сквозь столетия,
Склоняюсь к истокам святым.
Все беды твои, лихолетия
Рвут сердце осколком стальным.
Не раз твою землю свободную,

Пытались отнять чужаки.
Но им не сломить тебя, гордую –
Сыны твои духом крепки!

Живи, Беларусь моя вольная!
Теплом согревай колоски.
Пшеничная и хлебосольная, –
Ни скорби не знай, ни тоски!

Так будь ты всегда благотворная,
Живи, богатей каждый год.
Моя Беларусь непокорная
И мой белорусский народ!

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

Крикливец Елена Владимировна – поэт, литературовед. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей России. Доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Автор двух сборников стихов и четырёх литературоведческих монографий. Имеет более 90 научных публикаций и более 100 литературных публикаций в литературно-художественных изданиях Беларуси, России, Украины, Молдовы, Армении, Болгарии, Германии, Австрии, Бельгии, Франции, Израиля, США, Австралии, Канады. Лауреат шестнадцати международных литературных конкурсов, в том числе – Кубка мира по русской поэзии (2020 г.). Обладатель премии Витебского городского Совета Депутатов (2010 г.) и Витебского областного исполнительного комитета талантливым молодым учёным (2016 г.). Исполнитель грантов Министерства образования Республики Беларусь (2010, 2018 гг.). Награждена грамотами Министерства образования Республики Беларусь (2014, 2021 гг.). Сведения о Е.В. Крикливец включены в энциклопедию «Кто есть кто в Республике Беларусь» (2016, 2020 гг.). Живёт в Витебске.

ПОВЕСТКА ПРИШЛА В СУББОТУ

А липы гнали свет со старого двора.
Струилась тишина, как молоко в подойник.
Они уже срослись – трухлявая кора
и корка на сухих натруженных ладонях.

Не отогреть платком серебряный куржак.
 Распахнуты в туман морщинистые веки.
 За этой пеленой – расстеленный пиджак,
 и нежность, и тела, как сцепленные ветви.

– Ни солнца, ни тепла, – соседи говорят. –
 Срубить бы их пора. Поможем, если надо.
 Ну как им объяснить, что летняя заря
 давно погасла там, где ржавая ограда,

где столько долгих лет колышется трава
 под красною звездой на дальнем перекрёстке?
 Исчерпаны до дна и слёзы, и слова.
 И губы запеклись шершавою коростой.

Отшелестит закат прогретой резедой,
 уснувшие сады смородиной задышат...
 И снова будет ночь. Как та, перед бедой.
 И липы зацветут над обветшавшей крышей.

БАБА НИНА

По снегу в летних кедах в магазин –
 куда такого выведет кривая?..
 – Опять без шапки?
 – Здрасьте, баба Нин!
 (Она хоть ночью дома-то бывает?)

Бывает ночь. Бывает почтальон.
 Смолит и смотрит тяжко исподлобья.
 И крик в сухой гортани воспалён.
 И тают сны, разодранные в хлопья.

И вот опять, от боли заслонясь,
 зажав часы в обветренной ладошке,

она бежит, проваливаясь в наст,
 в худых, как мир, соседкиных калошах.

А баба Нина крестится вдогон:
 – За десять дней – вторая похоронка...
 Смолит и смотрит тяжко почтальон.
 ...Ступени в память высечены стромко.

Прожгли ладонь дурацкие часы
 с каким-то там «лучом» на циферблате.
 – Деньжат на новогодние подсыпь!
 – Гони за ёлкой! – вызверился батя.

Мерцает шарик в вязкой темноте.
 Мерцает кромка сбитого асбеста.
 Часы не те. И времена не те.
 А баба Нина вечна у подъезда.

...И годы далёкие бередит
 навязчивый запах хвои.
 Здесь крест деревянный в ногах скрипит.
 И памятник со звездой...
 Забыться должно.
 А поди ж ты – нет...

Повестка пришла в субботу.
 И кто-то достал с чердака портрет
 нездешней чудной работы.
 Отец папироску в губах помял,
 покашлял чуток от дыма
 и трижды портретик поцеловал,
 где женщина держит сына,
 и спрятал предательски влажный взгляд
 в колючий рукав шинели.

А бабка картинку снесла назад,
«чтоб энти не доглядели...»

Просил он за папку на чердаке
у той незнакомой крали.
И папка пришёл на одной ноге
и дал поносить медали.

...Бежал, задыхаясь, двенадцать вёрст –
медали звенели глухо –
туда, где хранили зимой овёс,
под куполом ветер ухал.

Стесняясь натруженных ног босых,
неловко ступил на плиты,
от нёба сухой оторвал язык
для первой своей молитвы...

Он детства холодное остриё
достал из груди не сразу.
Сказал: «Да святится имя Твоё».
Вздыхнул.
И поправил рясу.

Какие были в городе дожди?
Куда калоши шлёпали по бровке,
когда художник детство уводил
из домика на вымокшей Покровке?

За чьим окном куражилась пурга?
На чьих мундирах звякали медали,
пока в ночи колючие снега
церковище пустое заматали?

Цвела ли в этом городе сирень,
когда, старуху саданув прикладом,
два нелюдя в фуражках набекрень
кормили «фройляйн» горьким шоколадом?

Какие зрели яблоки в саду?
Какой мотив высвистывала птаха,
когда мальчишке жёлтую звезду
примётывала мама на рубаху?

Какая с клёнов падала листва?
Где укрывала стынущие мощи?
Чьи дети от мацевы до креста
укатывали праздничную площадь?

...Какие будут в городе дожди?

ГОРОДА

Ножик вонзается в землю. Идёт война.
Город в осаде от клёна до самой клумбы.
Старший кривляется:
– Вот тебе, мелкий! На!
Мальчик не плачет. Мальчик кусает губы.

Ножик вонзается в землю. Идёт война.
Город в осаде. Но высшая сила – с нами!
Красное зарево в чёрном зрачке коня.
Мальчик не плачет. Мальчик глядит на пламя.

Ножик вонзается в землю. Идёт война.
– Крупный осколок. Не сдюжить до медсанбата.
– Ты обязательно... Польша уже видна...
Мальчик не плачет. Мальчик хоронит брата.

Ножик вгрызается в магму чужой земли.
Здесь равнодушны и камни, и взор Аллаха.
Бремя познания – в жёлтых глазах змеи.
Мальчик не плачет. Мальчик не может плакать.

Солнце повисло на клёне – пора домой.
– Горло простудишь! Где тебя носят черти?
Каша холодная... Руки иди помой!
Ложкой на блюде мальчик границы чертит.

Ножик вонзается в землю...

...Просишь пернатого отпуск тебе накаркать.
Видишь условный мир на политической карте –
ищешь давно нехоженный путь во храм,
где в подсервантник фамильный хрусталь вмурован,
где до весны лежат мумии божьих коровок
между скрипящих рам.
Смотришь сквозь призму нелепой своей обскуры,
как на земле отцов тлеет в ночи окурков,
брошенный тётинадиным сорванцом.
Часики тикают – время вернуть задаток.
Будет почти седой мальчик в форме солдата
главным твоим истцом.

Словно кисель из пакетика, день спрессован.
Знаешь, сегодня вдруг треснула нить основы
этого слишком плотного сентября.
Кушай оладушки (хочешь, еще нажарю?).
И умещайся в мир с его пятью этажами.
И приходи в себя.

ВИКТОР КУДЛАЧЁВ

Кудлачёв Виктор Семёнович – писатель, преподаватель музыки. Член Союза писателей СССР, БССР, Союза писателей Беларуси. Родился в 1936 г. в деревне Слостёны Дрибинского района Могилёвской области. Пережил фашистскую оккупацию. В мае 1945 г. взрыв вражьей мины навсегда лишил его зрения. Автор 30 книг, имеет многочисленные публикации в периодической печати российских и белорусских изданий. Стихи неоднократно включались в учебники и методические пособия. Почётный член Союза писателей Беларуси, лауреат двух республиканских литературных конкурсов за книги «Сонца ранак падарыла» (2008 г.) и «Война глазами ребёнка» (2015 г.), премии А.Дубко Гродненского облисполкома «За творческие достижения в области культуры и искусства» (2006 г.). Имя писателя внесено в Гродненскую областную Книгу Славы с вручением нагрудного знака (2012 г.) и присвоено библиотеке Гродненского Гуманитарного колледжа УО Гродненского университета им. Янки Купалы» (2014 г.). Удостоен медали Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу» (2015 г.). Присвоено звание «Почётный гражданин Дрибинского района» с вручением нагрудного знака (2019 г.).

ВИНОВАТА ВОЙНА

СТОЯЛ ИЮЛЬ

Стоял июль. Шёл жаркий бой
 За город древний над рекой.
 Снаряды падали, рвались.
 Бойцы отчаянно дрались.
 Лишь после штурма и огня
 Был город взят к исходу дня.
 Свободы светлый час пришёл –
 Над Гродно алый флаг расцвёл.

ВИНОВАТА ВОЙНА

Я не мог зверушек
 В детстве рисовать
 И с друзьями в прятки
 И в лапту играть,
 Прыгать через лужи,
 Через ручейки,
 Бегать друг за дружкой
 Наперегонки...
 Виновата в этом
 Страшная война,
 Принесла она мне
 Горечей сполна.
 Взрыв фашистской мины
 Зрения лишил.
 Я тогда мальчишкой
 Босоногим был...
 Проклинаю войны
 И хочу, чтоб дети
 Не встречались с горем
 На родной планете.

ТАНК НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

На пьедестале танк застыл,
 Что в дни войны фашистов бил,
 Косил врага своим огнём
 Под Севастополем, Орлом.
 Боёв немало повидал –
 В сорок четвёртом Гродно брал.
 Теперь на площади стоит,
 Как часовой, вперёд глядит.

УПАЛ СОЛДАТ

Смертельно раненный боец
 Качнулся и вперёд упал –
 Слепой безжалостный свинец
 Жизнь молодую оборвал.
 Упал на грудь земли солдат,
 Не дошагав до тишины...
 А сколько их, таких ребят,
 Сгорело в пламени войны!

СВОБОДА ПРИШЛА

К немецким траншеям
 Бойцы подползли,
 Внезапный удар
 По врагу нанесли.
 И бой завязался
 В ночи рукопашный.
 Друг друга рубили
 Отчаянно, страшно.
 И дрогнули фрицы,

К реке отступили.
Вдогонку по ним
Пулемёты строчили.
А утром октябрьским
Второго числа
В наш Дрибин с рассветом
Свобода пришла.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Всё меньше и меньше солдат той войны,
Уходят из жизни Отчизны сыны.
Они незаметно уходят от нас,
О подвиге свой оставляя рассказ.
Потомки узнают о чёрных годах,
О горьких утратах в жестоких боях,
О нашей победе над лютым врагом,
О радости светлой, наполнившей дом.
Солдаты! Солдаты минувшей войны!
Солдаты победной цветущей весны!
Мы память о вас пронесём сквозь года –
И жить будет праздник Победы всегда!

МИХАИЛ КУЛЕШ

Кулеш Михаил Иванович – поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства. Автор четырёх книг. Печатался в журналах «Нёман», «Полымя», «Новая Немига литературная», «Армия и культура» (Минск), «Москва» (г.Москва), «Литературный ковчег» (Омск, Россия) и др., а также в коллективных сборниках «Нить» (Лондон), «Ступени» (Вильнюс), «Поэт года, 2022» и т.д. Лауреат международных, республиканских и областных конкурсов, в том числе «Славянский калейдоскоп», «Радок пра малы куток», дипломант Международного конкурса «Балтийский гамаюн», финалист «Поэт года, 2022». Награждён медалью «За большой вклад в литературу», медалями Максима Богдановича и Марины Цветаевой.

СЛОВНО ВИЖУ ХАТЫНЬ И РЕЙХСТАГ НАЯВУ

О ВРЕМЕНИ И О ВОЙНЕ

Я родился спустя лишь одиннадцать лет
После долгой, жестокой войны.
Что оставила дикий и хищный свой след
На земле моей мирной страны.
И, мальчишке-юнцу, мне казалось тогда,
Что была она очень давно.
И прошла, словно талая в Струге вода,
Или в клубе колхозном кино.

Время строгий судья – скоро мне шестьдесят,
И того, что прошло, не вернуть,
Но чем дальше, тем годы быстрее летят,
Сокращая мой жизненный путь.

За последние годы я по существу
Так приблизился к этой войне,
Словно вижу Хатынь и Рейхстаг наяву,
Слышу залпы «Катюш» в тишине.

И чем больше живу я на этой земле,
Тем сильнее тревога берёт:
Белый аист пусть кружит в заоблачной мгле,
А не чёрный чужой самолёт.

ПСКОВУ

Я сюда, как ни странно,
Зимним пасмурным днём
Ехал не за туманом,
А, увы, за рублём.
Трудно было представить,
Что спустя много лет
Псков со временем станет
Мне своим, как и Брест.

Одолели заботы,
И проложен мой путь
В Псков – к делам, на работу,
В Брест – к семье, отдохнуть.
И возвращаюсь по кругу
Сам себе вопреки
К величавому Бугу
От Великой реки.

Снова море людское
И знакомый вокзал.
Ощущенье такое –
Словно не уезжал.
Всё в едино смешалось,
Разделить не могу,
Где о чём мне мечталось,
На каком берегу?

Вот стою на Кузнецкой
В зябких сумерках дня,
Словно в крепости Брестской
У святого огня.
В воскресенье, чуть сонный,
Я хожу по утрам
В Бресте в храм гарнизонный –
В Пскове в Троицкий храм.

В зной и лютую вьюгу,
Маловажно когда,
Как к хорошему другу
Приезжаю сюда.
А когда уезжаю,
Этот город любя,
Здесь всегда оставляю
Я частичку себя.

СИМВОЛЫ

Как будто в волшебную сказку,
Где мыслей и чувств торжество,
Я храм посещаю на Пасху,
На Троицу и Рождество.

Здесь слово священника лечит
От зол и напастей земных.
И ставлю задравные свечи
За близких своих и родных.

Всё то, что в душе наболело,
Уходит, как зыбкий мираж.
И внучка, крестясь неумело,
Усердно твердит: «Отче наш...»

И памяти дань отдавая
Погибшим в военном аду,
Всегда на девятое мая
Я в Брестскую крепость иду.

Как будто к порогу родному,
Колено к плите приклоню,
Цветы возлагая к живому,
Святому, как память, огню.

Флажок прикрепляю к лафету,
А ленточку на пулемёт.
И бережно внучка конфету
В бетонную каску кладёт.

Пред нею открыты все двери,
Она постигает со мной
И символ Божественной веры,
И памяти символ земной.

КРАЙ РОДНОЙ

Край родной мой, прекрасный и древний,
Мне и горе с тобой – не беда.

Я когда-то ушёл из деревни,
И, казалось, ушёл навсегда.

Жил в райцентре, учился в столице,
Всюду сервис, комфорт и уют.
Магазины, театры, больницы,
И что надо, здесь всё продают.

Но ночами по-прежнему снится,
Как синеют в траве васильки,
Колосится под солнцем пшеница,
И пасутся стада у реки.

И хоть к прежнему нету возврата,
Но живу. Эту память храня...
Я ушёл из деревни когда-то.
А она не ушла из меня.

Я БЕЛОРУС!

Я родился в державе, которой горжусь,
Под названием Советский Союз,
Но родная страна для меня Беларусь,
И по паспорту я белорус.

В городах я на русском общаться привык,
И на русском заканчивал ВУЗ,
Но родной для меня белорусский язык,
Потому, что я сам белорус.

В моих жилах коктейль из различных кровей,
На плечах моих вечности груз.
Но корнями я связан с отчизной моей,
Мать-земля моя, я – белорус.

Я не твёрдый, как дуб, не пустой, как бамбук,
 Не бездельник, не вор и не трус.
 Я потомок дриговичей, я полешук,
 Памяркоўны бульбаш-белорус.

Если в жизни когда-то исчезнут границы
 И возникнет Вселенский Союз,
 Среди равных галактик я буду гордиться,
 Что землянин я и белорус!

АФГАНСКИЙ ПАРК

В Афганский парк иду, как на причастье,
 Здесь и слова, и помыслы чисты.
 На пьедестале, словно на распяты,
 Он, обречённый, в мраморе застыл.

А нынче снег старался целый вечер,
 Преобразив героя моего,
 Запорошил он голову, и плечи,
 И руки распростёртые его.

На фоне сосен с чёрными стволами.
 И этой мёртво-сонной тишины,
 Как будто ангел с белыми крылами
 На землю опустился с той войны.

Над ним сосна склонила нежно лапку,
 Под ним снега пушистые легли.
 Я перед ним снимаю молча шапку
 И голову склоняю до земли.

ИГОРЬ ЛАЗАРЧИК

Лазарчик Игорь Викторович – литератор, кандидат медицинских наук, врач-педиатр, заместитель главного врача УЗ «Минская областная детская клиническая больница», отличник здравоохранения Республики Беларусь. Лауреат республиканского конкурса «Славянский колейдоскоп». Живёт в Минске.

СОЛДАТСКАЯ МОЛИТВА

Посмотрю на небо – вижу Божий лик:
 Каждый день на фронте как последний миг.
 Преклоню колена, обниму рассвет
 И в душе нетленной сохраню Завет.

Белая берёза – маскхалат живой.
 Береста прошепчет: «Скоро снова в бой».
 Обхватчу я сильно чёрно-белый стан,
 Листик сердцевидный положу в карман

Как воспоминанье, но не о войне –
 О родной берёзке, милой стороне...
 Яркий лучик света заберу с собой,
 Чтоб скорей с Победой мне прийти домой.

Не гадай, кукушка, не смущай судьбу:
 Ждёт меня подружка, значит – поживу.
 Мне порой весенней так легко дышать,
 В сердце нет сомнений: надо побеждать!

Озорница леса дарит переклик,
И заводит песню звонкую родник.
На вершине звуков отворю ларец,
Крестик поцелую: помоги, Творец!

Ты прости солдату думы и грехи:
Битвы с супостатом – ох, как нележки...
Укрепи надежду, только не покинь,
Жарко губы шепчут вечное: «Аминь».

ОЛЬГА ЛЮБАШИНА

Толяронок Ольга Фёдоровна (Ольга Любашина) – детский писатель, поэт. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Северной Америки, общественный Академик Международной академии русской словесности (МАРС) Австралия, Сидней, Председатель Международного литературного конкурсного Оргкомитета МАРС (2022-2023), член Оргкомитета Международного литературного конкурса Добрых Сердец (2021-2022) г. Москва. Автор тринадцати книг для детей и взрослых. Лауреат и дипломант многочисленных международных, республиканских и областных конкурсов.

Я НА ФРОНТ УХОЖУ

ПРИГЛАСИТЕ НА ВАЛЬС

Словно в мирное время веселится народ,
И туманом над всеми белый танец плывёт.
«Пригласите на танго, пригласите на вальс!
Вам покажется странным, что об этом я вас
Попросил, но поверьте, не случайно прошу:
Вот, повестка в конверте – я на фронт ухожу.
Завтра стану солдатом! Может, сразу и – в бой,
Неизвестно, девчата, и вернусь ли домой.
Не хочу я о смерти думать здесь и сейчас
И об этом конверте. Пригласите на вальс!»

И мелодия льётся, и разносится звук,
И девчонка смеётся, уводя парня в круг.
И танцуют по кругу под знакомый мотив,
Улыбаясь друг другу, о войне позабыв.

К ПЕРЕПРАВЕ ИДЁТ БАТАЛЬОН

Жизнь солдата совсем не простая:
Передышка и – вновь жаркий бой!
Он в окопе, тетрадку листая,
Пишет добрые письма домой.

У солдата в нагрудном кармане:
Медный крестик – его оберег –
И письмо, что написано маме,
И ажурный платочек, как снег.

Провалился минут на пятнадцать
В скоротечный, оборванный сон,
Но солдату пора просыпаться –
К переправе пойдёт батальон.

Безотказно спешит на подмогу,
Верит в свой вдохновлённый народ.
Отгоняя и страх, и тревогу,
Чётким шагом идёт он вперёд...

Стынут лужи за узкой развилкой,
Наполняясь густой синевой.
А берёзки над свежей могилкой
С ветром шепчутся нежной листвой.

МЕДСЕСТРА

В косынке, в беленьком халате
Шла медсестричка по палате.
В её руке свеча мерцала
И тусклый свет на лик бросала.

А тень, скользя, играя в прятки,
Считала детские кровати.
В окно заглядывали тучи,
И барабанил дождь колючий.

Посапывая, спали дети.
«Мы, взрослые, за них в ответе.
И что ж хорошего им снится?» –
Сестричка вглядывалась в лица.

Прижав к груди свою игрушку,
Обняв больничную подушку,
Сквозь сон бормочет что-то Жанна.
Ещё кровит на ручке рана.

Сползло с кровати одеяло –
Алёнка спит, годков ей мало,
В льняной поношенной пижаме,
К сестрёнке жмётся, будто к маме.

Попали дети под бомбёжку!
Осколком ранило Серёжку,
У Васи – ссадина на щёчке,
Илья в бинтах весь, как в платочке.

Бомбили детский дом, дорогу...
«Спасли детишек, слава Богу».
Оберегая сон их сладкий,
Следит сестричка: всё ль в порядке.

ПАРТИЗАНКА

*Юный голос звучит над пожарищем,
Юный голос звучит на ветру...
Агния Барто*

Минуя отчий дом и перекрёсток,
И юность оставляя позади,
Шла девушка, ещё совсем подросток,
С горячим сердцем, бьющимся в груди.

По волосам, спадающим на плечи,
Стекали капли крови и воды.
Её фашисты, зверски изувечив,
По снегу гнали – путались следы.

И слёзы глаз уже не увлажняли,
А губы, посиневшие слегка,
От боли и от холода дрожали,
Чуть дёргалась, касаясь их, рука.

Босая, в окровавленной сорочке,
Не ощущая холода земли,
Ступала на заснеженные кочки...
Её на казнь публичную вели.

За всем происходящим наблюдая,
Толпились кучно жители села.
Шептались, гневно кулаки сжимая.
Ведь казнь – им устрашением была.

На палачей брезгливо посмотрела,
С достоинством вошла на эшафот.
Собрав все силы, прокричать успела:
«Мы победим! Я верю в наш народ!»

ШЁЛ СОЛДАТИК С ВОЙНЫ

С рюкзаком за спиной, улыбаясь весне,
Шёл солдатик с войны, торопился к жене.
Лучик солнца считал на груди ордена.
Прибавляла годков на висках седина.

Обступили его у ворот старики.
Мать прижалась к плечу:
«Мой сынок, без руки...»
Уголочком платка вытирала глаза –
Всё катились из глаз за слезою слеза.

«Да живой я, не плачь, –
прижимал мать к груди, –
Разгромили врага! Беды все позади».
Удивился солдат: почему мать одна,
Не встречает его молодая жена?

В дом отцовский вбежал. Стол накрыт у окна.
Леденящим теплом обняла тишина.
За окном не смолкал щебет радостных птиц,
А в осевшей избе – скорбный стон половиц.

Вдруг увидел солдат в чёрной рамке портрет –
Мураши по спине, потемнел белый свет!
В горле – ком, а в глазах,
полных слёз, – пелена.
А с портрета ему улыбалась жена.

У МОГИЛЫ ДЕДА

Могилу дедушки – солдата,
Погибшего на поле боя,
Здесь, погребённого когда-то,
Могилу воина-героя.

В моих руках кусочек хлеба
И алюминиевая фляга.
А надо мной рыдает небо,
И плачут ивы у оврага.

И тополя роняют слёзы
На холм земли, травой заросший.
Поодаль шепчутся берёзы:
На месте поля – зелень рощи.

ЛЮДМИЛА МАРКОВСКАЯ

Марковская Людмила Ивановна – прозаик, филолог, педагог. Член Союза писателей Беларуси. Автор книг «Забывать невозможно вернуться» (2020), «Миллефиори» (2023). Рассказы печатались в коллективных сборниках и журналах. Победитель и лауреат многочисленных международных литературных конкурсов. Живёт в Минске.

ПРОЖЕКТОРЩИЦЫ

(Рассказ)

О прожекторных частях в годы Великой Отечественной войны известно немного. В сравнении с другими героическими родами войск прожектористы так и остались в тени, хотя свой вклад в Победу внесли не меньший, чем любые другие части. О них не пели песни и не снимали фильмы. Даже книг о них почти нет. Девушкам-прожекторщицам, призванным весной 1942 года, посвящается.

Лёля любила ходить на рынок. Многоцветье овощей и фруктов, пряный запах укропа, крики торговцев, озабоченные лица хозяек, торгующихся за пучок редиски с упорством скупщиков в ломбарде, пёстрые букеты, грохот тележек, подвозящих товар, – всё было ярким и праздничным. В это воскресенье, как обычно, было шумно и многолюдно. На всю мощь играло радио. Тётя Галя велела купить деревенского творога, и Лёля стала проталкиваться сквозь плотную толпу в молочный ряд, крепче сжимая в кармане сарафана кошелек. Молодой парень, шедший навстречу, улыбнулся

и подмигнул Лёле. И тут музыка резко оборвалась. Чёрный громкоговоритель произнёс голосом Левитана: «Говорит Москва! Сегодня в четыре часа утра без объявления войны фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз...»

Всё вокруг затихло. От шока в первые секунды люди не могли вымолвить ни слова. Над молчаливыми рядами звучало: «Началась Великая Отечественная война! ... Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

В толпе заплакала женщина, все стали расходиться, торговки хватили корзинки с товаром, кто-то в суматохе наступил Лёле на беленький носочек. Мимо пробежал давешний парень в полосатой футболке, но Лёле уже было не до него: «Домой! Надо срочно ехать к маме!»

Она приехала из Бреста в Москву полгода назад и готовилась к поступлению в пединститут. Подружилась с соседкой, москвичкой Валею Литвиновой, они решили поступать вместе и вскоре стали неразлучными. Валя показала подруге столицу, но родной город по-прежнему оставался милым сердцу. Лёля скучала по его тенистым улочкам, по маме, школе, где год проработала пионервожатой. Однако уже завтра стало ясно: Брест захвачен немцами.

Москва, май 1942 года, Ставка Верховного главнокомандования.

Окна, затянутые светомаскировочными шторами, не пропускали дневного света. В кабинете горело электричество. За столом, обтянутым зелёным сукном, – военные с уставшими лицами. У карты, постукивая указкой о начищенные голенища хромовых сапог, – коренастый подполковник Салазко.

– Введите всех в курс дела, подполковник, – кивнул ему человек, сидящий в торце стола.

Набрав воздуха, тот начал:

– В начале мая на фронте сложилась тяжёлая обстановка. Германские войска окружили нашу крупную группировку под Харьковом и прорвали фронт на ширину двести километров. В этот прорыв хлынули танковые дивизии рейха. Их движение проходило в трёх расходящихся направлениях. Первое ставило целью замкнуть кольцо окружения вокруг Москвы,

но врагу удалось дойти только до Воронежа. Второе направление – на Сталинград с целью перерезать главную артерию СССР, по которой ведётся доставка кавказской нефти на нефтеперегонные заводы России. Войска рейха вышли к Волге, ведя ожесточённые бои в городе. Но взять его частям 6-й армии генерал-полковника Паулюса не удалось. Сталинград держится и стал неприступной твердыней.

Указка двигалась по карте.

– На третьем, кавказском, направлении линейные части вермахта не смогли завладеть нефтью Грозного, хотя они были всего в 60 км от неё. Сейчас Гитлер отдал рейхсмаршалу люфтваффе Герману Герингу приказ непрерывно бомбить нефтепромыслы. Главный удар будет по Баку: его железнодорожным узлам, порту и нефтеперегонным заводам. Поэтому защита нефтепромыслов становится первостепенной задачей. Доклад окончен.

Верховный Главнокомандующий повертел в руках трубку и поднял голову:

– Думаю, необходимо создать специальную Закавказскую зону противовоздушной обороны. Это очень важный для нас регион, и его защиту должны осуществлять лучшие полки ПВО и истребители. Подготовьте проект приказа к завтрашнему утру.

Утром Лёля нажала на звонок квартиры Литвиновых. Открыла Валя, одетая на выход.

– Ты куда?

– В райком комсомола, записываться добровольцем на фронт. Смотри, что мы в газете нашли: Постановление «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО». Слушай!

Валя развернула «Правду»: «Госкомитет Обороны постановляет:

Заменить в войсках ПВО 100.000 красноармейцев женщинами для замещения должностей: радистов, прибористов зенитной артиллерии...номеров прожекторных станций... Второе: Обязать ЦК ВЛКСМ мобилизовать к 10 апреля 1942 года девушек-комсомолок в возрасте 19-25 лет, из них 40% с полным средним образованием... Замену произвести в самые короткие сроки!»

– Я хочу с тобой!

В кабинете с надписью «Запись добровольцев» молодая женщина, коротко расспросив их, разъяснила:

– На фронте пока от вас пользы никакой, нужно подучиться. Направляетесь на зенитно-прожекторные курсы. Согласны?

Младший лейтенант Виктор Шестаков шёл по коридору, поскрипывая сапогами. За окном весна, а настроение неважное. Обидно сидеть в Москве и учить вчерашних школьников, когда хочется бить врага на фронте. Но ничего не попишешь, раз назначили куратором курса, надо выполнять приказ. Обещали, что он будет сопровождать курсанток к месту назначения.

Вошёл в аудиторию, навстречу ему поднялись тридцать молоденьких девушек. Началась переключка. Многие хихикали, строили 25-летнему симпатичному военному глазки, но все эти сантименты Шестаков пресёк в корне. Наконец, последняя по списку Яблонская Ольга. Девушка сразу понравилась Виктору серьёзным взглядом синих глаз, длинными льняными косами и здоровым румянцем.

– Будете старостой, Яблонская!

– Есть, товарищ младший лейтенант!

И началась учёба. Узнали основные технические характеристики: масса станции – 6100 кг, прожектора – 950 кг, дальность действия луча – 10-12 км.

Старенький преподаватель Фёдор Иванович конспектов не требовал, но обучал доходчиво:

– Как описать работу прожекторной установки на практике? Слушаем сюда. Для того, чтобы прожектор осветил самолёт, надо определить, каким курсом он летит, слухачи наводят, дают курс и угол места, начальник станции приказывает: «Луч!» – тут вы его с помощью прожекторов цепляете и уже дальше передаёте по цепочке в зоны действия истребительной авиации и зенитных войск. Расчёты двух станций-искателей должны не-пре-рыв-но освещать самолет противника до момента уничтожения...

Изучали силуэты фашистских самолётов и вскоре стали легко отличать «юнкерсы», «мессершмитты», «хейнкели», «фокке-вульфы», которые нарекли «рамой».

Виктор с улыбкой наблюдал в окно, как по-девичьи неловко курсантки выполняли команды: «бегом», «ползти по-пластунски», как пугались выстрелов.

Наконец, обучение закончилось.

Эшелон уходил с Курского вокзала. Лёля огляделась. Одежды все одинаково: шинели, пилотки, через плечо противогаз. Наконец, раздалась команда: «По вагонам!». Подруги поспешили занять места у окна. В плацкартном купе устроились ещё четыре девушки.

На пути к месту назначения вместе с обмундированием им выдали пластмассовые патрончики-медальоны с завинчивающейся крышечкой, чтобы внутрь не проникала вода. Внутри – ленточка, которую надо заполнить анкетными данными, завинтить патрон наглухо и положить в кармашек. Лёля, послушив химический карандаш, старательно вывела печатными буквами: Яблонская О. В. Год рождения 1922. Место жительства: Брест, ул. Спортивная, д. 15, кв. 1, группа крови вторая.

– Настоящий паспорт смерти, – глухо прокомментировала Валя.

Ещё Лёля тайком положила в карман гимнастёрки свой талисман – предмет, который она должна будет сберечь до конца войны. Наверное, у всех были вещицы, которые служили им оберегами, но говорить об этом было не принято: талисман «имел силу», если о нём знает только владелец. У Оли это было маленькое зеркальце в блестящем металлическом обрамлении. Когда уезжала в Москву, мама подарила его: «Возьми, дочка, в столице пригодится». Лёля часто открывала зеркальце и вспоминала родной дом, мирную жизнь.

Курсантки уже знали, что будут прожектористками, но солдатами ещё не стали – петлицы на шинелях у будущих властительниц ночного неба пока были чисты. Эмблемы они получают лишь после принятия присяги. Им только объявили, что их рота будет дислоцироваться в посёлке Яшма под Баку.

Поезд шёл медленно, пропускали эшелоны с оружием и техникой. Останавливались часто, навстречу в теплушках везли раненых. После сражений на полях темнели танки с заживо

сгоревшими танкистами, спаянными в одно целое с искорёженным металлом...

Лёля писала письма маме каждую неделю, хотя Белоруссия была оккупирована фашистами. Девушка понимала, что полевая почта туда не доходит, но это стало привычкой. Она складывала письма в рюкзак и мечтала, чтобы мама их когда-нибудь прочитала.

«Здравствуй, милая мамочка! Сообщаю, что я попала в число женщин, мобилизованных по спецпризыву. С первых чисел апреля пошёл отсчёт моей военной биографии. Понимаю, что вряд ли у вас можно читать советские газеты, поэтому разъясню. Мы, девушки-комсомолки, заменим на фронте мужчин. Освободившиеся красноармейцы, в свою очередь, будут использованы для укомплектования выводимых с фронта стрелковых дивизий – взамен погибших бойцов...»

Собрались перекусить. Запасливая Нина Меркулова достала вышитую салфетку и застелила столик, вокруг которого засуетились девушки.

– Ну что ж, стол накрыт. Как говорится, икры бадейка, тушёная индейка, стерляжья уха да телячьи потроха, – зачастила говорливая Маша Фокина.

Конечно, в сухих пайках ничего из перечисленного не было, но перекусить в компании было весело. Ехали долго, постепенно раззнакомились, рассказали друг другу свои нехитрые биографии.

Наконец показался Каспий, нефтяные вышки, а на перроне раздавалась гортанная азербайджанская речь. С вокзала по пыльной дороге их доставил до места назначения тряский грузовик. Разместились в степи, в землянках, вдали от всякой цивилизации. Однако имелось несколько книг и даже патефон, принесённый из Яшмы седым стариком в папахе. Но главным делом была служба, уход за техникой и постоянная боевая готовность.

В июне, после обязательного для всех новобранцев курса молодого бойца, девушки приняли военную присягу. От волнения звонкие голоса прерывались: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю

в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, принимая присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным бойцом... Я клянусь до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине...»

Младший лейтенант Шестаков скомандовал:

– Вольно! Поздравляю! Вы стали бойцами Третьего прожекторного полка Бакинской армии ПВО. Наша рота охраняет нефтепромыслы, которые дают стране и войскам более 70 процентов горюче-смазочных материалов. Чувствуете ответственность? Представляете, что будет, если фашисты сбросят бомбы на нефтехранилища? Поэтому ни одного самолёта к Баку мы пропустить не должны!

Каждый боец получил личное оружие и красноармейскую книжку. Лёля открыла серый коленкорковый переплёт с красной звездой в центре. С фотографии на неё смотрела наивная девочка с косами, уложенными «корзиночкой». Название части, наименование подразделения. Образование: 10 классов. Национальность: белоруска. Год призыва: апрель 1942.

– Ну, радуйтесь! – заглянул в землянку лейтенант Шестаков. – Прямо к вашему приезду поступил приказ наркома обороны: «Об увеличении нормы выдачи мыла женщинам-военнослужащим».

– Живём, девчонки! – радостно заорала Маша Фокина. – Чистота – залог здоровья!

Подготовились к перевозке на боевые позиции. Прожектор на тележке с помощью Шестакова закатили в кузов грузовика ЗИС-12 и установили его перед катушкой с электрическим кабелем и ручной лебёдкой у кабины водителя.

– У нас здесь почти уютно становится, – улыбнулась Литвинова, потирая ушибленную во время погрузки руку.

– Ага, и сиденья для экипажа в углах кузова предусмотрены! – отметила Нина. – Осталось только имя прожектору придумать.

– Я, я придумала, – закричала Фомина. – Пусть будет Прожик-ёжик! Будет фашистов колоть своим лучом!

...Ночь. Тишина. Вдруг раздался сигнал воздушной тре-

воги. В ночное небо устремились сотни лучей. Внезапно один из них ухватил силуэт немецкого бомбардировщика. Мгновенно засветились вспышки – разрывы зенитных снарядов. Вой, свист, грохот! Бомбардировщик, охваченный пламенем, упал...

И так каждую ночь. Днём положено было отсыпаться. Но молодость брала своё и, поспав три-четыре часа, девушки помогали, чем могли, в медсанбате, расположенном в посёлке поблизости.

Вскоре уже Лёля получила две лычки и была назначена командиром расчёта прожектора-искателя.

Однажды Вера Сазонова предложила:

– А давайте подготовим концертную программу «Бей врага!» для лётчиков и зенитчиков. Может, и они сами что-нибудь исполнят...

Лёлю выбрали ведущей. Отбивая шаг начищенными сапожками, она вышла на импровизированную сцену и звонким голосом открыла концерт:

– Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!

И Валя Литвинова с Ниной Меркуловой бойко запели чапушки:

– Ходи, зима, ходи, лето, ходи, улица.

Под Баку летят ракеты – немцы хмурятся.

– Эй, фашист, голодный волк,

Ты куда торопишься?

Под наш прожектор попадёшь –

Не воротисься.

– От Москвы и до Берлина дороженька узкая,

Сколько, Гитлер, ни войю, а победа русская!

Когда танцевать вышла Маша Фокина в нежном голубом платье, в котором выпускалась из хореографического училища, зал затих.

А когда Шестаков спел: « В кармане маленьком моём

Есть карточка твоя. Так, значит, мы всегда вдвоём,

Моя любимая...»¹, – щёки Лёли вспыхнули краской смущения.

¹ «Моя любимая», слова Е.Долматовского, муз. М.Блантера

Затем выступали гости. Лётчики пели переложённые песни:

Синенький скромный платочек

Немец в деревне украл.

В тёмные ночи, поздней порою

Спину он им накрывал.

Порой ночной.

Удар получив под Москвой,

В панике фрицы мчат от столицы,

Им не вернуться домой...

Зрители смеялись. Уж очень забавно пританцовывали ребята.

После концерта были танцы. Кто-то наточил на брусочке единственную патефонную иглолку. Пластинок было немного, но это никого не смущало. От красавицы Веры не отходил усатый Тенгиз Беридзе. За маленькой Лилей Костиной весь вечер ухаживал ведущий эскадрильи истребителей Степан Емельянов. Разгорячённые вальсом, они вышли на воздух, устроились на скамеечке. Застеснявшись, Лиля попросила:

– Расскажи, как вы там, в воздухе.

– Знаешь, воздушный бой длится мгновения. Но бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых лётчиков появлялась седина... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить, чьи летят самолёты: свои или чужие. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский лётчик, идёт ли в лобовую атаку, ты можешь определить примерно его опыт. В бою приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду могут достать. Бросаешь самолёт в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Иногда приходится вылетать по четыре раза за сутки. Это тяжело даже для самых молодых. Да вот позавчера Петя Савельев привёл самолёт на аэродром и вдруг ткнул головой в приборы и замер.. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание. Переутомился. Но прошло два-три часа, и снова готов к полёту.

– Какой ты храбрый, Стёпа, – восторженно прошептала Лиля.

– Да вот пока что-то не очень... Эх, была не была! – И Емельянов, крепко обняв девушку, стал её целовать.

Вскоре девушек отвезли на помывку, выдав по целому куску мыла. После бани, распаренные, сидели они на лавке под одичалым тутовым деревом. Валя гладила подобранного в сгоревшем селе щенка, ставшего общим любимцем. Маша Фомина вздохнула:

– Здесь, на фронте, ценятся самые простые и незатейливые вещи, в мирной жизни абсолютно незаметные — котелок, ложка, нож, мыло, ножницы и прочее, а то, что считалось роскошью, наоборот, утратило свою ценность. Вот я когда-то так мечтала о туфельках на каблук! А сейчас любые туфли за просто променяла бы на пару чистого белья.

– Да, – согласилась Валя, – война и деньги обесценила, даже в тылу: карточная система, нехватка еды привели к натуральному обмену, как в средневековье. Вон мама пишет, что на рынке у деревенских выменяла за золотое колечко полмешка зерна.

– А мне интересно, девочки, – встряла Нина, – после войны вспомнят о нас, тех, кто воевал, кто вот такими молодыми погибал?

Девочки притихли. А вопрос так и остался без ответа.

После бани спали крепко, но Лёля всё же проснулась: кто-то всхлипывал. Плакала Сазонова.

– Верочка, что с тобой?

– Помнишь, на концерте на первом ряду комполка Лозовик масляными глазками нас всех оглядывал? С тех пор он меня к сожителю принуждает. Вызвал к себе: мол, нужна мне ППЖ – походно-полевая жена. Я ему, видите ли, подхожу по всем статьям, нравятся ему фигуристые, кареглазые. А если буду сильно строптивой, отправит в 24 часа на передовую, где высокий шанс быть убитой или искалеченной.

Валя возмущённо зашептала:

– Ах ты гад! Кабеляка паршивый!

– Я скорее руки на себя наложу, чем соглашусь, – Вера вытерла слёзы.

Петровна, санитарка из медсанбата, заглянувшая за выстиранными бинтами, перекрестилась:

– Господь с тобой, девка! Бог – он не Микишка: у него своя книжка. Обидчику твоему воздастся. А ты помолись, глядишь, поможет.

– Помоли-и-ись, – передразнила Вера. – Я же комсомолка!

– Ага, вы все передовые комсомолки. Первые ноги-то раздвигать. Вон у Лильки-то живот уж заметен.

Лиля вспыхнула:

– Никому из нас не дано предугадать, что с нами здесь случится через минуту, через час, через месяц! Как бы нам ни хотелось обманывать себя, мол, смерть – это про других, а нас пронесёт, рано или поздно это случится. Главное, любить здесь и сейчас, а не потом! Ведь можно не успеть. Я до Стёпы вообще нецелованная была. Я так его люблю!

– Ой, девки! Кака така любовь в войну? – всплеснула руками Петровна.

– Каждого в секунд убить может!

В середине августа 1942 г. пришёл ещё один «женский» приказ наркома обороны: «О выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия». Теперь чай пили с карамельками или леденцами. Жить стало веселее, сладенькое любили все.

Ещё в июне 1941, перед самой войной, гауптман Зигфрид Кнеймер на «Юнкерсе» выполнил разведывательный рейд в район нефтепромыслов около Баку и благополучно вернулся обратно, за что был награждён Рыцарским Крестом и произведён в майоры. В результате его аэрофотосъёмки были выпущены новые подробные карты побережья.

В сорок втором лётчик значительно преуспел как тактический разведчик и наводчик. У советских солдат даже существовала примета: прилетел разведчик – вскоре жди бомбардировщиков.

Зигфрид называл свой самолёт «Летающим глазом» – «Flugauge». Он был вооружён двумя пулемётами, тремя автоматическими фотокамерами, четырьмя бомбами по пятьдесят килограммов. День 14 августа 1942 года выдался солнечным. Зигфрид получил задание сделать новую аэрофотосъёмку. На подлёте к городу он разглядел висящие на туго натянутых верёвках лифчики,

чулки, юбки и другие части женского туалета. Майор решил напугать «рюсских фрау». На бреющем полёте он пролетел над землянками. Кнеймер почти не боялся. Казалось бы, он летит низко, значит, попасть легко. Однако всё с точностью до наоборот: если самолёт летит высоко, расчётному оружию проще определить точку, куда должен попасть снаряд, так как у него есть для этого больше времени. С низколетящим самолётом такого времени нет. Поэтому майор считал свой самолёт неуязвимым. Из землянок выбежали женщины. Зигфрид сделал несколько пулемётных очередей. Однако женщины не бросились врассыпную, как он ожидал, а стали обстреливать самолёт из винтовок. Чертыхнувшись, лётчик стал набирать высоту. Однако было поздно: попадание в топливный бак! Перед взрывом Кнеймер успел только сбросить бомбы и полетел к Богу на свидание...

Шестаков, задыхаясь, бежал к своим девчонкам. В дыму он увидел Машу Фомину, которая перевязывала раненую Валю Литвинову. Где же Лёля? Вдруг на краю огромной воронки он увидел знакомую синюю ленточку и бросился туда. Лёля лежала навзничь, на груди расплывалось алое пятно крови. Виктор стал трясти девушку:

– Очнись!

И вдруг Лёля разлепила губы:

– Зеркальце...

Виктор бережно поднял любимую и, сдерживая слёзы, улыбнулся:

– Вот женщины! С того света возвращается, а уже зеркало просит. Знай, ты и без зеркала самая красивая, я люблю тебя!

– Мамино зеркальце... Спасло.

Прошло три месяца. Вера Сазонова получила медаль «За боевые заслуги». Один артиллерист пренебрежительно посмеялся:

– А знаешь, как эту медаль правильно называть? «За половые потуги»!

– Ах ты, сволочь! – возмутилась Валя, недавно вернувшаяся из госпиталя. – Медаль даётся за боевые дела! А Вера самолёт из винтовки сбила!

Костину вызвали в военную канцелярию. Вернулась оттуда с приказом 009: направлена по месту проживания. Плакали, провожая её, желали лёгких родов. Емельянов кричал вслед грузовику:

– Жду сына! Лётчиком будет.

Вскоре получили письмо от Лили: «Здравствуйте, девочки! Добралась я до своей деревни. Думала, что односельчане тепло встретят меня, однако ошиблась. В первый день вышла к колодцу (там у нас бабы собираются посплетничать) А Мякишева как заорёт: «Подстилка солдатская! » Я в слёзы! Ну что им моя любовь и мой нерождённый ребёнок сделали? Иду по деревне, а вокруг – презрительно поджатые губы, сплетни...»

– Как написать ей, что Степан погиб? – вздохнула Валя.

В часть приехали журналист Рябов из военной газеты с фотографом. Девушки бросились прихорашиваться. Маша Фокина, нагревая на костре длинный гвоздь для завивки, весело напевала:

– Эх, у Машки кудри вьются, за Марусю хлопцы бьются!

Вскоре пришёл обещанный номер газеты. В статье «Прожектористы – защитники Баку» Рябов писал: «В ходе отражения массированных налётов германской авиации советские зенитчики и лётчики ежедневно сбивают по несколько десятков вражеских бомбардировщиков. И в этом большая заслуга девушек прожекторщиц. Сержант Яблонская Ольга и возглавляемый ею расчёт обеспечивают бесперебойную работу прожекторной установки, проявляя при этом мужество и храбрость».

Рядом с заметкой – фото девчат. Вскоре фотограф передал с оказией фотографии, которые рассматривали, передавая друг другу. Лёля поймала взгляд Виктора и, улыбнувшись, написала на обороте своей карточки: «На долгую память любимому командиру от Ольги». Шестаков вложил её в карман гимнастёрки и радостно затыкнул:

В кармане маленьком моём

Есть карточка твоя...

Бакинская ПВО в 1942 году справилась со своей задачей – на город не упала ни одна вражеская бомба. Ольга и Виктор освобождали Белоруссию, прошагали пол-Европы и 16 апреля 1945 года участвовали в знаменитой прожекторной атаке на Берлин. Поженились. В мирное время переписывались с боевыми подругами.

Но к 60-ым годам никого из героев этого рассказа уже не было в живых из-за облучения: в прожекторах был уран. Светлая вам память, прожекторщицы!

МИХАИЛ НИКИТИН

Никитин Михаил Геннадьевич – прозаик, публицист, ведущий научный редактор Центра энциклопедических изданий Центральной научной библиотеки имени Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси. Член Союза писателей Беларуси. Пишет на белорусском и русском языках. Основная тема творчества – Великая Отечественная война и память о ней. Автор научно-популярных книг для школьников «Дорогами Победы. К 70-летию операции «Багратион» (2014), «Беларусь партизанская» (2018), «Шаги Великой Победы. Освобождение Беларуси» (2018), исторического романа «Золотой слоник или Детские приключения принца Филиппа Французского и его брата «короля-солнце» Луи XIV» (2023), рассказов, опубликованных в белорусско-русском сборнике «Память сердца» (2010), журнале «Полымя», газете «Літаратура і мастацтва», многочисленных газетных статей в жанре исторической публицистики. Соавтор ряда научно-популярных изданий по теме Великой Отечественной войны. Награждён Почётной грамотой Министерства информации Республики Беларусь, нагрудным знаком «Выдатнік друку Беларусі».

БОМБЛЁНАЯ ЯМА

(Рассказ-быль)

Немцы захватили село после ожесточённого боя, в ходе которого потеряли многих своих солдат и ещё больше убили красноармейцев. Особенно им помогла авиационная поддержка, которой не было у наших воинов. Потомки Тевтонских ры-

царей сами похоронили своих павших «камрадов» с воинскими почестями. На другой день, прежде чем повести свой батальон дальше на восток, майор Мюллерманн назначил старостой пожилого человека по прозвищу Дед Немец, который был в германском плену во время Первой мировой войны и немного знал немецкий язык. Ему было приказано собрать и где-нибудь похоронить убитых советских защитников села.

Что было делать? Люди, главным образом женщины и старики, взяли из домов лопаты и вышли за окраину села, где вчера шёл бой. В первые минуты не могли пошевелиться: повсюду в разных положениях, в крови и грязи лежали изувеченные тела в красноармейской форме, куски разорванных тел и выпавшие из них внутренности. Было страшно, но вскоре люди не то, чтобы привыкли к этому зрелищу, но их чувства от такого большого количества убитых и от необходимости выполнять морально и физически тяжёлую работу как бы притупились.

Немного подумав, Дед Немец, больше других привыкший к смертям на войне, решил, что не сможет найти более удобного места для захоронения красноармейцев, чем огромная воронка от полутонной бомбы, положившей конец обороне. Говорили, что бомба попала в командно-наблюдательный пункт стрелкового батальона.

Наконец, все найденные тела и останки тел красноармейцев были собраны по краям воронки. Дед Немец, чтобы подать пример, взял под мышки первое тело и потащил его по крутому склону на дно. После него это начали делать и остальные. Женщины и старики по двое-трое брали красноармейцев за руки и за ноги и тащили их вниз. Там два человека складывали трупы рядами, как можно ровнее. На первый ряд крест-накрест клали второй, на второй третий... Рядом, стараясь не смотреть на то, что они делают, другие люди прикапывали куски растерзанных тел и внутренности. Документы убитых никто не вынимал и не смотрел.

Так получилось, что последним человеком, которого пришлось затащить в воронку солдатке Прасковье Бровиковой с тремя другими женщинами, был совсем юный лейтенант, ночевавший в её избе накануне смертельного боя. Во время ужина

она поговорила с ним «за жизнь», и он ей очень понравился как человек. Теперь молодой человек лежал на самом верху груды трупов, грудь его была разворочена осколком бомбы, но лицо, жёлтое и бледное, осталось нетронутым. Широко раскрытые глаза смотрели, казалось, прямо в августовское небо, тёплый ветер шевелил тёмные пряди волос.

Пора было закапывать импровизированную братскую могилу.

Дед Немец трижды перекрестил воронку и сказал:

– Начнём, люди!

Он бросил в яму горсть глинистой земли и первым взялся за лопату. Женщины, старики и подростки стали засыпать землёй воронку, или «Бомблёную яму», как сразу же прозвали её между собой. Работа была медленной и тяжёлой, тем более что все уже устали. Совершенно обессилив, они до сумерек едва прикопали тела красноармейцев слоем земли толщиной в каких-нибудь полтора штыка лопаты. Дед Немец, в очередной раз вытирая пот со лба, предложил односельчанам:

– Довольно на сегодня, глаза мы им прикрыли.

И, обратившись к лежавшим в Бомблёной Яме, с печалью добавил:

– Простите, товарищи, чьи-то сыновья, братья, отцы и мужья, которых дома уже никто не дожждётся, но сегодня у нас уже нет сил. Завтра закончим как положено.

Но, когда на следующий день они снова пришли к Бомблёной Яме с лопатами, оказалось, что она более чем наполовину заполнена водой. В их местности грунтовые воды всегда стояли высоко, и бомба, должно быть, преградила путь какому-то подземному роднику, прорвавшемуся ночью в воронку. Сельчане попытались было засыпать воду землёй, но сразу поняли, что это напрасный труд.

– Мы ничего не можем сделать, – растерянно сказал дедушка Немец красноармейцам, похороненным таким образом землёй и водой. – Это ваша судьба. Может позже, когда наши вернутся...

Деда Немца фашисты повесили поздней осенью на площади райцентра за саботаж хлебозаготовок и связь с партизанами.

Немецкая оккупация этой территории продлилась всего несколько месяцев, до зимы, хотя и за это время достаточно пострадали. Маленькая Валюшка, дочь Прасковьи, навсегда запомнила, как один фашист, размахивая пистолетом перед лицом матери и прижимая его твёрдое и холодное дуло поочередно ко лбам то плачущей Валюшки, то её брата Витьки, злобно кричал:

– Где партизан? Где партизан? Говори, или я убью твоих детей!

А Прасковья действительно ничего не знала. К счастью, того немца вызвал кто-то из начальства и он больше не вернулся.

В январе или начале февраля 1942 года Красная Армия дала немцам, как говорят в тех местах, доброго «выспятку» (пинка), освободила их село и ещё много других и продвинулась до окраин райцентра, но смогла освободить его лишь через год тяжёлых боев. И только ещё через год немцев погнали дальше на запад.

Председателем восстановленного колхоза стал муж Прасковьи сержант Михаил Бровиков, который весной 1943 года вернулся домой из госпиталя с сильной хромотой на одну ногу. Его комиссовали «вчистую», потому что немецкий осколок где-то подо Ржевом мало что оставил у него от большеберцовой кости. Но Прасковью считали счастливницей и завидовали ей все деревенские женщины, чьи мужья, сыновья и другие родственники были в армии. Особенно те, кому почта уже принесла печальные письма со словами: «Погиб смертью храбрых» или «Пропал без вести».

Во время освобождения села тоже был бой, в котором погибли десятки красноармейцев. Их похоронили в братской могиле на высоком месте в центре села, установили временный фанерный памятник со звездой. Когда Михаил Бровиков обратился к командиру воинской части, выведенной в их село на отдых и переформирование, с просьбой помочь перенести останки бойцов из Бомблёной Ямы в братскую могилу, тот лишь криво и грустно улыбнулся:

– Как вы себе это представляете, сержант? Кто теперь по-

лезет с головой под воду и грязь, чтобы вытащить оттуда мертвецов? Ждите конца войны...

Когда война, наконец, закончилась Победой, Михаил пошёл в райисполком со своей просьбой, но там ему ответили:

– Подожди, Бровиков. Так много всего нужно сделать! Вон какая была война! Всё нужно поднять. Тебе лучше позаботиться о братской могиле, которая у тебя есть посреди деревни. Но и мы что-нибудь сделаем. Только сначала официально опросим людей, которые были во время оккупации, что здесь произошло и как.

Опросили, правда, не сразу. У Бомблёной Ямы насыпали небольшой символический холмик, поставили фанерныйobelisk со звездой. На прибитой к нему доске написали: «Вечная память героям, погибшим за свободу и независимость нашей Родины». Но вскоре началась кампания по переносу многочисленных братских могил павших советских воинов в сравнительно крупные населенные пункты, где были созданы большие братские захоронения и кладбища. Подростая Валюшка вместе с отцом, матерью и старшим братом с ужасом наблюдала, как солдаты раскапывали могилу в центре села и доставали скелеты с остатками военной формы и амуниции на костях. Их складывали в высокий кузов трехтонного грузовика. Валюшка после вспоминала, что земля, оставленная истлевшими телами, была синей и что у скелета одной девушки на черепе хорошо сохранились длинные волосы с косами... Когда машина уже собиралась уезжать, Михаил Бровиков, придя в себя, спросил у офицера, ответственного за эксгумацию, а как же Бомблёная Яма? Тот сухо ответил:

– Пока мы здесь, там другая команда уже всё сделала. Вы можете посмотреть, председатель.

Михаил Бровиков поковылял в тот конец села, где находилась злополучная Яма, но не дошёл. Его встретили люди, возвращавшиеся с места эксгумации. Сказали, как там всё было... Подъехала машина с солдатами. Они копались в грязи длинным багром с крюком на конце и вытащили два или три скелета с остатками плоти и одежды. Их поместили в белый деревянный ящик. Затем могильный холмик сровняли с землей.

Ящик с останками и фанерный памятник погрузили в кузов машины, сели и уехали. Вот и всё. Перезахоронение было символическим, но считалось, что могилы здесь больше нет.

Прошло ещё несколько лет. Бомблёная Яма, берега которой поросли не только травой, но и кустарником, всё больше напоминала обычное маленькое озерцо. К ней приходили полоскать бельё некоторые хозяйки из близлежащих домов. Кто-то даже мостки для них сделал. Но однажды всё это закончилось. Молодوخа Настя прибежала в деревню без постиранного белья и с громким криком, что на неё из воды смотрел красивый чернокудрявый парень с мёртвыми глазами.

С тех пор жители села стали избегать Бомблёной Ямы.

Через двадцать лет после войны село было объявлено «неперспективным» и расселено. Люди разъехались кто куда. Вокруг Бомблёной Ямы уже стоял настоящий лес.

Бровиковы теперь жили в райцентре. Их дети, которых после войны родилось ещё четверо, выросли и покинули родителей, создав свои семьи.

Однажды, вскоре после тридцатилетия Победы, зять Михаила и Прасковьи, муж Валентины Геннадий, услышал от тёщи о Бомблёной Яме и был очень впечатлён, ведь его родной отец воевал и погиб в 1943 году где-то в этих самых местах, причём место захоронения в похоронке было указано очень приблизительно. «А что, если мой отец тоже лежит где-то в такой же Бомблёной Яме? – думал он. – Я не могу оставить это так». Геннадий начал забрасывать власти письмами-запросами о точном местонахождении могилы отца и заодно напомнил местному военкому о Бомблёной Яме. В последнем письме, которое Геннадий получил из военкомата, ему сообщили, что его информация подтвердилась и начались работы по откачке воды из Ямы. К сожалению, я не знаю точно, чем закончилась эта история. Скорее всего, останки героев обороны 1941 года всё-таки подняли из Бомблёной Ямы и с воинскими почестями перезахоронили, как и было обещано, на братском кладбище в райцентре.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВ

Николаев Дмитрий Михайлович – детский писатель, сценарист. Член Союза писателей Беларуси. Автор пяти сценариев и шести книг для детей и подростков. Лауреат премии имени Алеся Савицкого и конкурса «Міласэрнасць». Книга «Питер, Лейла и кристаллы добра» была номинирована на Национальную премию Беларуси как лучшая детская книга для детей и подростков.

ПО ВОЛНАМ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

(Эссе)

Неизвестно, сколько ещё лет должно пройти, чтобы воспоминания о тех трудных для наших предков временах перестали терзать душу и сердце. Ведь нет среди нас людей, по судьбам которых не прошла бы Великая Отечественная война. Огромной страшной волной накрыла она белорусскую землю, навсегда забирая жизни наших дедов и прадедов, их братьев, сестёр, родителей. А ведь они даже предположить тогда не могли, что им придётся пережить в годы войны. Никто из них не знал, останется ли в живых. Сотни деревень были сожжены вместе с жителями! Тысячи, миллионы погибших в годы Великой Отечественной...

Сколько бы лет ни прошло с тех пор, память о пережитом и о героических подвигах защитников Родины останется жить в истории и наших сердцах. Однако, как и во время войны находились иуды-предатели, так и в наше время находятся

те, кто не умеет ценить дарованный нам мир. К сожалению, о том, какими жертвами была завоёвана свобода не только на территории бывшей советской страны, но и в Европе, стали забывать государства, соседствующие с нашей миролюбивой Беларусью.

Ещё в 2017 году, 22 июня (в скорбный день начала Великой Отечественной войны) польский сейм принял поправки к закону «О запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя», дающие право муниципальным властям сносить «коммунистические» памятники. Такое решение сейма – позорное издевательство над памятью погибших при освобождении Польши в 1944-1945 годах советских солдат и офицеров. К сожалению, Польша была не первой страной, где начали демонтировать памятники, установленные во времена СССР. Так, ещё с 2015 года на когда-то братской нам Украине стали действовать законы о декоммунизации. Чуть позже и парламент Латвии принял законопроект, который фактически разрешил снос монумента воинам Советской армии – освободителям от фашистов советской Латвии.

Новая, ещё более мощная волна сноса и осквернения памятников советским воинам-освободителям на Украине и в других странах Европы началась на фоне специальной военной операции по защите Донбасса, проводимой Россией с 24 февраля 2022 года. Только за апрель 2022 года в Польше демонтировали сразу несколько памятников. В марте 2024 года был осквернён военно-мемориальный комплекс «Славин» в столице Словакии Братиславе, где захоронены 6845 красноармейцев, погибших при освобождении города от немецко-фашистских захватчиков. В том же месяце вандалы испоганили свастикой мемориал в деревне Пашалтуонис в Литве, и в городе Жосляе пострадал памятник советскому солдату – он был облит краской. На мемориальном кладбище на востоке Словакии, где обрели свой покой воины Чехии, Польши и Болгарии, воевавшие бок о бок с красноармейцами, пострадали монументы в их честь.

Запад всячески пытается переписать историю, лишить нас Победы, а свои народы – памяти о ней. И сейчас, накануне

80-летия освобождения Беларуси от фашистской чумы, продолжают нагло переписываться страницы истории. Но мы не отдадим Победу, завоёванную нашими дедами!

Да, мир вокруг нас стал очень сложным. Однако от того, как мы будем хранить свою историю и память о героях Великой Отечественной войны, зависит наше будущее. Мы – мирные люди, но если кто-то позарится на нашу родную землю, то будем героически защищать Родину с оружием в руках, чтобы сохранить её независимость и суверенитет, как это сделали когда-то наши деды и прадеды.

ЗИНАИДА НОВОСАД

Новосад Зинаида Ивановна – поэт. Автор двух сборников поэзии: «Благослови», «Цябе да сэрца прытуліла». Стихи печатались в газетах МВД Республики Беларусь «На страже», «Трудовой путь» и в других республиканских, областных и районных газетах, в детском журнале «Крынічка» и международном – «Мир животных», в восьми коллективных сборниках поэзии, в альманахе «Берасцейская скарбніца». По

итогам международного конкурса литературного агентства «Новые писатели» десять стихов опубликованы в коллективном сборнике прозы и поэзии «Наваждение» (Москва, 2017). Победитель двух литературных конкурсов поэзии: межрегионального «Во имя мира» и районного «Радуга созвучий».

Живёт в Кобрине, Брестская область.

ОН ШЁЛ НА СТРАШНУЮ ВОЙНУ

ОСТУДИТЕСЬ!

На борьбу с вновь возникшим фашизмом
Поднимается русский народ:
Кто на фронте ценой своей жизни,
Кто-то словом сражение ведёт.
Беларусь, Украина, Россия –
Божьей волею общий наш дом.
Мы по вере и духу родные,
Против дьявола битву ведём.

Помним, как в сорок первом солдаты
Всей огромной страны – СССР –
Встали вместе и мир в сорок пятом
Пронесли через море потерь.

Через ад – миллионами жизней!
На фронтах, в партизанских лесах
Умирили бойцы за Отчизну,
За неё гибли в концлагерях...

Умирили невинные дети,
Девы, женщины и старики,
Чтобы жизнь на огромной планете
Не погибла от вражьей руки.

Но опять одержима Европа:
Содомизм, жажда войн – злобный знак!
Пусть бесовское сгинет в утробе!
(И бывало в истории так...)

И хотя вновь фашистские силы
Совершают кровавый поход,
Мы напомним всех войн законам:
Тот, кто роет другому могилу,
Сам однажды в неё упадёт.

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ

Беларусь и Россия –
Мы навеки родные!
Держим правильно жизни штурвал.
За победу сражались
И врагов побеждали,
В трудный час Бог нам силы давал.

Воссиял Свет над мраком,
 Над фашистским Рейхстагом
 Водрузили советский свой флаг!
 И, сплотившись народом,
 Добывали свободу
 В ужасающем пекле атак.

Миллионами жизней
 Отстояли Отчизну,
 Зависая над бездною тьмы.
 Общий дом наш – планету –
 Защитили при этом
 От кровавой фашистской чумы.

Мы за мир и за дружбу,
 Нам чужого не нужно.
 Нынче вновь к нам стучится беда.
 Не пройдут силы злые!
 Беларусь и Россия
 Были вместе и будут всегда!

ВОЙНА

Война жизнь земную итожит
 Всё также до нынешних дней
 И стелет кровавое ложе,
 Коверкая судьбы людей.

Безумцы, кто в ад добровольно
 Идёт, пребывая во мгле.
 Так хочется крикнуть: «Довольно!
 Земля утопает во зле!»

Жестокость, бездушье, страданья...
 Везде виден след сатаны.

Вовек не найти оправданья
 Звериному лику войны.

Зову всех людей доброй воли
 Для дружбы сердца открывать.
 Нам выпала тяжкая доля:
 Бесценную жизнь отстоять.

С фашизмом в борьбе Силы Света
 Едины в стремление своём.
 Молиться б всем людям планеты,
 Чтоб войны ушли в небытьё!

вклад в литературу».

НАДЕЖДА ПАРЧУК

Парчук Надежда Николаевна – поэт, публицист, критик, детский писатель, переводчик. Член Союза писателей Беларуси. Автор восьми сборников поэзии. Лауреат литературной премии имени В.А. Колесника Брестского областного исполнительного комитета в номинации «Поэзия» и других республиканских конкурсов. Награждена медалью «За большой

ХРАНИ, БОЖЕ, МИР!

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Быстротечное время, не прощаясь, уходит,
Незаметно стирая все следы за собой.
Только память солдата держит крепко все годы
На полях боевых, на второй мировой.

Славной нашей Победы юбилей отмечаем.
Снова майское солнце расцвело над страной.
А душа ветерана всё болит и страдает
По друзьям фронтовым, не пришедшим домой.

Вот и правнук фуражку на себя примеряет.
Ах, как хочется детям раньше взрослыми стать!
И наследника крепко дед к груди прижимает:
– Не дай Бог, мой дружок, и тебе воевать!..

Не забудется подвиг, будет вечною слава
Тех, кто шёл за Отчизну в последний свой бой,
И кого, торжествуя, принимали Варшава,
Будапешт и София в сорок пятом весной.

ВETERANAM

Вы ковали Победу,
Ненавидя фашизм, –
Смерть ходила по следу,
Покушалась на жизнь.

Часто нагло смеялась,
Злопыхая в лицо,
Но бойцы не сдавались
Пред смертельным свинцом.

Честь, и доблесть, и славу
Добывали в боях.
Вас Отчизна поправу
Не забудет в веках...

Но живите, родные,
Все вы нам так нужны,
Чтоб сердца молодые
Не познали войны!

МОИ БЕРЕГА

У каждого озера берег один,
В нём нет ни конца, ни начала.
Вечерний туман, как седой властелин,
Стоит там всю ночь у причала.

А речка любая течёт меж двоих
Родных берегов, не печалась,
И моет, и поит заботливо их,
Под солнцем игриво качаясь.

Два берега, словно два птичьих крыла,
С любовью ей служат охотно,
Лишь только б их реченька вольно плыла,
Волною плескалась свободно.

...Я озером быть не смогла бы ни дня:
Душа моя просит свободы.
Пускай небольшая, но реченька я,
Несу в океан свои воды.

ПРОЙДЯ ЛАГЕРЯ И ТЮРЬМЫ (Очерк)

11 апреля отмечается Международный день освобождения узников фашистских концлагерей. Николай Николаевич Пигарев эту дату никогда не забудет: что такое фашистские застенки, он испытал на себе – на заре своей юности, в годы Великой Отечественной войны, поэтапно пройдя через шесть концлагерей и три тюрьмы. Не раз чёрная смерть заглядывала юноше в глаза, но какие-то светлые силы или святая молитва матери чудесным образом отводили её от молодого узника.

Родился Николай Пигарев в деревне Верхняя Ошкова Калужской области. Когда началась война, ему только что исполнилось всего 14 лет.

Фашистские захватчики ворвались в его родную деревню в октябре 1941 года и сразу приступили к наведению своих «порядков». Вскоре после их вторжения к дому Пигаревых подъехала машина с карателями, которые арестовали Колиного отца, колхозного бригадира, и без суда и следствия за де-

ревней расстреляли. Не зная, что мужа уже нет в живых, мать отправила сына в райцентр к немецкому штабу на поиски отца.

На площади райцентра (г. Жиздра) юноша увидел вырытый котлован, а на дне – посеченных пулями людей. Отца среди них Николай не нашёл. Возле котлована стояли вооружённые немцы. Это и была новая районная власть. Хоронить убитых никому не разрешалось... Полиция не подпустила подростка к тюремным воротам. Когда Николай вернулся домой, то узнал, что их дом взят под немецкую комендатуру.

В голоде, холоде и страшной нищете пробедовали сельчане два военных года, а в феврале 1943-го началось наступление Советской Армии.

Озверевшие фашисты стали ещё больше издеваться над беззащитным населением. Отгородив колючей проволокой большую территорию, они сгоняли туда со всех близлежащих деревень мирных жителей и военнопленных. Прямо под открытым небом без воды и еды держали их несколько дней, а потом подогнали поезд, разделили всех арестованных на группы (Николая, видимо по ошибке, затолкнули к военнопленным), загнали в вагоны и повезли на принудительные работы.

На Брянщине их высадили из вагонов и загнали снова за колючую проволоку, где разбили на группы. На второй день его и ещё 12 парней погнали на лесоповал. Будили узников в шесть часов и дотемна заставляли работать. Выделяли на день ломтик хлеба с древесными опилками, кусочек маргарина и кружку кофе из желудей.

В апреле Николаю и ещё двум подросткам удалось сбежать из лагеря. Четыре дня блуждали пареньки по брянским лесам, питаюсь желудями. Наконец им удалось выйти к незнакомой деревне. Около колхозного амбара грелись на солнышке несколько русских женщин. Подростки поздоровались и попросили кушать. Одна женщина повела к себе домой Николая, вторая – его младшего друга, а старший Ваня спрятался за деревней.

Не успел Николай поднести ко рту ложку, как раздалась команда: «Руки вверх!» Был схвачен полицией и второй подросток. Под дулами автоматов их отвели в комендатуру,

оттуда переправили в Брянск, где посадили в одну тюремную камеру. И снова каждый день гоняли на работу, кормили таким же хлебом с опилками и давали черпак свекольной похлёбки без соли. «Выпьешь её, – вспоминает Николай Николаевич, – и как ничего не ел...»

Люди в камеру то прибывали, то исчезали из неё навсегда... По мере приближения фронта бесплатную рабочую силу Гитлер оттягивал всё глубже в тыл. Забрали из тюремной камеры и Пигарева с другом и отправили на запад.

Николай Николаевич не помнит, сколько дней товарный поезд вёз их на чужбину. Однако за всё время в дороге только один раз приоткрылась дверь вагона, и охранник бросил узникам небольшую котомку с сухарями. Мужчины пересчитали кусочки хлеба и разделили их поровну. Каждому досталось по два сухарика. Николай с жадностью глядел на такие желанные ломтики чёрного хлеба, однако кушать их не мог: кровоточили дёсны и от жажды судорогой свело челюсти...

Невольников провезли через всю Беларусь, Польшу. Поезд остановился у границы с Германией, где находился лагерь смерти Заксенхаузен. Вагоны подогнали поближе к лагерным воротам. Дверь распахнулась. Узники шли под дикий лай немецких овчарок через строй вооружённых до зубов эсэсовцев на территорию лагеря. Затем ворота его закрылись, и началась новая пересортировка людей. Одних вели в баню, других – в крематорий, из труб которого валил чёрный едкий дым. Каждый понимал, куда идёт. Пигареву повезло: он попал в первую колонну, а вот его товариш, у которого было худшее здоровье, – в колонну смертников...

После этого концлагеря был город Эссен, где каждый день русских рабов выставляли на площади для продажи. Николая, молодого раба, на третий день купил фермер и повёз на трамвае в своё хозяйство, где юноше сразу вручили вилы и приказали: «Арбайтэн!» Практичные немцы в первый же день забрали от парня более-менее нормальную одежду и обувь, а взамен дали латаное-перелатаное тряпье и деревянные колодки на ноги.

Молодой раб исполнял всю тяжёлую и грязную работу. У фермера был очень строгий порядок: в 6 часов – начало

рабочего дня, в 20 – конец. 30 минут давалось на обед. Почти год прослужил Николай у фермера, а потом его, как и многих других подневольных, освободили американцы.

В конце войны установилась такая практика: союзники обменивались военнопленными. И Пигареву повезло оказаться на родной земле. Но здесь, как человека, бывшего в плену, его задержали. Теперь уже свои следователи вели продолжительные и строгие допросы. В ноябре Пигарева отправили в лагерь, который находился под Ковылем. Оттуда он попал в Донбасс, на работу в шахты.

Там с Николаем произошёл несчастный случай: вагонетка с углем съехала с рельсов. Юноша получил травму. Предстояла операция, долгое лечение, реабилитация... Полностью восстановиться не удалось, поэтому медкомиссия дала заключение: «Вывести из шахты».

После Донбасса Николай Пигарев закончил школу, два института, работал на железной дороге бригадиром, мастером, прорабом. Под его руководством была вся электротехника линии Москва-Байкал.

В 1977 году он вместе с женой Софьей Ивановной переехал из Челябинска в Брест на постоянное место жительства, где уже жили его брат, сестра, племянники... Однако и в городе над Бугом судьба продолжала подбрасывать Николаю Николаевичу новые испытания: после перенесённого инсульта он стал плохо видеть, получил первую группу инвалидности по зрению, в августе 2004 года не стало жены, с которой детей они так и не дождались. Овдовевший и больной, Пигарев остался один в квартире.

Вскоре все хлопоты по обслуживанию ветерана труда взяла на себя чуткая и внимательная молодая женщина Роза Григорьевна Оберган – так уважительно называл он своего социального работника. А ещё Николай Николаевич до последних дней своей жизни пользовался услугами работников спецбиблиотеки-филиала №12 Центральной городской библиотеки имени А.С. Пушкина г. Бреста. Заведующая этого заведения Людмила Валюшко, библиотекарь Лилия Кречко, волонтеры часто навещали своего читателя, приносили

аудиокниги, диски, также посещали ветерана труда и часто звонили по телефону творческие люди, друзья, знакомые и, конечно же, его родственники.

В заключение хочется с гордостью подчеркнуть: несмотря на многочисленные жизненные испытания, сердце мужественного, истинно русского человека никогда не черствело – оно всегда было открыто добрым людям.

Прожил Пигарев Николай Николаевич 88 трудных, но героических лет и похоронен на священной, многострадальной брестской земле.

ДМИТРИЙ РАДИОНЧИК

Радиончик Дмитрий Николаевич – поэт, поэт-песенник, публицист. Член Союза писателей Беларуси. Автор трёх книг поэзии: «Пиррова техника» (2006); «Дым без огня» (2010); «Река безбрежная» (2015). Многие стихи переведены на польский, литовский и азербайджанский языки. Победитель областного конкурса рукописей им. Тётки. (А. Пашкевич) в номинации «Поэзия». Живёт в г. Гродно.

ОДИН ИЗ ТЫСЯЧ (Очерк)

Наверняка в нашей стране не найдётся семьи, которую не затронуло лихолетье Великой Отечественной. Спустя десятки лет та война то и дело врывается в наши мирные будни, вновь и вновь опаляя нашу память языками своих пожарищ. Война... За этим словом – миллионы человеческих судеб, жизненных путей, сюжетов. Одни из этого множества оборвались навсегда. Другим было суждено найти своё продолжение... Я хочу рассказать про моего деда.

Мой дед, отец моей матери, Королёв Пётр Ермолаевич родился 30 октября 1908 года в деревне Великое Село Лиозненского района Витебской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Имеет боевые награды: медаль «За Отвагу», медали: «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орден Отечественной войны II степени. Взял в руки оружие в 41-м, когда ему исполнилось тридцать три года (воз-

раст Христа), являясь на тот момент отцом двоих детей. Если в двух словах попытаться описать его личность, думаю, наиболее точными характеристиками будут мужество и скромность.

Дед не любил пафоса, с трудом выносил повышенное внимание к своей персоне. Что было вполне закономерно. Ничем особо выдающимся он не отличался, не числился в передовиках, не имел лидерских качеств, не лез в политику... Обычный человек. Один из тысяч. О таких принято иронично говорить: «Не был, не состоял, не участвовал». Но войну прошёл. Испил до дна её горькую чашу.

Писать сегодня о таких людях нелегко – налицо явный недостаток эпического колорита, ореола героизма, так сказать, масштабности образа. И, несмотря на всё это, дед был личностью цельной и гармоничной. Окончил всего четыре класса церковно-приходской школы. И работал. Всю жизнь работал физически. Работал кузнецом, железнодорожником в вагонном депо. Сведений о его фронтовом пути, к сожалению, сохранилось очень мало.

Говорил о войне неохотно; на воспоминания был скуп. Сказывалась его природная скромность. Да и боль, жгучую, пронзающую сердце боль, по всей видимости, причиняли деду эти воспоминания.

...Доводилось по несколько суток сидеть в болоте под носом у фрицев, утоляя голод жеванием кожаного ремня. И в рукопашную ходить приходилось. Вспоминал, как бежал в пехотные атаки с криком «ура» под зловещий свист пуль. А рядом один за другим, сражённые вражеским свинцом, падали его боевые товарищи. На этом месте дед всегда замолкал, и в глазах его начинала блестеть непослушная влага. Так обычно заканчивались все его рассказы. А военных фотоснимков моего деда, к сожалению, не сохранилось. Да и были ли они вообще – это ещё вопрос.

Когда началась война, гвардии красноармеец, а позже рядовой Пётр Королёв воевал в составе различных воинских частей на Первом Украинском и Втором Белорусском фронтах. Полученную в самом конце войны главную свою боевую награду – медаль «За отвагу» – дед заслужил в составе миномётной роты. В выписке из наградного приказа об этом го-

ворится: «Наградить наводчика миномёта 1-й миномётной роты, гвардии красноармейца Королёва Петра Ермолаевича за то, что он 26.03.1945 г. при уничтожении окружённой группировки немцев проявил мужество и отвагу. Противник неоднократно переходил в яростные контратаки. Тов. Королёв в составе расчёта находился на открытой огневой позиции и вёл бесперебойный огонь по врагу, в результате чего только за один день было отбито 3 контратаки противника, противник оставил на поле боя от огня миномёта 27 солдат». Предметами гордости нашей семьи среди боевых реликвий деда были и остаются наградные листки-благодарности от командования – за овладение городами Фридланд и Прейсиш-Айлау (Восточная Пруссия), а также за взятие Берлина.

Я благодарен судьбе за то, что дед смог весьма активно участвовать в моём воспитании. Теперь я нет-нет да и замечу себя унаследованные черты этого родного мне человека. У деда всё и всегда было в полном порядке с чувством юмора. Байки и прибаутки из уст деда сыпались непрерывным потоком. Его шутки, добрые, незатейливые, местами чуть грубоватые, но неизменно остроумные, всегда к месту, согревая душу, оживают в памяти и сегодня. Доброе слово всегда сопровождало его на нелёгких путях житейских. На войне – как источник силы. В мирные годы – как незаменимая опора для существования.

Ещё дед очень любил животных. Подковывать лошадей – о, это было его излюбленным занятием! Рядом с ним постоянно можно было видеть кошек, собак, к которым он относился с нежностью. И, как правило, это было взаимно.

Вспоминаются и вызывают восхищение искренняя любовь деда к людям, к труду, добросовестное отношение к своему гражданскому, служебному долгу, порядочность, которые, пронеся через всю свою долгую, нелёгкую жизнь, он сохранил до самых последних дней. И всё же, к сожалению, мы с дедом очень разные. Дед всегда весьма щепетильно относился к своему внешнему виду и в любом возрасте, несмотря ни на какие хвори, старался выглядеть максимально опрятно и даже элегантно. Не позволял себе выйти из дома даже в магазин, не побрившись и не надушившись одеколоном. Дед никогда ни на

что не жаловался, демонстрировал поразительную силу воли и эмоциональную непоколебимость, в любых ситуациях сохранял самообладание. Особенно глубоко в мою память врезался один эпизод из детства.

В гродненском Старом парке (а назывался он тогда именно так) открылся новый аттракцион «Автодром». Отстояв с дедом длинную очередь, мы, наконец, заняли долгожданное место в одной из машинок: я за рулём, дед рядом. Особенность аттракциона – множественные столкновения. В один из таких таранов угодили и мы с дедом. Удар был такой силы, что с головы деда слетела шляпа. Это буквально стоит перед глазами, будто было вчера. Дед степенно, не торопясь, выходит из машинки. Затем не спеша, бережно поднимает с пола упавшую шляпу, хладнокровно отряхивает её, возвращается, и мы продолжаем покатушки. И всё это – не проронив ни слова! Тогда деду было уже 76 лет.

Вспоминаю, какую невыносимую гордость испытывал я, шествуя рядом с дедом, когда в первые майские дни ему отдавали честь все встречные военнослужащие.

Однажды дед признался нам, что в подкладку его фронтовой гимнастёрки была вшита молитва «Отче наш». Она оберегала солдата всю войну. Так и прошёл он её – с Богом, как и всю свою жизнь.

...Как видите, в силу разных причин рассказ про деда получился не совсем героическим. И тем не менее. Безмерную сердечную благодарность за всё, дань памяти и любви от внука он вполне заслужил. Думается, люди подобного склада – скромные труженики, волевые, чистые душой жизнелюбы – и слагали настоящий советский народ. Несгибаемый, самодостаточный, мудрый. Этому народу было бы по плечу ещё очень многое.

Но, как известно, не имеет история сослагательного наклонения. Деда не стало в апреле 1991 года. До распада СССР он не дожил. Есть мнение, что и не перенёс бы таких глобальных политических потрясений: большая, единая страна, за которую четыре года ходил в атаку, которую потом без усталости восстанавливал из руин, вдруг перестала существовать. Израненное болью сердце ветерана этого бы уж точно не выдержало. Как удивительно, думаю я сегодня, казалось бы, – обычный человек. Ничем не выдающийся. А стал для меня недостижимым примером.

ОЛЕГ СЕШКО

Сешко Олег Витальевич – поэт, детский писатель. Член Союза писателей России. Руководитель народной литературной студии «ЛитКофейник» (г. Витебск). Автор детских книг и сборников поэзии: «Чистая сила любви», «Рождение», «Кутерьма», «Снуть волшебная». Произведения печатались в литературно-художественных изданиях Беларуси, России, Украины, Азербайджана, Германии, Франции, Израиля, Казахстана. Победитель и лауреат многочисленных литературных конкурсов и фестивалей разного уровня: премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2021), международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси – 2022», «Кубка мира по русской поэзии – 2018», конкурса «Заблудившийся трамвай» имени Н.С. Гумилёва – Санкт-Петербург (2019). Живёт в Витебске.

ПАМЯТЬ ПРОНЗАЕТ ДОВЕРХУ

СУМЕРКИ

Моей бабушке Зине, живьём с малолетним сыном закопанной в землю карателями во время Великой Отечественной войны

Зина, сегодня сумерки, что кисель.
Снова сентябрь увяз в придорожной жиже.
Струи дождливо тянутся в канитель,
прошлое прилетает, садится ближе.

Значит, сегодня что-нибудь сотворю –
жжётся во рту, стремится наружу слово.
Помнишь, ты тоже верила сентябрю,
свято включая веру в свою основу.

Помнишь, учила сына: «Не обмани!
Станешь большим и сильным, таким, как папа».
«Хайль!» – за окном вопили больные дни,
к новой оси времён поднимая лапы.

Младшие братья бегали посмотреть,
Свёкор стонал на печке, как ветер в роще.
Зина, они все выжили в эту смерть,
после войти в другую им было проще.

Жили, что не жили – плакали по ночам,
в снах собирали в кучу родные кости.
Что ты такое крикнула палачам
в их безмятежный час абсолютной злости?

Гордо шептала сыну: «Не утрашись,
папа придёт, за нас отомстит, мой милый».
Что ты такое знала про эту жизнь,
если спокойно встала на край могилы?

Тихо сжимала сына в подземной мгле...
Пан полицей остатки допил из фляги.
Вспомни его повязку на рукаве.
Нынче у нас на улицах те же флаги.

Память пронзает доверху из-под пят.
Это свобода – право взойти на плаху.
Если отринешь – мёртвые возопят,
примешь – и сразу станешь сильнее страха.

Зина, сегодня сумерки...

КСЕНИЯ

Расхворалась Ксения в этот год,
ни людям, ни ангелам не видна,
не встречает правнуков, не встаёт,
в одеяле прячется, у окна.

А была-то справная – в телесах.
девяносто годиков, сорок дней:
поросёнок, яблонек целый сад,
огородик махонький – всё на ней.

Без войны – и горюшко, не беда,
остудилось – сладилось по уму.
Разлетелись доченьки, кто куда,
навещают – жалиться ни к чему.

От чего надумалось помирать? –
Не сыскать безумнее чепухи.
В сундуке под Библией есть тетрадь,
аккуратным почерком в ней – стихи.

Малолеткой прятала от отца,
опосля – от мужа и дочерей.
Человек без имени и лица
в полусне нашёптывал рифмы ей.

Никому рассказывать не должна –
стыдоба подсудная, страшный грех.
Оттого и выпала ей война,
погнала сердечную в Третий рейх.

По грязи да с малыми дочерьми,
во хлеву со свиньями всю весну.
Сохрани мне доченок, не клейми,
пожалей, паненочка, хоть одну...

Расхворалась Ксения в этот год,
за болезнью вспомнила про тетрадь.
От рассвета – к Господу поворот,
для начала есть о чём рассказать.

О СВАРЩИКЕ СОЛОУХОВЕ

О сварщике Солоухове писали в газетах города,
что он для рабочей братии – едва ли не полубог.
Якшается, знамо, с духами, вплетает им искры в бороды
за некие там симпатии породистых недотрог.

И, веришь, любили-холили его – постоянно пьяного,
возились с ним, будто с маленьким,
стелили ему постель.

Гармонь раздирал до крови он,
а после почти что планово
чинил утюги, и чайники, и горы дверных петель.

Гудело депо трамвайное, когда Леонид Кириллович,
ручной управляя молнией, в металл пеленал огонь.
Вагоны делились тайнами, друзья собирались с силами,
и, видя стаканы полные, дрожала в углу гармонь.
Гулял молодой да утренний,
в куртяшке отцовской кожаной,
с красивыми недотрогами сжигал себя до зари.
А спать не хотелось – муторно,
врывалась война непрошено,
делила его на органы, крошила на сухари.

Он снова сидел в смородине, а там, на дороге, в матушку
с братьями и шустрой Тонькою стрелял полицей в упор.
Батяня был занят Родиной, а Тонька хотела платьишко –
смешная такая, звонкая... Уснёшь, и звенит с тех пор.
О сварщике Солоухове шептались не больно весело.
А кто его видел спящего? Не даром же – полубог.
До хрипа он спорил с духами, до боли любил профессию
и, знаешь, всю жизнь выращивал смородину вдоль дорог.

ВОРОБЫШЕК

Не был я в этом городе, кто бы меня позвал?
Мне не вручал на холоде звёздочки генерал.
И самогон из горлышка, верите, я не пил.
Прыгал тогда воробышком, не напрягая сил.
Клювом царапал зёрнышки – бурые угольки.
Чёрными были пёрышки, красными ручейки.
Падали с неба отруби – липкий солёный снег.
Мёртвыми были голуби, ломаным – человек.
Раны не кровоточили, а источали боль.
Страх накануне ночи и... ночь, переправа, бой.
В небе стонали ангелы, нимбы летели в ад.
Если бы память набело – слёзы бы или мат.
Слёзы метели выпили... «Маленький, расскажи:
плаха, верёвка, дыба ли? Что она, наша жизнь? –
бросил мне хлеба корочку. – Хочешь, не отвечай...»
Молча достал махорочку, сел, раскурил печаль.
Вкусная корка, твёрдая... Думал всё время так:
голуби – только мёртвые, пепел и полумрак,
зёрнышки – только жжёные, красные ручейки.
Люди, себя лишённые, – холмики у реки!

Нет же, я не был... не был я... Знаю, что это сон.
В памяти корка хлебная... Курит и смотрит он...
Глаз голубые стёклышки с горяшком без любви...
Бьются в окно воробышки, глупые воробьи...

НАСТЯ

Газета «Красная звезда», страница восемь:
на двадцать танков – пистолет и десять ружей.
Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин.
Бюстгальтер с летнего плеча сползает в осень.
Знобит, коробится внутри, дождит слезливо,

нашла от прошлого ключи, взглянув под коврик.
 Жених – безусый лейтенант, не подполковник.
 Сменить коньяк с Алиготе на спирт и пиво,
 гулять от взгляда до любви, и душу – в клочья,
 сегодня тело – шоколад, кипеть в экстазе.
 Пускай заблудший старый лес поёт Настасье,
 и чёрный город, приобняв, целует сочно.
 Пускай державные кресты гудят молитвой,
 горячей кровью над свечой густеет пламя.
 Судьба поджала куцый хвост, объевшись днями.
 Так что наивно расплыться, друг мой ситный.
 В беде всеильны, как всегда, одни лишь черти.
 В беде глухие небеса помочь не смогут.
 Всё, что просила, расцвело полночным смогом,
 не достучаться до небес ей бабьим сердцем.
 Там, наверху, жируют, пьют, гуляют, спят ли?
 Для них одиннадцать ребят – пустая строчка...
 Нет больше в тексте запятых, поставим точку.
 Всё, что зовётся пустотой, живёт навряд ли.
 Почто, скажи ты мне, живых людей – под танки?
 Любых богов мой подполковник стоил дюжин!

Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
 а к ней опять, в который раз, приходит ангел.

ИВАН ДА МАРЬЯ

Мыла Марья мужа в бане –
 мужичок-то невелик.
 Полполока – вот и Ваня,
 вот и весь её мужик.
 Голова и руки целы.
 Правда, нет обеих ног...
 Мыла Марья офицера,
 кавалера орденов.

Сколько лет его искала,
 сто дорог пешком прошла.
 Повидала сто вокзалов,
 много горя, много зла.
 На руинах сердце стыло,
 но вели вперед мосты,
 безымянные могилы,
 деревянные кресты.

Не убит, а только ранен –
 знала Марья наперед.
 Похоронка – та обманет
 и не дорого возьмёт.
 Шла изученным маршрутом –
 от строки и до строки, –
 где стояли насмерть люто
 за Отчизну мужики.

Вшиты в память чьи-то лица –
 вся она из лоскутков:
 в ней отчаянье больницы,
 боль хмельная кабаков,
 рано выросшие дети,
 матерей погасший взгляд,
 полевых цветов букетик
 и сияние наград.

Мыла Марья мужа в бане...
 В том величие жены:
 растопить на сердце камень
 и очистить от войны.
 Марья пару поддавала,
 и сходила благодать...
 Не бывает счастья мало,
 если веру не терять.

ВИТАЛИЙ СИНЕНКО

Член Союза писателей России и Союзного государства, кандидат исторических наук. Окончил факультет журналистики Белгосуниверситета. Работал в газетах «Гомельская праўда», «Советская Белоруссия». В 1980 году утвержден собственным корреспондентом «Комсомольской правды» по Белорусской ССР, затем в Москве – членом редколлегии, редактором по отделам «Комсомолки». После окончания

аспирантуры Академии общественных наук – обозреватель «Правды». Возглавлял московскую редакцию газеты Парламентского собрания Союза Беларуси и России «Союзное вече». Работал в Посольстве Республики Беларусь в Российской Федерации.

Автор ряда статей, художественно-публицистических книг, где важное место занимает показ истории Великой Отечественной войны.

БЕРЕЧЬ ПОБЕДУ КАК ЛАМПАДКУ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ

(Очерк)

Тема войны меня волнует давно. Я родился ровно в середине века, через пять лет после Победы. Мы жили в Белоруссии, где пронесшийся смерч, не просто напоминал о себе, он пронизывал все вокруг, пульсировал в мыслях, воспоминаниях, разговорах людей. Еще долго кровоточили, не зарубцовывались телесные и душевные раны. Генетически во мне живет война. Она живет и в моей жене, в моих ровесниках. Мы не застали

войну, но наши родители побывали в аду, достаточно хлебнули горя, знали истинную цену Победы. Я рос в среде фронтовиков, партизан Великой Отечественной, еще молодых, полных сил, жестких, прямых в суждениях и оценках, с их шумными застольями, шутками, ссорами, не всегда героическими рассказами про войну, забористыми байками, бодрыми песнями, зовущими в бой и высекавшими слезу. Места жестоких боев, партизанских стоянок и показательных казней наших патриотов, военнопленных и тысяч советских граждан еще не заросли травой, еще не было и памятников. Эти места просто все знали и помнили. Мы играли в войну, но всегда получалось, что обе стороны «наши», назвать кого-то немцем считалось смертельным оскорблением – ниже и хуже уже ничего не могло быть. Окопы, воронки, землянки в лесу, где мы собирали грибы, были привычны и понятны, мы находили там простреленные каски, патроны, неразорвавшиеся боеприпасы и нередко война вновь врывалась в семьи трагическим эхом. Школьные уроки истории у нас продолжались дома в разговорах с близкими, в многочисленных встречах с участниками войны в школе, на пионерских и комсомольских мероприятиях, куда обязательно приглашались ветераны. Тогда эти люди были полны сил, впечатления их были свежи и мы их видели совсем не такими, какими увидели их уже наши внуки – дряхлыми, седыми, затрапезно одетыми и чудаковатыми на вид. Тогда мы их слушали затаив дыхание и мечтали быть похожими на них.

Это было время, когда публиковали свои мемуары, воспоминания, дневники, стихи и прозу живые участники и свидетели великой Победы. Они определяли тональность, направление и содержание наших представлений о войне. Долгое время на газетных страницах главенствовала одна тема и преимущественно одно настроение – мы победили! Но потом все стало меняться. Я много встречался с участниками боев, вошедших в историю, став журналистом, брал у них интервью, и уже хорошо видел и понимал, что война – это не только те, кто победно вошел в Берлин, и у кого на груди не оставалось места для орденов и медалей. Война – это не только салюты и Парад 1945 года на Красной площади.

Постепенно менялась тональность рассказов о войне и на страницах книг, в печати, общественном сознании. Какое понимание войны правильное: победное или скептически-критическое? Благодаря чему мы победили? Какова оборотная сторона героизма? Пришла перестройка, потом наступили совсем другие времена, и все обвално изменилось во взглядах на войну, как с точки зрения исторической науки, так и официальных оценок. Все вдруг стало очень запутано, зыбко, сместились фундаментальные основы, на которых держались и мои представления.

Своими сомнениями я тогда поделился с отцом, Георгием Дмитриевичем Синенко, ученым-литературоведом, доцентом Белгосуниверситета, знавшем о войне то, чего не знал я. Его школьный выпускной вечер состоялся в черную для страны дату 22 июня 1941 года в Харькове, куда перевели отца железнодорожника. Он добровольцем пошел на войну, хотя была возможность получить бронь. После пяти месяцев обучения в Гомельском военно-пехотном училище, эвакуированном в узбекский Катта-Курган, восемнадцатилетний лейтенант-пехотинец был брошен на защиту Москвы, на Калининский фронт, подо Ржев, где шли упорные, кровавые бои, хлебнул лиха, но с честью выдержал все испытания.

Меня же все мучил вопрос: имею ли я право писать, вмешиваться в споры, выдвигать свои версии, додумывать, а тем более судить о том, чего не видел и представляю лишь по чужим рассказам.

– О войне легче судить, рассуждать и писать тому, кто там не был, – неожиданно так ответил отец. – Войну 1812 года по-настоящему раскрыл Лев Николаевич Толстой, родившийся через 16 лет после ее окончания, а не участник Денис Давыдов или кто-то из талантливых, литературно одаренных героев, непосредственных свидетелей тех событий. На расстоянии многое лучше видно. Так что великие книги, кинофильмы и произведения искусства о войне еще впереди.

– А на твой взгляд, какая она, война? – задал я тогда же наивно-неподъемный вопрос. – Современные авторы, хотя и смотрят издали, а понимание у них разное. Для одних она ге-

роическая, другого считаешь, и уже победа видится, как поражение. Где правда? Какой путь и взгляд точнее? Как писать про войну?

Отец ответил загадочно непонятно, ничего не прояснив:

– Какой ты войну представляешь, такая она и есть. Все, что напишешь, будет правдой... Война многолика, там всего хватало...

Размышляя над словами отца, я пытался объяснить себе разность в суждениях не только своих ровесников, но и прямых свидетелей войны, противоречивость их мнений по поводу одних и тех же событий. Раз на войне может быть все: и самые высокие взлеты человеческого духа и самые низкие образцы падения, значит любые оценки, авторские схемы и утверждения могут быть правдой!? Значит прав и гордый нашей победой Бондарев и убежденно растаптывающий ее Солженицын?

И снова я встал в тупик и пошел к отцу.

– Выходит прав Василь Быков, показывая в повести «Атака сходу» офицера, который не жалея жизни солдат бросал их на «проклятую высоту», в атаку, на верную смерть только из-за того, что он уже успел доложить о выполнении боевой задачи и сейчас задним числом добивался успеха любой ценой?

– Такие факты были, – кивнул отец. – Знаю из собственного горького опыта...

– Выходит те, кто показывает обратную сторону войны, правы, и не стоит так уж приукрашивать нашу победу. Будем самокритичнее, скромнее, что-ли...

Отец вздохнул:

– Во взглядах на такие многомерные планетарного масштаба события существуют две правды: правда факта и большая правда жизни. Не надо их путать и смешивать. Война дает слишком много фактов и возвышенных и низких, фактов оглушительных побед и сокрушительных поражений, полководческих озарений и бездарных решений, трагических ошибок. А большая правда в том, что парад Победы состоялся в Москве. Принимал его Жуков и к Мавзолею наши офицеры бросали знамена поверженных ими фашистов. И эта правда – главная, она выше всех больших и маленьких фактов. В период обваль-

ных общественных ломок, когда требуется дискредитировать, уничтожить «старый мир», в прошлом ищут низкое, вот и ковыряются антисоветчики и разрушители страны в ранах. А война – это сплошная рана. С войной нельзя мельчить, играть, она не может быть предметом для литературных упражнений или политических интриг. Показывая войну нужно обладать даром обобщения, каким обладали Толстой, Шолохов, Твардовский. В показе войны главное не событийность окопной правды, не только это. Война – это этап общественной жизни определенного периода. Надеюсь и верю, что придет время, когда к советскому прошлому обратятся, чтобы черпать там стойкость, гордость и силу, а не оправдывать критикой прошлого сегодняшнюю слабость и свои реформаторские провалы. Есть вечные темы для человечества и для народов. Великая Отечественная война относится к таким темам. Каждое поколение сможет найти здесь для себя опору.

У меня в руках номер «Правды» за 10 мая 1945 года. Тот самый. Сгусток ожившей истории. На первой полосе в обрамлении единичных и коллективного портретов лидеров СССР, США и Великобритании публикуется «Обращение к народу», Главы Советского государства, генералиссимуса Иосифа Сталина. Сегодня вдруг удивительно злободневно и актуально зазвучали его слова:

«Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

Я читаю приветствия и слова признательности глав и граждан многих государств мира в адрес Советского Союза и его лидера, разглядываю портреты наших маршалов – творцов

Победы, упиваюсь стихами и публицистикой, посвященными великому триумфу нашей Родины и думаю, для кого-то ведь очень важно, чтобы мы все, жители одной шестой части суши, входившие когда-то в одну страну, и жившие одной дружной семьей забрали себе из прошлого и вспоминали лишь страдания, поражения, потери, ссоры и напроць забыли вкус общих побед.

В праздничном номере часто упоминается имя Сталина. В то время это ни у кого не вызывало ни возмущения, ни отторжения. Об этом мне говорил отец. Я спрашивал. Доверие народа к власти явилось одним из слагаемых Победы. Роль личности в истории – вопрос из экзаменационного билета. Тогда ответ был налицо, он заключался в конкретной личности и это признавали все – и народ, и армия, и союзники, и враги. Как бы сегодня кому-то не хотелось, чтобы было по-другому, но так было.

Сталин не нравится Западной цивилизации, как не нравится сколько-нибудь стоящий, самостоятельный лидер. Он не был местечковым правителем. Из наших вождей на Западе больше всех любят Горбачева. Очень по вкусу «друг Билла Клинтона» Борис Ельцин. Но вот Путин разонравился. С самого начала не понравился неуправляемый Лукашенко, так же как в свое время Фидель Кастро и Уго Чавес. Зато почти своими на постсоветском пространстве стали Ющенко, Порошенко, Саакашвили, комик из фильма ужасов Зеленский. А вот Ленина и Сталина и в прошлые, и в нынешние времена в определенных кругах там просто ненавидят. И ненависть эту постарались, да и стараются, как можно гуще распространить и на нашем пространстве.

История – поле боя.

В учебниках, безусловно, останется Вторая мировая война. Но каждая страна начинает придумывать свою войну, творить свою легенду. Я вспоминаю, как еще в 1985 году, находясь вдвоем с коллегой в командировке по линии Союза журналистов СССР в Румынии, впервые услышали версию, что именно Румыния одержала победу в той войне. Мы там были в мае, в дни 40-летия Победы, накануне Фестиваля молодежи и сту-

дентов в Москве. Помню, как нас с товарищем это сначала изумило, а потом развеселило. Но румыны были вполне серьезны. Сейчас я вижу, что веселились мы зря. Победу у нас крадут. Слишком это дорогое приобретение для жизни, самосознания, будущего. Продолжаются гибридные атаки, по напору не менее яростные, чем атаки под Ржевом и Сталинградом. Ведь именно Победа стоит на пути расчленения России и окончательного уничтожения всей нашей Евразийской цивилизации. Запад это хорошо понимает, решив поставить точку и, не откладывая, довести до конца сумасбродные планы Гитлера. Но, как показывает практика, предприятие это для них весьма и весьма рискованное.

Благодаря чему мы победили? Много версий выстраивается. Самых разных. Но одна из них, из всего многообразия, стала особенно рельефно ощутима и понятна только сегодня, когда развалился СССР. Мы победили, потому, что были вместе, благодаря просторам и соединению усилий всех народов нашей цивилизации. Украинец отец соприкоснулся с Россией, Узбекистаном, где прошел военную подготовку, казаками – у него был казахский батальон, Белоруссией. И везде наше братство, наша связь и родство помогали выживать и противостоять врагу. Сейчас жизнь приобрела новые формы, но мы по-прежнему связаны между собой. Нам нельзя растерять нашу общую цивилизационную идентичность. Великая Отечественная возвращает и напоминает нам, в каком мире и где мы живем. Помогает понять, кто мы и где наши братья, близкие люди, а где просто добрые или недобрые соседи в общезжитии по имени Земля. Война – это не только Победа страны СССР. Это великая Победа нашей цивилизации. Еще и поэтому 9 Мая очень не по душе нашим соперникам и конкурентам. Война нас снова объединяет. Объединяют общая память, общие потери, общий героизм, общая жертвенность, общий труд.

Мир снова на распутье. Будущее в густом тумане. Меняется не только география, меняются социально-экономические формации, то есть способы существования человечества. Каждая эпоха дарит свой опыт тем, кто принимает эстафету. Даже самая бездарная и неудачная жизнь несут в себе пользу – отрица-

тельный результат тоже результат. А если в прошлом находятся бесценные формулы открытий для будущего? Только забытые, обветшавшие, затоптанные в грязь.

Сквознячок новой сокрушительной, всеразрушающей войны все время ощущается в воздухе. Сплоченные, спаянные нации и народы заведомо сильнее разобщенных. И сегодня внутри своего мира, своей евразийской цивилизации следовало бы держаться друг за друга, не метаться, надеясь спрятаться или прижиться на другом дереве. Надо строить свой дом-сад, свой дом-крепость. Такой дом может быть хлебосольным и теплым для друзей, но колючим и неприступным для врагов. Какие у него возникнут формы – это уже дело теории и практики строительства. Но надо твердо решить строить. Верить в эту стройку, в ее жизненную необходимость, чувствовать себя в семье, а не в чужом стане. У нас большая семья. Нас не надо склеивать. Мы и так, склеены территорией, историей, традициями, людьми, перемешанной за много веков кровью. Нас разрывают, ссорят, разводят, красят в разные политические, национальные цвета, настраивают друг против друга, взрывают изнутри. Упорно, методично, вопреки нашему природному, веками складывавшемуся союзу.

Почему коллективизм во все времена был основой русской жизни? Почему долго не приживался у нас западный индивидуализм? А потому что суровая природа, необъятные просторы, постоянные опасности и угрозы требовали общих усилий, отпора, коллективных действий. После развала СССР это сохранялось на Крайнем Севере. Я помню, как Патриарх Алексий II, освящавший в сентябре 1998 года новый Храм в Надыме, с подъемом говорил об этом, уже в завершении торжеств, в местном Дворце культуры. Патриарх увидел сохранившийся осколок Советского Союза. Страна развалилась, всех безмерно трясло, а здесь в тяжелейших условиях Севера вместе жили и очень успешно трудились люди бесконечного числа национальностей, не ссорились, сохраняли любовь, тепло и терпимость друг к другу. Иначе в тех условиях не выжить. В заснеженной тундре не спросят у попавшего в беду путника, какой он национальности, машина не проскочит на заснеженной трассе, в сорокаградусный мороз мимо голосоу-

ющего человека, даже если он совсем незнаком и выглядит издалека подозрительно. Неписанные законы Севера. Переступить их – совершить преступление. Дело жизни и смерти – завтра в подобной ситуации можешь оказаться ты сам.

Что людей объединяет, связывает, особенно в непростых, кризисных обстоятельствах? Понять это, значит найти путь к объединению в нынешнем хаосе. В постсоветских странах нет пока подлинного единства, неразрывной связки. Использовать, учитывать опыт – это не значит вернуться назад. Хочется верить в сказочные острова впереди. Но если путь идет не туда, то чем дальше, тем труднее будет его изменить. Многонациональный западный мир внутри себя порой лучше понимает друг друга, чем некогда братские «независимые» государства на своих Евразийских просторах. Людей больших успешных обществ объединяет что-то высшее, наднациональное, надсоциальное, надпартийное, надличностное. Сегодня – это ответственность за судьбу своей цивилизации.

Псы-рыцари имеют способность размножаться, и чем мы слабее, тем их становится больше. Наша слабость, наше разъединение и разобщенность благодатная среда для вечного вопля «Драгх наг Остен!» Для них это не лозунг, не призыв – это великая идея, веками зажигающая сердца безумцев из недр чужого мира.

Как укротить этот адский огонь? Можно ли доказать, донести до сознания реваншистов, агрессоров всех мастей, что любая война – горячая ли, холодная – это зло, уродство, аномалия, безмерные страдания, что для всех выгоднее и разумнее дружить, взаимно использовать возможности, учиться, опираться друг на друга. Доказать это можно только уверенностью в своей силе и своей правде.

Наша цивилизация жива, пока есть Россия. Есть ядро цивилизации. Но без оболочки, без поддержки извне, без того, что дает этому ядру не сгнить, не иссохнуть, не завянуть, не скукожиться, оно тоже не сохранится. Тут же и на месте найдутся те, кто ускорит ее гниение, собственный распад. Границы Русского мира шире границ Российской Федерации. Все разговоры о том, кто кого кормит, и что следует думать только о себе

в своих национальных квартирах-клетках, разрушили СССР. Это было общегосударственное помрачение рассудка. Недавние союзные республики стали лихорадочно искать «старших братьев» за пределами своей цивилизации. Большая Россия при этом начала уверенно разлагаться и деградировать. Вдруг стало понятно, что ей не дадут наслаждаться жизнью и любить только себя более сильные образования. Она или должна будет безропотно и рабски служить чужому миру, его благу и процветанию, бесконечно выплачивая контрибуцию, или исчезнуть.

Возрождение, укрепление, сохранение цивилизации – это может дать смысл существования крупной нации. Так происходит и в США, и в Германии, и в Китае, и в Иране. Это заложено небом в судьбе сильных стран, без осознания своей силы, ответственности, долга сильные страны разрушаются, сгнивают изнутри, предаются порокам и, в конце концов, становятся аутсайдерами, мировыми отбросами, поглощаются более цельными и одухотворенными Идеей сообществами. Сильные страны, те, кому отпущено Небом слишком много, не могут быть обособлены, не имеют права замкнуться в себе и смотреть, как корчатся в конвульсиях соседи. Ведь это корчатся части собственного тела, которые отрываются, или кто-то их отрывает, запустив в организм сильнодействующие наркотики.

Развал России – судьбоносная цель для Запада. Глобальный кризис – неминуем, к этому все идет. Сильный должен выжить за счет слабого. Формула простая, как табуретка. Весь мир с восхищением, благодарностью и надеждой смотрел на СССР. Мы были единственной цивилизацией, доказавшей в 1945 году, что можем противостоять Западу и побеждать его, что мы имеем не только свою собственную независимую политику, экономику, идеологию и культуру, но и свой путь, свою правду. Вот почему не скрывалось всеобщее разочарование и с трудом скрываемое презрение ко всем нам, странам бывшего СССР, в период развала и разрухи. Из могучей державы мы превратились в разноязыкие территории, где стали хозяйничать оккупанты и их ставленники.

Глубинное понимание роли России в нашей цивилизации, ее места в мире живет в ядре многонациональных народов,

населяющих нашу территорию, живет в памяти, общей истории. В России зашли в тупик поиски общенациональной идеи. Великие идеи не рождаются на пустом месте или по приказу. Они пронизывают жизнь, поэтому они и великие. Собираение земель – это мессианская идея. Ведь наш союз – это и гарантия безопасности, составляющих ее сообществ, и связанная, самодостаточная экономическая система, независимая от внешних угроз и кризисов, и богатый духовный мир, и благодатная почва для невиданных человечеством творческих взлетов. На уничтожение этой идеи, на то, чтобы вырвать ее с корнем, брошены огромные средства, главные интеллектуальные резервы Западного мира. Там понимают опасность для себя нашего объединения.

На нынешнем этапе исторического развития трудно переоценить значение Союзного государства Беларуси и России. Отрабатывается форма интеграции двух независимых государств, форма склеивания нашего разорванного пространства, нашей Евразийской цивилизации в новых исторических условиях. Этот пример уже давно вызывает зубовой скрежет у врагов, агрессивных конкурентов России, все делающих для изоляции, полного развала и вычеркивания с карты Земли нашей цивилизации. Там помнят о силе СССР.

У каждого государства на Евразийском пространстве сегодня своя жизнь, свои заботы, свои устремления и видение будущего. Но все это может рухнуть в одночасье. Только Союз, только Единение с большой буквы делает нас сильнее перед вызовами времени. Спина к спине – это помогло нам выйти победителями в самой страшной войне с европейским фашизмом в XX веке. Именно это на данном этапе должны сердцем почувствовать граждане России и Беларуси, все наши братья и союзники на постсоветском пространстве. В разодранном противоречиями мире иначе не выжить. И дело даже не в экономических или каких-то других сегодняшних выгодах от нашего Союза, а в самом акте объединения, в факте собирания наших земель в единое сообщество. В Москве и Минске рождается уникальная межгосударственная форма возрождения православно-славянской, Евразийской цивилизации.

Добро и зло продолжают свое извечное противостояние. Сейчас и самые закоренелые атеисты вынуждены признать, что в Великую Отечественную, в борьбе с фашистским злом случались победы, необъяснимые с точки зрения логики и рационального мышления. Можно ли надеяться на помощь свыше, если похоронена вера в свое предназначение, если вокруг «ничего личного, а только бизнес», когда великая идея, духовный порыв утеряны. Помощь Неба избирательна. Нам нельзя сдаваться. Нам на роду написано быть достойными и побед, и страданий наших предшественников.

НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ

Советная Наталья Викторовна – поэт, прозаик, публицист, критик, кандидат психологических наук. Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей России, Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923-1996) и литературных чтений И. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), заместитель председателя общества дружбы «Беларусь – Россия». Автор 19 книг, изданных в России, Беларуси, Сербии. Некоторые произведения переведены на белорусский, украинский, сербский, английский языки. По произведениям лексикографом А.П. Бесперстых созданы пять словарей – эпитетов, фразеологизмов и сравнений. Лауреат и победитель республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т.ч. «Словенское поле», им. А.К. Толстого, «Золотой Витязь», «Славянский калейдоскоп», «Армения в душе». Номинант на Национальную премию Республики Беларусь (2022, 2023). Имеет медали: «Василий Шукшин», «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923-1996)» (2015), «За вялікі ўклад у літаратуру» (2016), «За служенне містецтву» (Киев, 2019), «Максим Богданович» (2020); орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

ОТ ДНЕЙ ВОЕННЫХ –
В НАШ ДАЛЁКИЙ ЧАС

80-летию прорыва блокады Ленинграда

Город блокадный голодом пахнет. Запах
Не табуретки, горящей в зеве буржуйки,
И не ремня в кипятке, не клея запах.
И не обрывков обоев, не взрывов жутких...

Город голодный. Морок... Обморок... Запах!
Нет, не крестами насквозь прошитого неба
И не людей, в сугробах замёрзших... Запах
Даже не ломтика, хоть бы крошечки – хлеба...
Жизни запах!

80 ЛЕТ СПУСТЯ

*Памяти жителей Городоцины, замученных
и расстрелянных фашистами в Воробёвых горах в годы
Великой Отечественной войны (1941- 43 гг.). Осенью 1941 г.
было уничтожено всё еврейское население.*

В небо макушками – сосны
Здесь, на краю земли.
В космы вплетает им космос
Звёздные хрустали.

Ветер качается в кронах,
И на заре, наяву,
Как поминальные звоны,
Сыплются звёзды в траву.

...Позарастали те ямы,
Дружный занялся лесок
Там, где детишки и мамы
Падали в смертный песок.

Красные, жёлтые звёзды
Тысячами полегли...
В небо макушками – сосны,
Корни до края земли.

САПЁР

*Памяти Василия Ивановича Форманского,
гвардии красноармейца, погибшего в боях
при освобождении Витебщины от немецко-
фашистских захватчиков в 1944 году.*

Казалось, даже воздух был железным,
И вздох – последним,
И последним – взгляд,
А каждый шаг грозил полётом в бездну –
В кроваво-огненный свинцовый ад.

Неверное движение – миг до врыва!
Но, смерть перехитрив, он шёл вперёд,
Безминный путь готовя для прорыва –
Пятиметровой ширины проход.

И был перед сапёром враг бессилен,
Слепыми пули становились вдруг:
Когда навстречу им вставал Василий,
Над ним молитвенный смыкался круг.

Готов проход, готов второй и третий.
– В атаку, братцы! – дан уже приказ...

Тропой Победы стали метры эти
От дней военных – в наш далёкий час!

*Ивану Христофóровичу
Баграмяну посвящается*

Никогда не была я в Армении,
Хоть и снилась гора Арарат,
Как надежда, мечта и спасение,
Как ступенька в Божественный сад.

Сновиденья воздушными ланями
Уносили меня в Ереван,
Где рассветно-мистичными ранами
Серебром разливался фонтан.

Откликались десятки фонтанчиков
Чудной горно-небесной воды,
А Раздан причащал одуванчики,
И миндаль, и шалфей, и дубы...

Никогда не была я в Армении,
Но спасителем, другом, послом
В фронтовом жутком времени-бремени
Заглянула сама она в дом!

Сын народа её, героический,
Словно горный орёл, Баграмян¹ –

¹ Иван Христофóрович (Ованэс Хачатúрович) Баграмян, советский полководец и государственный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, заместитель министра обороны СССР, командующий армиями и фронтами в Великой Отечественной войне, освобождал г. Городок Витебской обл. от немецко-фашистских захватчиков. В городе ему установлен памятник, одна из улиц и школа №1 носят его имя.

За мой край Городокский стоически
Бился с гадом фашистским Иван.

Вот и снятся ночами мне зорными
Ереван, и гора Арарат,
И поющий Аракс, и с узорами
Светотеней задумчивый сад...

СУДЬБА

Вот такая судьба: я из двух половинок.
Половинка одна прикипела к земле,
Где исхожено много дорог и тропинок
И где отчее видится даже во мгле,
Даже в пне от берёзы в родимой сторонке,
Даже в поле пустом, где деревня жила.
До войны она пела так солнечно-звонко!
Онемела... Сгорела... Остыла зола.

Моё отчее – в городе, добром и тихом.
На пригорке там бабушкин домик стоит..
Обожгло Городок¹ несказанное лихо:
Будь солдат, партизан иль еврей – всё убит.
На счету у войны –
каждый третий в районе.

В Воробьёвых горах² на крови – буйный лес,
На берёзах в Берёзовке³ пышные кроны –
Пировал на костях на окраине бес...

¹ Городок – город в Витебской области, районный центр.

² Воробьёвы горы – место массовых расстрелов на Городокщине в годы Великой Отечественной войны.

³ Д. Берёзовка – место массовых расстрелов на Городокщине в годы Великой Отечественной войны.

Есть Дубровно¹ ещё, и в земле его горькой
Безутешные слёзы отцовской родни
По пропавшим в боях на войне злобно-золкой.
В чьих дубравах навек схоронились они?

А вторая моя – не отнять! – половинка
Помнит детство своё в необъятной стране,
Где родною была мне любая травинка,
Где была я родною в любой стороне.

И звала её радостно Родиной-мамой,
Как звучало торжественно: СССР,
И Отчизною мне – была самою-самой!
Только кто-то включил уже секундомер.

Только кто-то извне полоснул меня саблей,
Уничтожить любовь пожелал на корню.
Но, похоже, ступил на железные грабли...
Я по-прежнему Русь с Белой Русью люблю!

ПРОСПЕКТ ВЕТЕРАНОВ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Много званых, много званых –
Мало избранных...
На проспекте Ветеранов –
Болью изморозь.

На проспекте остановки –
Вехи подвигов,
Что ни имя – русскойковки! –
Лёня Голиков,
Фёдор Бурцев, Саша Герман –
Чудо-воины!

¹ Дубровно – районный центр в Витебской области.

И не счесть Отчизне верных,
Сильных волею...

Корзуна, солдата, в камне
Честь-фамилия.
Вечно будет юной
в давнем
Дева милая –
Зина, Зиночка Портнова,
Ныне – улица...
Жизни века огневого
В детях сбудутся!

На проспекте Ветеранов
Вишни в камеди...
Знать не лечит время раны
Ратной памяти.

Качается вагон,
Качаются слова,
Плывут обрывки фраз по коридору,
Мобильный перезвон,
Дела – как трын-трава,
И только разговоры, разговоры...

Газетно-книжный рай
И с перебором – сон.
Вдруг вспомнилось о доме и о маме...
В стакане стынет чай...
И вдруг – как гром, как стон:
– Не дождалась они Победы в мае...
Погиб герой-отец,
Его два брата, дед –

Пускали вражьи поезда с откоса...
Давно войне – конец,
Но нам держать ответ:
Как допустили в жизни перекосы?

Сосед-старик умолк.
Колёса – метроном.
Глаза в глазах читают боль-смятенье...
Ужели честь и долг
Во времени ином?
Но всё дороги те ж
И те ж сомненья.

БЫЛИНЫ

Кружит медленно аист у взгорка пустынного –
Полегли здесь солдаты когда-то за Родину...
Неприметной высотка мне кажется вроде бы:
Сколько горок таких же, поросших былинами!

Сколько горьких раздолий, где жизнь деревенская
Не воскресла, не ожили хаты сгоревшие.
Били в сердце фашисты – побрали б их лешие! –
Для Руси ведь деревня как таинство женское...

Танк у взгорка. И дремлет он с дулом опущенным.
У села не осталось таблички с названием.
Тьму же лешие спутали с Белою пущею –
Заплутали там Ясевы дети да Ванины.

Кружит медленно аист у взгорка пустынного.
Здесь отцы наши вместе стояли за Родину,
И за каждую пядь, неприметную вроде бы,
Они в общую землю вращали – былинами...

ПОДРАНДА

Памяти сожжѐнных фашистами в ноябре 1942 года жителей деревни Подранда Городокского района Витебской области. Деревня не возродилась..

Во широком поле ветер травы гладит –
 Чудится: то ль плачет, то ли христарадит?
 Тридцать пять подворий здесь земля кормила,
 Сотни губ шептали: «Любая!» – «Мой милый!»
 Сотни рук качали в избах колыбели –
 Жили-были люди! – В небо улетели...
 Жалостливый ветер гладит, гладит травы,
 Догорают росы на кострах отавы,
 Сквозь огонь холодный рвѣтся зелень-сила,
 Да забыло поле, как коса косила.
 Помрачилось горем: в пламени качели! –
 Порошили пепел чѣрные метели.
 Во широком поле ветер травы гладит.
 То ли кто-то плачет, то ли христарадит...

ГЕНРИХ ТАРАСЕВИЧ

Тарасевич Генрих Францевич – поэт. Член Союза писателей Беларуси. Кандидат сельскохозяйственных наук. Участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, делегат 1-го (2007 г.) и 2-го (2017 г.) съездов учёных Республики Беларусь. Автор поэтических сборников: «Ожидание весны» (2013), «Отражение души» (2015), «Носитель» (2017), «Отражение искренности» (2018), «Простота» (2023); многочисленных публикаций в белорусских литературно-художественных изданиях. Неоднократный лауреат республиканских литературных конкурсов. Живѣт в Минске.

НЯХАЙ АНІКОЛІ НЕ БУДЗЕ ВАЙНЫ...

ППШ

Я ёсць самы той баявы аўтамат
 Сістэмы канструктара Шпагіна.
 Скажу без сумневу: круты агрэгат,
 Калі карыстацца мной правільна.

У дыску маім больш за семдзясят куль –
 Патронаў убойнай магутнасці.
 Стальны моцны ствол, вылятае адтуль
 Імклівая смерць з хіжай хуткасцю.

Валодаў найперш мною бравы сяржант,
 У справах ваенных меў рацыю.

Застрэліў зімою яго акупант
У час франтавой аперацыі.

У лесе затым маладзён падабраў
Мяне ў заржавелым становішчы.
Пасля на прыкладзе цвіком напісаў
Сваё партызанскае прозвішча.

Амаль тры гады ўпарта я ваяваў,
Не меў адпачынку належнага.
Бывала, што суткамі запар страляў –
Выконваў сваю справу спешную.

Але ж пра баі і пра колькасць ахвяр
Не буду расказваць ніколі я.
Вайна – гэта д'ябла бязлітасны дар
З пакутнай пякельнай нядоляю.

Магу зрэшты ўспомніць адзін эпізод
З былога жыцця партызанскага.
Смяўся лагодна мясцовы народ
З відовішча гэтага хвацкага.

У Мінску хадзіў на ваенны парад
З забавай наскрозь маладзецкаю,
Дзе з хлопцамі поруч казёл трымаў рад,
Адзеты ў форму нямецкую.

Цяпер я ў музеі дзяржаўным служу,
Сябе дэманструю паблажліва.
Пад шклом браняносным маўкліва ляжу,
Ды думкай ахоплены важнаю.

Няхай аніколі не будзе вайны –
Гары яна гарам, праклятая.
А зброю – знак гора, бяды і маны
Ў плугі пераўтвораць аратыя.

Дакладна больш чым пяцьдзясят мільёнаў
Ў Другой Сусветнай палягло вайне.
Пасля мільярдаў гнеўных ёй праклёнаў
Яна людзей, здавалася б, міне.

Здавалася б, што ўжо людская памяць
Вайну не пусціць нават на парог –
Смяротных страшных дзён ліхую замець,
Ды неадчэпных жудасных трывог.

Але ж сказаў калісь так званы «геній»
(Хоць у прамове той наскрозь мана),
Маўляў, спрадвеку ў кожным пакаленні
Павінна быць заўжды свая вайна.

На жаль, у доказ сумным «пастулатам»
На розных кантынентах льецца кроў –
Пакутная даніна супастатам
Ад мірных тамтутэйшых жыхароў.

І ўсё-такі я веру, што калісьці
Настане ўрэшце знамянальны дзень,
Калі народы знойдуць разам выйсце
І войны знікнуць, як апоўдні дзень.

Як раньш было, так пэўна ўжо не будзе,
Мінулы год змяніў дашчэнт свет.
Паддаўся ён бязлітаснай аблудзе
І штосьці перайначыць цяжка ўслед.

Чаго ж усё-ткі свету не хапала,
Каб чуўся ў ім надзейна чалавек?

Няўжо Еўропе войнаў бракавала?
Гучыць пытанне, быццам едкі здзек.

Патрэбна ўсім пачуць адзін другога,
Пакуль яшчэ бяда каля парога,
Каб дзверы перад ёю зачыніць.

Хоць сённа шлях да міру вельмі цяжкі,
Ды першы крок заўсёды самі важкі,
Галоўнае – у час яго ўчыніць.

ТАТЬЯНА ЦВИРКО

Цвирко Татьяна Константиновна – поэт, прозаик, поэт-песенник, переводчик. Член Союза писателей Беларуси. Автор четырёх сборников стихов и песен: «Ясачка долі маёй», «Зноў з табой я, месцейка святое», «И только май их не забудет», «Вершам прарасту...»; книги прозы «Слодыч мяты – горыч палыну». Некоторые произведения переведены на русский, украинский, польский, киргизский, итальянский языки.

КАЖДОГО ПОМНИ, ЗЕМЛЯ МОЯ!

ПАМЯТИ ВОИНОВ-ПОГРАНИЧНИКОВ

Люди-птицы прилетали,
перья чёрные теряли...
Ой, ужасный сон!
Ночь, чернильная, слепая,
грёзы напрочь убивает –
ой, бьёт колокол...

Безбрежное счастье вчерашнее
июньский рассвет до дна выпил.
Гуденье моторов протяжное –
беда пришла! И гибель...
Уютное счастье раздавлено
(неужто, под утро сон в руку?).

Орудием, пушками, танками...
 Дрожала земля от испуга.
 Безбрежное счастье вчерашнее
 склевали, как смоль, люди-птицы.
 Солдатские души бесстрашные
 живую восстали границей.
 Герои – «фуражки зелёные» –
 немецкий прогноз зачеркнули!
 Нацисты, огнём крещённые,
 такого тут лиха хлебнули!
 Заставы «В ружьё!» пограничные!
 Свинцом врага поливали...
 За планы свои циничные
 фашисты в крови погибали!
 На смерть! До патрона крайнего! –
 Телами границу усеяли.
 Ты каждого помни, земля моя!
 Героями стали все они –
 кто бой принял первый на зорьке...
 В тот день равноденствия летнего!
 Ванюши, Сережки, Кольки...
 Пусть память им будет светлая!

Люди-птицы прилетали,
 перья чёрные теряли...
 Ой, война с косой!
 Чёрной тучей накрывала,
 не пленила, не сломала...
 Ой! Народе мой!

Безбрежное счастье вчерашнее
 склевали, как смоль, люди-птицы.
 Солдатские души бесстрашные
 живую восстали границей.
 Герои – «фуражки зелёные»
 стоят на границе – вечные!
 Потомки их живут поклонами,
 повсюду – земля расцвечена!
 И счастье возшло вчерашнее
 росточками через года...
 Внушают нам лица бесстрашные:
 «Не пустим войну! Никогда!»

ПАМЯТИ ХАТЫНИ

и всем её сёстрам, сожжённным деревням

*День-день, стонет Хатынь,
 болью людей теплится.
 Звонами-стопами снова Хатынь
 в наши сердца стучится...*

Из песни «Хатынь»

(музыка И. Лученка, слова Г. Петренко)

Над простой лесною деревушкой
 утро краснощёкое вставало.
 Тинькали синички на опушке,
 «ку-ка-ре-ку» звонкое витало.
 Лишь спугнуло сонное окошко
 солнышка кудряшка золотая –
 звонкий голос проливает крошка,
 младшенькая в хате, – дочка Рая.
 – Мамочка, смотри на календарик,
 здесь две гуськи – значит, день хороший! –
 в чай макает маленький сухарик.
 Мама соглашается: «Дай Боже!»

Гуськи – двадцать два – число такое,
 день двадцать второй весна листает...»
 Невдомёк им: на пороге горе!
 Вражеская ярость закипает.

Сорок третий! Страшный сорок третий!
 Терпит Беларусь в клещах кровавых,
 зверствуют отряды «Чёрной смерти»,
 беспощадной враг грозит расправой.
 Прозвучал приказ немецким словом.
 Полицаи «Есть!» откозыряли,
 по-собачьи услужить готовы,
 и по-волчьи их глаза сверкали.
 В день весенний, что надежд был полон,
 небо над Хатынью разорвали
 крик и вопли, плач, проклятье, стоны...
 Как скотину в хлев людей сгоняли.
 – А куда ведут нас дяди силой? –
 дёргает за юбку маму Рая. –
 – Я игрушек даже не схватила...
 Мама губы до крови кусает.
 – Дети, дети! Рядышком идите! –
 четверых ютит дочурок Стеша
 Желобкович. Солнышко в зените
 спелит им губительную стежку.
 Девять малышей ведёт с собою
 Анна Барановская. Иотки
 сбивчивою тихой чередою
 топчут путь последний и короткий.
 Силой выгоняли изуверы!
 Все бредут: Новицкие, Климович,
 с грудничком идёт Яскевич Вера,
 Карабан, Каминские, Жидович...
 В панике спасенья ищут бабы:

– Помоги, услышь нас, о Всевышний!
 Грязь со снегом, ямы да ухабы
 месяц ножки, ноги и ножищи...

«Динь-динь, стонет Хатынь,
 болью людей теплится.
 Звонами-стопами снова Хатынь
 в наши сердца стучится...»

Больше нет Хатыни... Дым горячий
 затаился средь берёз и елей.
 Одеревеневший месяц плачет
 по телам, что заживо сгорели.
 Двадцать шесть горбов дымят в тумане –¹
 на земле, что детский смех растила.
 Нет! Не на земле, а на сознание
 тех, кто здесь посеял боль и силу.
 Утро просыпается безмолвно.
 Выползает пепельное солнце –
 очевидец траурного полдня.
 Жизнь в деревню больше не вернётся.
 Похоронный марш играет ветер,
 март совсем оглох, ослеп от страха.
 И рыдает горько сорок третий,
 голову готов сложить на плаху.

¹ Двадцать шесть горбов тлеет в тумане – 26 домов было сожжено в деревне Хатынь вместе с жителями.

Вновь весна! И я букет сирени
(как обнять!)
несу святой Хатыни.
Возле дома Райки на колени
встала. Стынет в жилах кровь, как стынет!
По душе неспешно, чуть пугливо
прошлое, как скользкий уж, сползает.
– Боже мой! Что ж так несправедливо...
Ты открыл их душам двери Рая?
Васильки, ромашки, маргаритки...
Возвратились жители цветами!
Каждый дань отдал родной калитке.
В памяти они навечно с нами!

«Динь-динь, стонет Хатынь,
болью людей теплится.
Звонами-стонами снова Хатынь
в наши сердца стучится...»

ВДОВАМ

Птица с глазами погибшего мужа
просится в хату не первую ночь...
В ставни стучится уставшая стужа.
Зябнет журавлик... Совсем уж невмочь.
«Милый! Родимый... Не стой на пороге!
Быстренько в дом залетай, мой солдат!
Зимка морозная, друг длинноногий!»
Птица курлычет: «Так рад я! Так рад!»
И обнимают не крылья, а руки
щуплую спину супруги-вдовы.
Так и стоят после долгой разлуки.
«Я прилетел из-под самой Москвы...»

...Кошкой у входа ночная спит стужа,
бьются в окошко рудбекий шары.
Птица с глазами любимого мужа
сгнула... Греет сон мысли вдовы.
Крестит всё тело святое трехперстие:
«Боженька праведный! Столько годков!..
Как же страдаешь ты, женское сердце,
после таких вот предутренних снов!»
Свечка церковная воском дохнула.
«Христе, прости за дурные грехи!» –
(тихо иконе губами шепнула).
Карты привычно по кругу легли.
Дама червовая – ровно по центру,
левой рукой три «на сердце» кладёт!
Знает же: «Карты соврнут стопроцентно!»
Но всё равно ворожит – чуда ждёт!
И всё равно горизонт пьёт глазами.
Изредка кажется: там, за рекой,
муж её бодро и гордо шагает,
Даже... (о, боже!) махнул ей рукой!
«Милый! Давно повенчался ты с небом,
Богу я верю, а не ворожке...
Рюмочка водки, прикрытая хлебом,
День ото дня ждёт тебя на столе.
Я перед сном две подушки взбиваю,
Ночь – мой покой, и спаситель, и рай!
Суженый-ряженный, жду и скучаю!
Сизым журавликом в сон прилетай!»

«Вы, журавки, в сентябре не кричите,
вдов солдатских на заре не будите.
Пусть они ещё поспят, дозарюют,
хоть во сне своих солдат доцелуют»¹

Сколько, вдовушки, вы терпите боли!
Прах войны запорошил вашу долю.

¹ Из песни “Вдовы России” (музыка Г. Пономаренко, слова Т. Голуб)

Крест гнетущий вам нести в паре с горем
 Да купаться суждено в слёзном море.
 Может, вынес приговор сам Всевышний:
 «Вдовы! Вот такой вердикт им запишем!»
 Может, кто грешил родной – карма ваша.
 Очень трудно быть вдовой – жизнь как сажа.
 Град по душам молодым – похоронка.
 Не вернулись – Игорёк, Мишка, Ромка...
 А в подругах – жалость, скорбь да забота.
 На плечах – беды печать и работа!
 Не смогла для вдов война завершиться!
 Бьёт по памяти огнём заряница.
 Успевают всё они, растят деток,
 А в душе – надежды знак... Может, где-то...
 В ноги Богу каждый день: «Сделай чудо!
 Век любить да почитать тебя буду!»
 Да отводит Бог глаза: «Я не в силах...
 Женихов, мужей, отцов смерть скосила.
 Люди истинам Христа изменяют,
 вот мужчин за этот грех и теряют.
 Начал сатана войну – ад кромешный,
 и себе немало взял душ он грешных.
 За вину людскую ваши потери,
 чтоб вернуть людей к молитве и вере.
 Чтоб детей учили Богу молиться...
 Эх, несносна ваша участь, вдовицы!»
 И укутаны в плащи цвета смоли
 от весны и до весны мысли вдови.
 Журавлями ночью в сны прилетают
 не пришедшие с войны...
 Оживают.
 Жизнь идёт! И в городах, и в посёлках
 возвеличивают вас, войны-вдовки!
 Вы в гранитные одежды одеты,
 не ломают вас ни бури, ни беды.
 А у ног ваших – свечей огонёчки,

и цветы, и из стекла ангелочки...
 А в руках ваших мозолистых, вечных,
 притаилась и лежит бесконечность!

ДЕТЯМ ВОЙНЫ

*Мемориалу «Памятник детям-жертвам
 Великой Отечественной войны»
 в деревне Красный Берег. Беларусь*

*Смотрят в небо глаза воспалённые.
 Дети войны...
 В сердце маленьком горе бездонное.
 В сердце словно отчаянный гром
 неумолчный гремит метроном.
 Илья Резник*

Кто ты? Марина? Верочка? Оля?
 Девочка с пристальным взглядом?
 Руки-тростинки над головою...
 Вечным стоишь тут набатом.
 Ножки – на чёрном кусочке земли.
 Крови пятно под тобою.
 Нежный росток... (Не судьба – расцвести)
 Скошенный лютой войною.

Они гнобили совесть и богов,
 хоть «С нами Бог!» привычно повторяли.
 Из детских вен они тянули кровь
 и мерзко, тошнотворно «гергетали».
 Они твердили: «Kinder, kinder, gut!»¹

¹ «Kinder, kinder, gut!» (нем.) – дети, дети, хорошо!

Кровь ваша потечёт по venen¹ немцев!»
 На ручках крепко закрепляли жгут...
 И тёк поток малиновый от сердца.
 А кровососы новый метод свой
 над детками испытывать пытались:
 под мышки подвязав их над трубой,
 сжимали грудь и пятки надрезали...
 И наполнила пробирки до краёв
 и колбочки, а может, ведра даже
 славянская – детей невинных кровь –
 сокровище и будущее наше!
 Кап-кап... Кап-кап... Кап... Злобно так ползёт
 По губкам ядом смоченная ватка.
 Испачканный багровым, день умрёт,
 слезами захлебнувшись от догадки.
 Кап-кап...Кап-кап... Кап... И последний вздох...
 Мгновенья надевают цвет черники.
 Для мам-страдалиц мир ослеп, оглох...
 Детей своих им не найти могилки.
 Их прах повсюду: в пепелище звёзд,
 и в шелесте расцветших яблонь белых,
 и в искрах, что костёр ночной разнёс,
 и в перлах – Бога слёз окаменелых.
 О, Красный Берег! Всё ведь помнишь ты:
 тех дней кошмарных рваные сюжеты,
 и дикий крик щемящей пустоты,
 туманные на зорьке силуэты...

Кто ты? Марина? Верочка? Оля?
 Девочка с пристальным взглядом?
 Руки-травинки над головою...
 Вечным стоишь тут набатом.

¹ Venen (нем.) – вены

Ты «детская Хатынь», наш Красный Берег.
 Святое место. Символ на века.
 Трёхрядье парт пустых, жемчужно-белых,
 в цветах, игрушках – школьная доска.
 Из детства память-след – кораблик светлый.
 На парусах – имён ребячьих рой:
 Артём, Рената, Ева, Зоя, Света...
 Вселенной дети, вам поклон земной.
 Над школьным классом – солнце без войны
 с землицы слёзы тихо собирает,
 и льнёт к ладоням чуткой тишины
 боль из тоски, сочувствия, печали...
 Надежды символ – лёгкий мотылёк –
 девчонке на плечо сел беззаботно.
 С гранитных плит кровавый ручеёк
 плывет-журчит по памяти народной.

СЕСТРИЧКА

Всё мимолётное...
 Отблеск моего воспоминания
 вспыхивает мгновениями жизни –
 моего последнего земного дня.
 ...Бой закончен. Я жива!
 Перед глазами – облака в трещинах, в пробоинах –
 наглотались пушечного дыма.
 Куски кровавого солнца...
 Серой меткой в вышине реет сокол.
 Откуда он? Пробивает дорогу сквозь облака.
 Я жива! И лелею-голублю надежду:
 здесь будет солнечно (когда-то!)
 А сегодня...

Тишины! Глотнуть бы тишины...
 Только она испачкана багрянцем.
 Не смогу глотать кровь.
 Кровь тех, кого не вынесла с поля боя,
 кто отошёл не по сроку, а по кармическому узлу.
 Тех, кто уже близко к Богу.
 – Сестричка!
 – Доченька!
 – Ангел мой...
 Стоны, крики, комплименты – вперемешку.
 И вороний цвет мира вперемежку
 с белыми спасительными бинтами...
 – Не смогла... Не успела... Не сумела...
 Доползти, помочь, дотянуть...
 Я сошью им саванн из опавших листьев –
 охровых, золотых, алых.
 Чтобы с честью приняла их земля-мученица.
 Ведь бой закончен. А я жива!
 Здесь будет солнечно (когда-то!),
 А сегодня...
 Похороним героев на рассвете.
 А к вечеру они прорастут на небе россыпью звёзд
 и будут царапать нашу свежую память,
 и сердца покрывать сединой...
 Ведь мы в долгу! Нам надо отомстить!
 – Сестричка-а!
 – Доченька-а!
 Кто-то жив!
 – Родненький! Терпи! Ползу!
 Помогу! Спасу! Жди!
 Вперёд! Вперёд!
 Здесь будет солнечно (когда-то!).
 А сегодня...
 С нервной улыбкой творил своё злодейство дьявол.
 Не дал доползти...

Подсунул гранату неразорванную
 под косы пшеничные,
 под душу – вишни цвет,
 под ладонь с оборванной линией жизни...
 Взрыв! Крик! Пепел...
 Здесь будет солнечно (когда-то!),
 А сегодня...
 – Я не смогла. Не успела. Не сумела...
 Доползти, помочь, дотянуть.
 Все кончено. Я мертва!
 Омыли солдатские слёзы девичье лицо.
 Спряталась за кровавые хлопья неба
 горбатая луна –
 молиться за очередную жертву.
 Взлетела белой лебёдкой
 в обезвоженный простор душа!
 Все мимолетно...
 Отблеск моего воспоминания
 вспыхивает мгновениями земной жизни.
 – Там стало солнечно!
 И я часто бываю там:
 воском расплавленным,
 радугой в лужах,
 «ку-ку» протяжным,
 строками стихов...
 И молчанием!
 В память о вас,
 мои подруги-санинструкторы!
 В честь вас, доченьки-медсестрички!
 Пусть будет тепло вашим душам
 у костров памяти!
 И пусть всегда
 там, здесь, везде...
 Будет солнечно!

ЗА ДЕНЬ ДО ПОБЕДЫ

Вторник. Это был вторник.
 На календаре –
 перевёрнутый знак бесконечности.
 На душе – зорька алая
 парила да нашёптывала
 одно единственное, животворящее
 майское слово
 «Победа!»
 Случится!
 Я верил! Я знал!
 Случится!
 Я поселил её в сердце,
 растил в мыслях,
 нёс на плечах...
 Случится!
 Я встречу
 счастливым до забвения
 нашу Победу!
 Случилось!
 Из глаз Рейхстага
 9 граммов свинца
 на самом краешке войны
 пробили насквозь
 моё иллюзорное счастье.
 Саднит! Печёт! Разрывает...
 Досада! Обида! Гнев!
 Я тот, кто не вернётся с войны.
 Наверное, нагрешил я, Боже,
 «...мыслью, словом, поступком,
 пренебрежением.
 Моя вина, моя вина,
 моя очень большая вина...»

Шаг влево...

Шаг вправо...

И вместо улыбок жены и сына –

улыбки ангелов...

И вместо поцелуев и объятий –

молебны...

Я дошёл! Я верил!

Зачем же открылся я тебе, зорька алая,

что счастлив... До забвения.

Поспешил. «Моя вина, моя вина...»

Я тот, кто не вернулся с войны.

Вторник. Это был вторник.

Календарь лелеял

перевёрнутый знак бесконечности.

За день до Победы...

Меня забрали ангелы, оставив родным

только строчку на солдатском обелиске,

который каждое утро

слёзно обнимает зорька алая.

И память...

ВИКТОР ШИМОЛИН

Шимолин Виктор Иванович – писатель, журналист, кандидат филологических наук, доцент. Член Союза писателей Беларуси. Заслуженный журналист Союза журналистов Беларуси. Автор истории белорусской епархиальной печати; создатель теории фотожурналистики как образной публицистики, разработал систему жанров и методологии фотожурналистики. Автор монографий «Духовные ценности православия в культуре белорусского народа» (2008), «У истоков белорусской печати» (2010), «Образная публицистика» (2015), «Золотое сечение: фотографии» (автор-составитель), «Фотожурналистика в процессе трансформации информационного пространства» (2017). Автор УМК «Основы фотожурналистики» (2009). Автор учебных пособий «Фотожурналистика» (2019), «Фотожурналистика для иностранных студентов» (2020) и документальных исследований проблем Великой Отечественной войны, отражённых в книгах «Забытые агенты Кремля» (2003), «Тайна уголовного дела №1603» (2004), «Охота на гауляйтера» (2006), «Охота на палача (2007)», «Убийство Вильгельма Кубе» (2015) – книги написаны в соавторстве с архивистом В. Д. Селеменевым. Награждён почётными грамотами Министерства спорта и туризма Беларуси, Минского облисполкома, Министерства информации Беларуси, знаком «Отличник печати» Министерства информации Беларуси, Большой золотой медалью Европейской ассоциации бокса (ЕАБА).

ВОЛОСЫ (Рассказ)

Случилась эта история без малого лет сорок тому назад. Её сюжет можно назвать неординарным, а финал – сенсационным. Но лишь спустя годы я отважился поведать миру о моём приключении. Авторское «я», которое будет встречаться в тексте, вовсе не выражение гонористого характера, а гарант правды и достоверности описания. Причина молчания проста: мне пришлось пообещать участникам события держать язык за зубами.

Заинтриговав таким образом читателя, приступаю к рассказу.

В то далёкое время мне довелось пахать на ниве «низовой» печати, в многотиражной газете «За технический прогресс» 11-го Государственного подшипникового завода, позже переименованного в Минский подшипниковый.

От республиканской или центральной печати многотиражная отличалась особым братством, которое выступало кузницей журналистских и даже писательских кадров.

И вот однажды двери редакторского кабинета распахнулись, и в дверной проём просунулась лохматая голова нежданного визитёра:

– Зайти разрешите? – в голосе посетителя угадывалось некоторое волнение и чуточку подобострастия.

– Заходи, коль пришёл! Садись, рассказывай!

Через минуту после прихода претендента, кстати, первого и единственного, воздух в кабинете наполнился стойкими, как французские духи, ароматами смазочных масел, охлаждающих жидкостей и калёной стружки.

Увидев перед собой стеснительного парня, лет девятнадцати, не более ста шестидесяти сантиметров роста, в промасленной рабочей телогрейке и грубых башмаках, я начал изучать физиономию пришельца, пытаюсь определить его характер и цель визита.

Передо мной на краешке стула сидел, судя по всему, недавний выпускник одного из столичных ПТУ – профессионально-технического училища. Влажные губы ярко выделялись на широком лице, украшенном весенними веснушками и розовым, с мороза, румянцем. На круглой, как мяч, голове блестела вьющаяся шевелюра. Нос был расплющенный, совсем как у боксёра.

Образовалась неловкая пауза, но паренёк решил прервать молчание:

– Редактор, я вот что хочу сказать. Я прочитал в нашей газете объявление о том, что редакции срочно требуется фотокорреспондент. Ну, и мне хотелось бы попробовать...

Действительно, фотограф требовался редакции, и об этом я возвестил свет, опубликовав в газете короткое объявление. Я понимал, что никто из фотокоров столичных газет не польстится на службу в нашей редакции, учитывая особый престиж, но более всего мизерный заработок.

Размышляя и попутно разглядывая посетителя, я невольно склонялся к позитивному решению проблемы. Фотокорреспондент необходим редакции как воздух, а мне, откровенно говоря, надоело использовать портреты передовиков производства, снятых с цеховых досок почёта или выпрошенных у фотографа ОТК.

– Так ты случайно не из ЦИПа – цеха игольчатых подшипников? – спросил я паренька и, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос:

– Извини, забыл спросить, как зовут.

– Нет, я из шарикоподшипникового, а звать меня Колей, ну, Николаем.

– Хорошо, Коля... Объясни, будь добр, свой выбор, так сказать причину, желание сменить рабочую профессию на творческую, можно сказать, интеллигентную, сменить ватную спецовку на костюмчик фотокора?

Из сбивчивого рассказа, который не буду цитировать, вытекало, что увлечение фотографией охватило Николая в средней школе, в которой был организован фотокружок. А занятия в нём вёл известный мне городской фотограф.

«А почему бы и не воспользоваться шансом? – подумал я. – Человек пришёл, переломив себя, без протекции, по велению сердца и души, которая почувствовала извечную тягу одарённого богом человека к художественному творчеству. Моего журналистского образования и фоторепортёрского опыта в столичном издании вполне хватит, чтобы научить новичка основам фотожурналистики. Следовательно, в данном эпизоде моей редакторской биографии родился шанс приобрести и преподавательский опыт».

Смомента рождения фотокорреспондента минуло два года. За окном редакторского кабинета, выходящего в скучный заводской двор, смена времён года протекала незаметно. Зимой в пыльное стекло бились белые мухи-снежинки, весной на ржавый подоконник усаживались юркие воробьи, летом стучали весёлые струи дождя, осенью кружились за окном золотым хороводом листья.

Время совместной работы сближало и пролетало незаметно. Завод оборудовал в подвале заводоуправления прекрасную фотолабораторию, облицованную голубой керамической плиткой и ваннами для промывки фотоплёнок и фотобумаги.

Однажды, в один из летних дней, Николай зашёл в редакторский кабинет, как обычно, смело и решительно, но чему-то загадочно улыбаясь. От былой робости заводского паренька не осталось и следа. Он быстро освоился в нашем маленьком, всего из пяти человек, редакционном коллективе. Человек весёлого и незлобливого нрава, он повсюду становился своим: и в конторке цеха, и в отделах заводоуправления. Его издали узнавали в цехах и приветствовали как старого знакомого.

– По какому поводу улыбка? – спросил я Николая, не в силах сохранить на лице серьёзную редакторскую мину.

– Да вот, хочу передать приглашение от родителей приехать в гости, попариться в деревенской баньке на выходные. Подышать, так сказать, свежим лесным воздухом-паветром, оттянуться от души. Банька у нас там, – Николай причмокнул губами, и назвал имя деревни, – замечательная.

И я решился. Да и почему бы ради журналистского любопытства не познакомиться с деревенским бытом, не испытать новых впечатлений, не познать прелести деревенской купели, сравнить её с финскими парилками, коих в городе построили немало во второй половине века XX, и завсегдатаем которых я был.

Восседая за рулём отцовских жигулей, я слушал байки Николая, изредка отвлекаясь от ленты асфальтированного шоссе, чёрной лоснящейся от жары асфальтовой ленты, протянувшейся вдоль колосющихся рожью полей и остролистой кукурузой колхозных нив и елово-сосновых перелесков.

Выехали из города мы после полудня, и я начал беспокоиться как бы не опоздать к намеченному сроку. Мой попутчик, Коля, заметив мою тревогу, успокоил:

– Редактор, скоро будем на месте.

И впрямь, доехав до дорожного указателя «Дукоры», Николай указал на примыкавшее к автостраде узенькое шоссе. На него то мы и свернули. Затем ехали ещё несколько километров по грунтовой просёлочной дороге. Авто, не имевшее кондиционера, нагрелось до температуры финской парилки, и мы приоткрыли оба боковых стекла. В одно мгновение в кабину ворвался густой аромат хвойного леса, настолько сильный, что голова сразу закружилась. Подумалось, а вот хорошо прожить бы здесь все оставшиеся годы в тесном единении с природой, чистым воздухом, постоянным движением, которое, по утверждению древних римлян: «Vita est».

Не буду томить читателя ожиданием.

В баньке попарились на славу. Николай, вооружившись берёзовым веником, старался от души. Тело мое стало вдруг ватным и как бы невесомым. Все проблемы, бытовые, семейные, производственные, обуревавшие доселе, исчезли, растворившись в водяном тумане.

Вкратце сообщу, что приём «высокого» столичного гостя прошёл на высочайшем уровне, с обилием редких в городе и простых по содержанию местных закусок и дополняющего их любимого народного напитка. Противник алкоголя, гость, тем не менее, не отказал в его дегустации, после которой

закружилась голова. Заметив мое изменившееся состояние, добрые хозяева, Иван Иванович и Мария Николаевна, отвели меня на небольшую веранду. По пути уже в который раз благодарили за воспитание сына, за успешное освоение им интеллигентской профессии фотографа.

Вскоре я оказался на хрустящей накрахмаленной простыне, на которой и заснул безмятежным сном младенца.

После пробуждения и сытного завтрака, поблагодарив от всего сердца хозяев за горячий, в прямом и переносном смысле, приём, начал собираться в дорогу.

Однако Иван Иванович, я угадал интуитивно, не спешил расставаться. Уже во дворе, по которому деловито разгуливало куриное семейство во главе с сердитым петухом, хозяин взял меня под руку:

– Хочу раскрыть тайну. Идёмте!

Заинтригованный предложением, я тут же согласился и последовал вслед.

Пройдя всего несколько шагов в сторону от крыльца, мы оказались возле покосившегося хлева.

– Когда-то мы держали здесь корову, Марго ее звали. Семья была большая – шесть душ. Николай – наш последний. Как говорится, поскрёбышек. А теперь все разъехались. Много ли молока надо нам, старикам? Теперь молоко привозит автолавка.

Хозяин с трудом распахнул деревянные ворота хлева, из тёмного нутра которого повеяло духом пересушенного сена и перепрелого навоза. Мы вошли внутрь. Вскоре глаза привыкли к полумраку. В дальнем левом углу деревянной постройки был наворочен стог соломы внушительного размера.

Иван Иванович обеими руками начал энергично раскидывать скирду, бросая охапки соломы то вправо, то влево.

Мой провожатый смёл веником остатки трухи с капота и кабины.

И вот уже передо мной вырисовался вначале обрис легкового автомобиля потускневшего зеленого цвета. Действительно, это был армейский кабриолет с откидным брезентовым верхом, на котором раскатывал большой военный чин.

– Это немецкий майбах, – пояснил Иван Иванович. – Стоит он здесь с лета сорок четвертого года. Когда немцы удирали от Советской армии, то бросали всё на своем пути. Оставили на дороге и эту подбитую машину. Повреждён, как оказалось, двигатель. Ну, односельчане пристегнули к технике пару лошадей и доставили мне. Может, пригодится.

– Попытались восстановить?

– Когда-то рядом стояла воинская часть. Малознакомый прапорщик покусился, хотел купить, пытался поменять немецкий мотор на двигатель от «газона». Да толком-то не сумел. Вот и стоит машина без дела.

Помолчав, Иван Иванович подошёл, как я понял, к кульминации нашей экскурсии. Приблизился к кабине и начал распаривать ножом брезентовый верх машины. Крыша состояла из двух слоёв плотной ткани типа брезента, между которыми размещался уплотнитель шириной в десять-пятнадцать сантиметров. Прослойка эта и привлекла моё внимание тем, что была она из ряда вон выходящей, но не из ваты или другого пористого материала.

– Что это? – удивлённо спросил я.

– А присмотритесь внимательно! – посоветовал хозяин. – Это – женские волосы. Самые натуральные.

Действительно, из разорванной крыши как бы вырвались наружу, на свет божий реальные женские волосы: светлые и тёмные. Их обладательницами были, несомненно, красавицы: блондинки, брюнетки, шатенки многих национальностей. Волосы были длинные, вьющиеся волнами. Из исторической литературы мне было известно, что немецкие фашисты не только грабили заключённых в концлагерях, забирали у невольников и сортировали для продажи бельё и обувь взрослых и детей, а из пепла печей крематориев извлекали удобрения для полей. И вот даже волосы несчастных жертв практичные немцы использовали для собственных нужд.

Подумалось о совести рабочих немецких автоконцернов, которые набивали волосами пленниц автомобильные крыши. Какие чувства они испытывали в тот момент? Догадывались ли о происхождении «сырья»?

Я неотрывно смотрел на волосы несчастных женщин. Мне почудилось, будто бы отдельные волоски стали шевелиться, словно чувствуя моё сострадание, хотели поведать о случившейся трагедии. А если бы и впрямь могли заговорить, то волосы мои собственные тут же бы поседели.

– Может купите машинку?! – нарушив молчание, предложил Иван Иванович. – Продам недорого. Тут только мотором заняться...

Попрощавшись с хозяевами, я вскоре вырулил на пригородное шоссе и помчался стремглав домой. Перед глазами стояла картина оживших волос, которые украшали головки блондинок, брюнеток, шатенок.

Случилась эта история без малого лет сорок тому назад. Её сюжет можно назвать неординарным, а финал – сенсационным. Но лишь спустя годы я отважился поведать миру о моём приключении.

ТАТЬЯНА ШУЛЬГА

Шульга Татьяна Юрьевна – писатель, филолог. Член Союза писателей Беларуси. Автор двенадцати книг. Редактор и составитель студенческих поэтических сборников «И физики, и лирики». Живёт в Бресте.

Я БОЙЦАМ ЧИТАЛА НА ГРАНИЦЕ

Мне фильмы про войну теперь не по годам –
Рвут сердце!
Мой дядя, тот, что был танкистом, жизнь отдал.
И в церкви
Оплакивает поминальный звон – верьте,
Что все погибшие – в раю!
За подвиг их благодарю. Смертный.

Памяти Евгения Тищенко

Он лёг на гранату – за други своя.
Секунда всего и была на решенье...
Не вышептать мне этим стихотвореньем,
Как вздрогнула от потрясения земля.
А тем, кого жизнью сумел он спасти,
Всю жизнь эту боль в своём сердце нести...

Может быть, кому-то это надо,
Чтобы о любви и звездопадах.
А не только фронтовые сводки
(Как попытки оправдать себя неловки).

Только вспоминается Тушнова.
Как бойцы её ловили слово!
Тёплое. Что о любви, о детях.
А потом – в атаку на рассвете!

Я бойцам читала на границе
О любви, что чуткая, как птицы.
О любви, что всему основа.
И ложилось на сердце им слово...

Я просыпаюсь с путанными мыслями.
И где-то там, на полуграни сна,
Я спрашиваю: «В Сталинграде выстояли?»
И, кажется, кивает мне луна.

Не отпускает прошлое. Бессмысленно
Себе твердить, что на дворе весна.
В музее-памяти моём грохочут выстрелы.
На «пяточке» – вторую ночь без сна...

Что значит – «свой»?
С таким не страшно в бой!
Такой – не подведёт на переправе.
И – сокровенное – ему доверить вправо.

Что значит «свой»?
И делом, и рукой
Тебя поддержит в трудную минуту.
И отведёт от сердца боль и смуту.

Что значит «свой»?
И сердцем, и душой
Живёте в такт. А, значит, слава Богу!
И в пир, и в мир, и в дальнюю дорогу.

«СУДЬБА РОССИИ – ПОБЕЖДАТЬ»

РОССИЯ
ПСКОВ

ИГОРЬ СМОЛЬКИН-ИЗБОРЦЕВ

Смолькин Игорь Александрович (творческий псевдоним Игорь Изборцев) – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Председатель правления Псковского регионального отделения Союза писателей России. Действительный член Академии Российской словесности и Петровской академии наук и искусств. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. благоверного Великого князя Александра Невского, премии Союза писателей России «Слово – 2019», конкурса «Новая библиотека» в номинации имени Ф.М. Достоевского и др. Номинант Патриаршей литературной премии 2023 года. Награждён призом «Золотой Витязь», Золотой пушкинской медалью «За заслуги в развитии литературы» и Патриаршим знаком «За вклад в развитие русской литературы».

ЗАЩИТИ, НЕБЕСНАЯ ЦАРИЦА...

МОЛИТВА МАТЕРИ

Дремлет полдень, в доме тихо-тихо,
Но тревога по соседству бродит,
Словно затаилось где-то лихо
И с ухмылкой злой кинжалы точит?

Мать солдата места не находит,
У «Казанской» со свечой застыла,
Что-то душу мучит и тревожит:
Всё ли ладно, хорошо у сына?

– Защити, Небесная Царица,
Кровь его пусть в землю не прольётся,

Ничего пускай с ним не случится,
И живым сынок домой вернётся!

От скорбей избави, Преблагая,
Огради от пули супостата,
Под Покров Твой верный прибегаем! –
Так молилась дома мать солдата.

– Пусть победой завершится битва! –
Бога горячо она молила.
И её усердная молитва
Как щитом Россию защитила.

Есть ли разве что-то в целом мире
Крепче и сильнее таких молений?
Мать солдата молится за сына,
Встав перед «Казанской» на колени...

РУССКАЯ ДУША

– Бабуля, бабуля, я с горки не струшу! –
Сквозь вьюгу кричит мальчуган лет пяти.
О, как не узнать в этом русскую душу!
Бабуля в ответ ему: – Знаю, лети!

И мчится малыш с кручи ветра быстрее,
И путь ему торят метель да буран!
Чрез годы, чрез пули, огонь батарей,
Чрез смерть – ведь мужчиною стал мальчуган.

Холодную ночью в окопе промозгло.
Дождит. Отдыхает измотанный взвод.

Мечтает о речке в родительском Гвоздно
Солдат, ожидая команды «Вперёд!».

Разрушенный купол Космы с Дамианом,
Малина за клубом, старинный погост
И хлеба кусок на гранёном стакане,
Бабулин платочек, далёкий покос...

От артподготовки трещат перепонки,
Бурчат бээмпэшки, дымит Лисичанск,
А он себя видит тем самым мальчонкой,
Идущим с бабулей на детский сеанс...

– Бабуля, я в этой атаке не струшу, –
Сквозь время кричит он, –
Пусть смерть впереди...
О, как не узнать в этом русскую душу!
Бабуля в ответ ему: –Знаю, иди!

МЫ ПОБЕДИМ!

Детьми играли мы в войну
В том, семьдесят втором, году,
Не уставали от атак,
И отступал повсюду «враг»!
Кто воевать нас научил?
Да наш сосед, что рядом жил,
Иван Петрович Горобец –
В военном деле хват и спец.
Он в сорок первом рядовым
Под Клином Гитлера крушил,
И в сорок третьем, уцелев,
Освобождал от фрицев Ржев,
А в сорок пятом – капитан –
Прошёл в боях немало стран,

Неся в руках советский флаг,
Он брал Берлин, он брал Рейхстаг!
Он воевать нас научил...
А рядом с ним Васильев жил,
Всегда подтянут, выбрит, свеж,
Освобождал он Будапешт...
Пройдя огнями трёх фронтов,
Под Гданьском ранен был Петров...
Они сумели победить,
И нас они учили жить!
Не телефон, не Интернет,
Фронтовики – отец и дед!
Детьми играли мы в войну
В том, семьдесят втором, году!
Я был тогда мальчишка, шкет,
И было мне лишь десять лет...
Мне не пришлось повоевать,
Но ту науку – побеждать –
Сумел я в сердце сохранить
И продолжаю с этим жить.
И пять десятков лет спустя
Я вижу в тех бойцах себя,
Что защищают наш Донбасс,
Наш Крым, Херсон, меня и вас...
И верю, что ни говори,
Наука побеждать – в крови
У тех, кто в воинском строю
Стоит за Родину свою!
Мы победим!

ВСЕ СВЯТЫЕ, МОЛИТЕ БОГА О НАС!

Молите Господа, святые,
Владыку Неба и земли,
Чтоб сохранили мы Россию,
От всех напастей сберегли!

Чтоб даровал нам мощь и силу,
 Святую веру укрепил,
 Чтоб богоносную Россию
 Опять, как встарь, благословил
 На подвиги, на честь и славу!
 Чтоб её рати и полки
 Незыблемо блюли державу,
 Чтоб оставались крепки,
 В походах, схватках и сраженьях –
 Всегда бодры, всегда в строю! –
 Они не знали пораженья!
 Чтоб в малом и большом бою
 Держали верх над супостатом!
 Чтоб Бог десницею Своей
 Оберегал от бед солдата
 И от утраты – матерей...
 Молитесь Господу, святые,
 Чтоб наступил победный май!
 Владимир, отче Серафиме,
 Святитель Божий Николай!
 Молите Господа, святые,
 Царя, Небесного Отца,
 Чтоб заступился за Россию
 И не оставил до конца!

АНГЕЛ И ДВЕ ДУШИ

На Украине степь да степь,
 На Украине лес да лес,
 Там Ангел на земную крепь
 Сошёл невидимо с небес.
 Осину грыз речной бобёр,
 Журчал невесело ручей,
 Шуршал под ветром трав ковёр,
 Змея скользила меж камней...

Задумчив Ангел неземной,
 В глазах его застыла грусть,
 К селу идёт лесной тропой,
 Он невесом, но тяжек путь.
 Забрать он должен две души –
 Двух бывших жителей села,
 Ни мор, ни язва, ни болезнь –
 Война их жизни отняла...
 Когда-то школьные друзья
 Делили парту на двоих,
 И были – «не разлей вода»,
 Так отзывались о них.
 Но злая развела судьба:
 Ушёл в фашистский стан один,
 Другой лелеял ордена –
 От деда, бравшего Берлин,
 И старый дедовский наказ:
 «Победу, внук, не забывай...»
 Свечу он ставил всякий раз
 В монастыре в победный май...
 И вот их вновь война свела
 Средь взрывов, пламени и мук,
 Средь их горящего села:
 Звезду и волчий чёрный крюк,
 «Вольфсангель» и с Христом хоругвь,
 Салют и смрадный чёрный дым...
 Столкнулись в лоб. «Опомнись, друг,
 И не стреляй!» – сказал один.
 Другой же выстрелил в ответ,
 Помедлил чуть, потом добил...
 Вздымался над селом рассвет,
 И Ангел с неба вниз спешил...
 Один убит, другой убил,
 Но сам был пулею сражён –
 От гибели не защитил
 Дивизии СС шеврон...

Небесный вестник – среди села,
И две души стоят пред ним:
Одна – как яркая звезда,
Вторая – смрадный чёрный дым.
Крыла развёл небесный гость,
Вот-вот и всех их призовут
В полёт среди несметных звёзд
На справедливый Божий суд...

На Украине степь да степь,
На Украине лес да лес,
Там Ангел на земную крепь
Сошёл невидимо с небес.
Осину грыз речной бобёр,
Журчал невесело ручей,
Шуршал под ветром трав ковёр,
Змея скользила меж камней...

МЫ ВЕРНЁМСЯ С ПОБЕДОЙ!

Прислушайтесь! Вы слышите, как бьётся
В печурке тесной грозовой огонь?
Как песня фронтовая та поётся,
И ей аккомпанирует гармонь?

То с Запада под перестук колёсный
Солдаты возвращаются домой...
Овеян славой май победоносный,
Повержен враг, покончено с войной!

Поёт «Землянку» первый Украинский,
Поют «Катюшу» Брянский и Донской,
И запекает третий Прибалтийский
Про «экипаж машины боевой»!

И не тоскует боле глас солдата,
И смерть осталась где-то позади...
А впереди – победный сорок пятый,
И всё, о чём мечталось, – впереди.

Там впереди... О том ли были думы?
Никто из них предположить не мог,
Что Киев, Харьков, Запорожье, Сумы
Опять растопчет вражеский сапог.

Опять, подобно чёрной смрадной туче,
Возьмёт фашист на Украине власть,
Научен он преследовать и мучить,
УМЕЕТ ОН НЕВИННЫХ УБИВАТЬ!

Но что это? Вы видите, как грозно
Идут полки вперёд, чеканя шаг,
Идут – Москва, Саранск, Казань и Грозный,
Балтийск, Анапа, Волхов, Аркадак...

Идут твои потомки, «сорок пятый»,
Чтоб, как всегда, спасти, освободить,
Чтобы за зло ответил виноватый,
Чтобы бесповоротно победить.

Прислушайтесь! Вы слышите, как бьётся
В печурке тесной грозовой огонь?
Как песня фронтовая та поётся,
И ей аккомпанирует гармонь?

То с Запада под перестук колёсный
Солдаты возвращаются домой...
И их встречает май победоносный!
Повержен враг! Покончено с войной!

СЕРГЕЙ ГОРШКОВ

Сергей Игоревич Горшков – писатель, кадровый офицер. Член Союза писателей России. Живёт в Пскове.

ГОВОРЯТ – ВОЙНА ПОЗАДИ...

ВРЕМЯ НЕ СПИТ...

Время спрессовано, словно гранит.
Время не лечит и время не спит.
Раны потерь не рубцуют года –
Парни безусые смотрят в глаза.

Что им ответить на мысленный зов?
Где эта книжка особенных слов?
Правда осталась, наверное, там –
Там, где не место печатным словам.

Ветер поёт песню тризны свою
Всем, кто прикрыл собой друга в бою.
Рота, подъём! Наше время не спит.
Рота спрессована в красный гранит.

«УЖАСНЫЕ» ПРИВЫЧКИ

*Мы не умеем пугаться,
нас от этого отучили...*

Никто картинно не вставал,
не звал «За Родину!», «За Веру!»,
поскольку враг стрелял умело
и жажду жизни укреплял.

Но бились мы наверняка
с врагом в атаке рукопашной
и мир крепили кровью павших
на знамя русского полка.

«ВАШ СЫН ПОГИБ...»

Среди многих тебе повезло –
Возвратишься с войны домой:
Руки-ноги и с головой,
Прилетишь «смертным» сводкам назло.

Но не встретят маршем побед,
Только мать, от молитв став седой,
Долгожданному на обед
Сварит борщ с материнской слезой.

Да друзья поднесут двести грамм:
Поминальное выпьешь вино
За пришедших «досрочно» домой
В трёх словах траурных телеграмм.

Возвратишься ты завтра домой,
Только город не примет – не жди,
Не подарит желанный покой:
Вы отныне навеки враги.

Здесь за окнами только «цель»,
Перебежками сменится шаг.
Обессиленный от потерь,
Ты и сам себе, кажется, враг.

Лишь друзья поднесут двести грамм,
Молча выпьют за братьев вино,
Словно жизнь завершилась давно
В трёх словах траурных телеграмм.

Говорят – война позади...
Как её измерять? Не понять!
Тело мается до зари
По привычке в ночи воевать,
В оглушающей тишине
Бродят призраки мёртвых бойцов...
Как не сгинуть, братцы, душе
В «прокопчённых бойницах» дворов?

Мы, конечно, за братство «махнём»,
Тут и Родина с нами «до дна»:
Может, нас там убило давно,
А здесь просто подобие сна?

ИВАН ИВАНОВ

Иванов Иван Васильевич – поэт.
Член Союза писателей России. Автор 14
книг поэзии.

СОЛДАТ ПРИДЁТ ДОМОЙ С ПОБЕДОЙ

ПЕСНЯ ФРОНТОВАЯ

О, эта песня фронтовая
И нынче трогает меня...
Солдаты шли, не унывая,
С ней в бой, на линию огня.

В прифронтовом лесу осеннем
Сквозь пули падала листва.
Но песни были как спасенье,
Как Богом данные слова,

Что брали за душу солдата,
И на Берлин его вели.
Над ним – рассветы, и закаты,
И дом родительский вдали...

Солдат придёт домой с Победой
 Да с песней братской, фронтовой...
 И запоют потомки следом:
 «Бери шинель, пошли домой».

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

Страна, познавшая величье,
 Осталась будто бы во сне.
 Осталось только пенье птичье
 В лесах судомских по весне.

Здесь каждый куст стрелял успешно,
 Здесь каждый холм засадой был,
 И даже дед, лохматый Леший,
 В фашистов яростно палил.

Непобеждённый, партизанский,
 Край ненавистен был врагу.
 И немец сиротой казанской
 Был на захваченном лугу.

Плевались «шмайсеры» свинцово,
 Каратель шарил там и тут,
 Но были правдой нашей слово
 И дух, набравший высоту.

Лохматил ветер всклень туманы,
 Был едким дым от деревень.
 Стояли насмерть партизаны
 На страже Родины своей.

Их ратный подвиг был великим,
 Давно погас пожар войны.
 Остались праведные лики
 В огромной памяти страны.

Любовь как жизнь: она всегда с людьми.
 Противиться ей – разве есть желанье?..
 Хотя никак нельзя узнать заранее,
 А что же будет дальше на Земле?
 Мы словно дети на планете нашей.
 Ей миллиарды лет, а нам лишь миллионы...
 Но мы из тех, кто самые влюблённые:
 И сеем, и куём, и пашем.
 Не удивляйтесь, может быть, любовь
 Ещё удержит на Земле живущих.
 Всех до единого: простых и сущих,
 Возьмёт под свой незыблемый покров
 И защитит... Пройдут ещё века,
 А может быть, и сонмы долгих лет.
 Спасёт людей любви высокий свет
 И Божья справедливая рука!

Надежда Камянчук – поэт, редактор, художник-дизайнер. Член Союза писателей России. Стихи публиковались в журналах: «День поэзии», «Парад литератур», «Родная Ладога», электронном журнале «ЛИТERRA», а также в нескольких поэтических сборниках. Лауреат международных и российских конкурсов «Словенское поле», «Славянская лира», «Золотой Витязь» и сайта Союза писателей России «Российский писатель».

НАДЕЖДА КАМЯНЧУК

Надежда Анатольевна Камянчук – поэт, редактор, художник-дизайнер. Член Союза писателей России. Стихи публиковались в журналах: «День поэзии», «Парад литератур», «Родная Ладога», электронном журнале «ЛИТERRA», а также в нескольких поэтических сборниках. Лауреат международных и российских конкурсов «Словенское поле», «Славянская лира», «Золотой Витязь» и сайта Союза писателей России «Российский писатель».

А ПОБЕДА БЫЛА И БУДЕТ!

БЕЗОТЦОВЩИНА

Безотцовщина мы. Безотцовщина –
Лопухая поросль страны.
Всё едино – Урал или Псковщина –
Детство общее после войны.

Ребятишки! Глазёнки как пуговики, –
Вот такая мы были шпана –
Но словами прорезались букочки –
«МА-МА». «РО-ДИ-НА». «МИР» и «СТРА-НА»...

Буквы круглые, нужные самые,
Аккуратно стояли рядком,
«СССР» сразу следом за «МАМОЮ»,
А потом и «ПО-БЕ-ДА», и «ДОМ»...

Октябрятскую красную звёздочку
Крепкой ниткою криво и вкось
Пришивала на белую кофточку
И надолго пришила. Насквозь!

Всё мне чудится, всё мне мерещится
Та страна и весна за окном,
И опять в моей памяти плещется:
«МАМА»... «РОДИНА»... «ДЕТСТВО» и «ДОМ».

ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА

Это время настало. Иди – смотри:
Над землёю
Рыжий всадник в кровавом зрачке зари:
Звать – Войною!
Осторожнее! Следом за ним другой –
Цветом – чёрный.
Это – Голод. Он движется за Войной –
Конь – проворный...
Чёрный, белый, белесый за рыжим в ряд...
А белесый –
Этот, стоя поодаль, вершит обряд –
Точит косу.

Это время возмездья... Оно влечёт
Смерть и горе...
Кровь – она не водица! Рекой течёт...
Вот уж – море...
Погодить бы вам, всадники... Не спешить
Сеять хаос,
Без печалей бы нам на Земле пожить
Да хоть малость.
Надо только очиститься. Завершить.
Всё исправить.

По любви, милосердию бы пожить,
 Не лукавить...
 Это время настало. Иди – смотри:
 Над землёю
 Рыжий всадник в кровавом зрачке зари:
 Звать – Войною...

БОЖЬИ РАТНИКИ

Обожжённые и бесстрашные,
 Уцелевшие в жуткой войне,
 Вы, кто в бой выходил врукопашную,
 Как же вас не хватает стране
 В эти дни, когда всё исковеркано,
 Когда всюду предательство, ложь, –
 Вы судили бы строгими мерками
 Тех, кто сеет вражду и грабёж.
 Разворована вся, изувечена
 Горемычная наша страна,
 Отчего ты такая беспечная?
 Отчего воровская волна
 Покрывает до самого севера
 Мать-Россиюшку криво и вкось?
 Раньше горюшка было немерено,
 Да и нынче изведать пришлось...
 Что сидишь, что ты ждёшь на завалинке
 Бабой русскою с русой косою?
 Хоть надела бы, дурочка, валенки:
 Лихолетья бредут полосой.
 За оградой ворьё да преступники,
 Волчьи стаи, да драки, да вой...

Где же вы, мировые заступники –
 Божьи ратники в праведный бой?

КОГДА-НИБУДЬ ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА

Когда-нибудь закончится война
 И отшумят тревоги и атаки,
 Посередине голода и драки
 Вновь возродится мирная страна:
 И вознесётся! Вырастет она:
 Далёкий Космос будет ей подарен,
 И ты увидишь – полетит Гагарин...
 Когда-нибудь да кончится война!

Ну, а пока немного потерпи,
 Пять лет до дня Победы – и не больше:
 Ещё под Сталинградом, да и в Польше
 Нас ждут кровопролитные бои.
 И миллионы павших на войне,
 Не сдавшихся врагам и убиенных,
 Святых для нас: и тленных, и нетленных...
 Все тех, кто сгинул в мировом огне...

Ты потерпи, поднимется страна,
 Отстроятся и задымят заводы...
 Когда-нибудь восстанут все народы,
 Чтоб навсегда закончилась война.
 Но вдруг запылал Афганистан,
 И Сирия... И НАТО у границы...
 Но всё ж, пока летят по небу птицы,
 Надежда есть. Сигнал ещё не дан...
 И невозможно все их перечесть,
 Те страны, где кровавые разборки.
 Из пепла нам скажи, Василий Тёркин,
 За что стране российской эта честь –
 Спасать весь мир и, жертвуя собою,
 Ложиться грудью на фашистский дзот?
 Склони колени, мученик-народ,
 Перед распятым, как перед судьбою...
 Когда-нибудь закончится война...

КОГДА ЗЕМЛЯ СДВИГАЕТ ПОЛЮСА

Когда земля сдвигает полюса,
 Дробится, колетса, проглатывая город,
 Ей всё равно, будь стар ты или молод,
 Она не ощущает голоса:
 Дома сметает, превращает в прах,
 Весь мир круша, безропотный и ломкий –
 Не слышишь разве стон из-под обломков?
 Не видишь что ль смятение и страх?
 Корёжится от мук земная твердь –
 Её трясёт, как в пору сотворенья,
 Непостижимы нам её мученья,
 Но зрима человеческая смерть.
 Когда земля уходит из-под ног
 И небеса свергаются на землю,
 Уже не время жалкому сомненью,
 Когда наедине – лишь ты и Бог,
 Когда земля сдвигает полюса
 И старый мир меняется на новый –
 Непреходящи Божии основы
 И вечны Херувимов голоса!

АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ

Канавщикова Андрей Борисович – поэт, прозаик, публицист, журналист. Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Псковского регионального отделения. Заслуженный работник СМИ Псковской области. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Заместитель главного редактора газеты «Великолукская правда». Автор около двух десятков книг. Публиковался в газетах и журналах: «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Смена», «Север», «Аврора», «Дон», «Даугава», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Невский альманах» и др. Лауреат международных и всероссийских премий: «Сталинград», «Чернобыльская звезда», им. А. К. Толстого, им. С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами!», администрации Псковской области и др. Гран-при фестиваля поэзии «Форпост».

НАМ ЭТОЙ ПАМЯТИ УЧИТЬСЯ!

СИЛЬНЫ ПАМЯТЬЮ

Живых всё меньше ветеранов...
 И молодёжь увидеть их
 Сумеет только на экранах
 Да на страницах редких книг.

Они как витязи из сказки,
 Их очень редко, второпях,

На праздник возят на коляске
При юбилейных орденах.

Седыми стали даже брови,
Теченье лет как свист минут,
Войны последние герои
Живут, как в вечный бой идут.

Сроднясь навек с их именами,
Шальная мысль вдруг бьёт под дых:
А ведь последние мы с вами
Из тех, кто видит их живых.

И, может, в день разгрома фрицев
Лет через двадцать так, спеша,
Нас будут, словно очевидцев,
На встречи в школы приглашать.

Начнут выпрашивать детали,
Заполнив новую главу,
Под шепоток: «Они видали
Тех ветеранов наяву!»

Нам этой памяти учиться,
Снимая знанием вопрос,
Запомнив каждую частичку
Того, что слышать довелось.

И время нас в порыве бурном
Однажды бросит в людный зал,
Хоть мы Берлин не брали штурмом,
Мы знали лично тех, кто брал!

Сильны мы верностью традиций,
И нет основ у нас иных:
Нам довелось, живым, гордиться,
Нам повезло их знать живых!

А дальше будет как обычно:
Расскажут дети с теплотой,
Что знали тех, кто видел лично
Бойцов Отечественной той.

И внуки, чуждые оваций,
В себе вселенную открыв,
Поймут, что нитям не прерваться,
Пока в России кто-то жив!

ПЕЧЁНЫЕ ЯБЛОКИ

Сад разбомбили поутру,
Кромсало взрывами посадки,
Сочился сок из яблонь сладких,
Секло осколками кору.

Завис на солнце липкий прах,
Не падал вниз тяжёлый, чёрный,
И цепко яблоки печёные
Висели прямо на ветвях.

В золе, слегка обожжены,
От жара с треснувшею кожей...
Таким на вкус был день, что прожит:
Свинцово-горький вкус войны.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Качнулся неба тяжёлый жернов,
Перемальвая стволы берёзок-костей,
Меня убили даже не подо Ржевом,
А в каком-то болоте, на какой-то версте.

На безымянной высоте, не обозначенной на карте,
У какой-то тропинки, где железнодорожный тупик.
Думал, не дамся, да не вышло фарта –
С разбега навечно к земле я приник.

Плюхнулся в лужу у самого болота,
Мы штурмовали высоту, нам сказали «Пора»,
И фриц скосил тогда меня из пулемёта,
Бегущего с сапёрной лопаткой и с криком «Ура!».

Политрук говорил: «На подходе новые тыщи,
Резервы готовы, и нужно лишь простоять чуть-чуть».
Их я не видел, только захлебнулся в кровище,
Землёй затыкая разбитую грудь.

Без слёз и поминок, умер сразу на месте,
Никого не спас, не добежал, никому не брат.
Матери вышлют бумажку, что пропал я без вести,
Вещи поделят соседи, комнатку жильцы уплотнят.

Был и не был, что в голом остатке
До того, как качнулись в глазах деревца?
Пробежал пару метров с сапёрной лопаткой,
Да и те не успел пробежать до конца.

Говорит мне трава: «Не грусти, не напрасно
Ты погиб, ты – герой, ты остался в пучине атак».
Шелестят мне берёзы: «От тебя наше небо так ясно».
А чего мне ещё остаётся. Пусть так...

БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ (Рассказ)

Мой рассказ «Пощёчина» напечатали в областном писательском сборнике. Я нёс его в сумке домой после всех мероприятий 9 Мая и тихо радовался. А ещё думал о том, как рассказ непросто давался и как я тасовал реальные события и факты, чтобы результат хотя бы не раздражал.

Дело в том, что описать всё так, как было в действительности, я не мог. Я слишком любил свою героиню. Да и не нужны были какие-либо подробности, они только мешали.

Особенно я любил забираться в Шуркиной избе на чердак и листать там подшивки газет «Правда». Нравились неизвестные фамилии, названия незнакомых городов и стран. Ещё нравились политические карикатуры на НАТО, войну во Вьетнаме. Тётя Шура не запрещала мне даже вырезать карикатуры из газет, из-за чего за несколько лет накопилась приличная пачка картинок, которые храню до сих пор в двух жестяных коробках из-под печенья.

Тётя Шура – младшая сестра моей бабушки со стороны отца. Убеждённый коммунист и лидер. Она в детстве переболела какой-то болезнью вроде краснухи, лицо её было обезображено многочисленными волдырями, впрочем, как и всё тело, поэтому сваты к Шурке не спешили. Тем более после войны, когда баб было вволю, и мужики не смотрели на неё даже ради экзотики.

Не выделяясь красотой, Шурка выделялась природным умом, знаниями, инициативой и тем, что не могла усидеть на месте. Всю свою нерастрченную женскую и человеческую энергию она без перерыва отдавала людям. Не по выбору, а всем вообще.

К ней шли за советом, за помощью. И Шурка откликалась. А когда уже не могла работать в колхозе, то стала почтальоном. Могла просидеть в одной избе несколько часов, делясь новостями и обсуждая, где кого и кем назначили и кого сняли. Она выписывала невероятное количество журналов и газет, многие из которых деревенские видели впервые.

Я тогда очень любил рисовать. Родители отдать меня в художественную школу отказались, так как она находилась далеко, на другом конце города.

– Мы тебя водить туда не будем, – просто и буднично объяснил отец.

Я смирился. Против лома нет приёма. А тётя Шура выписала мне журнал «Юный художник» – красивый, с шикарными иллюстрациями. Она всё знала, всё примечала, всем пыталась помочь, даже в этом случае, когда помочь не могла.

Поэтому, когда рождалась «Пощёчина», некоторые моменты я не мог обнародовать. Например, про некрасоту Шурки. Да и сам её физические дефекты я давно уже не замечал. Не хотелось говорить и о родственных связях. Думалось почему-то, что так будет умяляться сама тема – измельчает.

В общем, над рассказом «Пощёчина» я работал долго. Возвращался к нему в течение нескольких лет. Начал, когда Шурка была ещё жива, а закончил лишь после её смерти.

Пока писал, не решался познакомить с ним ни саму героиню, ни родственников. И вдруг – областная публикация! Всё получилось как-то очень быстро, стремительно.

Председатель писательской организации срочно затребовал текст. И вот – на тебе! Шёл домой и размышлял, как всё причудливо обернулось. Из открытого окна первого этажа меня вдруг окликнули. В помещении делал ремонт Саня. Он писал стихи, учился в Литинституте, а для куска хлеба трудился строителем.

– Андрей!

Я не сразу понял, что зовут именно меня. К тому же меня ждал незаконченный журналистский материал, и общение не входило в мои ближайшие планы. Но Саня был лишён всяческих комплексов и философий, а потому просто выпрыгнул из окна и конкретно припечатал:

– День Победы нужно отметить!

Пришлось возвращаться. Отметили. И публикацией я хвастанул. А пока ходил за добавкой, Саня рассказ прочитал.

...Немцы появились в деревне буднично. Ближе к обеду горку перевалил грузовик с десятком солдат, за ним – три под-

воды на лошадях да протарахтел один мотоцикл. Немцы общались во всё горло, а в деревенской тишине их речь звучала особенно отчётливо. Под жильё они себе отобрали самые просторные и ладные избы.

– Хозяева, тоже мне! – сплюнул дед Митрошка.

Ему шёл уже девятый десяток, жил он бобылём, изба его покосилась и была крыта местами соломой, местами дранкой. На неё никто польститься не мог, поэтому Митрошка мог себе позволить относительную независимость. Он даже специально стрельнул у немецкого шофёра сигаретку, чтобы затем ходить по деревне и доказывать, что немецкое курево – дерьмо.

Сыновья Прасковьи Жилиной в тот же день подались в партизаны, увели с собой и корову – спрятали в окрестных болотах. Платон Круглов, чтобы отвести беду, вымазал внучке-красавице волосы сажей и исхлестал ей руки крапивой до красных волдырей, будто они у неё от заразной болезни. Малинины тоже перестраховались: перерезали всех кур, а потом жадно принялись их есть, словно можно было наестся прозопас. Все опасались неприятностей, чего-то гадкого.

Однако немцы вели себя вполне мирно, не обирали подчистую. Из всего деревенского стада забрали в первый день только три коровы. Местных не трогали, а городской партиец Гришка Быстров, которого расстреляли, по общему мнению сам погорел, по глупости. Пытаясь втереться к немцам в доверие по заданию подпольной организации, Гришка, отлично знавший немецкий язык, вздумал объявить себя российским немцем. Дескать, свой я в доску, потому и готов служить. Даже акцент особый у себя развил. Казалось ему, что теперь только и остаётся, что прямой дорогой на Берлин – Гитлера убивать. Однако же, погиб Гришка. Нелепо погиб. Пил с немцами шнапс, лопотал по ихнему и вдруг заметил, что смотрят они на него как-то странно. Гришка заволновался, но вида не подал. Уверен был в себе. А офицер немецкий как стукнет кулаком по столу:

– Врёшь, собака! Никакой ты не немец. Русский ты! Шнапс хлебом занюхиваешь. Не водится такого у нас.

Гришка попытался оправдаться, мол: от советской жизни это к нему прилипло. Но слушать его не стали. Отвели к лесу и

убили выстрелом в затылок. Партизаны его потом похоронили.

Допросами и разбирательствами немцы в деревне не занимались. Вообще, это была какая-то вспомогательная обозная команда. Лишь на пятый день они установили виселицу для устрашения жителей и партизан.

В избе Платона Круглова, самой лучшей избе, новые хозяева разместили штаб. В ближайшем амбаре устроили склад: хранили мешки с мукой, коробки консервов и разную наворованную мелочёвку – деревянные расписные ложки, балалайки, граммофон с трубой и самогонный аппарат из двух чугунков с медным змеевиком. Семью Круглова немцы переселили в хлев. Каждый день они пили, во всё горло смеялись и стреляли из станкового пулемёта в сторону озера прямо с крыльца.

– Русс, пу-пу...

Настёна Круглова варила еду всей этой галдящей ораве. Одноногого Платона немцы заставляли играть им на балалайке «Барыню». Красавице Шурке выпал удел подтирать по утрам загаженные полы и чистить офицерам сапоги. Шурка просилась уйти в партизаны, но Кругловы боялись потерять корову и угоривали дочь прислуживать супостатам. Она смирялась, терпела, однако дед Митрошка изводил её при встречах шутками-насмешками. Увидит, как она помой на дорогу выливает, и кричит:

– Что, доча, сладок немец ай не? – и смеётся ещё дребезжащим глухим смехом.

Или на улице, как бы невзначай, свояченица Жилиных криво ухмыльнётся:

– Подстилка дешёвая! Не стыдится, идёт будто принцесса...

Шурка уж не знала, куда глаза девать от стыда и обиды.

Однажды, во время очередной пьянки, немцы всё же углядели за сажой да за наведёнными волдырями девичью красоту. Стройна, гибка, коса до пояса, глаза – два студёных колодца. Офицер, принимая из рук Шурки миску с поджаркой, вдруг хлопнул девушку рукой ниже спины и к себе попытался притянуть:

– Гут, карашо.

И в эту минуту вдруг всплыли перед Шуркой все её обиды, с трудом отдавая себе отчёт в том, что делает, наотмашь отвесила она немцу тяжёлую пощёчину. Всей пятернёй – по щеке,

по уху, по шее. Пощёчина эта прозвенела в накуренной пьяной избе, как выстрел. Миска с поджаркой покатила по полу. Немцы притихли, а оскорблённый офицер потянулся к кобуре:

– Дер хунт (собака)!

Девушка стремглав бросилась из горницы. Сердце её билось громко, как настенные часы в дедовом доме. Убежать? Убиться? Дом сжечь?

Дед Платон обо всём догадался, обнял Шурку за плечи, повёл к матери:

– Убежишь – корову сведут, избу сожгут, нас побьют. А все вместе мы не убежим. Куда я на своей деревяшке? Молись, может, и пожить ещё даст Бог! А что себя блюдёшь, так это хорошо, порода у нас такая.

– Ироды, аспиды, – запричитала Настёна. – Мало им покорности нашей, всего им мало. Папка, давай уходить. Я часового поленом вдарю, подопрём дом, запалим, пока не очухались.

– Часового она... Поленом... – буркнул дед.

Было ясно, что при таком варианте он до леса добежать никак не успеет. Умирать не хотелось, но и бесчестия внучки он не желал. Поворчав для вида, чтобы в женском хоре именно его слово осталось последним, дед приказал:

– Шурка, бери корову и бегом к лесу. Мы с Настёной на двор. Я буду часового отвлекать, а ты, доча, бей гада по голове изо всей силы. Потом уходишь... Да, уходишь, – строго добавил, видя, что Настёна хочет ему возразить, – а я все дела здесь заканчу. Кругловы – род чистый и поганить себя не позволит.

– Деда, давай тихо уйдём. Все вместе, – просила Шурка.

– Дом ворогам всё одно не оставлю. И корова не для них рощена, – припечатал дед Платон. – А вам в шуме уходить проще будет.

Все перекрестились, вышли из хлева во двор. Офицер, тот самый, в очках с тонкой металлической оправой, сходил по ступенькам крыльца. «Сейчас расстреляет», – завертелось в голове у Шуры. Настёна же бросилась к поленнице дров, а дед упёрся своей деревянной ногой в землю, примеряясь сильнее ударить немца в живот, когда тот подойдёт ближе. Но тот вдруг остановился, закашлялся:

– Фройляйн, фройляйн...

Он неловко разводил в стороны руки, всем своим видом показывая крайнюю степень расстроенности и, видимо, пытался извиниться. Даже приложился губами к кончикам пальцев Шуркиной руки. Потом достал из кармана блокнотик и, посвечивая себе карманным фонариком, что-то написал. Сняв с головы фуражку, словно поклонился, всунул записку в руку Платона и вернулся в дом. Словно ничего и не было.

– А что он тебе дал? – потянулась к бумажке Настёна.

– Цыц! Что дал, то и дал, – дед сурово засунул немецкое послание себе в карман домотканых штанов. – А тебе, Шурка, уходить всё ж таки надо. Схоронишься пока там, где мы в прошлом году сено ставили, шалашик обновись. И корову забирай, не знаю, смогу ли с едой часто помогать.

Немного помолчали. Расцеловались.

На завтра в деревню пришла другая команда немцев. Стеснительный офицер в очках с тонкой оправой уехал. Деда Митрошку повесили. Всех коров забрали. Появились и первые полицаи. За убитого партизанами немецкого повара, который пошёл к озеру за водой и пропал, каждый десятый в деревне был повешен. Дом Кругловых тоже не достоял до конца войны – был сожжён, как немецкий штаб.

Шурка в свою родную деревню не вернулась. Там её в открытую звали немецкой подстилкой и плевали в лицо. А что до бумажки, написанной немцем осенним вечером 1941 года, то это оказался его домашний адрес в Германии. Однажды Шурка, теперь уже Александра Ивановна, решила перевести с немецкого на русский содержание того давнего текста. Друг, конечно же, помог и перевёл, но за ним, этим другом, сразу же пришли люди в штатском. Они обозвали Шурку сукой, отобрали у неё эту страничку из немецкого блокнота и вежливо предложили забыть про их визит. Пришлось забыть.

А семейная жизнь у Шурки так и не сложилась. Что-то надломилось в ней, оборвалось. Упрёки сельчан, пощёчина, звук которой преследовал её до самой смерти – об этом она думала ежедневно, уже не могла не думать.

– Это реальная история или придумал? – спросил Саня, сидя на подоконнике и разглядывая уличные фонари и звёзды.

– Ничего не придумал. Только, скажем так, упорядочил тему.

– В смысле?

– Ну, не всё поведал, а что-то изменил...

– То есть ты считаешь, что жизнь можно править и улучшать? – Саня хмыкнул. – Да никогда мы не придумаем лучше того, что придумала жизнь. Всякая фантастика пасует перед ней! Я думаю, что никакой вымысел не может быть в принципе ценнее нон фикшн.

– Даже если речь о художественном обобщении?

– Очень сложно формулируешь. Когда мы пытаемся редактировать саму жизнь, мы всегда что-то рискуем потерять. Нужно ли терять?

– Я пытался какой-то образ Шурки создать для истории. Хороший образ. А если она была болезнью обезображена?

– А это не её минус. Она такая, как она есть. И это не твоя забота, как всё в исторической перспективе отражается.

Саня сыпал соль на рану. Я сам об этом много думал.

– Хорошо. Расскажу, как тётя Шура умерла.

Я снял с шеи галстук – красный с продольными чёрными блестящими полосками, выпил свою рюмку без тоста.

– Говори, – настаивал Саня, складывая инструмент в сумку. – Шуруповёрт, перфоратор...

– В тот день ей принесли пенсию. Не помню уже, какие деньги тогда ещё были. Кажется, несколько тысяч рублей, не сотен. Она сварила щи с магазинной тушёнкой. Накормила ими почтальонку, сама поела. И принялась за чтение районки. Постучали. В сенях появился Генка Полин, который жил неподалёку, и его городской гость Колька, приехавший в деревню на выходные.

– Баба, давай деньги. Нам нужно встречу отметить, – зашумели мужики.

– Так не пойдёт, – ответила Шурка. – Мне на эти деньги целый месяц жить. Ну, хотите, щей дам?

– Смеёшься что ли?!

– Почему смеюсь. Покормить могу, а на выпивку денег у меня нет.

– Значит, жалеешь для нас?

– При чём здесь «жалеешь». Гена, бабу свою присылай, если очень лихо, ей на жизнь денег дам, а вам без толку деньги давать. Всё равно мало будет. А мне надо и на дрова копить, и огород пахать на что-то надо. Забор вот и тот бесплатно мне никто латать не станет.

– Дай хоть сотню на бутылку. Пожалуйста... – протянул Колька, мужичок среднего роста, невзрачный, потёртый жизнью.

Ему Шурка отказать не смогла. Знала, что Кольку выгнали за пьянку с очередного завода. Пожалела мужика.

– Дайте только слово, что больше не придёте сегодня.

Генка с Колькой, конечно, слово такое дали и ушли, похрустывая новенькой сотенной бумажкой в руках. Вернулись они часа через три.

Молотили кулаками в дверь. Потом молотили поленом.

– Открывай, Шурка.

– Не открою, – отвечала та через закрытую дверь. – Идите домой спать.

– Может, пойдём? – спросил Генка.

– Ты видел, какая у неё пачка денег оставалась. Куда пойдём?! Откроет старая, никуда не денется, – гундел Колька.

Он же и деревянную защёлку на двери крючком отбросил. Благо теперь знал, как это сделать, и видел, где металлический крючок для внутренней защёлки на поленьях лежит.

Вломились внутрь. Разгорячённые, злые.

– Идите домой! – скомандовала Шурка, никогда не сдающаяся и не отступающая. Бригадир, коммунист.

Но пьяные мужики уже ничего не слышали и не видели.

– Она деньги вон в том шкафу хранит. Со второй полки, из-под наволочки доставала.

Шурка сопротивлялась. Её оттолкнули раз – поднялась. Оттолкнули снова – за ноги цеплялась, но встала:

– Не пущу! Стойте! По силам себе нашли, а?

Отмахиваясь, как от досадливой мухи, Генка схватил со стола кухонный нож и по рукоять вонзил его Шурке в живот.

Колька только ахнул:

– Как же?

– А то! – сказал Генка и спрятал пачку пенсионных денег себе в карман.

Шурка обмякла и упала на пол. Под ней расплылась кровавая лужа.

– Старая дура! – покачал головой Колька. – Дала бы деньги сразу, ничего бы и не было.

Мужики засунули в карманы телогреек банки с тушёной и шпротами, что стояли на столе, заторопились прочь.

В сенях Колька задержался, облегчился в тепле, прямо на середине. Потом достал коробок спичек из кармана, бросил огонёк в угол.

– Ты чего? – удивился Генка.

– Огонь всё спрячет.

Мужики вышли наружу. Подпёрли избу поленом на всякий случай. И отправились пировать.

Тем временем Шурка зажала ножевую рану своей кофтой, подползла к окну и локтем выломала крестовину. Вывалилась тяжело наружу и, теряя сознание, поползла к соседскому дому, где жила семья нынешнего бригадира. Шурка знала, что там точно есть телефон.

Доползла. По горячим следам приехала милиция, взяла выпивох прямо от стола. Шурку отправили в районную больницу.

Она выжила, но с тех пор сильно сдала, как-то выдохлась, словно жить устала. Через несколько месяцев пришла смерть.

Я встречался в то время с тётей Шурой. Она говорила скупно, бесцветно, отвечала, лишь бы отстали от неё. Видно, что с людьми она уже попрощалась и ничего не ждёт.

– А что с вашими обидчиками-то?

– Я не узнавала.

И было видно, что ей и в самом деле это не интересно.

– Немцы в войну пожалели, а свои вон как! – вздохнула её средняя сестра. Она собирала на стол нехитрую закуску для встречи. Шурка лежала на диване и молчала.

– Ну, понимаешь ты хоть, что я и до сих пор не знаю, как мне свой рассказ писать?

Саня зажѣг новую сигарету, выпустил дым в открытое окно:

– Не обижайся, но не было у тебя рассказа под названием «Пощѣчина» до сегодняшнего момента. Не было!

Он даже бросил потушенную спичку в окно, а не положил её в консервную банку на подоконнике.

– Никогда мы не придумаем лучше того, что придумает жизнь. Да и придумывать ничего не нужно.

– А разве жизнь только в том, что есть?

– Не знаю. Но, наверное, когда мы думаем об этом, уже получаем фальшь.

Потом был ночной салют... Вернувшись домой, я протянул матери сумку с газетой:

– Мой рассказ «Пощѣчина» напечатали!

Она обрадовалась, даже за позднее возвращение не ругала. Только спросила, открыв молнию:

– А газета где?

В сумке её не было. Саня ответил назавтра, что он её не брал. Впрочем, перечитывать текст не хотелось. Шуркина душа была гораздо шире и глубже всякого рассказа о ней.

А жизнь шла своим чередом, и меньше всего её интересовало, что мы о ней думаем.

ВАЛЕРИЙ МУХИН

Валерий Михайлович Мухин – поэт, прозаик, художник. Член Союза писателей России. Автор семнадцати поэтических сборников, публикаций в центральных литературно-художественных журналах: «Наш современник», «Север», «Встречи», «Московский Парнас», «День поэзии», «Берега», «Наша молодѣжь», «День литературы», «Невский альманах», «ВЕЛИКОРОССЪ», «Новая Ладога» и др. Лауреат, дипломант литературных конкурсов: Губернаторского (2016), «Доброе небо», «Русский лад», «Русский Витязь», «Золотое перо Руси» и др. Награждѣн медалями «Святая Ольга», «Поэт и воин Игорь Григорьев», «За заслуги перед Псковом», «Василий Шукшин».

И РОССИЮ ЖАЛЕЛИ ДО СЛѢЗ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Давно вокруг другая жизнь кипит,
Наполненная песнями и смехом...
На пьедестале мирный танк стоит
Войны ушедшей не умолкшим эхом.

По-над рекой Великою привстав,
О мужестве отцов напоминает.
С утра его гранитный пьедестал
Букетами живыми расцветает.

Невдалеке грохочут поезда,
Встревоженные вздрагивают траки,
И вспоминает танк про те года,
Когда он богом был крутой атаки.

Когда вставали в бой за взводом взвод,
Гремели взрывов ближние раскаты;
Под твёрдое и хриплое «Вперёд!»
К Победе шли безусые солдаты.

И наполнялись мужеством ветра,
В крови кипела ненависть и сила,
Под яростное дружное «Ура!»
Уже Звезда Победная всходила...

ПАВШИМ СОЛДАТАМ

Повсюду на земле российской,
Где с именами, где без них,
Стоят простые обелиски
Солдатских холмиков живых.

И вдоль дорог они не броски,
Скромны и будничны на вид,
И свежей краской иль извёсткой
Раз в год их кто-то обновит...

За нас вы жизни положили
Военной грозною порой;
Землёй сырою вас зарыли –
И сами стали вы землёй.

Шершавыми цветами «кашек»
К нам руки тянутся солдат,
Зрочки проснувшихся ромашек
Глазами вашими глядят.

Живыми вашими устами
Здесь каждый стебель говорит:
«Земля, которую мы стали,
Жива, стояла и стоит!»

ЛИЦО ВОЙНЫ

Нет, я не воевал на той войне –
Душа ещё не вызрела для битвы,
Но слышал я в тревожной тишине
Рыдания и бабкины молитвы.

Нет, я фашистов кровь не проливал,
И целился пока что из рогаток,
Но я уже до боли понимал
Над похоронкой плачущих солдаток.

Лица войны, звериного лица,
Боялся я и прятался в сусеке,
Когда узнал, что моего отца
Она себе присвоила навеки.

Вот потому во сне и наяву,
И днём и ночью – это твёрдо знаю:
Пока я помню, верю и живу –
Войну я, как убийцу, проклинаю!

*...Как не любить эту землю.
Мы стиснули души, мы встали –
Живые и мёртвые – все.*

Игорь Григорьев

Как не любить эту землю,
Этот закат и восход,

Поле и лес, и деревню,
Родину, русский народ.

Был я обласкан судьбою –
Отрок суровых времён –
Матушкой русской землёю
Вскормлен и усыновлён.

Детство – военная доля,
Полная ужаса битв.
Танками вспахано поле.
Поле могил и молитв.

Страшные, чёрные годы...
Вражьей рукою война,
Смертью крестила народы,
Ад поднимая со дна.

Кровью умылась Россия.
Нам посмотрела в глаза:
– Что ж вы, сынки дорогие?
Больше – ни шагу назад!

Стиснули души и встали,
Встали за землю свою
Крепче железа и стали...
И – раздавили змею!

Как не любить эту землю,
Этот закат и восход,
Поле и лес, и деревню,
Родину, русский народ.

ВОЕВАЛИ

Маме
«Победили! Перемогли!»

Воевали и землю пахали,
Хоронили дедов и отцов,
На избитой земле вековали –
Утешали измученных вдов.

Надевали обмотки и лыко,
И тонули в российской грязи.
Ну, подумаешь, горе велико:
Коли впрягся в оглобли – вези!

Хоть бессменной была телогрейка
И в дожди, и в звенящий мороз,
Берегли трудовую копейку,
И Россию жалели до слёз.

Ничего у судьбы не просили,
Честно выплакав горе своё,
Умирали, спасая Россию,
Шли и гибли во имя её.

ГЕННАДИЙ СИНИЦКИЙ

Синицкий Геннадий Николаевич – прозаик, поэт, краевед. Член Союза писателей России и Союза краеведов России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Автор одиннадцати книг и стихотворных эпитафий на обелиске воинам-интернационалистам в г. Невеле и памятном знаке «Невельский район – край партизанской славы». Публиковался в коллективных сборниках России, Беларуси и Германии, а также в российской и зарубежной периодике. Имеет награды общественных и государственных организаций России, Беларуси и Казахстана.

ДА ВОЗДАСТСЯ КАЖДОМУ ПО ДЕЛАМ ЕГО

(Рассказ)

Раненым бойцам 198-го медико-санитарного батальона 112-й стрелковой дивизии 22-ой армии, погибшим при выходе из окружения в июле 1941 года, посвящается

Антон Сергеевич Марков уже шестую ночь подряд не мог нормально выспаться. Просыпался среди ночи в горячем поту и курил на кухне одну сигарету за другой. Причиной бессоницы был один и тот же кошмарный сон, в котором он представлялся в форме эсэсовца, командующего расстрелом советских военнопленных. Вот и сегодня по его команде «ахтунг фойер» очереди немецких шмайсеров разили беззащитных раненых солдат. Здесь же были дети, женщины и старики, которых он самолично добивал из офицерского «Вальтера». Кругом кровь,

грязь, крики проклятий и глаза... Глаза солдата с окровавленной повязкой на голове, в лицо которому он сейчас пускает пулю.

Что за напасть такая? Война 70 лет как закончилась, он знает о ней только по книжкам из средней школы. Ну, 9 Мая, парад Победы, рассказы и встречи с ветеранами... И, собственно, всё. Ему 45 лет, он главный инженер свиноводческого комплекса. Работа выматывает его без остатка, только что поспать и остаётся, да и то не всегда получается. На часах 4-30 утра. Что ж, снова – контрастный душ, кофе и надо вызывать дежурного водителя. Сегодня в девять утра селектор с московским начальством, а он выглядит как алкохроник после недельного запоя. Под глазами синие круги, лицо опухшее, и голова раскалывается до предела – последствия постоянного приёма снотворного. Организм перенасыщен мелатонином, хочется спать постоянно, а тут такое видится, что не приведи Господи.

В начале шестого утра Марков уже сидел в кабинете и изучал докладные записки за прошедшие сутки. От его решений зависит весь внутренний рабочий ритм предприятия. На столе куча отчётов, проверок, жалоб и заявлений. И всю эту макулатуру ему надо изучить, ознакомиться и принять только одно решение, за правильность которого ему придётся отвечать перед руководством в полной мере.

Одна из докладных записок особенно привлекла его внимание: «Настоящим докладываю, что тракторист Семёнов ... вылил фекалии свиного производства из бочки ассенизатора в придорожную канаву...»

Марков снял трубку телефона и набрал номер мастера шестнадцатой фермы Дениса Васильевича Сосновского.

– Привет, Васильевич, просвети меня подробнее, как это со сливом фекалий получилось? Ведь сказано же было — слить в лагуну на четвёртом участке, на границе поля и лесного массива Песица. Ты хоть понимаешь, чем это опять нам грозит? Задолбают ведь активисты «зелёные», того и гляди опять штраф, да прокуратура достанет проверками.

– Всё верно, Антон Сергеевич, мы туда Семёнова и направляли.

– И что?
 – Семёнов говорит, что его туда не пустили.
 – Да? Ну и кто же?
 – Говорит, солдаты какие-то раненые.
 – Чего? Какие, к чёрту, солдаты? Откуда там солдаты появились?
 – Не могу знать, Антон Сергеевич. Наверное, Семёнов лишку принял на грудь, так как ничего путного от него узнать не получается. Пьян, как «фортепьян», но напуган чем-то был конкретно.

– Уволить сегодня же, без расчёта премий и переработок. Задрали эти алкаши. Что у тебя там за эпидемия с работягами? То техника ломается, то в запой уходят. Неделю отработать не могут нормально. Найди мне хорошего тракториста и побыстрее. Всё. Выполняй.

Просмотрев ветеринарный отчёт, Марков налил себе ещё чашку кофе. Памжа какая-то на этом участке. Всё не так. Хм... Это ж надо, солдаты. И тут Марков вспомнил, что года полтора назад у них была долгая и нудная тяжба с отставным военным за спорный участок земли, который они всё-таки отсудили. Ну ещё бы, такие деньги в обороте, весь район можно купить. А вот про какое он там кладбище заикался, чуть ли не до Москвы собирался жалиться. Может, это его проделки с солдатами? Но почему тогда раненые? Вот народ, придумают же такое, что даже не приснится. Стоп! Сон... Кошмар! Так, так... Да нет, не может быть... Что, коллективная эпидемия, что ли? Хотя кто его знает, работаем ведь с заграничными химикатами, а там всякой твари по паре.

Он снова набрал номер мастера шестнадцатой.

– Василич, давай срочно ко мне.

Денис Сосновский в прошлом был сельским участковым, знал работу с населением на отлично, плюс знание местности, все заимки, леса, озёра, ручьи, поля, пасеки — в общем, целая энциклопедия сельсовета. Поэтому его и ценило руководство — знал обо всём от и до.

Зайдя в кабинет к начальнику, Сосновский поразился внешнему виду Маркова. Тот как будто постарел лет на десять.

– Антон Сергеевич, у вас как со здоровьем? Выглядите плоховато... Если что, знаю целительницу местную. Настойки и отвары делает от любой хвори.

– Спасибо, Василич, разберусь как-нибудь сам, давай к делу. Рассказывай, что у тебя на ферме за чудеса творятся, техника ломается уже который раз, теперь солдаты какие-то? Может тебе в помощь дать кого, не справляешься, похоже.

– Да шут его знает, Антон Сергеевич, с тракторами-то разобрались: четыре машины в МТС отправили на ремонт, всё сделали, у всех одна и та же поломка — сгорели генераторы. Может, брак заводской? А что до работяг-водил, то чудеса, действительно. Больше недели никто не выдерживает: кто на больничный уходит, кто в запой. И ведь несут чушь какую-то: призраки, голоса, вот теперь солдаты появились. Мистика, одним словом.

– А помнишь фермера, отставника, с которым судились за участок поля у леса? Он про какие-то могилы говорил. Может, это он своих сослуживцев подключил, да с нами в игрушки играть вздумал? Это ведь где-то рядом с твоей фермой.

– Да, всё так, четвёртый сектор. Это из-за него споры у нас были. Там все эти аномалии и происходят.

– А что там раньше было, в советские времена, тоже чертовщина происходила?

– Да нет, всё также: пахали, сеяли, а что до могил — не знаю, их у нас по всему лесу много. Здесь ведь бои страшные были под Песицей и в 41-ом, и в 43-ем, народу полегло без счёта — тысячи. Это надо у краеведов наших узнавать, а лучше у старожилов.

– А что, есть ещё люди, что в войну здесь жили?

– Мало, конечно, но есть.

– Ну, давай навестим кого-нибудь, разузнаем, что да как, заодно подарки подарим ветеранам, на публику поиграем. А что ты там про знахарку говорил?

– А, ну так вот... К ней и надо было бы заскочить в первую очередь. Василиса Мироновна много чего знает. Вот только не угадаешь, что за настроение у старухи. Ведунья она знатная, но ведь и плюнуть вослед может, это у них как проклятье, что ли.

– Ну, поехали, чёрт ладана боится, да и под лежащий камень вода не течёт, надо что-то делать.

Василиса Мироновна встретила гостей неприветливо, можно сказать, холодно. Её взгляд как будто сверлил Маркова насквозь. Главный инженер каким-то шестым чувством ощущал что-то недоброе. Такое с ним происходило крайне редко и бывало, как правило, только на «ковре» у московских «небожителей» перед разносом по всем статьям бюджета.

– Чего пожаловали, «упыри» лощёные?

– Ну, зачем же ты так, Мироновна, – начал было Сосновский, – мы к тебе с подарками, да со всем уважением.

– Осади, милай, твои слова – пустой ветер, говорить будешь, когда спросят, а я спрашиваю сейчас не тебя. Что, Антоша, плохо тебе?

– А откуда Вы меня знаете, Василиса Мироновна?

– Кто ж тебя не знает, кровопийца этакого, «благодетеля» местного? Барином себя считаешь? Может, мою землю купить захотел? Так у тебя денег никаких не хватит. Ишь ты, подарки прихватили, вот вам Бог, а вот – порог, пошли вон.

– Да ты что, Василиса, – вспыхнул Сосновский, – к тебе такой уважаемый человек приехал, а ты тут концерт устраиваешь. А про себя подумал: «Вот карга старая, одно слово – ведьма. Из ума выжила, как её только земля носит?»

– Помолчи, свинота, проклянущу ведь за каргу. Твоё ли, пёс, дело, сколько мне отмерено?

Кровь прихлынула к лицу бывшего участкового.

– Василиса Мироновна, простите его, – вступился Марков, – не со зла он, помощь нам ваша нужна и совет дельный, неприятности у нас.

– Знаю я про твои беды, Антоша, и ратников кровавых в глазах твоих вижу. Страшно тебе, да? Форму палачей примерил? Как она, жжёт душу твою грешную?

Марков чуть было не онемел от ужаса, сказанного ведуньей.

«Ведьма», – прошептал Сосновский, нащупывая крестик у себя на шее.

А Василиса не унималась:

Святую кровь с дерьмом мешаешь,
Покой убитым не даёшь,
Пока всё это не исправишь,
И года здесь не проживёшь.
Прочь со двора моего! Вот тебе мой сказ!

Служебный «Патриот» свинокомплекса скрипел на ухабах сельской дороги.

– Антон Сергеевич, давайте в храм заедем, – предложил Сосновский, – здесь недалеко, в Шульгах старая церковь иконы Казанской Божией Матери. Это самая сильная Одигитрия в православии.

– Заедем, Денис, давай заедем. Свечку поставим. А самая сильная Одигитрия – Смоленская, только она утеряна давно.

– Да? Не знал. А вы верующий?

– Все мы под Богом ходим, Денис, все абсолютно. И всем нам по делам нашим воздаётся. Всегда так было и будет. На том вера наша стоит уже больше тысячи лет.

Отец Ипатий встретил мужчин недалеко от храма. В деревне осталось всего три жилых дома, но приход всё равно работал согласно церковному чину. И каждому, кто посещал этот сельский храм, расположенный в лесу, в трёх километрах от большака, батюшка открывал двери, даже если это было в неурочный час.

– Мир вам, люди добрые, – приветствовал путников настоятель.

– Здравствуйте, батюшка, – ответил Марков. – Вы уж простите нас, что тревожим. Разрешите нам свечки поставить да иконам поклониться.

– Двери храма всегда открыты страждущим, – сказал отец Ипатий, – Досадно только, что Бога мы поминаем в минуты страданий, которых и так хватает в этом мире. А вот радостью поделиться с Отцом Всевышним забываем и поблагодарить Его за успехи наши тоже ведь не спешим.

Зайдя на порог церкви, Марков пошатнулся и еле удержался на ногах. Сосновский успел подхватить начальника под руку и удержал его.

– Что случилось, Вы больны? – спросил батюшка.

– Василиса, ведьма проклятая, наговорила гадостей «с три короба», — ответил Василич.

– Не надо так в храме Божьем, да и вообще не надо хулить, аккуратнее со словами. Помните, в начале было – СЛОВО. Слова – не пустой звук в нашем мире, и к ним надо очень внимательно относиться.

– Спасибо за науку, батюшка, – сказал Марков. – Вот мы сейчас и попробуем испытать эту силу.

– Сила не в словах, а в делах добрых, в раскаянии и смирении людском. За что повздорили с Василисой? Давно, не припомню даже когда, приходили жаловаться на неё. Она ведь несчастная, горемычная страдалица. К церкви всегда раньше ходила, всю службу стояла у ворот, а внутрь правда не заходила. Я спрашивал её, почему так. Глаза отводила. «Грешница я, не достойна любви Божьей», – отвечала мне. А сама того и не знает, что Господь любит её и очень сильно любит. Потому и всю жизнь ей испытания посылает. Она ведь не местная, хоть и живёт здесь уже больше 70 лет. В июне сорок первого ей было семь лет. Здесь, под Песицей, колонну беженцев из Белоруссии разбомбили немецкие самолёты. Она тогда на дороге потеряла всю свою семью и прибилась в лесу к полевому госпиталю красноармейцев. Немцы наступали тогда очень стремительно, и многие воинские части не успевали отходить в тыл. А уж раненые и подавно не могли успеть. Вот в лесах и прятались месяцами. Потом кто поздоровее пытался вырваться из окружения, партизанил. Госпиталь в Песице окружили эсэсовцы: донесли малодушные в комендатуру. Там же всех раненых и медработников с беженцами расстреляли. Горы трупов по всему лесу собирали и хоронили в братских могилах. Василису, раненую и еле живую, нашла бабка Мелания, знахарка из села Шорохова. Выхаживала её целый год, вылечила, слава Богу. Но осенью сорок второго латышские каратели собирали молодёжь и детей по сёлам, сгоняли их на железнодорожную станцию в городе, а потом угоняли в Германию. Так наша Василиса стала малолетней узницей. Прошла концентрационные лагеря нацистов, выжила. А после войны вернулась в Шорохово, в дом к бабке Меланье, где

и жила много лет. Бабка удочерила Василису и передала ей все свои знания. Так что не может Василиса Мироновна зла желать людям, не верю я в это.

– Отец Ипатий, а вы знаете, где в лесу эта братская могила?

– Конечно, знаю. На опушке леса, у межи, рядом с полем колхозным, два холма стоят, один за другим. Там ещё ключ из земли бьёт знатный, водица целебная, раненых солдат ею тогда выхаживали.

Марков вопросительно посмотрел на Сосновского: а не там ли они лагуну для нечистот вырыли? Василич даже лицом побелел от удивления.

– Подождите, отец Ипатий, если там было захоронение, значит, памятник должен быть.

– Да, был там обелиск со звездой, даже имена какие-то были, но лет восемь назад «чёрные копатели» стянули его в чермет и сдать хотели. А приёмщиком тогда Артюха работал, сын Василисы. Настоящий богатырь! Знатный комбайнёр был когда-то, техника в его руках исправно работала, любой трактор мог за час починить. Но после развала колхозов и кончины СССР оказался не у дел. Вот и пошёл трудиться на пресс и крановый подъёмник в металлоприёмку. Так вот, когда Артюха увидел, что принесли эти ухаи, бил их нещадно, но силушку свою не рассчитал. Одному все кости переломал, отчего тот помер в реанимации, а другого под хохлому расписал, да так, что на всю жизнь одноглазым оставил. Осудили его тогда очень сурово, одноглазый сыном какого-то начальника оказался. До сих пор в колонии срок отбывает, где-то на севере. А памятник так и забыли назад поставить.

Свечи догорали у иконы Казанской Божией Матери. Марков взглянул на лики святых и неожиданно заплакал. Он понял весь ужас своей невольной и чудовищной ошибки. Ведь только он за всё в ответе. Теперь всё встало на свои места. Он знает, что ему надо сделать, и откладывать это не станет даже на сутки.

Воскресное утро. У межи на лесной опушке стоят несколько машин строительным инвентарём, оградкой и конусовидным обелиском из нержавеющей стали с яркой пятиконечной

звездой на вершине. Место погребения очистили от веток и сухой травы. Родник расчистили и обложили кирпичами. Памятник было решено поставить между холмами и окаймить место металлической оградкой, покрашенной серебрянкой. Когда всё было сделано, отец Ипатий отслужил молебен. Антон Сергеевич был серьёзный как никогда, но выглядел бодро и свежо. Он впервые за неделю выпался, отдав на сон, как и полагается, все восемь часов (и без помощи снотворного).

Неожиданно все замолчали и расступились. К оградке шла бабка Василиса. На ресницах старушки блестели слёзы. Она опустила на колени между холмиками и погладила их руками.

– Ну, здравствуйте, мои родные, теперь всё будет хорошо, не тревожьтесь, спите спокойно.

Положив букет полевых цветов у обелиска, она подошла к Маркову.

– Спасибо тебе, Антон Сергеевич, ты большое дело сделал. И прости меня, старуху сварливую, наговорила в сердцах. Всё у тебя будет хорошо.

– Это Вам спасибо, Василиса Мироновна, всем воздаётся по заслугам. Ну, а мне этот урок только на пользу. И ещё: для вас я просто Антоша, большего не заслужил перед Вами.

Старушка улыбнулась уголками губ и посмотрела на небо.

– День-то какой ясный, видишь? Солнышко так и пляшет, красуется. Легко как-то на сердце. Что-то ещё будет сегодня хорошее.

Она опустила голову и посмотрела на кромку поля. Вдоль межи, широким шагом к ним шёл высокий, крепкий мужчина.

– Артюха, сыночек! Вернулся!

СВЕТЛАНА РАЗМЫСЛОВИЧ

Размыслович Светлана Сергеевна – поэт. Член Союза Писателей России, член поэтического клуба «Словороссия», член музыкально-поэтического Клуба «Ветер Победы» (Москва). Постоянный участник и координатор проектов «Память поколений», «Чтобы помнили», «Позывной – Россия», историко-патриотического фестиваля «Словенское Поле». Организатор благотворительных концертов по сбору средств для оказания помощи мирным жителям Донбасса, где неоднократно была в составе различных делегаций. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат, победитель и дипломант многих поэтических фестивалей и конкурсов, в том числе Есенинской премии «О, Русь, взмахни крылами», «Золотого Витязя» (2021, 2022), «Муза Новороссии» (2023).

КОМУ ДАНО – С ТОГО И СПРОСИТСЯ

ИЗ ВОЙНЫ НИКТО НЕ ВОЗРАТИЛСЯ

Четверо...

Четверо – за моим столом?

Тысячи?

Миллионы!

Нация!

Взрадуйтесь, горны – пыль столбом,

Сдвиньтесь, толпы, на каждой станции!

Спутайте, схимы, – так убог

Вид их одежд, под землёй выцветших.

Вызрейте, вёсны, с ними – Бог
 Пишет имена новых прибывших.
 Здравнице дань – махни, живой!
 Доставай съестное, налей стопку.
 В дом ведёт, обеднев травой,
 По взрытой земле сбитая тропка.
 Вот же – прущие напролом –
 Заревом огня, грохотом взрыва,
 Молча все – за одним столом –
 Ждущие нового – их – призыва.
 Чайник вскипел...
 От вер – к вранью
 Как перешли – не узнаем сами.
 Смирно! За ними – марш – в строю!
 Право – равняйся! Поведут лесами,
 Пашнями, правдой – в города,
 Мир на исход, горевать некогда!
 Об руку – сын, позади – года,
 Поодаль – мать, отступить – некуда!
 Тлеет времени костерок,
 Дни обживаются, в кровь – стёртые.
 Нынче местами – долог срок –
 Поменялись живые с мёртвыми.
 Четверо – за моим столом?
 Тысячи!
 Миллионы –
 Павшие.
 Веру нам – передав щитом,
 Смертью своей
 На защиту
 Вставшие.

ДДУЛАГ-100

Кому дано – с того и спросится,
 Тому и время – не в зачёт.

Лежит дорога мирносицей,
 Да память речкою течёт

Туда, где зной окутан рощами.
 Курган, как прежде, стыл и наг.
 Кому – победный марш на площади,
 Кому – покой, а мне – ДУЛАГ¹.

Вот здесь, в подножии у Порхова –
 Колючей проволоки ряд.
 Со страшных дней сорок четвёртого
 Глаза запавшие воззрят

Из обелиска твердокаменно.
 Ни стонов в них и ни разлук.
 На пол бетонный в душных камерах
 Уходит жизнь из слабых рук.

Поэту – правда, нищим – подати,
 Героям – память, верным – рать.
 Не лги, что в рвах от безысходности
 Не страшно было умирать.

Не верь, что полохом² не маяться,
 Хоть вдовье дело – не моё.

¹ Из истории:

ДУЛАГ-100 - Немецкий пересыльный лагерь для военнопленных и гражданских лиц. Располагался в 3,2 км к востоку от Порхова, Псковская область, в полукилометре слева от еловой аллеи, ведущей сегодня к мемориалу. Был создан в августе 1941 и просуществовал до февраля 1944 года, когда Порхов и Порховский район были освобождены частями Красной армии в ходе начавшегося наступления наших войск под Ленинградом и Новгородом.

По данным Порховской районной комиссии по расследованию фашистских злодеяний на территории района во главе с судебно-медицинским экспертом Ленинградского фронта подполковником медицинской службы профессором А.П. Владимирским после проведения судебно-медицинской экспертизы трупов советских военнопленных, извлеченных из ям-могил, расположенных на территории бывшего концлагеря «Дулаг-100», пришла к ужасающему заключению. Общее число захороненных военнопленных составило более 85 тысяч человек.

² Полох - тревога

Да не кружилось бы над памятью,
Почуяв падаль, вороньё.

Мне б закричать, но голос хрипlostью
Застрял в словах, как в горле ком.
Я опущусь под старой липою
К земле распятой. А потом

Пойму: дано нам, значит – спросится!
Пусть чёрным птицам невдомёк,
Стоит Россия – мироносицей --
От слова «Мир» до слова «Бог»...

ЧТОБЫ НЕ СТАЛ РАБОМ...

Как своенравен! Кто ж – сможет тебя понять?
Поговорить? – итожь: время – ни дать, ни взять.
Вырос. На деле ж – кров – треплешь в своих речах.
Даром, что лоб здоров, сажень не та – в плечах.
Ты говоришь, страстей – множество в век свобод? –
Ради твоих детей – неба сужался свод
К страсти единой: честь – вызволить из хулы.
Все пепелища здесь – были огню малы.
Мал был сраженью день – год за столетье – ишь!
Вкруг оглядеться: лень – счастье, говоришь?
Знать ли тебе, как дом стёрли с лица земли? –
Чтобы не стал рабом – армиии полегли!
Чтобы продлился срок – в вечность ушли сыны,
Братья твои, дружок, – дети твоей страны –
Младше, чем ты теперь, ставшие навсегда
Силою нашей – сверь – да не равняй года!
Чуешь ли ты – опять рабство нависло с круч?
Высмеять – что стрелять – где он, велик-могуч?
Ор безъязыким ртам – горн мировых владык,

Горю начало там, где позабыт язык.
Око за око – войн вновь разгорелся огонь:
Страсти-то сколько вон – лишь своенравность тронь.
Где отстоять своё и в мелочах не смог –
Стелится забытьё – там и конец, сынок.
Чтобы ты мог смотреть – прямо, как я могу,
Жизнь проживи за тех, кто не отдал врагу
Веру, как век. Учти – нравы корней своих!
Думай, пиши, учи – сдюживай за двоих.
Чтобы ты мог творить – творчество шло в расход...
Что уж и говорить – просто тяжёлый год.

НЕВОЗВРАТИВШИЙСЯ

Из войны никто не возвратился,
Даже если выбрался живой.
Даже если с званием простился,
Воротясь из зарева домой.

От лесов весенних тянет гарью,
Звук разрыва – в ритме вешних гроз.
А трава такая под ногами –
Будто рябь невыплаканных слёз.

Будто нет ни славы, ни победы,
Ни заплат у неба в полотне.
Будто не его назвали дедом
Праздным днём в веселой толкотне.

До сих пор орёт комбат: «В атаку!»,
И бежит он, грудью заслоня
От проклятой смерти ночью всякой,
Землю, дом свой, память и меня.

Рвёт чеку, бросая в половицу
 Что ни попадь. Падает. Один.
 И на лоб стекает сукровица,
 Дотянуть пытаюсь до седин.

Ведь ещё не стар. Остёр местами:
 «Что нам смерть – прорвёмся, не беда».
 И друзья могилами-крестами
 Будто бы не станут никогда.

Только, загрузив, сожмёт в ладони
 Горсть земли: «Родимая, в мой час
 Проводи туда, где бор на склоне –
 К тем, кто стал на вечность младше нас...»

Тихо ночь свернёт в потёмки числа,
 Не залает пёс сторожевой.
 Из войны никто не возвратился,
 Даже если выбрался живой...

САМОВАРЫ СТАЛИНА

Юго-западный ветер гуляет по Ладоге,
 В забытыи предрассветном лежат острова.

...Ему снились опять очертания радуги,
 Хоть со светом он стены увидит едва.

Валаам.
 Дивный край
 Стал последним пристанищем
 Неживых, но немертвых –
 «Позоров страны».
 Изжитых к юбилею

Товарища Сталина
 Из культурных столиц
 Самоваров войны,

Что когда-то вскипали враждой благородною,
 Что бросались под танки и шли на таран.
 Ставших кодлой вчера, к торжеству непригодною.
 Он сказал: «Нету тела – не будет и ран».

Монастырской судьбой от мирян отделённые,
 Бесфамильную сырость вдыхают.
 В ответ –
 Желтизна простыней да ведро закопчённое,
 Да корзины, в которых выносят на свет.

Это их оконечности под Сталинградом
 Полегли каменистостью в той мостовой,
 По которой Победа шагала с наградами
 На груди, оставшейся в битве живой.

Это их подо Ржевом контузило, вспомните:
 Хоть «ни дна, ни покрышки»,
 Ни шагу назад.
 А теперь по какой-то предательской скромности
 Им кидают пятак, опуская глаза.

Они гибли не раз.
 Так зачем же ты, Господи,
 Снова в тыл доставляешь их души в таких
 Безобразных телах, под колодку обтёсанных?

– Чтобы память опомнилась в нравах людских.

...Будь неладен пиджак, под здорового скроенный,
 И подшипник гудит, починить не успел.
 А в бессмертном полку расступаются воины,
 Чтобы он на тележке проехать сумел.

Юго-западный ветер гуляет по Ладоге...

НАТАЛЬЯ СТРАХОВА-ХЛУДОК

Страхова Наталья Владимировна (Наталья Страхова-Хлудок) – поэт. Кандидат в члены Союза писателей России. Автор трёх поэтических сборников. Лауреат и финалист международных литературных конкурсов: «Мгинские мосты», «Каблуковская радуга», им. И.Н. Григорьева, «Словенское поле-2020», «Славянская лира», «ЛитКузница». Живёт в г. Невель Псковской области.

ТАК БОЛЬНО МНЕ СЛЫШАТЬ О ВОЙНАХ

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Нет, не смолой здесь пахнет – пахнет кровью
 От елей, сосен в жаркий летний день!
 Здесь жизнь была! Скользят ветра по полю.
 От заживо сожжённых – только тень.
 Травой покрылся пепел от жилища,
 И вырос лес над памятью людской.
 И вновь тревожит, воздаянья ищет
 Над чёрным пепелищем бабий вой!
 Над горькою, растоптанною жизнью,
 Над муками загубленных детей –
 Тот страшный вой! Мой дом, моя Отчизна,
 С годами думать о тебе больней.
 Фашистским ты растерзанная зверем
 Устало смотришь, а в глазах – укор.
 Смертельна рана! Страшные потери,

Как язвы незажившие с тех пор!
 И вновь безлюдны, как в войну, деревни,
 И вновь пустеют бывшие поля.
 Любимая, то плачешь ты, то дремлешь,
 Измученная Псковщина моя!
 Но бросишь взгляд ты твёрдо и сурово,
 Жалеть себя навеки запретишь!
 И молча, губы сжав, ты встанешь снова,
 Тревожно глядя в призрачную тишь.

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ

На сельском кладбище побудьте,
 Где стёрло время боль тоски.
 Бежит тропинка, топчут люди
 Забытых жизнью бугорки.

И крест чугунный одиноко
 Глядит из зарослей густых.
 Чью память он хранил до срока,
 Могилу знатнее других?

Уносит время жизни, жизни
 И всех равняет меж собой,
 Потомков занимая мысли
 Лишь бугорками под ногой.

А У НАС ТИШИНА

Громыхает война, сеет смерти, страданья, разлуки.
 А у нас – тишина, мягко ночь укрывает дома.
 Тускло светит фонарь, замирают все шорохи, звуки.
 Ровно тают снега, и уходит в былое зима.

Появление весны ощущается в тёплом дыханье
 Ветерка, прилетевшего к нам от мерцающих звёзд.
 И на землю глядит и молчит в вышине мирозданья,
 В бесконечность стремясь, Млечный Путь,
 грандиозен, белёс.

Хорошо мне сейчас! Вот бы жить так, светло и спокойно,
 Ощущать, как зовёт, в бесконечность зовёт вышина!
 И устала душа, и так больно мне слышать о войнах
 И о том, что не всем эта ночь безмятежной дана.

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

В вечном покое, в топи болотной
 Сколько уж лет бесконечных подряд
 В полуистлевшей шинели пехотной
 Всеми забытый спишь ты, солдат.

Мхом затянулись окопы, воронки,
 А в медальоне разбитом – вода.
 Имя твоё не узнают потомки,
 Даже когда доберутся сюда.

Даже когда к свету вытащат кости,
 Ржавую каску и твой автомат,
 Тонкой травинкой, землицею, горстью,
 Здесь ты навечно остался, солдат.

Зимы, и вёсны, и грома раскаты,
 Дождь, и туманы, и мхи под ногой...
 Ступишь куда – всё солдаты, солдаты,
 Всюду солдаты Второй мировой.

КАК БУДТО СМЕРТЬ ВАМ НЕ ГРОЗИЛА

*Девушкам-снайперам 3-ей
 ударной армии посвящается*

Вы вечно будете юны:
 На старом фото чёрно-белом
 Смеётесь радостно и смело,
 Как будто вовсе нет войны!

А я представить не могу,
 Как уходили вы в метели,
 Как мёрзли, бедные, в снегу,
 Не спали сутками, не ели.

В руках – винтовка. Острый взгляд
 Следит за недругом в прицеле.
 Охота. И врага разят
 Девчонки, что любить умели,

И звонко петь, растить цветы;
 Мечтали в клуб спешить на танцы.
 Но грязь дорог, бои, фронты...
 Окурки в занемевших пальцах.

На вас мне хочется смотреть
 Сквозь время, в радостные лица!
 И что заставит замереть?
 И что заставит удивиться?

Здесь страха нет и нет тоски,
 Как будто смерть вам не грозила
 У той высотки иль реки.
 Вам хуже смерти – струсить было

И отступить, врагу отдать
 Деревню, лес, берёзку в поле.

И гибла, гибла вражья рать
По вашей непреклонной воле!

На вас мне хочется смотреть!
И не могли вы быть другими!
Придёт ли смерть? Она лишь смерть.
Победа носит – ваше Имя!

КНИГА ПАМЯТИ

Посвящается Александре (11 лет), Дмитрию (5 лет) – сестре и брату моего отца, сожжёнными карателями в 1944 году вместе с другими людьми; всем невинным жертвам, погибшим от рук фашистов

В доме старом иконы, среди них на стене
Фотография Шуры висела.
Ей одиннадцать лет. И всё чудилось мне,
Что боится и смотрит несмело.
Там она до войны. Нет мучительных дней,
Но казалось лицо белым-белым.
От того, что принять муки выпало ей,
Этой горькой судьбой заболела.
То, что сделают с ней – всё ещё впереди...
Малолетняя жертва эпохи.
О сестрёнке отца острой болью в груди
Мне напомнили книжные строки:
«Евдокия, ребёнок – (всего) восемь лет,
И расстрел в мае сорок второго –
Партизана сестра». И в глазах меркнет свет!
Как понять это снова и снова?
Крикнуть хочется им, кто, людей не щадя,
Убивал, что придёт наша сила!
– Ведь не ваша, не ваша, здесь – наша земля!

И детей не на муки растила!
Книга памяти – сколько здесь детских имён!
Рядом в списках – сожжён иль расстрелян.
Вы – культурная нация? Ждали поклон?
И «поклон» вам достойный отмерен!
За великое горе, за стон матерей
Время платы суровой настало!
Да, вы каялись там, у разбитых дверей,
Только память никак не прощала!
И непрошенной снова катилась слеза.
И ничем не закрыть эту нишу.
Нестерпимо печальны ребёнка глаза –
До сих пор это помню и вижу!
Из болот здесь в лесном партизанском краю
Так печальны восходят туманы.
О погибших приносят нам память свою,
Пеленой застилая поляны.

ЧТО Ж ЗАБЫЛА, БАБУШКА?

Моей бабушке, Михалине Адольфовне, посвящается

Перебирала платьица, гладила шёлк рукой.
– Ты посмотри, как ластится! Глянь-ка, а цвет какой!
То василёк, то лилия... Гладкий, морщинок нет.
– Бабушка ты любимая, много тебе уж лет!
Вот и соседки шепчутся, косо глядят вослед.
Кто ж возле шкафа вертится в семьдесят с лишним лет?
Дедушка помер. Что же ты, словно бы расцвела?
Сколько несчастий прожито! И голова бела.
Нет, ничего подобного я не сказала ей.
Жизнь, словно ветка, сломлена:
столько несчастных дней.

Там, где лозняк и камушки – страшных расстрелов след.
Рядом, за домом бабушки, – шрамы военных лет.

Красила охрой ставеньки. Розы в саду рвала.
В плат наряжалась аленький, в гости к подружке шла.

Ну, а война тут рядышком: вон из окна видна.
– Что ж ты забыла, бабушка, как обожгла война?

Что ж ты забыла, бабушка, лагерь, болезни, смерть,
Голод и деток плачущих? Рядом чужая речь...

В мире больном, отчаянном ты среди других смертей
Чудом, молитвой праведной всех сберегла детей!

Ставила тесто с вечера, дальних ждала гостей.
Так и жила, сердечная, горем войны отмечена,
Силясь забыть о ней.

И БУДЕТ МИР КРАСИВ И ЗВОНОК

Взлетают вверх, как две синички,
Два ярких банта голубых!
Смеётся девочка! Реснички
На солнце в брызгах золотых!
Пилотка с красною звездою!
И этот маленький солдат
Всё смотрит в небо голубое
Туда, где шарики летят.
Цветы, и фото, и знамёна
Несут, качают сотни рук!
Несут торжественно «иконы»
Победы нашей дед и внук!
И солнце заливают скверы,
Нарядных, праздничных людей!
Хватило нам любви и веры
В святую правду славных дней!

Пусть скажут: «Глупо, несерьёзно,
Забыть уже давно должны».
В нас навсегда остался грозный
Тот ветер яростной войны.
Мы слишком многих потеряли,
Мы тем страданьем проросли.
И слышен зов из грозных далей,
Чтоб мы забыть их не могли.
Да будет мир красив и звонок,
С весёлой искоркой в глазах!
Как этот радостный ребёнок,
Не знавший войн, где боль и страх!

ЛЮБОВЬ ФЕДУКОВА

Федукова Любовь Васильевна – поэт. Член Союза писателей России. Руководитель православно-литературного клуба «Родник» (г. Остров). Автор книг «Не ищу судьбы другой», «Метаморфозы вдохновения», «Тихие звоны в небесной дали». Публиковалась в многочисленных коллективных сборниках.

А ВЫЖИТЬ НА ВОЙНЕ ХОТЕЛОСЬ

«МЫ УХОДИМ К ГАСТЕЛЛО»

Экипажу 10 скоростного бомбардировочного авиационного полка, в составе: командир эскадрильи капитан Михайлов Л.В., штурман эскадрильи капитан Левенец Г.В., стрелок-радист ст. сержант Шереметьев И.Д., повторившему 4 июля 1941 г. у деревни Рубеняты Островского района подвиг экипажа Гастелло, п о с в я щ а е т с я

1.

«Мы уходим к Гастелло», –
Рация прохрипела.
Голос знаком до боли,
Травы поникли в поле,
Птицы петь перестали,

И ручьи замолчали,
Ива склонилась ниже...
Ближе земля, всё ближе.
Яркая вспышка взрыва –
И всколыхнулась нива,
Медленно тлеет колос.
Эхом знакомый голос:
«МЫ УХОДИМ К ГАСТЕЛЛО».

2.

Три судьбы сошлись, три пути
У деревни, нигде не означенной,
И запас любви нерастроченной
Каждый в жертву сумел принести.

Где-то ждёт не дожётся мать.
Всё глядит на дорогу пылящую,
Поправляет лампадку чадающую.
Не придётся ей сына встречать.

У солдат не в почёте кресты.
Их могилы строги и ухожены,
Белобрысой девчушкой положены
На гранит полевые цветы.

Луч заката последний погас.
Небо смотрит холодными звёздами,
Ночь сменяется днём, зимы – вёснами.
Продолжается жизнь, но без вас.

Атака. Ты бежишь по полю.
Солдатская шинель бронёй.
Собрав в кулак мужицкий волю,
Кричишь «ура», пока живой.

А где-то далеко-далёко,
В натоленной с утра избе,
Мать, поседевшая до срока,
У Бога молит о тебе.

Мешкать некогда: атака!
Бьёт прицельно пулемёт,
Пот – ручьём, мокра рубаха,
Уцелеешь, коль везёт.

Страх берёт, а не боится
Только пьяный и дурак.
Взводный хрипло матерится –
В этом деле он мастак.

Командир срывает глотку...
Мы сегодня молодцом:
Очень важную высоту
С ходу без потерь берём...

Сохнут мокрые рубахи
У печурки в блиндаже,
Испаряя капли страха
Тех, кто бродит в неглиже.

Он твердил: «Ни полшага, ни шага назад», –
Защищая в то утро высоту,
Делал ратное дело привычно солдат,
Пот со лба вытирая пилоткой.

Гимнастёрка на нём всех доспехов прочней
От кровавых подтёков и соли,
Долг сыновий исполнить за всех сыновей
Пехотинцу назначена доля.

А высотка... Её и на карте-то нет,
Но поди ж ты, вцепился зубами,
Будто клином сошёл на ней белый свет,
На пригорке, поросшем цветами.

Где-то армии двигали к флангам полки,
И «катюши» им путь расчищали,
А солдату помочь было всем не с руки,
Да штабные о нём и не знали.

Через годы меж строчками книги большой
Затерялось одно предложение:
«На высоте под Энском простой рядовой
Изменил ход войны и сраженья».

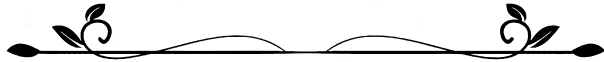
Пехота подвиг совершала
Десятки раз за всю войну,
Когда в атаку поднималась,
Душой радея за страну.

Какую надо силу воли,
Чтоб заглушить животный страх,
Под пулями бежать по полю
От смерти в нескольких шагах!

Откуда взять на подвиг смелость?!
Под пулемёты – из траншей...
А выжить на войне хотелось,
Увидеть жён и матерей.

Медаль за каждую атаку
Давать бы надо на войне...
Иль орден. Нелегко солдату
С котомкой тощей на спине.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ и Ленинградская область

Порохов Сергей Юрьевич – прозаик. Председатель правления Ленинградского областного отделения Союза писателей России, член Союзов журналистов СССР и России. Полковник в отставке, участник боевых действий. Автор исследования «Секретная жизнь Пушкина» – о государственной службе поэта. В книге «Битва империй: Англия против России» впервые проанализировал взаимоотношения России и Великобритании за прошедшие пять веков. Книга опубликована более чем на 60 сайтах.

«Победили! Пермаглі!»

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО В ПОДПОЛЬЕ НА ЧЕРДАКЕ

(Рассказ)

К ДЕДУ НА ПАСЕКУ

Все родители рассуждают одинаково. Они полагают, что с началом каникул школьники переходят в разряд бездельников, которым нужно срочно придумать какое-нибудь занятие и опутать обязанностями по дому или огороду, а лучше – отправить под чью-нибудь опеку: в летний оздоровительный лагерь или в деревню – к дедушкам-бабушкам. Мне тоже придумали занятие.

– Поедешь на пасеку к дяде Коле? – как бы спросила меня мама ещё в мае.

Она будто бы советовалась со мной, хотя я понял, что вопрос уже решён. Дядя Коля – это дядя для мамы, а для меня

это дед, если быть точнее, брат моего родного деда, к которому намечено ехать всей нашей семьёй только в конце лета. Дядя Коля весной переезжает из города в какую-то глухомань, где у него зимуют пчёлы. Там он разворачивает пасеку, заводит огород, в лесу собирает грибы и ягоды, заготавливает пахучий копорский чай. «Скучать не приходится», – отзывается он о своей летней деревенской жизни, приглашая всех к себе в гости.

Словом, на следующий день после сдачи переводных экзаменов я уже сидел в плацкартном вагоне, который повёз меня к «нескучной» жизни где-то на границе Вологодской и Архангельской областей. Через сутки, когда поезд на несколько минут притормозил на разъезде, я увидел деда Колю.

Коренастый, в военном камуфляже, он был похож на лесника. На погонах остались дырочки от звёзд, которые он снял совсем недавно, сразу после выхода на пенсию. Ему было за пятьдесят. Это я знал точно. Когда несколько лет назад его поздравляли по телефону с юбилеем, оказалось, что он парится в бане. Баба Наташа, его жена, сообщила, что Коля только что вернулся с лыжной пробежки. Пробежал свои юбилейные 50 километров. У него так заведено – каждый год по одному километру прибавляет. Мама тогда поставила деда Колю моему отцу в пример, но тот отмахнулся: «Я в мастера спорта не записывался».

– Молодец, что приехал, – обнял меня дед и сразу напомнил: – Давай-ка звони матери, что встретились. А то у нас там интернета нету, даже телефон не везде берёт.

Я ему, конечно же, не поверил. Взрослые всё делают, чтобы разлучить подростков с мировой паутиной.

В УАЗике, который повёз нас сначала по асфальту, потом по грунтовке, а затем по трассе, на которой в пору испытывать внедорожники, он с удовлетворением заметил, что дожди неделю как закончились, так что своим ходом въедем в деревню. Рассказал, что весной заехать удалось не сразу: ехал с прицепом, загруженным под завязку, а дороги развезло так, что пришлось два дня гостевать в соседней деревне. Лишь потом с помощью трактора дотащились до места.

Как раз мы въехали в эту соседскую деревню. Большинство

домов, как я понял, были нежилыми – земля у ворот позарастала травой, огороды стояли неухоженными. У некоторых домов даже крыши провалились. Дед притормозил в центре села:

– В магазин зайду. У нас-то его давно закрыли.

Дед взял несколько буханок хлеба, подсолнечного масла, несколько пакетов сахара, спички, каких-то банок накидал в рюкзак.

– Племянш приехал, – представил он меня продавщице. – Помощник.

– Теперь скучать не будете, Николай Иванович, – кивнула та головой.

– Да разве ж мы скучаем? – возразил дед. – Всегда найдём себе дела.

– Наталья скоро приедет? – поинтересовалась продавщица.

– К заготовкам. Банки крутить приедет, – махнул рукой дед. – А пока ей там с внуками дел хватает.

К Пасеке, так и не иначе именовал свою деревню дед, приехали в полдень. Наш «Патриот» с лесной дороги лихо взлетел на пригорок. Открылась такая неправдоподобная картина, какие обычно пишут художники. Сочное синее небо. На нём курчавились облака. Изумрудные поля перетекали с холма на холм. Трава на них, ещё не обожжённая солнцем, набиралась соками земли и неба. Рослые деревья, будто специально оставленные на полях, стражами стояли на изумрудной глади. Грунтовая дорога, это была уже не та полоса препятствий, которую мы только что одолели в лесу, уходила к двум десяткам домов, аккуратно выстроившихся в ложбине.

– Класс, – я невольно оценил открывшуюся мне неправдоподобную красоту.

– Только любоваться некому.

Пока мы ехали, он рассказал, что в деревне постоянно живёт только одна семья – молодая пара, у которых трое, мал мала меньше, ребятишек. Пока школы нет – им раздолье, а потом, видимо, тоже съедут. Ещё два дома дышат. В один женщина с внуками из Москвы приезжает на лето – не забывает свою опустевшую родину. Да сам Николай Иванович,

видимо, на последнее лето сюда приехал. Бабушка Серафима, у которой он снимал дом, жила в соседнем. У неё давно умер муж, а когда и соседка-подружка скончалась, Серафима сошлась с её супругом. С Александром Васильевичем они ладно прожили лет пятнадцать. Жили на два дома – чтобы теплилась жизнь в обоих. Когда Николай Иванович искал в этих краях место для пасеки, они пустили его в дом Александра Васильевича. Даже плату с него отказались брать – разве что электричество пришлось оплачивать. Говорили, что главное – дом под присмотром.

– Хороший был человек, Александр Васильевич, – вздохнул дед Коля. – Подскажет, вразумит. А как-то машину дров разгрузил во дворе. Спрашиваю – сколько стоит. Говорит не надо – они мне и так полагаются. Уважаемым человеком был – фронтовик, лет тридцать заведовал школой, депутатом избирали.

Николай Иванович в долгу не оставался. С огородом помогал. Или технику домашнюю ремонтировал, подлатать что-то всегда был готов, да и мёдом мог бы поделиться. Да только у Александра Васильевича его было в достатке – сам держал несколько ульев. И себе хватало, и в Москву дочери отправлял. Зато опытом, секретами всякими делился он с начинающим пасечником. Так и прожили они душа в душу несколько летних сезонов.

Как-то заикнулся Николай Иванович о том, что готов приобрести дом у Александра Васильевича. Тот замахал рукой – подарит он дом свой арендатору:

– Никому он не нужен. Дочь в Москве диссертации пишет, замуж то выходит, то разводится, дачей обзавелась. Словом, жизнь свою там устраивает. Сюда носа не жает.

Да только не сложилось задуманное. Два года как умер Александр Васильевич. Серафима выполнить его волю не могла – не расписанными они жили. А дочь категорически отказалась продавать ненужный ей дом – у неё какие-то свои планы появились как раз с той женщиной, которая приезжала с внуками из Москвы. Не нравилось той, что пчёлы летают, боялась, что ужалят те внуков, да и её саму. Разрешили приехать

в прошлом году, а когда дочь вступила в наследство – ещё на одно лето, чтобы мог вывезти, как она сказала, своё барахло. В нынешний год приехал, а оказывается зимой хозяйка ушла вслед за супругами...

Дом показался мне огромным. Срубленный из толстых брёвен, поставленный высоко, так что в подполье даже взрослый ходил почти не сгибаясь, он казался безразмерным за счёт пристроенных к нему хозяйственных построек, помещений для коров, овец, лошадей, сеновала, дровяника. Поначалу я по ошибке то и дело совался не в те двери.

Несколько дней я осваивался в доме и на пасеке. Смотрел, как дедуправляется с пчёлами, но к ним не подходил. Занимались огородом, помогал косить траву для кролей, кормил птиц и оборонялся от петуха, который почему-то сразу невзлюбил меня. Дед удивился, что я могу приготовить яичницу, и даже пожарить картошку. Невидаль какая.

После обеда ходили на святой источник. Оказывается, в скиту неподалеку когда-то жили монахи, а один из них чем-то прославился. Теперь паломники приезжали сюда за сотню километров. Ниже по течению от родника вода собиралась в запруде, и можно было окунуться. Через несколько дней, распарившись на солнце, а идти до ручья было километра три, я с ходу выпил несколько кружек. Вода была настолько холодной, что мне показалось, будто бы ледышка застряла где-то в груди. Вскоре почувствовал, как запершило в горле, а когда вернулись домой, меня уже знобило. Дед положил ладонь мне на лоб и сообщил, что у меня температура, и отправил в кровать.

Утром, когда мы попили чай с чагой, я собрался было на улицу, но дед строго возразил:

– Отлѣживайся!

Лежал я недолго. Телефон на пасеке, дед меня не обманул, был совершенно бесполезной вещью. Чтобы позвонить, нужно было забираться на самую высокую горушку по пути к источнику, но интернет там не подключался.

«А что если попробовать работу телефона на чердаке?»

Ободренный этой мыслью, я отправился на поиски лестницы, ведущей наверх. Оказалось, что из дома туда было

никак не попасть, зато рядом с сеновалом обнаружилась заветная дверь. Щеколда поддалась, и я оказался в том месте, которое после первого посещения чердака влекло меня до самого последнего дня моего пребывания в деревне.

Телефон не работал и здесь. Огорчённо я стал оглядываться вокруг. Огромное, с крутыми стропилами из кругляка помещение освещалось небольшим окном, в темноте оставалось пространство, где стропила и поперечные доски крыши спускались на крышу дома. Какие-то сундуки, корзины, старинные фанерные чемоданы, пучки травы, детская коляска, пучок реек, инструменты. И всюду паутина. Под перемычками, соединяющими стропила и превращающими их в букву «А», я увидел провода. Они уходили к окну в конец чердака.

«Электричество!» – обрадовался я.

Провода привели меня к этажерке, сделанной из бамбуковых палок. Она стояла рядом с окном. На ней громоздился старинный радиоприёмник. Огромный, с большими ручками для настройки частот и громкости, с клавишами переключения диапазонов. Провода оказались антеннами. Но электричества на чердаке не было. Розетки были, но ни лампа, которая стояла здесь же, ни приёмник не оживали, когда я попробовал их включить.

Меня привлекли книги на полках и на столе, стоявшем рядом с этажеркой. Это были учебники, издававшиеся полвека назад, даже в годы Великой Отечественной войны. По русскому языку, географии, литературе, астрономии. Для начальной школы. Для средней. Тетради, исписанные аккуратным детским почерком. Перьевыми ручками, догадался я, глядя на прописи. Дневники. Почётные грамоты от Министерства просвещения РСФСР. Какие-то учительские методические материалы и тетрадки, исписанные мелким почерком. Две толстые, корешок сантиметров по шесть толщиной, книги, на которых огромными буквами были написаны слова «Обзор», том 1 и том 2. Эти книги я поначалу отложил в сторону, увидев, что они представляют из себя сброшюрованные листки с неясно, через копирку напечатанными текстами.

Перелистывая книги, рассматривая журналы «Крокодил»,

вышедшие лет за тридцать до рождения моей мамы, читая заметки в старых газетах, перекладывая открытки и рассматривая фотографии, на которых военные были засняты в будёновках, женщины в одинаковых пальто, и все – позирующими с неестественно-напряженными лицами, я чувствовал себя ушедшим в иную эпоху.

Время летело незаметно. Заслышав, что меня зовут – это вернулся дед, я поспешил вниз.

– Ты себя в зеркало видел, – встретил меня его насмешливый голос.

Я посмотрел на свои руки, чёрные от грязи и пыли, поискал зеркало и заглянул в него. Было не очень смешно, но забавно. Плескаясь в рукомойнике, я рассказал, что хотел позвонить домой, а оказался наверху будто бы в музее.

– Потом опять сходишь. Главное – чтобы горло прошло. Ешь и в постель.

«ОБЗОР»

На следующий день после того, как за дедом скрипнула дверь, вновь оказался на чердаке. В этот раз я развернул наугад первый том фолианта с названием «ОБЗОР» и прочитал:

«В период немецко-фашистской оккупации Могилёвской области в Круглом действовала подпольная комсомольская организация «ОБЗОР» (Организация Борцов За Освобождение Родины»). Организация действовала под руководством партбюро и партизанских отрядов партизанской бригады на Круглянщине».

И уже не мог оторваться от этих пожелтевших страниц, написанных, как значилось на обложках двухтомника, в 1965-1968 годах. В этих томах были собраны свидетельства о деятельности подпольщиков. Воспоминания оставшихся в живых и рассказы родственников погибших. Копии документов, справки, фотографии, газетные статьи, листовки из подполья, немецкие аусвайсы, карточки узников концентрационных лагерей.

...8 июля 1941 года враг вошёл на территорию Круглянского района, а уже к концу месяца в разрушенном цехе Круглянского льнозавода установили радиоприёмник и записывали сводки Совинформюро, которые распространяли среди населения местечка Круглое и соседних деревень. Листовки сначала писали от руки, а затем наладили их выпуск с помощью шрифта, найденного на месте разрушенной типографии.

В январе 1942 года организация окончательно оформилась под названием «Организация Борцов За Освобождение Родины» (сокращённо – «ОБЗОР»). После утверждения штаба разработали структуру организации, распределили обязанности. Массовые собрания решили не проводить, в целях конспирации организация была поделена на пятёрки. Руководитель «ОБЗОРа» Л. Ракушев получил псевдоним Гучков, начальник штаба Н. Ракушев – Соколов, секретер К. Титова – Валентина Соколова. Вскоре подпольщики установили связь с партизанами.

Подпольщикам приходилось действовать в сложных условиях. Гитлеровцы создали в посёлке Круглом карательные органы – группу СД, районную и волостные полиции. Эти органы особо сурово расправлялись с коммунистами, комсомольцами и советским активом. У населения забирали скот и продукты питания. В ходе карательных операций были сожжены вместе с жителями деревни Гоенка и Берёзка. Только в Круглом было убито 515 евреев. За годы оккупации в Германию было угнано более 1500 жителей района.

Подпольные группы занимались сбором оружия и боеприпасов, которые передавали партизанам, распространением листовок, вели разъяснительную работу среди населения. С осени 1941 года стали совершать диверсии. Подпольщики общались разведданные о дислокации воинских частей, их опознавательных знаках, сведения о движении эшелонов с живой силой и техникой гитлеровцев. Собирались данные о немецких воинских гарнизонах и гарнизонных полиции, их передислокации, вооружении и укреплениях, расположении огневых точек. Добывались сведения о предполагаемых выездах фашистских карателей для ограбления населения и борьбы с партизанами.

Добытые сведения передавались в партизанские отряды через сеть своих связных и связных отрядов. Удалось организовать снабжение партизанских отрядов медикаментами, продуктами и тёплой одеждой.

Работа по разложению немецкого гарнизона давала свои результаты. Агитация среди полицейских и «народников» – солдат полка «Русской национальной армии», дислоцировавшегося в местечке Круглое, – привела к переходу на сторону партизан целого батальона.

Весной 1943 года на должность начальника Круглянской районной полиции был прислан из Крупского района Минской области Драница Иван Иванович, в прошлом надзиратель Брестской тюрьмы. По рекомендации одного из знавших его по работе в НКВД подпольщиков было принято решение привлечь Драницу к подпольной деятельности. При личной встрече Драница обещал оказать помощь партизанам, попросил познакомить его с проверенными людьми. Не все подпольщики отнеслись с доверием к Дранице, однако контакт с ним уже состоялся. В результате предательства Ивана Драницы немцы арестовали более 60 человек. Не все из них были членами подполья, но среди арестованных оказался начальник штаба «ОБЗОРа» Николай Ракушев. Всех арестованных отправили в Борисовскую тюрьму, где после непродолжительного расследования и пыток часть из них расстреляли. Однако даже под пытками подпольщики не выдали своих товарищей. «ОБЗОР» продолжал действовать...

Неудача не сломила дух подпольщиков. Они устраивали диверсии даже в райцентре. Немцы возобновили работу льнозавода, но ненадолго. Вскоре вспыхнула вся треста, привезённая из деревень, сгорело и здание льнозавода. В большой сарай немцы сложили спрессованное сено, подготовленное для отправки в действующую армию. В одну ночь оно тоже сгорело. Подпольщики рвали линии связи совсем недалеко от Круглого, и немцы в ужасе недоумевали: как партизаны подходят так близко к местечку.

Фашисты решили организовать для снабжения своей армии образцово-показательное хозяйство в деревне Слободка.

Привезли из Германии своих коров, породистых свиней, надеясь привлечь население к их выращиванию. «Обзоровцы» решили помешать этой наглой пропаганде. И однажды всё стадо завезённых коров оказалось в руках партизан. А потом начали гибнуть свиньи. От своего показательного хозяйства немцы понесли только убытки.

Борьба с подпольем со стороны немцев активизировалась. В декабре 1943 года командир 28-го партизанского отряда Игорь Александров и начальник особого отдела этого же отряда Алексей Инякин передали штабу «ОБЗОРа» приказ: в ночь на Новый 1944 год произвести в местечке Круглом ряд диверсий и вместе с семьями присоединиться к партизанам, которые готовили на эту ночь налёт на Круглое.

Всё было подготовлено. В комендатуре выкрали несколько мин и запалов к ним. Решено было взорвать сельскохозяйственную комендатуру. Владимир Листратов и Марк Ракушев должны были взорвать склад с хлебом. Борис Кузьмин, Иван Шапочкин и Ольга Королёва должны были «навести порядок» в Слободке – организовать по своему усмотрению отвлекающие поджоги, стрельбу и взрывы. Петру Ракушеву и Александру Дорошкову в это время нужно было расправиться с начальником полиции и СД. Фёдор Комлев обеспечил Клару Титову необходимый ядом, который она готовилась всыпать в рождественский ужин в немецком казино, где питались офицеры штаба дивизии и комендатуры. Все подпольщики имели своё задание, каждый готов был его выполнить. Но тут случилось неожиданное и страшное.

Один из работников особого отдела 28 партизанского отряда Николай Шведов имел при себе донесения штаба «ОБЗОРа». Их ему накануне передал Леонид Ракушев. Там были подробные данные о деятельности организации, списки подпольщиков и отчёт о работе каждого из них. 24 декабря в деревне Зеленьково Николай Шведов с группой товарищей остановился на отдых. В это время на деревню напал отряд карателей. Партизаны были убиты и документы, которые они не успели уничтожить, попали в руки врагов. В ночь на 25 декабря гестапо арестовало почти всех членов «ОБЗОРа».

Нельзя передать словами тех издевательств и пыток, которые учинили над этими патриотами фашистские звери. Недалеко от здания лесничества была вырыта огромная яма. В неё затолкали всех арестованных. Они сутками лежали на морозе, запрещалось поднимать голову и разговаривать. Враги придумали страшную медленную смерть.

До этого «обзоровцев» беспощадно избивали, ломали металлическими прутьями кости. Более всех пытали руководителя «ОБЗОРа» Леонида Ракушева и секретаря штаба организации Клару Титову. Это их донесения попали в руки немцев. Их били плётками и палками, ломали на головах стулья.

Когда избитую до полусмерти, окровавленную Клару Новикову бросили к товарищам, чтобы она сказала им, будто бы она во всём призналась, девушка нашла в себе силы и крикнула: «Товарищи, о себе я призналась, о других – ничего не скажу».

И действительно она никого не выдала, как не пытали её враги. Стараясь спасти жизнь хоть некоторых товарищей, Клара взяла всё на себя. То же сделал и Леонид Ракушев, который перед смертью сумел отдать «обзоровцам» свой последний приказ: «Друзья, мы погибнем, но никого не выдавать!» Таким образом Леониду и Кларе удалось оградить молодых членов организации Ивана Шапочкина и Владимира Листратова. Их немцы отпустили на свободу. Немного «обзоровцев» осталось в живых.

Короткие биографии, сведения о деятельности в подполье, о поведении на допросах, о гибели каждого, о жизни в лагерях смерти и о послевоенной судьбе каждого я читал и не мог сдержать слёз. С фотографий они смотрели пристально мне в глаза. Многие из них были старше меня всего на три-четыре года. Другие были ровесники моих родителей. Кто-то – такой же старей, как дед Николай Иванович.

– Так Александр Васильевич был партизаном? – расспрашивал я деда, рассказывая ему о том, что удавалось узнать о деятельности «ОБЗОРа».

– У нас разговора об этом не заходило, – пожимал плечами дед. – Да и вообще о войне он не любил говорить. Поминали

на День Победы его однополчан, но разговора не получалось. Фронтовики о войне не любят говорить.

Мне всё время хотелось забраться в интернет, найти хоть какие-то следы «ОБЗОР». Неужели о нём никто ничего не знает. О молодогвардейцах знают, о Зое Космодемьянской знают, о вымышленном Штирлице знают. А об этих настоящих героях ничего не известно. Разве что я случайно узнал.

Но интернет не работал, телефон тоже молчал. Каждый день после того, как выполнял поручения деда, я поднимался на чердак, чтобы погрузиться в подполье, которое сражалось с фашистами. Выписал в тетрадку сведения о подпольщиках, об их деятельности, о местах, где проходили трагические события.

Сколько их было человек? Сорок? Шестьдесят? Соблюдение конспирации не позволило выявить имена всех партизан-подпольщиков, действовавших в «ОБЗОРе».

А ещё меня заинтересовала личность человека, которому столь безрассудно поверили подпольщики. Бывший сотрудник НКВД, ставший предателем. Изменники приняли его в свою стаю карателей. На сайтах, где ищут погибших и награждённых в годы Великой Отечественной войны, можно попытаться найти всех, даже этого мерзавца Ивана Драницу. Ведь его призывали в армию, наверняка остались следы его преступной деятельности.

Но чтобы подключиться к интернету, следовало выбрать-ся с Пасеки на Большую Землю. Мои пересказы об «ОБЗОРе» дед слушал молча, потом попросил принести фолианты. Листал. Читал. Вздыхал. Молчал. Наконец вымолвил:

– Вот ещё одна цена нашей Победы.

ВОЙНА ОТКРЫВАЕТ ГЕРОЕВ

Через две недели я оказался дома.

Интернет мне сообщил, что в августе 1983 года в Круглом состоялось торжественное открытие памятника героям партийно-комсомольского подполья «ОБЗОР». Список погибших

героев к окончанию войны увеличился. За три недели до освобождения района погибла под пытками Александра Сергеевна Титова. В годы оккупации она была хозяйкой главной конспиративной квартиры. Как бывшая учительница, она составляла тексты листовок, в которых местному населению на основе сводок Совинформбюро рассказывалась правда о делах на фронте и в советском тылу. Она принимала и систематизировала самые различные сведения о врагах, их действиях, о предполагаемых акциях, которые затем передавала в партизанские отряды. Она не осталась безучастной к судьбе маленькой еврейской девочки, которую на протяжении почти двух лет прятала у себя в квартире. Патриотами были и две её дочери, арестованные за связь с партизанами и отправленные в Германию на каторжные работы.

После массовых арестов членов подпольной организации «ОБЗОР» в 1943 году Александра Сергеевна продолжала, как могла, вести патриотическую деятельность в оккупированном врагом Круглом, снабжала партизан ценными сведениями. Её героическая жизнь прервалась внезапно. Враги долго издевались над незащитной женщиной, даже звёзды вырезали на спине... После жёсткой расправы бездыханное тело фашистские прислужники присыпали на еврейском кладбище в Круглом. Через несколько дней после освобождения района тело Александры Сергеевны было перезахоронено её друзьями, знавшими историю её беспримерного подвига.

В партизанских отрядах погибли одни подпольщики «ОБЗОРа», другие, вступившие после освобождения Белоруссии в Советскую Армию, – на фронте. О мученической судьбе третьих в лагерях смерти и на фашистской каторге узнали после разгрома фашистской Германии.

Деятельность обзоровцев и их гибель во имя жизни будущих поколений и мира на земле – лишь одна из героических страниц истории Круглянского района Могилёвской области Беларуси.

Одновременно с подпольной деятельностью уже летом 1941 года здесь началась партизанская борьба. Первая партизанская группа на территории Круглянского района возникла

в июле 1941 года в окрестностях деревень Оладинка и Боровуха. Участник приграничного оборонительного сражения в Западной Белоруссии С. Г. Жунин при выходе из окружения был тяжело контужен во время авианалёта противника. Оставшись на оккупированной территории, Жунин начал собирать вокруг себя людей, готовых сражаться с врагом в его тылу. Сначала их, включая самого Сергея Жунина, было четверо: Тимофей Кавецкий, Александр Калинин, Алексей Терновский.

Они стали костяком партизанского формирования и уже в сентябре 1941 года совершили свои первые операции: напали на небольшие немецкие патрули и обозы, проводили диверсии на железных дорогах. Постепенно в ряды партизан вливались местные жители, пополнение шло за счёт советских военнопленных, бежавших из лагерей. К маю 1942 года отряд «Сергея» насчитывал 45 человек.

В Круглянских лесах неподалёку начал действовать отряд Дмитрия Куликова. Весной 1942 года на границе Круглянского и Шкловского районов борьбу вёл отряд «Чекист» Г. А. Кирпича, на границе с Толочинским районом – отряд «Гая» под командованием Николая Дудкевича.

В начале июля 1942 года для организации партизанского движения в район была десантирована группа офицеров во главе с А. Морщининым. Из действующих отрядов была сформирована «бригада дяди Саши». Её командиром стал Морщинин. В состав бригады вошли отряд Жунина – № 36, Куликова – № 8, Мисника – № 24, Машицкого – № 30. В сентябре Морщинин вернулся в Москву, а командиром был назначен Жунин. Бригада дяди Саши стала называться 8-ая партизанская бригада.

28 июня 1943 года 8-я бригада была реорганизована в Круглянскую ВОГ (военно-оперативную группу). В отрядах создавались группы разведчиков и подрывников. Настоящими мастерами подрывного дела стали Михаил Шерстобитов, Владимир Чеботарев, Алексей Лукашевич.

В декабре 1943 г. в связи с изменившейся обстановкой часть отрядов под командованием Жунина была направлена в Брестскую область. Ивана Ильина назначили командиром

Круглянской ВОГ. Вместе с другими отрядами она участвовала в остановке движения поездов на железной дороге Орша – Минск.

Круглянский район был освобожден войсками 3-го и 2-го Белорусских фронтов в ходе Витебско-Оршанской, Могилёвской и Минской наступательных операций.

В отрядах Круглянской ВОГ сражалось более 3000 человек. Среди них было около 200 женщин. Многие партизаны получили боевые награды, самым отважным и умелым было присвоено звание Героя Советского Союза.

Около 500 партизан Круглянской ВОГ пали в боях с фашистами. 25 обзоровцев приняли мучительную смерть в гитлеровских застенках. И тысячи погибли на фронтах и на морях.

Всего один район одной из областей Беларуси.

ПРОЩЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ...

На сайте «Память народа» оказалось около сорока человек с фамилией Драница и с именем Иван. Рядовые, сержанты, старшины. Уроженцы Белоруссии, Украины, призывники из нескольких областей Сибири. Кавалеры орденов и медалей. Не успевшие получить наград, погибшие. Воевавшие под Ленинградом и бравшие европейские столицы, освобождавшие Украину и Белоруссию, воевавшие на Дальнем Востоке. Против фамилии одного из них обнаружилась пометка «попал в плен (сотрудничал с врагом)».

На этом же сайте обнаружилась копия списков советских граждан, находившихся в английской зоне Германии с 14 января по 22 декабря 1948 года. В «Списке лиц, которые должны быть удалены из лагерей и переданы советским властям как военные преступники» более 100 фамилий. Полицейские, бургомистры городов, старосты, охранники лагерей и чины карательных подразделений.

Под номером 42 значится: «Драница Иван, 1910 г. рождения, уроженец с. Негорелое Белор. ССР. Проживает в лагере Мунстер, является активистом лагерного комитета, по зада-

нию которого ведёт антирепатриационную, антисоветскую агитацию против возвращения на родину в СССР. Во время войны с 1941 года добровольно служил в немецкой армии в должности начальника карательного отряда. Лично расстрелял 22 партизана на станции Негорелое, среди которых было 5 женщин».

Оказывается, ещё до назначения начальником районной полиции в Могилёвскую область Иван Драница сумел проявить себя перед оккупантами.

Других следов Ивана Драницы на просторах интернета мне обнаружить не удалось. Вытащили ли его наши службы из английской зоны оккупации, или он окопался где-нибудь в Канаде или США, мне осталось неизвестно. Быть может, пережил героев подполья и партизан, фронтовиков и тружеников тыла, всех, кому после войны выпала нелёгкая доля – восстанавливать разрушенное народное хозяйство.

Возможна ли подобная несправедливость? И не он ли, этот предатель и садист через 80 лет вернулся и стучит в границы нашей Родины, вдохновляя современных нацистов на кровавые деяния на земле великороссов, белорусов и малороссов?

ШКОЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Преподаватель по русскому языку и литературе задал нам задание написать домашнее сочинение на тему «Как я провёл лето?»

Я задумался...

Вам, наверное, приходилось слышать китайскую поговорку, якобы принадлежащую Конфуцию: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Такой половицы в материалистическом и насквозь прагматичном Китае не знают, поскольку не привыкли там уповать на Бога, не трепещут пред ним, а обожествляют своих предков, от которых черпают духовные силы и разумные решения.

«Можете ли вы жить во времена перемен?», «Меняющийся мир рождает героев», «Лучше быть собакой в спокойные годы, чем человеком в период хаоса». Такие поговорки и вопросы действительно в ходу у нашего дальневосточного соседа. И каждый человек в зависимости от того, что он сам из себя представляет, примеряет к себе ту или иную стратегию поведения. Одни в бурлящем мире обретают силу героев. Другие в период смуты и хаоса отказываются оставаться человеком. Так жаждут покоя, что готовы даже служить псами у «сильного мира». Наверное, таким невдомёк, что «быть собакой» – не означает стать другом. В меню культур Востока традиционно присутствуют изысканные блюда из этих четвероногих.

Меняющийся мир открывает героев и обнажает мерзавцев, которые до тяжких испытаний маскировались друзьями, союзниками. И неизвестно, кто более опасен: враг или готовый переметнуться в его стан соратник.

Как распознать затаившегося до поры до времени внутреннего врага? Как объяснить легковёрным, откуда исходит настоящая угроза? Как предостеречь неразумных и не ведающих ориентиров от ошибок, от ложных решений? Ответы на эти вопросы особенно важны сегодня, поскольку «время перемен» растянулось на многие десятилетия.

Как я провёл лето?

Это лето открыло мне, что впереди ждёт непростая жизнь, в которой есть героизм и горе, счастье и потери, верность и предательство. И ответ на главный вопрос: «Как и с кем я пройду по жизни?» – не уложится в строки школьного сочинения.

АНДРЕЙ АНТОНОВ

Андрей Витальевич Антонов – прозаик, публицист, поэт. Член Союза писателей России. Секретарь Союза писателей России, первый Вице-президент Петровской академии наук и искусств, зам. Председателя правления Всероссийского Созидательного Движения «Русский Лад», зам. председателя Российско-Белорусского братства. Многократный участник пресс-конференций Президента Беларуси А.Г. Лукашенко с российскими журналистами, творческих командировок на Донбасс. Автор книг прозы и стихов, публикаций по общественно-политической, культурной, исторической тематикам. Лауреат литературных и журналистских премий.

ОТЧИЗНА ДОРОГОГО СТОИТ

ДВИНА

Иду по мосту – подо мною Двина,
Град Витебск дугой пересекает она.
Спокойно и величаво река
Несёт свои воды издалека.

На берегах этой русской реки
Кривичи вражьи ломали клинки.
Воинский рог звучал тут не раз,
Пред битвой давая победный наказ.

А землепашец, гончар и кузнец,
Каждый в делах своих молодец,
Двинские земли славил трудом.
Достаток, надёжность грели их дом.

На протяжении многих веков,
Весной поднимаясь по кручам берегов,
Скорость движенья меняя в пути,
До моря Двина стремилась дойти.

Туда, где за синей морскою водой
Славянские Боги хранят наш покой,
Где остров Руян стоит среди волн
С градом Аркона величия полн.

КОНЬ ГНЕДОЙ

По широкому лугу рысцой,
Чуть забрезжил рассвет поутру,
Конь летел над зелёной травой,
Распушив тёмный хвост на ветру.

Вдруг поднялся, встал на дыбы,
Захрипел и заржал предо мной.
Словно мне передал глас судьбы:
«Рано, друг, уходить на покой».

Я прильнул к жеребцу головой:
– Сколько силы в тебе, нерв дрожит.
Так красиво гарцуешь, гнедой,
Смерть-старуха тебя не страшит.

Презираешь опасность и зло,
Смело скачешь навстречу врагу,

Побеждать – вот твоё ремесло,
Вместе мы и затопчем беду.

Жребий брошен – на полчища тьмы.
Не изведан и труден наш путь.
Красно солнышко, ярче свети,
Нам удачу послать не забудь.

Я – РУСИЧ, И НЕ ВАТНИК

*Я – русский. Я тот самый «колорад».
Совдеповский отстой, рашист и вата.
Владимир Кобец*

Я – русич! Но не колорад,
Не сепар и не ватник.
Я Колу неустанно рад,
Я – Света гордый ратник.

Я строил, воевал, пахал...
Когда же было трудно,
Заветы предков вспоминал,
И краше были будни.

За Родину всегда горой
Стоял, не зная страха.
И не считал, что я – герой,
Не охал и не ахал.

Мой князь прибил свой щит
к вратам
Надменного Царьграда.
В бой вместе с ним на смерть
врагам,
То было мне – награда.

При Молоди я турок бил,
Хоть было их сто тысяч.
И русский стяг не посрамил,
Смог инородцев высечь.

Я дрался на Сапун-горе
И с англами, и с немцем.
На Волге, на Неве, Днепре
Сражался с иноземцем.

И я Империю создал.
Огромные просторы
Объединял и защищал
От всякой волчьей своры.

Поля, и реки, и леса –
Края родной Отчизны –
Не раз творили чудеса,
Храня меня от тризны.

Власть часто не была ко мне
Добра и благосклонна.
Но преданность своей земле
В душе нёс неуклонно.

Добро и Правду я всегда
Отстаивал повсюду.
Оберегал людей труда,
Не верил словоблуду.

Я космос доставал рукой,
Освоил мирный атом.
И вёл народы за собой
В столетии двадцатом.

Изменник иль сепаратист –
Уйди с моей дороги.

Опять поднимется фашист –
Меч подведёт итоги.

Тогда и Солнечный рассвет
Обрадует лучами.
А звёзды шлют уже привет
Мне яркими огнями.

МОЙ БРЕГ – СВЯТАЯ РУСЬ

Мой дом, мой брег – Святая Русь.
В иных местах мне нет покоя.
И где бы ни был, я вернусь:
Отчизна дорогого стоит.

Вернусь к её лесам, лугам,
Безбрежным, ласковым, зелёным,
К стоящим на полях стогам,
Жарю летней опалённым.

Здесь Русь! Просторы, журавли...
В лесу негромкий глас кукушки,
А среди сосен, на опушке,
Лишь солнца луч задел макушки,
Так росы на траву легли.

Красив и мил мне край родной,
Его цвета палитры сочной.
А в темноте, в ночной тиши –
Блеск звёзд, мерцающих вдали,
Над Русью, славной, непорочной.

АЛЕКСАНДР АНДРЮШКИН

Андрюшкин Александр Павлович – писатель, переводчик. Член Союза писателей России. Автор романов «Политик» (1994), «Дети Горбачёва» (2015), «Банкир» (2017), «Принцип неопределённости» (2022). Его проза и статьи на русском публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда», «Нева», «Молоко», «Великоросс», «На русских просторах», «Иностранная литература» и др. Владеет фарси и арабским языками, в его переводах с фарси опубликовано более десяти современных иранских романов, печатались также переводы авторов из арабских стран. В 2021 г. за книгу «Статьи о литературе и истории» стал лауреатом Международной премии им. А. Зиновьева. Живёт в Санкт-Петербурге.

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ МОЕЙ СЕМЬИ: УЧАСТНИКИ И СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ (Эссе)

В моей семье по многим болезненно ударила Великая Отечественная война. В свою родословную я погружаться не люблю, предпочитая сочинять биографии вымышленных персонажей... И всё-таки движение памяти, столь мощно заявляющее о себе, требует добавить мою страничку в «Бессмертный полк», что я и делаю.

Мой дед по отцу, Андрюшкин Пётр Андреевич, всю жизнь прожил в городе Белёв Тульской области. К сожалению, мне о нём почти ничего не известно, как и о его супруге Наталье Григорьевне, знаю лишь, что они произвели на свет восьмерых

детей, из которых седьмым, предпоследним, был мой отец. Андрюшкин Павел Петрович (1915–1979) воевал, и он, собственно, и является главным для меня человеком «Бессмертного полка». Но об отце чуть позже, а сначала – о деде и бабушке с материнской стороны: их едва не сгубила блокада, как и мою маму, Андрюшкину Людмилу Николаевну (1922–2005).

Мама и бабушка оставались в Ленинграде в первую страшную зиму; мама эвакуировалась в феврале 1942 года, бабушка – позже, в мае 1942 года.

Мой дед по матери Осипов Николай Васильевич (1894–1944) ещё до революции поселился в Санкт-Петербурге и служил матросом на торговых судах, ходивших в заграничные плавания, после революции поступил в «Балттехфлот». Работал на землечерпалке, постепенно повышая квалификацию на различных курсах, и перед Великой Отечественной войной стал багермейстером (капитаном) самоходного дноуглубительного снаряда.

К сожалению, фотографии деда в военной форме и хорошего качества не сохранились... Война застала Осипова Н. В. близ Таллина, где землечерпалка углубляла дно в будущем военно-морском порту. Вернулся в Ленинград вместе с караваном выводимых из Эстонии судов, начал работать на Ладожском озере. При замыкании кольца блокады была получена команда затопить землечерпалку у входа в Неву и выходить из окружения лесами, что и было сделано.

После полугода пребывания в черноморских портах, где профессионализм деда и его товарищей так и не смогли толком использовать, их снова вернули на Ладожское озеро, где они стали поддерживать нужную глубину дна в порту Осиновец и других, в которых базировалась Ладожская флотилия. Вернувшись на Ладогу, дед сразу отправился в Ленинград и забрал к себе умиравшую от голода мою бабушку. Ольга Григорьевна Осипова, в девичестве Исакова (1898–1974), была швеёй в ателье детской одежды. После войны она уже не работала, так как блокада для неё закончилась инвалидностью. А дед до победы не дожил. После прорыва блокады он со своей землечерпалкой был отправлен на зимовку и текущий ремонт в Кронштадт, где и умер в октябре 1944 года от инфаркта.

Маму начало войны застало студенткой Кораблестроительного института. Девушек-студенток отправили рыть окопы на Карельский перешеек. В феврале 1942 года институт эвакуировали в город Горький, где мама и провела оставшийся период войны. Вернувшись в Ленинград, закончила ЛКИ и работала в ЦКБ «Балтсудопроект» начальником сектора.

Теперь об отце. Насколько я знаю от коллег-писателей, их родители-фронтовики не очень любили вспоминать войну. Не был исключением и мой отец: он мало рассказывал о военном времени, хотя регулярно встречался с однополчанами. По-видимому, война стала слишком тяжёлой раной для всех её участников, поэтому они избегали муссировать эти воспоминания.

Всё-таки однополчане встречались, многое уточняли, вспоминали боевой путь. До войны отец успел окончить в Ленинграде четыре курса Кораблестроительного института, после начала боевых действий пошёл добровольцем в армию. Как имеющего высшее незаконченное образование, его направили в 3-е Артиллерийское училище (3 ЛАУ). Ввиду приближения вражеских войск к Ленинграду, училище эвакуировали в Кострому, где учащихся ускоренно выпустили и бросили на Калининский фронт (на смену остатков дивизии Панфилова). Затем отец воевал в составе 1-го Прибалтийского, 3-го Украинского фронтов, закончил войну капитаном, командиром батареи гаубиц. Получил награды: орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны I и II степеней, много медалей. В одном из боёв был ранен в правую ногу, лежал в тыловом госпитале, из которого вернулся в свою часть. Участвовал в освобождении Венгрии, потом Австрии... После победы отец демобилизовался по состоянию здоровья (закрытая форма туберкулёза, болезнь сердца) и вернулся доучиваться в Ленинградский кораблестроительный институт.

Здесь он встретился с мамой (учились в одной группе), поженились. Отец работал в разных кораблестроительных бюро, пять лет в Финляндии, на приёмке судов для СССР, которые строились вначале в счёт репараций, а затем по торговому договору. Увы, война в конце концов «догнала» моего отца: в 1974 году ему отняли правую ногу (в которую был ранен) из-за закупорки артерий. В последние годы он не работал, был инва-

лидом первой группы. Умер в возрасте 63 лет: отказало сердце.

Я же надеюсь ещё вернуться к документальному исследованию войны в связи со старшим поколением моей семьи.

А в заключение поясню то утверждение, с которого начал статью: «не люблю погружаться в свою родословную». Кажется, многие русские писатели избегали документально исследовать жизнь своих предков, но вот вспоминать о детстве многие из них любили и оставили великолепные книги в этом жанре.

У меня тоже есть художественный текст о детстве, там имеется глава «Отец-фронтовик», много пишу я и о других людях, с которыми общался, будучи ребёнком. Проза выигрывает от того, что откладываешь её публикацию, вот и я отнюдь не тороплюсь с поисками издателя. Но, конечно, надеюсь, что моя повесть о детстве дойдёт до печати, поскольку целью моей было – сказать художественную правду о жизни в нашей стране в 1960–70-е годы. Художественное повествование подчас лучше, чем документальное, находит штрихи для показа времени.

ОЛЬГА ВЕРБИНА

Дорофеева Ольга Александровна (Ольга Вербина) – поэт. Член Союза писателей России. Председатель Организационного комитета Международного фестиваля «Мгинские мосты», шеф-редактор литературно-публицистического альманаха «Мгинские мосты», сопредседатель Ленинградского областного регионального отделения ООД «Культурный фронт России». Автор двух поэтических сборников. Лауреат международных конкурсов. Награждена благодарственными письмами Законодательного собрания Ленинградской области за многолетнюю волонтерскую деятельность в сферах просветительства и культуры, благодарностями и почётными грамотами органов местного самоуправления и различных учреждений в сферах образования и культуры за активную общественную деятельность. Живёт в г. Мга.

А МНЕ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО ИДЁТ ВОЙНА...

МНЕ СНИЛАСЬ ВОЙНА

Здесь ночь. Темно. Густая тишина
Натянутой струной: вот-вот порвётся...
Мне снится ночью, что идёт война
И наглый фриц с напором в город рвётся.

А темнота такая – глаз коли,
Лишь в небе звёзды пылью разбросало:
Какое дело им, что у Земли
Война так много сыновей украла.

Воронка справа. Стлевшая трава
Солдатским сапогом к земле прибита...
И в силуэте города едва
Ночным плащом скелеты зданий скрыты.

Окопы чёрной лентой вьются вдаль,
И кажется безжизненной равнина.
Но воздух, раскалённый словно сталь,
И время ждёт замедленною миной.

Прожектор. Взрыв. В окопе силуэт.
Мой дед! Он молод, и в руке винтовка.
Он быстро машет. Попадает в свет.
Кричит: «Ложись!»... И вдруг упал неловко...

Он левым боком к брустверу прильнул.
Лицом шальному небу улыбнулся.
Как будто взглядом звёзды зачерпнул
И от восторга ими захлебнулся.

В окопе надрывался пулемёт.
Война запела песню канонады.
А пуля рваным жизням счёт ведёт
И пишет список «Павшие солдаты».

Проснулась. А по сердцу холодок
Прошёл, как тленом тронул... Тишина.
И мирно спит в рассвете городок...
А мне приснилось, что идёт война.

ФОТО СОЛДАТА

Твоё фото (последнее) в комнате
В старой рамке на стенке висит.
Вот таким я тебя и запомнила:
Молодым, чуть суровым на вид.

Ты пришёл – гимнастёрочка новая:
«Я зачислен в пятнадцатый взвод.
Вместе с Лешкой и Пашкой Григорьевым
Я иду добровольцем на фронт».

И ещё говорил, чтоб не плакали
И что завтра уже эшелон...
А потом треугольники мятые
Маме стал приносить почтальон.

А в последнем письме, с похоронкою,
Командир это фото прислал
И медаль за победу под Волховом,
Где твой взвод год назад воевал.

Мы живым тебя больше не видели.
Только фото глядит со стены
Ясным взглядом, не знающим гибели,
Из далекой и страшной войны.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Он лучше всех рисовал лошадей.
Изо дня в день на каждом привале
Дивные лошади гордо скакали,
Ввысь отправляя надежды людей.

Эти рисунки дарили тепло:
В руки возьмёшь – будто встретишься с домом.

Вспомнишь о чём-то родном и знакомом,
Точно военное время прошло.

Так, заглушая тревогу и боль,
Лист из блокнота, газеты, альбома
Враз становился настолько весомым,
Что получал обережную роль.

Мнилось бойцам, что прибавится сил
(Да, было в этом сакральное что-то).
Взводный шутил: «Мы теперь не пехота».
Каждый за пазухой лошадь носил.

Ежели думать одной головой,
То понимаешь, что смерть неизбежна.
Только внутри где-то шепчет надежда:
«Верь! И вернёшься из боя живой».

Верили. Втайне. Храня, как секрет,
Вшестеро сложенный лист лошадиный.
И зажигался в них непобедимый
Воинской силы и разума свет.

Эту историю дед-фронтовик
Чаще рассказывал мне, чем другие.
Видно, в военные судьбы людские
Накрепко этот рисунок проник.

Позже, завёрнутым в старый платок,
Между военными письмами деда
Я и нашла этот символ Победы –
Жёлтый, истёртый на сгибах листок.

Эта страница и ныне хранит
Дух фронтового единства и веры.
И, подтверждая былого примеры,
Лошадь из прошлого в вечность летит.

МЫСЛИ О ВОЙНЕ

Сразу медленней стала вращаться родная земля,
Защищая от пуль и осколков солдатские спины
И, глотая живую утробой за миною мину,
Бесконечными взрывами воздух на пазлы деля.

Беспризорное небо разорвано залпом катюш.
Беспощадно изрезано крыльями их мессершмиттов.
Под плащами сетей маскировочных солнце зашито,
И дожди не играют уже водосточный ноктюрн.

Здесь дожди отбивают в ночи барабанную дробь,
Сапогами солдатскими в такт маршируя по лужам.
Здесь солирует смерть. Её голос как будто простужен –
Всем слышна её песня про чёрную вечную скорбь.

Лишь природа живёт, как обычно, в режиме своём:
Возрождаясь весной,
 чтобы осенью кануть в пространство...
Только мечутся птицы над миром, ища постоянства
Среди взорванных крыш, признавая родное в чужом.

Шла война, не скрывая от нас своих алчных глазниц.
Души дней и ночей загребала чужими руками.
И казалось порой, что уже умереть стариками –
Невозможное счастье среди обгоревших границ.

Всё время ты со мною вместе,
Родная мгинская земля.
И в каждой старой русской песне
Знакомый голос слышу я.

На европейских перекрёстках,
Среди бурлящих площадей
Я грежу о твоих берёзках –
О малой родине моей.

Твоей истории страницы
Хранят события важных дат.
Здесь достижений вереницы,
И гром войны, и боль утрат.

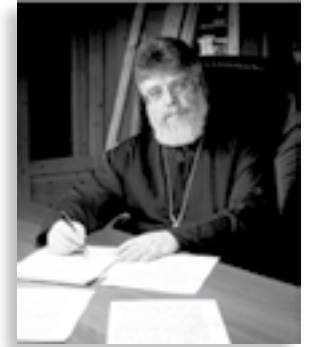
Пусть ты выглядишь неброско:
Дороги, сёла, гладь реки...
Я буду вечно, как подросток,
Кормиться из твоей руки.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ – НАШ ДОМ

Ленинградская область – большой тёплый дом,
Уживается много народностей в нём.
И за каждой стеной свой обычай хранят,
В своих верят богов, свою пищу едят.
Но на нашей земле от начала времён
Дружат люди простые из разных племён.
Не похожи мы внешне, но роднит нас одно:
Ленинградское солнце нам светит в окно,
И в груди ленинградское сердце стучит –
Оно, словно маяк, другу светит в ночи.
Ну а если нежданная грянет беда –
Одолеет нужда иль подступит вражда,
Разрешат ленинградцы напасть сообща,
И противник отступит назад трепеща.
Будем впредь сохранять свой большой тёплый дом,
Умножая добро и согласие в нём.
Процветай же, любимая наша земля!
Процветай, ленинградская наша семья!

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВ

Григорьев Григорий Игоревич – писатель, заслуженный врач Российской Федерации, священник, протоиерей, доктор медицинских наук, доктор богословия, профессор. Член Союза писателей России. Автор шести книг прозы, в т.ч. трёх из серии «Ветер Радости», и одиннадцати учебных пособий, одиннадцати монографий, более 500 научных статей. Победитель всероссийских и международных конкурсов: им. А.К. Толстого, им. Ф. Тютчева, премии Министерства здравоохранения Российской Федерации «Здравомыслие» (за луч-шее художественное произведение – по итогам народного голосования). Дипломант Международного литературного форума «Золотой Витязь». Награждён серебряной и золотой медалями им. В. М. Шукшина, имеет ряд государственных наград, в т.ч. орден Пирогова.

ВЕТЕР РАДОСТИ. ГОРОДОКСКОЕ ПРИВОЛЬЕ

(Главы из книги)

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Районный центр Витебской области Городок был занят гитлеровцами уже на восемнадцатый день войны – 9 июля 1941 года. Сразу после начала оккупации фашисты создали здесь гетто. Город находился под немцами почти три года.

В холмистой местности, изрезанной глубокими оврагами,

между рек, болот и озёр, гитлеровцы построили мощнейший укрепрайон с несколькими полосами глубоко эшелонированной обороны. Основные военные действия здесь развернулись во время Городокской наступательной операции, когда за одиннадцатый день было освобождено 1220 населённых пунктов.

Без всякого преувеличения, война прошла по Городокскому району адским комбайном смерти. Так, что по всей земле оставались многочисленные следы кровавой жатвы: братские кладбища и могилы; окопы и блиндажи; землянки и повреждённое оружие; разбомблённые электростанция и плотина на реке Горожанке. Даже в огороде мы то и дело находили гильзы, патроны и битые осколки немецкой посуды со свастикой.

Наше послевоенное поколение выросло на улицах. Мы жили единой дружной семьёй, где старшие всегда защищали младших. Играли в прятки, чижика, городки и ножички; зимой катались с гор на лыжах и санках, весной – по речке на льдинах; но самой любимой была игра в войну. В память врезалась песня тех лет:

Стоит средь лесов деревенька.
Жила там когда-то давненько,
Жила там когда-то давненько
Девчонка по имени Женька.

Мальчишечье имя носила,
Высокие травы косила.
Высокие травы косила,
Была в ней весёлая сила.

Завыли стальные бураны,
Тень крыльев легла на поляны,
Тень крыльев легла на поляны,
И Женька ушла в партизаны...

Беда коснулась каждой семьи, но это ещё больше всех сближало. Во многих домах не было замков, и, уходя, хозяева закрывали дверь на одну щеколду, оставляя записку и предупреждая

соседей. Ведь те, кто прошли Великую войну, жили в братской взаимопомощи, где радость была на всех одна и горе было на всех одно, как в песне, которую пели и дети, и взрослые:

Если радость на всех одна,
На всех и беда одна.
В море встаёт за волной волна,
А за спиной спина.

Здесь, у самой кромки бортов,
Друга прикроет друг.
Друг всегда уступить готов
Место в шлюпке и круг.

Бывают и такими – следы войны...

«НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ»

Мы читали военные книги, пели военные песни, смотрели военные фильмы и рисовали войну. Мы были детьми воинов-победителей и твёрдо верили: добро всегда побеждает зло не только в сказках, но и в жизни.

У нас не было игрушечного оружия: всё оружие было настоящим, только слегка заржавевшим. Его находил для нас мой двоюродный брат Олег Сбснер. Он был старше меня на пять лет и вместе с большими ребятами проводил раскопки на местах недавно прошедших жестоких боёв.

Когда мы брали в руки боевое оружие, прошедшее через огонь и кровь сражений, то, казалось, сами попадали на войну. И, испытывая чувство недетской ответственности, понимали, что даже в игре нельзя прицеливаться в человека.

На улице Набережной, где жил Олег, находилась небольшая гора, на плоской вершине которой были советские воинские захоронения. Надгробные плиты на могилах воинов просели и покосились, надписи с именами стерлись и читались с трудом.

Холм этот был из красной глины. Летом он высыхал на солнце и превращался в камень. Но стоило пролиться дождю, как здесь возникало непролазное месиво: ноги по щиколотки увязали в топкой земле, так что приходилось снимать обувь и идти босиком. Когда же обрушивался ливень, потоки воды с рёвом устремлялись вниз, и год от года глинистый обрыв размывался и сползал всё больше и больше.

На этой «безымянной высоте» мы любили играть в войну. Перед началом игры мы делились на русских и немцев, но никто не хотел становиться немцем, так что приходилось метать жребий. Сидя с ППШ в руках над дорогой, по которой мог пройти «враг», я был спокоен, ведь со спины меня прикрывал друг Сашка со станковым пулемётом. И мы тихо пели «На безымянной высоте»:

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

Однажды весной, когда дружно таяли снега, бежали ручьи и жаркое солнце разморозило землю, верхняя треть горы целиком съехала вниз. И прямо на наших глазах разверзлось братское кладбище, обнажив торцы полуистлевших гробов...

Я слышал, что в сухой песчаной почве гроб с телом человека истлевет за двадцать лет, а в глине и болоте мертвецы сохраняются подолгу. И мне почудилось, что погибшие воины восстали из-под земли, чтобы вместе с нами держать оборону на безымянной высоте. Мы словно оказались в эпицентре кровавой битвы:

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днём.

Но только крепче мы дружили
Под перекрёстным артогнём.

И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

После боя оставшиеся в живых хоронили мёртвых – и своих, и немцев:

Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

Мы побеждали, но оставались милосердными к поверженному врагу. Мы любили людей и считали, что люди любят нас. Мы никогда не были на войне и не хотели войны. Об этом пела вся страна, и мы вместе с ней:

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей,
И у берёз, и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
Что под берёзами лежат,
И вам ответят их сыны,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны?

Мы хотели мира во всём мире. Никогда не захочет войны тот, кто держал оборону – на безымянной высоте...

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

В 1965 году умерла моя любимая бабушка Ирина, осветившая моё детство чтением волшебных сказок. Это была первая невосполнимая утрата. В последние годы жизни бабушка Ирина Егоровна ходила, согнувшись пополам и опираясь на палочку. Таких иногда называют «бабушка-клюка». На её похороны приехали все четыре дочери, к тому времени сами ставшие бабушками. Но не мог приехать младший из детей – сын Мефодий. Молодым он погиб на войне.

Гроб бабушки поставили в зале нашего дома, и меня поразило, какая она, оказывается, высокая. В этой же комнате через много лет мы прощались с дедом Василием, мамой Олей, а потом и с мамой Диной...

В тот день я не пошёл вместе со всеми на кладбище: это было выше моих сил. Я не мог смириться со смертью и был уверен, что сам буду жить вечно. А когда оркестр фальшиво выдохнул похоронный марш, то, спасаясь от траурных звуков, убежал на речку и спрятался под обрывом.

И всё же нас, мальчишек, как магнитом притягивала смерть, за которой стояла великая тайна. Однажды мы пошли в урочище Воробьёвы горы, где были расстреляны и погребены более двух тысяч евреев из Городокского гетто. На братской могиле мы не по-детски затихли: в школе нам рассказывали, что в начале оккупации фашисты методично и хладнокровно расстреливали евреев, а их детей живыми закапывали в землю. Нам стало нестерпимо жаль всех злодейски умученных и казнённых гитлеровцами, и я стал читать стихи отца :

На Воробьёвы горы, как скотину,
Две тысячи страстей, надежд, печалей –
Две тысячи
Живых людских сердец!

Хотелось пожаловаться кому-то, кто бы мог покарать злодеев-оккупантов. Но жаловаться было некому.

Ревели танки, голосила вьюга,
Захлебывались лаем пулемёты,
Земля стонала,
Содрогалась тьма!..
И после было
Сто таких ночей!..

Тут я и вспомнил о своём двоюродном дедушке Мефодии, который в самом начале войны сгорел в танке Т-34, и как будто услышал его голос: «Пойди на могилу танкистов. Они помогут...».

И мы с ребятами отправились на могилу танкистов, погибших во время освобождения Городка. Мы спрашивали лежащих в земле воинов: «Почему вы не спасли невинных людей?» Но молчали танкисты... И тогда, захлёбываясь от негодования и своего бессилия, мы запели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Думая о бесчеловечности немецких фашистов, мы распалили свои души огнём ярости, ярости справедливого возмездия:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

Но мстить было некому – война закончилась двадцать лет назад, и мы пошли на воинское захоронение группы армий «Центр», где были погребены более 65 тысяч немцев:

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,

Поля её просторные
Не смеет враг топтать.

Там мы прокляли своих врагов:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Но молчали могилы, и спящие вечным сном немецкие солдаты не отвечали на наши проклятия.

Ночью я долго не мог заснуть, а потом увидел, как по улицам Городка нескончаемой колонной проходят мёртвые гитлеровские полки. В строю идут искалеченные воины в окровавленной чёрной форме со свастикой, ползут подбитые танки и катятся поверженные орудия. У многих солдат нет рук, ног, а некоторые несут в руках свои оторванные головы... Они идут понурые и отрешённые.

Я стоял у дороги, по которой проходили немецкие оккупанты, но они меня не замечали. Я смотрел на бесконечный строй полуистлевших мертвецов – и жалость к ним вскоре задушила костёр ненависти. И когда пламя этого костра погасло, мертвецы вдруг увидели меня и приветливо закивали, пытаясь улыбаться израненными губами.

В тот день во мне навсегда исчезла вражда к поверженным врагам, ведь я понял: простить – не значит забыть. Об этом мне поведали – живые и мёртвые...

ЖУРАВЛИ

На подъезде к Городку вдоль Киевского шоссе находятся воинские захоронения времён Великой Отечественной войны. Русские и немцы здесь погребены по разные стороны дороги. Шумная трасса, словно линия фронта, и по сей день разделяет

солдат, спящих вечным сном. Над могилами советских воинов установлены обелиски. А немецкие исчезли...

К двадцатилетию Победы на этом участке проводился ремонт. Рабочие бездумно брали песок с костями и черепами с немецкого кладбища и засыпали им поддорожье. С той поры здесь постоянно случались аварии и погибали люди, хотя трасса была ровной и прямой, как струна.

Автомобильные катастрофы происходили самым nepocтижимым образом. По рассказам выживших в авариях, на них наваливалась непреодолимая дремота, и, словно из-под земли, появлялись немецкие танки.

– Танки! – в ужасе вскрикивал водитель.

– Какие танки?! – вздрагивал разбуженный пассажир.

– Немецкие!!!

И, уходя от лобового столкновения, шофёр резко поворачивал руль, что приводило к неизбежной трагедии.

В тот год отмечалось пятидесятилетие Великой Победы. Я спешил в Городок. До дома оставалось не более пятнадцати километров. Я проехал Бычыху, Малашенки, впереди были Вархи. Именно здесь по обеим сторонам дороги находились братские могилы. Всякий раз, проезжая в этом месте, я молился за павших воинов.

Передо мной в утреннем тумане вставало солнце. Как нередко бывает в конце долгого пути, на меня стал наваливаться сон. И, чтобы разогнать его, я принялся петь:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Пение всегда помогало мне справляться с дремой, но на этот раз сон накрыл меня, как снежная лавина. Пришлось оста-

новиться у обочины, чтобы поспать пятнадцать минут. И уже засыпая, я увидел, как прямо на меня ползёт колонна «тигров» с белыми крестами и черепами на броне. «Откуда здесь танки дивизии «Мёртвая голова?» – пронеслось в мыслях. И тут же последовал ответ: «Это танки мёртвых!...»

Я проснулся. Дорога впереди была пустынной, а из-под восхода солнца по обеим сторонам дороги на меня летели – два журавлиных клина.

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьей окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Летающие журавли окончательно разогнали мой морок. И я понял: битва живых и мёртвых будет продолжаться до той поры, пока живые не закончат свою войну с мёртвыми. Об этом нам и пытаются прокричать – журавли...

ИРИНА КАТЧЕНКОВА

Катченкова Ирина Семёновна – поэт, публицист, педагог. Автор и соавтор десяти книг. Печаталась в журналах и альманахах: «Север», «Вече», «Новгородский детинец», «Псковский букет», «ВЕЛИКОРОССЪ», «Молодая гвардия», «Гармония», «Линтула», «Под сенью лавры», «Тосненская сторонка», «Санкт-Петербургская литература», «Свидетельства времени», «Береста Онфима» и др. Победитель и лауреат международного конкурса им. поэта и воина Игоря Григорьева. Дипломант музыкально-поэтического фестиваля «Дворянское гнездо». Награждена медалями «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «Поэт и воин Игорь Григорьев».

«МЫ БИЛИСЬ С ВРАГАМИ У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»:

Поэт-фронтовик Павел ШУБИН (1914 – 1951)
(Очерк)

Одной из самых известных и любимых песен военных лет является «Волховская застольная» – неофициальный гимн битвы за Ленинград. Она часто исполняется и сегодня, а вот имя её автора известно немногим.

Павел Николаевич Шубин родился 14 марта 1914 года в селе Чернава Елецкого уезда Орловской губернии. В 1929 году уехал в Ленинград, где работал слесарем. Первые его стихи появились в печати в 1930 году. Через несколько лет молодой человек поступил на филфак Педагогического института им.

А. И. Герцена. Будучи студентом, издал первый сборник стихов – «Ветер в лицо» (1937 год). Через год П. Шубина приняли в Союз Писателей СССР. Второй сборник – «Парус» – вышел из печати в 1940 году.

С началом Великой Отечественной войны поэт был направлен на Волховский фронт. Кстати, именно там, «среди новгородских болот», слагали боевую летопись и другие писатели, в одночасье ставшие военкорами: Всеволод Багрицкий, Анатолий Чивилихин, Муса Джалиль, Юрий Нагибин...

Военный корреспондент газеты «Фронтная правда» Павел Шубин, как сказано в характеристике, «принимал непосредственное участие во всех боевых операциях Волховского фронта... Зимой 1943 года товарищ Шубин участвовал в прорыве блокады Ленинграда, находясь всё время с передовой дивизией генерала Овчинникова; в том же году тов. Шубин участвовал в боях за Кириши, Мгу, за что был награждён медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». В феврале 1944 года тов. Шубин в числе первых вошёл в Новгород и был награждён орденом Отечественной войны.

После ликвидации Волховского фронта Павел Николаевич был переведён на Карельский фронт, участвовал в Свирской операции, в боях с немцами в Заполярье. Был награждён медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией».

Война для Шубина закончилась на Дальнем Востоке. А он пережил войну на неполные шесть лет...

Многих поражало, насколько оперативно работал Шубин. Иногда его стихи печатались в каждом номере фронтовой газеты.

Упирались враги, но не их вина,
Что победа не в их руках,
Что из Вишеры и из Тихвина
Мы их вынесли на штыках...
Мы, выдавшие смерть на Волхове,

Прокалённые до седины,
Побываем в зверином логове,
С боку на бок качнём Берлин!
(«На Волховском фронте»)

Шубин исходил, исползал, излазал, изъездил самые опасные участки Волховского фронта: Мясной Бор, Чудово, Званку, Любино поле... Главный герой его поэзии – солдат, труженик войны. Например, шофёр из одноименного стихотворения:

Крутятся под «мессершмиттами»,
С руками перебитыми,
Он гнал машину через грязь
От Волхова до Керести,
К баранке грудью привалясь,
Сжав на баранке челюсти,
И вновь заход стервятников,
И снова кровь из ватника,
И трудно руль сворачивать,
Зубами поворачивать...

Однажды Павел Николаевич, возвращаясь с редакционного задания по непролазной грязи (была даже у бойцов-волховцев поговорка, что новгородские дороги и болотины создал чёрт), увидел на обочине раненого и ослабевшего офицера. Шубин тащил его на себе три километра до ближайшего госпиталя, а затем по бездорожью потопал назад, к армейскому телеграфу 59-й армии, чтоб передать в редакцию свою корреспонденцию.

Нет,
Не до седины,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить;
Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня

Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить её,
Врезать как надо
В четырежды проклятый дзот.
Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

...80 лет назад, в 1943 году было написано это стихотворение. Поэт указывает и место, где принял бой вместе с солдатами, – «юго-восточнее Мги». И мы до сих пор при чтении ощущаем аромат того времени, который не выветрился с годами. В стихах Шубина – подлинные и высокохудожественные свидетельства военного лихолетья! Это ли не мастерство, это ли не волшебство Истинной Поэзии?

Так мощно и с такой запредельной искренностью писать о войне мог только фронтовик, сам прошедший через её горнило.

Запоминаются шубинские метафоры. Вот в Киркенесе (Норвегия) покинутый дом, и только котёнок у порога «не белый, может, а седой» тщетно ждёт убитого немцами хозяина-рыбака; вот над убитым бойцом «в пламя рассвета легка и грустна, зелёной ракетой взлетает сосна». Честь солдату, честь и поэту, сумевшему найти удивительные слова, переплавляющие скорбь в светлую память о бойце-герое, возвышающие душу читателя. Не каждому стихотворцу это по силам.

Отдельная история – песня «Волховская застольная» (слова П. Шубина, музыка И. Любана). Лично я знаю эти слова с самого детства – мой отец тоже воевал на Волховском фронте. Отмечу, что Шубину удалось отразить основные, памятные вехи битвы за Ленинград:

Редко, друзья, нам встречаться приходится
Но уж когда довелось –
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.
Пусть боевая семья ленинградская
С нами сидит у стола;
Вспомним, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала.
Вспомним мы тех, кто неделями долгими
Мёрзнул в сырых блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался на Волхове
Не отступал ни на шаг.
Вспомним мы тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.
Будут веками навеки прославлены
Под пулемётной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.
Встанем и чокнемся кружками стоя мы
В братстве друзей боевых.
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!

Сначала текст был напечатан в газете «Фронтовая правда», затем песню записали на пластинку. Во время войны её распевали на всех фронтах. А однажды, когда Павел Шубин выступал перед лётчиками и стал читать «Волховскую застольную», кто-то из зала крикнул: мол, пусть товарищ свои стихи читает, а то каждый за поэта сойдёт, если народные песни выдавать за своё творчество будет... Шубин сначала смутился и даже обиделся, потом, когда недоразумение разъяснилось, сказал, что для него такая оценка очень лестна. А песня, действительно, полюбилась бойцам, быстро ушла в народ и «приросла» новыми куплетами и вариантами.

Иногда «Волховскую застольную» путают с песней «Наш тост» (композитор И. Любан, слова А. Тарковского). Порой в интернете можно найти своеобразный «микст» из двух песен. Но всё-таки они изначально разные. Немного отличается и музыка. А текст у Арсения Тарковского завершается так:

Встанем, товарищи, выпьем за гвардию,
Равных ей в мужестве нет!
Тост наш – за Сталина, тост наш – за партию,
Тост наш за знамя побед!

Но это к слову.

В когорте поэтов военного времени Павел Шубин занимает видное место. Поразительно, насколько поэзия П. Шубина перекликается с современностью. Очень жаль, что она не изучается в школе – как и весь богатейший пласт военной лирики 1941–1945 гг...

ВИКТОР КОКОСОВ

Кокосов Виктор Николаевич – потомственный писатель, член Союза писателей России, действительный член Русского географического общества, член Российского философского общества, председатель Межрегиональной общественной организации «Многонациональное содружество писателей», прозаик, публицист. Автор семнадцати книг художественной и художественно-документальной прозы о героическом прошлом нашей Родины, героях битвы за Ленинград, кругосветных мореплавателях. Лауреат Всероссийской литературной премии имени А. К. Толстого, литературной премии имени П. П. Ершова премии им. Маршала СССР Л. А. Говорова, также ряда других всероссийских и международных литературных премий и конкурсов. Живёт и работает в городе-герое Ленинграде – Санкт-Петербурге.

В РЯДЫ ГЕРОЕВ ЗАЧИСЛЯЕТ НАРОД!

(Очерк)

Война 1941–1945 гг. неслучайно вошла в историю как Великая Отечественная. В строй встали представители всех слоёв общества – от сталинских выдвиженцев до детей незаконно репрессированных, так называемых «врагов народа». Да и большинство этих совсем не врагов, осужденных «тройками», по счастью, не к «вышке», а к заключению, рвались из-за гулаговской колючки на фронт – защищать свою Родину.

В боях с гитлеровцами был тяжело ранен и потерял ногу сын последнего эмира Бухарского Шахмурад Олимов, доблест-

но сражавшийся в рядах Красной Армии. Впоследствии он дослужился до генеральского звания и преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Праправнучка Николая I – Наталья Андросова – работала водителем грузовика, доставляла на передовую продукты. Представители многих знатных родов, скрывавшиеся под другими фамилиями от «органов», брали в руки винтовки. Потомки известных людей, которые прикрыться липовыми паспортами от властей не сумели, поступали так же. К ним относятся и праправнуки великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Читателю, наверное, будет интересно узнать, что в Ленинградской битве участвовали четверо потомков поэта.

ВЕЛИКОГО ПРЕДКА НЕ ПОДВЕЛИ

В июле 1941 года вступил в ряды народного ополчения аспирант Ленинградского университета Александр Сергеевич Данилевский (1911–1969). Праправнук Пушкина и одновременно правнучатый племянник Гоголя, Данилевский попал в артиллерийско-пулемётный батальон Василеостровской дивизии народного ополчения, которая вскоре вступила в бой. Потом Александра Сергеевича назначили санинструктором. И многие раненые были обязаны своей жизнью праправнуку Пушкина, который вынес их с поля боя. Войну он завершил капитаном медицинской службы, кавалером ордена Красной Звезды. Но скромный человек, учёный с мировым именем, в 1955 году возглавивший кафедру энтомологии Ленинградского государственного университета, А. С. Данилевский никогда не кичился ни своими фронтовыми подвигами, ни происхождением.

В 1942-м, во время операции на Синявинских болотах, вместе с боевыми товарищами по Второй ударной пытался прорвать блокаду Ленинграда праправнук Пушкина миномётчик Олег Всеволодович Кологривов (1919–1984), ушедший на фронт с третьего курса Московского института прикладного

и декоративного искусства. Красноармеец был тяжело ранен осколком в грудь навывлет. После выздоровления он продолжил воевать с фашистами – участвовал в освобождении Гдова, Пскова, опять получил ранение. После лечения в госпитале – вернулся в строй... И вновь был ранен. Боевой путь Олега Кологривова, кавалера многих боевых наград, завершился в Берлине! После войны Олег Всеволодович доучился в институте, работал художником.

Моряком-зенитчиком, а потом и командиром орудийного расчёта на Краснознамённом Балтийском флоте с 1943-го служил праправнук поэта Борис Борисович Пушкин (1926–2013). Воевал на Балтике и другой праправнук – краснофлотец Александр Иванович Писнячевский (1921–1974).

Участвовали во Второй мировой – правда, вдали от Невской твердыни – и два правнука А. С. Пушкина. Выпускник Царскосельского лицея Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов (1885–1951) был активным участником французского Сопротивления. В итоге – арест, концлагерь. Другой правнук – лейтенант Григорий Григорьевич Пушкин (1913–1997) воевал разведчиком в составе Первой гвардейской десантной дивизии под Старой Руссой. Участвовал в сражении на Орловско-Курской дуге. Освободил Харьков, форсировал Днепр. Имел много боевых наград, том числе – два ордена.

Военная судьба к потомкам Александра Сергеевича отнеслась благосклонно, но всё же взяла страшную дань: при выполнении боевого задания погиб праправнук поэта, английский капитан Джордж Майкл Александр Уэрнер (1918–1942).

Знакомясь с генеалогическим древом А. С. Пушкина (а теперь, благодаря Интернету, это сделать совсем не сложно), каждый желающий может убедиться: все потомки великого поэта – мужчины – ушли на фронт, некоторые – прямо со школьной скамьи!

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ – УЧАСТНИКИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

В героической обороне Ленинграда от немецких и финских войск участвовало немало ветеранов Первой мировой войны, награждённых Знаками отличия военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. О многих из них написано немало статей в периодической и ведомственной печати. В этих заметках речь пойдёт о кавалерах ордена Святого Георгия 4-й степени.

Как мне удалось установить в ходе многолетних розысков героев обороны Невской твердыни, в первые месяцы Великой Отечественной войны в Ленинграде находились четыре таких кавалера. И каждый из них стремился внести свой вклад в победу над врагом.

Михаил Лаврентьевич Банщикова (1877–1945), бывший младший врач крейсера «Варяг», участник знаменитого боя у Чемульпо, трудился в городском здравоохранении, военврач Евгений Александрович Матушкин (1890–1959), и.д. старшего врача 21-го Сибирского стрелкового полка (проявил героизм в бою 1-го августа 1915 года) – в Военно-морской медицинской академии. Бывшие «золотопогонники», а теперь представители высшего состава Красной Армии и Красного Флота занимались преподавательской работой: контр-адмирал Всеволод Андреевич Унковский (1884–1969, ссылаясь на свою религиозность в ВКП(б) не вступал!) – в Военно-морской академии, а генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Надёжный (1873–1945) – в Военно-медицинской академии. Жил и трудился в Северной столице награждённый Золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» контр-адмирал «старой власти», командовавший в Первую мировую дивизией траления Балтийского моря, выдающийся специалист минного дела Пётр Павлович Киткин (упрямо писавший в графе национальность «великоросс» и отказывавшийся вступать в партию большевиков).

Из них весь период героической борьбы с немецкими и

финскими войсками в 1941–1944 годах активным участником обороны Ленинграда были доктор Банщикова и возвращённый «с гражданки» на службу в мае 1942-го в звании капитана 1 ранга 65-летний минёр П. П. Киткин (1877–1954). Уже тяжело больного генерала Д. Н. Надёжного в 1941-м отправили в Самарканд и вскоре уволили в отставку (он скончался в начале 1945-го в Москве).

В ноябре-декабре 1941 года в Киров была эвакуирована Военно-морская медицинская академия. Отправился с коллегами в Киров и доцент, заместитель начальника кафедры кожных и венерических болезней ВММА

Е. А. Матушкин. Но он часто выезжал в воинские части, проводил исследования (в я 1945-м Евгений Александрович защитил докторскую диссертацию по эпидермофитии).

В. А. Унковского (кстати, единственного советского адмирала – участника обороны Порт-Артура и кавалера ордена Св. Георгия) в 1943-м направили на Северный флот. Опытный специалист, начальник кафедры артиллерийской стрельбы Военно-морской академии профессор Унковский, разрабатывал и внедрял там мероприятия по повышению эффективности стрельбы береговых батарей. Довелось ему с отрядом эсминцев выходить и навстречу арктическим конвоям союзников. Отважный моряк был серьёзно ранен 7 ноября 1943-го при налёте авиации противника, но – остался в строю. Более того, в конце войны уже вице-адмирала Унковского командировали на эскадру Тихоокеанского флота и через сорок лет он вновь сразился с японцами!

Что касается Михаила Лаврентьевича Банщикова, то Георгиевский кавалер самоотверженно, как и подобает настоящему лекарю, всю блокаду исполнял профессиональный долг, работал главным врачом больницы имени И. Г. Коняшина. В феврале 1943-го доктору присвоили звание заслуженного врача РСФСР, а вскоре наградили и орденом Ленина «за самоотверженную работу и выдающиеся заслуги в деле охраны здоровья трудящихся города и бойцов Ленинградского фронта в период войны с немецко-фашистскими захватчиками» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1944 года). К сожа-

лению, заслуженный ветеран, награждённый также дорогими его сердцу медалями «За бой „Варяга“ и „Корейца“ 27 января 1904 года при Чемульпо» и «За оборону Ленинграда», оказался в числе жертв, ослабленные организмы которых (последствия блокады), как шальные пули на излёте, добились в 1945-м. Но в военные годы он стал первым (!) участником обороны Ленинграда – кавалером ордена Святого Георгия, награждённым высшей наградой СССР (В. А. Унковский получил орден Ленина позже, как и профессор, полковник медицинской службы Е. А. Матушкин).

Стал кавалером ордена Ленина и обладатель Георгиевского оружия, П. П. Киткин (ранее удостоенный орденов Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда»). А 5 ноября 1944 года Петра Павловича Киткина, все блокадные годы занимавшегося усовершенствованием минно-трального оружия и методов его использования, второй раз в жизни произвели в контр-адмиралы.

Рассказ о кавалерах высшего боевого ордена Российской империи – участниках Ленинградской битвы – был бы неполным, не упомяни автор капитана императорской лейб-гвардии и советского генерал-майора Богдана Константиновича Колчигина (1895–1976), с 17 февраля 1944 года командовавшего 7-м гвардейским стрелковым корпусом, который в составе 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта успешно действовал в Ленинградско-Новгородской наступательной операции. Но 29 февраля 1944-го Б. К. Колчигин был тяжело ранен, его отправили в госпиталь, в котором комкор перенёс ампутацию правой ступни и узнал о присвоении ему звания генерал-лейтенанта. Больше на фронт Георгиевский кавалер не вернулся: в феврале 1945 года генерала наградили орденом Ленина, а в июне уволили из Вооружённых Сил в отставку по болезни.

Надеюсь, что эти краткие заметки дадут повод к увековечиванию памяти настоящих героев нашего Отечества, чьи имена не должны быть забыты! Тем более, что некоторые «кухонные стратеги», как их ранее именовали, стараются подsunуть в портретную галерею героев войны таких персонажей, что просто кровь стынет в жилах!

СВЕТЛАНА КОНЕВА

Конева Светлана Борисовна – поэт, публицист, общественный деятель. Член Союза писателей России. Руководитель проекта «Международный фестиваль «Мгинские мосты», главный редактор литературно-публицистического альманаха «Мгинские мосты», сопредседатель ЛОРО ООД «Культурный фронт России», председатель общественного совета в сфере образования, член комиссии по межнациональным и межконфессиональным отношениям Кировского муниципального района Ленинградской области, член комиссии по присуждению литературной премии «Ладога» имени А.А. Прокофьева, член жюри конкурса им. Игоря Григорьевича. Автор двух сборников стихов, трёх краеведческих книг, многочисленных публикаций в СМИ. Соавтор краеведческих проектов. Лауреат литературной премии «Ладога» им. А.А. Прокофьева в области поэзии. Награждена благодарностью и дипломом губернатора Ленинградской области за большой личный вклад в укрепление народного единства в Ленинградской области, благодарностью и почётным дипломом Законодательного собрания Ленинградской области, медалями: «За особый вклад в книжное дело», «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев», «200-летие Ф.М. Достоевского», «За вклад в российское просветительство», «Непокорённые» Совета Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, «100 лет Рабоче-крестьянской Красной Армии и Флоту» и др. Живёт в г. Мга.

И СКОЛЬКО ИХ БЫЛО, И СКОЛЬКО ИХ ПАЛО...

БАЛЛАДА О ТРИЖДЫ ВОСКРЕСШЕМ

*Посвящается земляку, ветерану
Великой Отечественной войны
Никифору Ильичу Шерстнёву*

Он в сорок первом году воевал уже –
В семнадцать лет на Лужском рубеже...

Курсанты-Кировцы – был первый бой жесток,
И негде им укрыться в поле чистом,
Вот снайпер вражеский прицелился в висок,
Курсант Шерстнёв опередил фашиста.

Потом накрыло взрывом пулемёт,
Решили, что погибли все, на равных.
В дом похоронка страшная идёт:
«Курсант Шерстнёв в бою пал смертью храбрых».

А в это время в госпитале он,
Его товарищ спас, собой рискуя.
Шерстнёв мечтал опять увидеть фронт,
Опять просился на передовую!

И сердце в ритме Родины, Москвы
Стучало, пополняясь новой кровью!
В боях все дни и ночи Яхромы,
В боях поля и рощи Подмосковья...

Шальная очередь под Ржевом... Всё? Итог?
Семья вновь похоронку получила...
А он воюет! Долг ему помог
Встать в строй, не для него пока могила.

И снова хлещет бешеный свинец:
Был «Пятачок», и снятие блокады,
И орден, и ранение. Конец?
Готовились посмертные награды...

Он выжил. Он вернулся. Без руки,
Но с целью – поднимать страну из пепла.
Его работу помнят земляки –
Людьми такими Родина окрепла!

...Когда беда нахлынет до краёв,
И надо будет чем-то полнить силы,
Вы вспомните, что был у нас Шерстнёв –
Воскресший трижды, чтоб жила Россия!

БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ ПОЛЯХ

*Светлой памяти ветерана Великой Отечественной
войны Александра Матвеевича Гусарова
и памяти всех юных минёров посвящается*

В учебниках школьных о них не писали.
Немного было у них в арсенале.
Порядок армейский был строг или скуп:
Из ржавой железки дал мальчику щуп
Да тросик стальной метров пять (и молись,
Вверяя набору минёрному жизнь...).

Войска продолжали на запад гнать фрицев.
Мальчишки вздыхали: «Эх! Раньше б родиться!»
Не выпало счастье нам в бой «на ура».
Эх! Кабы на фронт– берегись, немчура!»

Фронт дальше катился, гремя и сверкая,
Смертельные метки в земле оставляя.
Они и сейчас отзываются эхом,
А в сорок четвёртом в поля не захватить.
Как сеять-пахать? И пешком не пройти –
На каждом шагу может в прах разнести.

Тогда объявили призыв небывалый:
 Мальчишек, девчонок, чей год «запоздалый»,
 Для фронта кто мал – для минёров сгодится.
 И дети пошли, чтоб чуть-чуть подкормиться.
 И сколько их было, и сколько их пало,
 И сколько полей безопаснее стало
 Стараньями этих мальчишек, девчонок,
 На смерть от ошибки одной обречённых...
 ... Салютом Победа взвилась над Отчизной,
 Процесс Нюрнбергский идёт над фашизмом,
 Где был обвинения пункт и такой:
 «Вы гнали детей Гитлерюгенда в бой».
 В ответ о минёрах советских вопрос,
 Кто также в солдаты ещё не дорос.
 И вышел секретный приказ по стране:
 «Их не было. Те, кто погиб – на войне:
 От лютых бомбёжек, в блокаде, в плену.
 Да мало ли где?! Всё списать на войну!»
 Но были они. Те, кто выжил. Их малость –
 Десятая часть от призыва осталась,
 Как память живая событий особых,
 Когда для погибших не делали гроба.
 В него собирать просто нечего было,
 Лишь чистое поле – подростку могила.
 История знает такие моменты:
 Секретные вскроются вдруг документы,
 И новые факты, ломая барьеры,
 Вернут в справедливость и истину веру.
 Пора наступила минёров-подростков
 Вписать на страницы истории взрослой,
 Истории зрелой, как мудрая память,
 Той, что не зазорно потомкам оставить!

И где-то в полях ленинградских окрестных
 Мальчишку-минёра со щупом железным
 И тросиком тонким (пять метров для жизни)
 Из бронзы отлить за спасенье Отчизны!

22 ИЮНЯ 1941

Сминая счастье тихого рассвета,
 Зачёркивая жизни на лету,
 Моторный рёв ворвался в утро это,
 И взрывы обозначили черту,

Черту, что смертью вспарывала груди,
 Отцы за ней исчезли и сыны,
 За ней горели города и люди,
 За той чертой, той проклятой войны...

Предупрежденья горькою таблеткой,
 Чтоб войны не прервали жизни бег,
 Осталась дата жгуче-чёрной меткой
 На летописи Родины навек.

Нам это надо, нашим детям, внукам –
 Скорбеть и помнить, сердцем и душой
 Воспринимая горькую науку
 Истории страны своей родной.

КОТЕНЬКА-КОТОК

– «Ой, ты котенька-коток...»
 – Нет, не пой, ещё не срок,
 Честно – вовремя засну,
 Расскажи мне про войну.

Древний бабушкин уклад:
 Кружево подзора в ряд
 Да гора подушек:
 – Ну, ложись да слушай.

Налетели – всё черно,
 Тучей, тучей!

– Как в кино?
– Нет, родная, кровь и грязь...
Ох, война, такая мразь!

Шли составы – красный крест,
Их и всё, что есть окрест,
Разбомбили. Всё дотла:
Дым, огонь, тела, тела...

Вдоль железки стон и крик.
Улетели. Мы все вмиг
Кинулись искать живых.
Ох! Не видеть лучше б их:

Кто без рук, а кто без ног,
Ищет мать седой сынок,
Трёх годков всего на вид, –
Мать же мёртвая лежит.

Взяли мальчика с собой,
Но не выжил, голубь мой,
Знать сердечко надорвал.
До конца всё маму звал...

Я баюкала в слезах,
Так и умер – на руках.
Боженька к себе прибрал,
Чтоб без мамки не страдал.

Он теперь уже в раю.
Спи, я песенку спою:
«Ой, ты котенька-коток...»
Белый бабушкин платок,

Ласка сухонькой руки
Глаз родные васильки...
Сон тихонечко наплыл,
Голову поднять нет сил,

Только в щёлку меж ресниц
Вижу: мил и светлолиц
Бабушке подпел разок
Седовласый ангелок:

«Ой, ты котенька-коток...»
Что ж так мир людской жесток?..

МЕТРОНОМ

*Посвящается моим родным,
погибшим и выжившим в блокадном Ле-
нинграде, и всем жертвам блокады*

Опять метроном зачастил,
И надо бы встать и пойти,
Но сил нигде взять, мало сил...

И двинуться с места так тяжело:
Сынишку собрать и поклажу,
Стараться не думать о младших

Дочурках, двойняшках-младенцах.
Ведь нет их. Вчера в полотенцах
Дочурок на саночках детских

Свезла на Смоленку, задвинув
В строй свёртков коротких и длинных –
В мешках, в покрывалах, в простынках...

Обратно домой сквозь сугробы
По улицам-тропкам знакомым
Под быструю дробь метронома.

Свист! Режет пилой перепонки,
Убийственно долгий и тонкий!
Сынишку в охапку! В воронку...

... Мужчина седой наклонился:
«Ты, мама, кричала. Приснился
Блокадный кошмар? Повторился?»»

Он подал лекарство, как в детстве.
Сумела забыться, согреться,
Стучит уже медленней сердце...

Но в нём – Метроном!

ЛЕНИНГРАДЦЫ

Нам светит память сквозь года –
Сияет Вечными огнями!
Была война, текла беда
В стране кровавыми ручьями.

Но в этой крови и беде,
В огнях пожарищ и налётов
Стояли тысячи людей
Стальным для Родины оплотом.

И здесь, на невском берегу,
Навечно всем запомнить надо,
Как ставили заслон врагу,
Что Ленинград душил блокадой.

А в городе холодный лёд,
И голод жертвы собирает,
Но не сдаётся там народ,
И, умирая, – побеждает!

Не помогли наш город взять
Врагу ни голод, ни разруха.

Его сумели отстоять
Единой силой – силой духа!

Примером будущим векам
Героям вечно оставаться!
И нет дорожке званья нам,
Чем это званье – Ленинградцы!

ЗДЕСЬ ЗЕМЛЯ ПРИНИМАЛА ГЕРОЕВ

Здесь земля принимала героев, и слёзы
Проливала природа над ними дождём,
Здесь под каждой сосной и под каждой берёзой
Спят защитники Родины вечности сном.

Здесь земля вся – музей, не для красного слова.
Это сказано было когда-то людьми,
Эту истину видим мы снова и снова,
Эта истина в памяти нашей, в крови!

Здесь спасала ледовая жизни дорога
Ленинградцев от лютых голодных смертей.
Невский здесь пятачок: стойко, смело и строго
Оборону держал. Люди – твёрже камней!

На высотах Синявинских и подо Мгою,
Роща Круглая и Шлиссельбургский десант –
Сотни подвигов здесь совершали герои,
Зная только одно: им – ни шагу назад!

Помним всех! Поименно. И всех – безымянно.
Полк Бессмертный шагает, и слёзы из глаз.
Свята память о них, наша дань – постоянна!
Счастьем жизни обязан им каждый из нас!

По свободной Отчизне проходят колонны,
Полк Бессмертный, как совесть, солгать не даёт!
Будем также и мы, как они, непреклонны –
Постоим за страну, если время придёт!

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

По дороге домой зимним утром ли, в летний ли вечер
Сердце трепетно жаждет увидеть родной поворот.
Выбегают за ним берегини-берёзки навстречу
И заводят светло вдоль дороги простой хоровод.

Сразу ахнет душа от такой белизны и полёта,
Развернёт свои крылья и станет чиста и легка...
Наградил же Господь украшением этим за что-то
Отчий дом наш родимый – посёлок с названием Мга!

Нам всем вместе хранить этот дар обязательно надо,
В оберег назначая потомкам, как добрый завет –
С нами мир и покой, с нами лад, если радует взгляды,
Чистит мысли, сердца, наши судьбы берёзовый свет.

Чистит души входящих во Мгу наш берёзовый свет...

НЕМЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

*В Ленинградской области близ деревень
Лезье и Сологубовка расположено крупнейшее
в Европе военное немецкое кладбище*

Мы чужих не вскрываем могил,
Мертвецов в путь не гоним обратный.
Кто землицы хотел, получил,
Каждый – ровно два метра квадратных...

Здесь у церкви на древних холмах
Не ромашка цветёт, не подснежник.
Поле русское здесь в именах
Иноземных, солдатских, нездешних.

Кто вас звал? Кто вас гнал? Как судить –
Кто идейно шёл, кто подневольно?
Но успели вы здесь наследить
Так, что трём поколениям больно!

В праздник наш или траурный день
Мы ваш сон не приходим нарушить.
Даст Господь – дети ваших детей
В покаянье отмолят вам души...

Что земли у нас много, то – да:
На цветущих полях неоглядных
Жить друзьям – места хватит всегда,
И врагам – по два метра квадратных!

БОРИС КОСТИН

Костин Борис Акимович – писатель, сценарист, продюсер, майор, воин-интернационалист. Член Союза писателей СССР и СП России. Автор 24 книг прозы, ряда пьес и сценариев для теле- и радиопередач, в том числе на телеканалах «Петербург», «Культура», «ТРО СОЮЗА», Россия—Беларусь, ТРК ВС РФ «ЗВЕЗДА». Автор сценария и продюсер полнометражных художественных фильмов «Владимир и Рогнеда», «Проделки дьявола», документального фильма «Аллея Котельникова». Многие работы публиковались в периодической печати и коллективных сборниках в России, Беларуси, Молдавии, Болгарии, США, Греции. Награждён Указом Президента РФ медалью «За заслуги перед Отечеством». Лауреат литературной премии имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова (2009), Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского (2010), VIII Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!», литературного конкурса «Моя Победа», номинант премии Союзного государства (2013). Заслуженный работник культуры РФ.

«И ПАМЯТЬ СЕРДЦА ГОВОРIT...»

(Очерк)

Сразу оговорюсь: я выпускник Рязанского высшего воздушно-десантного училища, по праву носящего имя Василия Филипповича Маргелова, из рук которого я в 1967 году получил диплом и ромбик с гербом СССР и звездой. Легендарный командующий ушёл из жизни 4 марта 1990 года. Я стал пере-

бирать в памяти незабываемые встречи с ним, и оказалось, Василий Филиппович воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, а медаль «За оборону Ленинграда» считал одной из самых дорогих наград. Однако обо всём по порядку.

Итак, Костюковичи, краеведческий музей. Хранители бесценных артефактов и истории района – Светлана Тымонюк и Надежда Кудашова; многое из того, что они поведали мне, вошло в мою книгу о В. Ф. Маргелове. Они подвели меня к стенду, на котором была фотография военного, какие-то документы, снимок памятника, вершину которого венчал известный на весь свет кораблик со шпилья Адмиралтейства. Одним словом, меня ждал сюрприз – рассказ о Ленинградском коммунистическом батальоне, его кратком, но героическом пути.

Мы побывали на месте установки памятника, возложили цветы. Прочитали на мемориальной плите надпись: «Вечная слава бойцам Ленинградского коммунистического батальона. Август 1941 года». Я невольно прикинул расстояние от Ленинграда до Костюковичей – наверное, почти тысяча километров дорог. Война шла второй месяц. Уже был взят Минск, а вот возле Могилёва фашистское наступление притормозило и разбилось на отдельные сражения.

ПО ЗОВУ ПАРТИИ

27 июня 1941 года в печати было опубликовано решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках». У любого здравомыслящего человека возникает вполне закономерный вопрос: почему только в полках? И уже в августе 1941-го решение было дополнено фразой: «и в дивизиях». При этом предполагалось пополнять полки и соединения исключительно из добровольцев.

Однако партийное руководство Ленинграда и области пошло несколько дальше и «в целях исполнения решения Политбюро ЦК ВКП(б)» 28 июня постановило:

«1. Обязать райкомы ВКП(б) отобрать коммунистов согласно прилагаемой развёрстке.

2. Обкому ВЛКСМ отобрать лучших комсомольцев в количестве 2000 человек.

3. Отбор произвести в двухдневный срок».

С этого момента начинается цепочка загадочных и трагических событий, которые при всём патриотическом пафосе обросли целым рядом домыслов, ибо всё творилось в невиданной спешке.

По-видимому, вначале предполагалось сформировать «добровольческий полк». Об этом говорят и цифры. Штатная численность полка Красной армии: 2000-2500 человек.

Прочтём запись, которая сделана в архивном формуляре 6-й стрелковой дивизии: «С прибытием коммунистического батальона в 1000 штыков части дивизии перешли в наступление». Тут неувязка. По архивным данным, численность «особого батальона» (пока без названия) на момент формирования составляла 500 человек, или 5 рот.

Две роты, сформированные из рабочих-большевиков Ленинграда и области, были отправлены в распоряжение Военного совета 4-й армии Западного фронта, которая вела оборонительные бои в районе Климовичей. 31 июля возле железнодорожной станции Коммунары, что в нескольких километрах от Костюковичей, выгрузились пять рот, которые прошли обучение в Тамбовском пехотном училище. Комиссар 6-й стрелковой Орловской стрелковой дивизии А. И. Попенко, выступая перед прибывшими политбойцами, сказал: «Командование возлагает большие надежды на ленинградцев». Ещё бы! Со времён гражданской войны город на Неве шефствовал над прославленной дивизией. А вот ленинградцев среди пополнения было лишь две трети, остальные две роты составляли коммунисты и комсомольцы из других краев и областей. Но никто из них оспаривать название, которое родилось экспромтом, не стал. В истории Великой Отечественной войны Ленинградский коммунистический батальон так и остался особым подразделением 6-й Орловской Краснознаменной дивизии и не вошёл в состав ни одного из полков.

Несколько слов о форме политбойцов. Прочтём воспоминания В. Ф. Бузика:

«3 июля на Лермонтовском проспекте собралось огромное количество добровольцев... Мы получили необычное обмундирование: нам выдали курсантские синие диагональные штаны. Нас вооружили 10-зарядными полуавтоматическими винтовками со штыками кинжального типа, которые носились на поясе... В общем, держись, фашист, мы – особое подразделение, с партийной спайкой и желанием отомстить за вероломное нападение на Отечество».

До прибытия на фронт батальон общего командования не имел. Приказом по 6-й стрелковой дивизии командиром батальона был назначен помощник начальника оперативного отделения старший лейтенант Дмитрий Яковлевич Прянишников, выпускник Киевского пехотного училища (1938), храбрый офицер, который вместе с дивизией с боями отступал от Бреста. Вот что он сообщил политбойцам:

«Обстановка в районе Костюковичи для 6-й дивизии сложилась крайне неблагоприятно. Один из полков дерётся в окружении. Задача батальона – прийти окружённым на помощь, прорвать позиции фашистов».

Герцог А. Веллингтон, разбивший Наполеона при Ватерлоо, утверждал: «Сражение, как и бал, описать невозможно». И всё же попытаемся.

Это был первый бой батальона и, к великому сожалению, последний. Деревню Ганновку политбойцы, невзирая на яростный пулемётный огонь, взяли штурмом. Дело порой доходило до рукопашной. Фашисты были обращены в бегство, наградой победителям стал немецкий штаб. Последовала очередная атака на деревню Первомайскую – и вновь успех: был разгромлен ещё один немецкий батальон, захвачены батальонное знамя, важные документы и другие трофеи. 84-й стрелковый полк совместными усилиями был выведен из окружения, однако какой ценой!

2 августа героически погиб комбат, старший лейтенант Д. Я. Прянишников. Его прах покоится на воинском мемориале деревни Домамеричи Климовичского района Могилёвской области.

В одном из документов читаем: «Героизм был массовый,

подвиг коллективный. Политбойцы сражались до последнего дыхания». Командир дивизии Д. А. Осташенко был вынужден с горечью принять трудное решение: остатки батальона расформировать, бойцов направить в части дивизии политруками рот и комсортами батальонов.

Подытожим сказанное. Патриотизм воинов Красной армии, даже в самые неблагоприятные месяцы отступления под натиском врага и огромных потерь, сомнению не подлежит, ибо без 1941 года не было бы победного 1945-го. Однако безжалостная эксплуатация патриотических чувств советских людей, особенно в партийной и комсомольской среде, приводила к безумным экспериментам, подобным формированию Ленинградского коммунистического батальона, да и не только этой боевой единицы. Вечная память тем, кто отдал жизнь за свободу и независимость советской родины!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

У этой песни драматическая и уникальная судьба. Она трижды меняла своё название и текст, пока с лёгкой руки ленинградского поэта Павла Шубина не обрела следующие строки:

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мёрзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладого, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

В сентябре 1941 года Ленинград оказался в кольце фашистской блокады. Усилиями Г. К. Жукова фронт стабилизировался, и немцы, исполняя директиву Гитлера «О будущем города Петербурга», принялись методично уничтожать город святого Петра. Вот запись в дневнике начальника штаба Краснознамённого Балтийского флота Ю. А. Пантелеева, сделанная в начале ноября 1941 года: «Для ледового фронта мы сформи-

ровали лыжный отряд и две пулемётные роты». Командовать отрядом был назначен майор В. Ф. Маргелов, белорус по происхождению, отменно проявивший себя в советско-финской войне, командуя разведчиками 122-й стрелковой дивизии, перебросенной из Белоруссии на Карельский перешеек.

Обратим внимание на слово «отряд». В приказе Военного совета КБФ этот отряд уже именуется 1-м Особым отдельным лыжным полком моряков. Формироваться он начал в Кронштадте в середине ноября 1941 года. Между тем у полка имелось ещё одно название, уже почётное: «Полк имени Ленсовета». Состав – 900 человек, в основном добровольцы.

Поставить моряков на лыжи – задача непростая, однако лыжами полк был обеспечен полностью. Обратимся к воспоминаниям одного из морпехов – М. Ф. Сухова: «В течение 4-х дней шла интенсивная подготовка отряда к боевым действиям. Для нас ленинградскими рабочими были изготовлены автоматы ППД». О внешнем виде морских пехотинцев – свидетельство участника Шлиссельбургского десанта, краснофлотца П. Ф. Орлова: «На мне поверх ватных брюк были натянуты флотские клеши, напуском свисавшие из-за голенищ сапог. Из-под растегнутого бушлата на фоне тельняшки торчал наган и свисали ленточки от спрятанной бескозырки. Поверх маскхалата – ремень и торчащие из-под него гранаты, а за голенищами сапог – финский нож».

Теперь уже не столь важно, какой по счёту оказалась попытка прорыва блокады Ленинграда со стороны Ладого, одно неоспоримо: операция планировалась в спешке, взаимодействие между участниками оставляло желать лучшего. Уже спустя много лет маргеловцы, вспоминая 28 ноября 1941 года, утверждали: «Как жаль, что вовремя не подошла наша дивизия (80 я стрелковая. – Б. К.), которая должна была расширить сделанную нами брешь в немецкой обороне».

В ночь с 27 на 28 ноября 1941 года полк морских пехотинцев под командованием В. Ф. Маргелова вышел на рубеж атаки у деревни Липки, встал на лыжи и совершил бросок на позиции немцев у Шлиссельбурга.

Надо отдать должное немцам – они не сидели сложа руки, и узкую полосу местности, отделявшую Ленинград от Большой земли фашисты превратили в мощный оборонительный плацдарм. Закрытые артиллерийские позиции, системы дотов, проволочные заграждения и минное поле – вот что ожидало отважных моряков. Они шли в бой без поддержки артиллерии, в надежде на то, что пехотинцы ударят с востока и немцам придётся отбиваться с двух сторон. Увы, ожидания эти не сбылись. При явной несогласованности в действиях «братишкам» всё же удалось изрядно насолить немцам. Но какой ценой! От полка осталась лишь горстка бойцов.

Вины за собой комполка не чувствовал, однако людей было бесконечно жаль. Пали они героями. В немецких документах о них имеются такие строки: «Полк, несмотря на огромные потери, дрался до конца с исключительным упорством...».

Долгие годы правда о Шлиссельбургском десанте была покрыта мраком тайны. Её, по мере сил, попытались раскрыть сын В. Ф. Маргелова – Герой России Александр Маргелов и я, автор книги о легендарном командующем ВДВ, вышедшей в серии «ЖЗЛ». Огромную исследовательскую работу проделал Валерий Шагин, внук политрука 2-го батальона Павла Шагина.

Я же, прослужив в Белоруссии почти 15 лет, сосредоточил свой поиск на моряках-белорусах, участниках этого десанта с драматическим исходом.

Первый в списке – майор В. Ф. Маргелов, командир полка морских пехотинцев. Именно он, став командующим Воздушно-десантными войсками, на совещании в Министерстве обороны СССР (1968), когда речь зашла о форме десантника, заявил: «Я воевал в морской пехоте и знаю, что заслуживают десантники». Так в форме ВДВ появилась тельняшка с голубыми полосами и такого же цвета берет.

Я, воин-интернационалист, получил эти атрибуты из рук командующего 28 сентября 1968 года в Чехословакии.

В алфавитном порядке список остальных белорусов – участников Шлиссельбургского десанта выглядит так: Баранов И. Н., Белякин Г. С., Брук С. А., Гиндин Д. С., Игнатович В. В., Кляренко П. П., Курищенко И. И., Мицкевич В. Н., Музельский Л.

Ф., Могилевский К. С., Никифоров И. И., Попович И. Н., Станник А. Я., Танхилевич А. Я., Третяк И. Г., Юраш И. К., Яновский В. И.

28 ноября 2021 года, в 70-ю годовщину одной из героических страниц в истории прорыва блокады Ленинграда – высадки Шлиссельбургского десанта, на месте, откуда ушёл в бой Отдельный лыжный полк морской пехоты, был воздвигнут памятник – валун со дна Ладожского озера, символизирующий незримую связь времён и крепость воинского братства русских и белорусов.

ОЛЬГА МАЛЬЦЕВА

Мальцева Ольга Александровна – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Автор 18 книг, в том числе для детей. Публиковалась в журналах и альманахах: «Петербургские строфы», «Невский альманах», «Русский журнал», «Арт», «Окно», «Гармония»; для детей – «Зубрёнок», «Искорка», «Радуга», «Би кинь». Стихи и статьи публиковались в газетах «Литературный Петербург», «Литературная газета», «Красное Знамя», «Северная газета», «Красная Печора», «Московский железнодорожник» и др. Лауреат и победитель ряда международных поэтических конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

СТРОЖЕ СЕРДЦА НЕТ СУДЬИ...

И ЧТО НИ РАССКАЖУ

И что ни расскажу – всё будет мало
 О скромном, удивительном отце.
 Всё русское любил. Взгрустнёт, бывало,
 И светится улыбка на лице.
 В беседе дорожил правдивым словом.
 И предо мною – реял русский стяг,
 Удержанный на поле Куликовом
 И поднятый на свергнутый Рейхстаг!

ЗЕМНОЙ УГОЛОК

Травой зарос осенний старый двор,
 Грустят о лете мокрые берёзки,
 Богатый растерявшие убор,
 Но дорог мне их серый вид неброский.

Разлапистой смородины кусты
 У ног моих в приветственном поклоне,
 Растроганы, доверчиво просты –
 Роняют мне слезинки на ладони...

Черёмуха, подружка юных дней,
 Припомнила у старенькой ограды
 Полночные свидания под ней,
 В плену её душистого наряда.

А дом скучал и замер предо мной...
 Его тепло я чувствую и верю:
 Он ждал меня, как ждёт отец родной,
 И рад, что я распахиваю двери!

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД

Четыре года фронт,
 где полшага от смерти,
 Солдат исколесил –
 нечитано дорог.
 Победы цену знал,
 был за неё в ответе, –
 Живым пришёл домой,
 видать, хранил сам Бог.

Есть в раненой груди
 осколки боевые,
 Зато на двух ногах,
 захочешь – так пляши!

Но в мирной жизни, где – свои
и где – чужие?
Здесь ближний предаёт
за мелкие гроши...

Окончилась война!
Но мир пронизан скверной –
И ложь, и правда в нём
смешались пополам.
Молодёнький солдат
махорку курит нервно
И думает в сердцах:
«Не легче ль было – там?..»

Помню я ветеранов застолье,
Позовёт на поклон обелиск,
На немодной уже радиоле
Заиграет пластинчатый диск.

Путь-дорожка помчит фронтовая,
Возвращая былые года,
Там, где юность прошла боевая,
От перронов ушли поезда.

И припомнят бойцы-ветераны,
Как победы ждала тишина,
Про бомбёжки, окопы, привалы,
И сердечная дрогнет струна.

Всё теснее на лицах морщинки,
А в глазах – молодая душа,
Всё дороже и песни, и снимки,
А пластинка играет кружа...

«ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...»

На свете нет объятий крепче
Отцов и ждущих матерей,
С молитвой ожидавших встречи,
С войны встречавших сыновей.

Старушка-мать, платок сжимая,
Всех слёз не в силах удержать,
К груди прижалась, чуть живая,
И смолкла, чтоб не зарыдать.

Старик-отец спешил навстречу:
– Из трёх сынов – один живой!
И сына младшего за плечи
Прижал, смахнув слезу рукой.

– Входи, входи! Ну, вот и дома!
А сын не в силах сделать шаг:
Чужие стены – не знакомы...
Здесь нищета и всё не так...

А где два бравых старших брата?
Хотя бы знать могилы их ...
«Враги сожгли родную хату...»,
Не перечесть всех бед людских.

Глядит солдат, комок глотая, –
Пред ним седые старики.
А где же песня удалая,
Что распевали казаки?

Солдат, спасавший мир планете,
Горевший в пекле и в золе,
Познал все истины на свете –
Святую радость на Земле!

ЗА ТРОИХ

За солдат, не вернувшихся с фронта,
Фронтовик, с вечным долгом живых,
За друзей с пожелтевшего фото –
До победы шагал за троих.

За троих поднимался в атаку,
За троих заряжал пулемёт
И не раз в рукопашную драку
За троих вырывался вперёд.

Отгремела пора боевая,
Чести долг и на мирных полях
До конца, за троих, выполняя,
Отстоял, как солдат на часах.

ПЕЛ СОЛДАТ

Помню праздничный май,
рассылал поздравления ветер,
За окошком берёзки
впервые беспечно цвели.
Грустно пел мой отец
в самый радостный праздник на свете,
И большая Россия
ему подпевала вдали.

Отгремела война,
но бойцу не давала покоя:
За погибших друзей –
всё строчил по ночам пулемёт..
Песня «Тёмная ночь»,
отголоском далёкого боя,
О слезах и солдатской любви
позабыть не даёт.

Много лет пронеслось:
нет солдата, а песня – живая,
Слышу: голос родной
мне поёт про военную ночь.
Подпевают берёзы –
подруги победного мая,
И мерцает всё та же звезда,
чтобы песне помочь...

РУКИ ОТЦА

Отец был ранен в локоть под Берлином..
Но руку не позволил удалить.
Он так желал труда на поле мирном,
И Бог решил: руке здоровой быть!

Вот так и жил – рассветною зарёю
Брал инструмент, лопату и топор.
А мне тогда казалась жизнь игрою –
В глазах отца – улыбка и задор.

Учитель математики, а руки –
С мозолями тяжёлого труда,
Не знавшие ни лености, ни скуки,
С бездельем не водились никогда.

Я не могла смотреть на них без боли,
На них судьба – ясней, чем на лице:
С ладоней не сходящие мозоли
Сильнее слов сказали об отце.

СУДЬБА РОССИИ

Россия знает вражий норев –
 Прошла сквозь бездну скорбных бед,
 Не нужно ей чужих просторов,
 Не очернить её Побед!

Прославлен русский штык и сабля,
 Бессмертен Сергия завет –
 Воскреснут Муромец, Ослябя,
 Родится новый Пересвет.

И князь Донской полки возглавит,
 Князь Невский в бой поднимет рать.
 Бессмертный полк Победу славит:
 Судьба России – побеждать!

ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ

Никольская Татьяна Кирилловна – писатель, кандидат исторических наук. Член Союза писателей России. Автор, соавтор, литературный или научный редактор-составитель 13 книг, редактор историко-литературного сборника «Береста Онфима». Стихи, проза, статьи, рецензии публиковались в журналах «Север», «Чело», «Молодая гвардия», «Наш современник», «МолОко», «Великороссь», «Вологодский ЛАД», литературных альманахах «Вече», «Лилия долин», «Новгородский детинец», «Гармония», других периодических изданиях и коллективных сборниках. Отмечена почётной грамотой Союза писателей России и медалью «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)».

**«МЫ РОДИНУ ЗАЩИЩАЛИ»:
 ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ ПОВЕСТИ Б. ВАСИЛЬЕВА
 «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»**

(Эссе)

Дискуссии по вопросам истории – научные и общественные – могут существенно различаться. Актуальные для науки темы не всегда интересны обществу – и наоборот. Кроме того, в обоих случаях может по-разному направляться фокус внимания: если учёный сперва выявляет факты, а потом делает выводы, определяет закономерности, то в общественной жизни исторические концепции могут меняться просто потому, что само общество изменилось.

В российской науке изучение истории Великой Отечественной войны никогда не прекращалось. В наши дни тоже появляются диссертации, статьи, монографии, документальные фильмы на эту трагическую и героическую тему, музейные экспозиции, основанные на неизвестных ранее документах и материалах... Например, в 2005 г., к 60-летию Победы, в краеведческом музее г. Ржев Тверской области была устроена уникальная экспозиция, посвящённая Ржевской битве 1942–1943 гг. А в г. Пскове в 2022 г. открылся Музей истории оккупации и геноцида Псковской области 1941–1944 гг.

В то же время история Великой Отечественной или, говоря шире, Второй мировой войны слишком связана с современностью, с исторической памятью отдельных людей и целых народов, с политическими интересами государств, чтобы рассматривать её только как «дела давно минувших дней». В последние годы в мире особенно активизировались попытки глобального пересмотра исторических концепций, связанных с этой темой. Согласно такому своеобразному ревизионизму, Советский Союз – страна-победитель – признаётся главным виновником войны, а советский народ, кроме коллаборантов, поддержавших Гитлера, – коллективным военным преступником. И напротив – военные преступники объявляются героями, борцами за свободу и демократию (достаточно вспомнить прошлогодний скандал в парламенте Канады, когда депутаты, стоя, чествовали почётного гостя – украинского эсэсовца).

На этом фоне, безусловно, востребованы не только объективные научные исследования, но и яркие, талантливые литературные произведения и художественные фильмы о Великой Отечественной войне. Поэтому я заинтересовалась новым фильмом, узнав об очередной экранизации повести «А зори здесь тихие...» советского писателя Бориса Львовича Васильева (1924–2013).

Первый фильм с одноимённым названием был снят в 1972 г. режиссёром Станиславом Ростоцким на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького. Картина заслуженно признана классикой не только советского, но и мирового кино.

Напомню, что основное действие фильма происходит в Карелии в мае – июне 1942 г. В деревне, возле железнодорожного разъезда, где комендантом является старшина Федот Васков, несёт службу взвод девушек-зенитчиц. В одну из ночей в небе появляются вражеские самолеты. А вскоре младший сержант Рита Осянина случайно обнаруживает в лесу двух немцев-диверсантов. Васков решает организовать поиск и взять фашистов в плен. Получив одобрение командования, он вместе с отрядом из пяти девушек отправляется в карельские леса. Однако, немцев оказывается не двое, а шестнадцать. И, помимо численного превосходства, они гораздо лучше вооружены и подготовлены. Чтобы не пропустить их к Кировской железной дороге и Беломорско-Балтийскому каналу, отряд Васкова вступает в неравный бой. А дальше на фоне удивительно прекрасной карельской природы одна за другой погибают удивительно прекрасные юные девушки... И всё же часть диверсантов уничтожена, а оставшиеся взяты Васковым в плен. Какой ценой?

Трагичность истории усиливается тем, что перед зрителем предстаёт неповторимый образ каждой девушки. Каждая из них до войны мечтала о долгой счастливой жизни. Рита Осянина выходит замуж за офицера-пограничника, в семье рождается сын. Студентка Соня Гурвич учится в Москве, где встречает свою первую любовь. А дочь лесника Лиза Бричкина ещё только ждёт своей судьбы...

Война перечеркивает их надежды. У Риты муж погиб 24 июня 1941 года. У Жени Камельковой, дочери офицера, немцы расстреляли всю семью. У Сони родители-евреи, не успев эвакуироваться, остались в оккупированном Минске, а любимый человек ушёл добровольцем в ополчение. Из этих скупых упоминаний складывается трагическая картина первых дней: стремительное наступление фашистов, неравные силы, растерянность... И одновременно – мужество и жертвенность советских людей – от погибших пограничников до соседки-эстонки, спрятавшей Женю от расстрела. Все девушки пошли на войну добровольно, ни у одной нет сомнения в правильности такого выбора. А в конце фильма умирающая Рита словно отвечает

будущим критикам СССР и Красной Армии: «Мы Родину защищали».

Фильм Станислава Ростоцкого до сих пор остаётся одной из лучших картин о войне. Понятно, что перед режиссёром Ренатом Давлетьяровым, снявшим новую экранизацию повести «А зори здесь тихие...» (Интерфест, Реал-Дакота, Star Media, 2015), стояла нелёгкая задача: его фильм обречён на сравнение с картиной С.И. Ростоцкого и, конечно, с произведением Б.Л. Васильева. Вместе с тем жертвенность, любовь к Родине, противоречие между жестокостью войны и женским предназначением к любви и счастью являются вечными темами, интересными для любого поколения кинематографистов и зрителей. К тому же за прошедшие десятилетия изменились технические возможности кино, да и вкусы публики. Многие уже не воспринимают чёрно-белую «картинку» и старые киноприёмы.

В новом фильме, состоящем из 4-х серий, акценты расставлены иначе, чем в первой экранизации. В частности, здесь о действиях фашистов зрителю известно больше, чем Васкову и его бойцам. 1-я серия завершается эпизодом, где авторы раскрывают «все карты»: в ночном небе летит немецкий самолёт, откуда на парашютах выбрасываются диверсанты. Зритель сразу видит их точное число и узнаёт, что эти представители элитных войск СС получили задание устроить диверсии на Беломорско-Балтийском канале и Кировской железной дороге. Напомню, что в первой экранизации ни персонажам, ни зрителям поначалу не открыто, что диверсантов много, а о вражеской цели Васков (и зритель) могут только догадываться. Во второй экранизации авторы, сделав «линию» диверсантов более подробной, подчёркивают заведомое неравенство сил, добавляют в своё повествование напряжённости и динамики. В фильме присутствуют эпизоды, которых нет ни в книге, ни в первой постановке: например, гибель случайного свидетеля – жителя деревни, молчаливое передвижение диверсантов по лесу, убийство раненого товарища (в картине Ростоцкого лишь показан найденный Васковым тайник с трупами)...

Удачей нового фильма можно назвать операторские съём-

ки: карельская природа здесь столь же прекрасна, что и в начале 1970-х гг.: леса, скалы, озёра, скупые холодные краски Севера... Хорошо сняты и деревенские эпизоды.

А вот образы главных героинь, к сожалению, оказались несравнимо слабее. Если в первой экранизации все девушки отличаются друг от друга, как внешне, так и манерами, то здесь типажи героинь довольно схожи – худые, скуластые, угловатые... Лишь пухлощёкая Соня Гурвич выглядит более упитанно. Правда, в этом случае непонятно, почему Васков недоволен её «конституцией» и призывает девушку больше есть. Да и играют актрисы почти одинаково. То ли им не хватило опыта, профессионализма, сопереживания своим героиням, то ли это было режиссёрской задумкой – показать девушек-бойцов почти одинаковыми. Даже Женя Камелькова, чьим пением якобы восхищаются другие девушки, не имеет ни слуха, ни голоса.

Однако, главная странность не в этом. Почему-то почти во всех историях девушек, кроме Сони Гурвич, так или иначе обыгрывается тема политических репрессий. В повести и первой постановке взяли «в оборот» лишь полковника Лужина – возлюбленного Жени (да и то не за политику). Здесь же Лиза Бричкина оказывается из семьи раскулаченных крестьян, Галя Четвертак попадает в детдом после ареста матери. Рита Осянина сообщает, что её муж-пограничник пропал без вести, то есть, в определённом смысле, тоже находится под подозрением (хотя в начале фильма он гибнет на глазах у жены). Не многовато ли для пятерых девушек-добровольцев из одного взвода?

Конечно, речь не о том, что в произведениях о Великой Отечественной войне нельзя касаться темы политических репрессий. Например, в романе советского писателя Анатолия Иванова «Вечный зов» присутствуют бойцы и офицеры штафбата. Но это должно быть как-то связано с основным сюжетом или должно раскрывать характеры героев, мотивацию их поступков. Здесь же упоминания о репрессиях скорее путают, чем проясняют образы героинь.

Например, история Лизы Бричкиной начинается с тех же слов, что и в повести. О том, что всю свою жизнь девушка прожила в ожидании завтрашнего дня, в предвкушении счастья.

Но далее оказывается, что семью Бричкиных назвали врагами советской власти, отняли дом, хозяйство и отправили в Сибирь. На экране нескончаемая вереница телег с раскулаченными крестьянами движется по дороге под насмешки и издевательства чекистов. Впереди – суровое выживание в холодных, незнакомых краях. Вот на скромном погосте семья Бричкиных хоронит ребёнка... Чего же, по мнению авторов, ждала Лиза – конца советской власти, что ли?

Безусловно, дочь раскулаченных крестьян тоже могла пойти добровольцем на фронт, но тогда надо яснее показать, как сама она относилась к участи своей семьи, к своему будущему, к родной стране. Надуманно выглядит и чересчур откровенный политический разговор отца Лизы с приезжим охотником.

Аналогичным образом Галя Четвертак тоже зачем-то сделана дочерью репрессированных родителей (как-будто в 1920-е – 1930-е гг. дети становились сиротами исключительно по этой причине). В одном из эпизодов показан арест матери девочки. От дома отъезжает «чёрный ворон», а у подъезда маленькую Галю держит за руку немолодая женщина. Кто она? Если соседка или родственница, почему решила открыто поглазеть на арест (да и кто позволил)? Если воспитательница детдома, то откуда она взялась посреди ночи? Или, по мнению современных кинематографистов, чекисты именно так и ездили на аресты, прихватив с собой воспитательниц? А ведь в книге и в первой экранизации Галя ничего не знает о своих родителях. Об этом её постоянная боль, отсюда её отчаянное желание придумать себе родных и несуществующего жениха. В разговоре с Васковым Галя с горечью восклицает: «Но ведь были же у меня родители!». В новом фильме такая фраза не имеет смысла, раз девушка потеряла семью в сознательном возрасте. Правда, в другом эпизоде Галю называют подкидышем, причём, ссылаясь на документы. Так кто же она на самом деле?

Возможно, авторы фильма «всунули» тему репрессий в надежде получить приз на каком-нибудь международном фестивале, но из этой попытки ничего путного не вышло. Ломается вся суть произведения, ломаются образы героинь. На переднем

плане оказывается не подвиг девушек, не их чистота, любовь, верность, даже не жестокость войны, а «разоблачение режима» в стиле конца 1980-х гг. У кого-то из непросвещённых жертв ЕГЭ может даже возникнуть вопрос: зачем девушки сражались и погибали за такую нехорошую страну? Может, лучше бы помогли немецким диверсантам (вспоминается знаменитая фраза либералов о баварском пиве, которое русские пили бы, если б сдались Германии)?

Я не думаю, что создатели фильма «А зори здесь тихие...» 2015 г. сознательно подводили зрителей к таким выводам. И всё же примитивная политизация сюжета изменила картину не в лучшую сторону. Чего не заслуживают ни талантливое произведение Бориса Васильева, ни герои войны, отдавшие жизни за Родину.

ЮРИЙ ПОЛЬСКИЙ

Польский Юрий Исаакович – прозаик, публицист, журналист. Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1985 года. Автор книг «Триста солнечных дней в году. Солдатские были» (2015), «На высотах глубинки. Газетные были» (2017), «Чтобы в пути не разминуться. Житейские были» (2018), «Если бы не случай. Рассказы и очерки» (2019), «Возвращение. К 20-летию поискового отряда «Форпост»» (2020), «Альбом на кольцах. Откровения» (2021), «Далеко ли до горизонта? По-весть о пионерском лете» (2022), «Классная ностальгия. Школа и ее окрестности» (2023). Публиковался в альманахах «Созвучие. Прозаики Ленинградского областного и Алтайского краевого отделений Союза писателей России», «Созвучие аккордов. Писатели Ленинградской области и Алтайского края», «Литературные аллеи. Альманах Ленинградского отделения Союза писателей России». Награжден медалью «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(Фрагменты из книги)

ПЕРВЫЙ МЕДАЛЬОН

Не было в том полевом лагере человека, кто бы не бросился посмотреть на первый найденный «Форпостом» медальон. Именно ему, командиру поисковиков Кингисеппского

района Ленинградской области Виктору Костюковичу, тому, кто дольше и упорнее всех в окрестностях шёл к такой удаче, повезло найти этот чёрный бакелитовый пенальчик! Долго, ещё с мальчишеских лет, если вспомнить его первую поездку к Кошкинским дотам с одноклассником, продвигался Виктор к этой находке. Стоя по колено в воде, он осторожно разгребал осыпь хода сообщения, как неожиданно лопата наткнулась на что-то твёрдое. Извлёк из глубины человеческую берцовую кость, другую... И вдруг на поверхность выплыл он – медальон погибшего бойца, прямо попросился в руку!

Солдат входил, скорее всего, в состав Кошкинского дота №8, а именно возле его остова и вёлся отрядом поиск 30 июня 2001 года, Костюкович сразу и без сомнений называет эту дату. Это был героический дот знаменитого Кингисеппского 21-го укрепрайона, защитники которого стянули на себя врага, хорошенько дали ему прикурить летом 1941 года и погибли, до конца исполнив солдатский долг...

Как несусветной цены драгоценность, держал командир медальон на ладони. Самопроизвольно, из души вырвалось: нашёл! И сразу все форпостовцы поняли, набежали... Костюкович помнит, как одеревенели пальцы, как онемела рука, пришлось подставить под неё вторую. В несколько коротких минут от этой демонстрации, от удержания невесомого мокрого шестигранничка руки и спина затекли так, будто отстоял командир отряда целую смену в траншее и намахался лопатой, отбросив на бруствер тонны земли, пропитанной кровью защитников укрепрайона.

Нет, с тех пор, оберегая каждое новое найденное послание к потомкам из военных лет от дуновения ветра, от слезливого дождя, Костюкович не стоит больше так долго, чтобы все увидели находку. Но каждый его боец находит время и место, чтобы рассмотреть дорогую реликвию.

Тогда так повезло, что драгоценный пожелтевший лоскуток записки со

скупыми строками, оставленными в истории солдатом Великой Отечественной, хорошо сохранился. Принеся медальон в штабную палатку и расстелив на столе белоснежные листы принтерной бумаги, Костюкович осторожно отвинтил колпачок медальона. Изнутри вытекла вода, конечно же, «смертничек» не закрывался герметично... Могло ли там что-то сохраниться? Но на удивление легко после аккуратного пошлёпывания пенальчика из него вышел сверточек. Даже инструментов никаких не потребовалось, чтобы его расправить. Под пальцами Виктора возникла ленточка, на которой значилось: «Никитин Пётр Константинович, красноармеец. Уроженец: Калининская область, Торопецкий р-н, Михайловский с/с, д. Лепехино!»

Накануне, за первый полный год работы отряда и часть 2001-го, в разных местах Кингисеппского района были найдены останки 54 бойцов и командиров. Кроме того, «Форпост» определил место падения советского самолёта Ил-2 и обнаружил 89 взрывоопасных предметов, затем уничтоженных специалистами...

Но этот «смертничек» был первым, обнаруженным в отряде! И потому, наверное, даже сегодня, десятилетия спустя, на вопрос, помнит ли Костюкович имя того бойца, он отвечает мгновенно:

– Никитин Петр Константинович из Калининской, то есть теперь Тверской области, из-под города Торопца!

Это тем более удивительно, что «Форпост» эксгумировал за годы своего существования останки более семисот бойцов Великой Отечественной, за полторы сотни перешагнуло число тех, чьи фамилии удалось установить. И, пожалуй, каждого из опознанных, обстоятельства его обнаружения командир поискового отряда держит в памяти...

А тогда по адресу, указанному на листочке медальона, точнее, в сельский совет и райвоенкомат, из Кингисеппа полетели письма с просьбой помочь найти родственников Никитина, с приглашением приехать на захоронение и поделиться, если обнаружится, фотографией Петра Константиновича.

И без малого через год, в годовщину трагического дня начала войны 22 июня, в Кошкино прошла торжественно-траур-

ная церемония погребения останков 14 бойцов из 41-го. В их числе и П.К. Никитина. На мраморной доске мемориала появилась надпись и о нём. Завершает скорбный список короткая строчка: Кравченко. Больше ничего не известно об этом солдате, чья фамилия была выколота на внутренней стороне истлевшего ботинка, найденного в раскопе форпостовцами...

В том перезахоронении участвовали родственники Петра Константиновича – внуки Андрей Харитонов и Светлана Семёнова. Они поведали: у 29-летнего колхозника Петра было четверо детей. К сожалению, у потомков бойца ничего не сохранилось, кроме фотографии жены и сестры Никитина. Когда-то от выжившего земляка в семью пришло сообщение о его гибели: «Пал смертью храбрых близ города Кингисеппа». Благодаря «Форпосту» у родственников появилась и материальная память о деде – записка, выполненная его рукой, и бакелитовый шестигранничек медальона. Прижимая его к сердцу, Светлана прислонилась к покореженному бетону дота №8, а по её щекам катились слезы. Может быть, именно этот момент вспомнил Костюкович, через годы определяя смысл поисковой работы?

...По каким принципам и канонам принимает Костюкович людей в отряд? Собирал по школам старшеклассников, приглашал всех. Кто-то из взрослых, прослышав о «Форпосте», почитав что-то о войне, сам предлагал свои услуги. Но для любых новичков действует одно правило – установлен испытательный год. Всякая там романтика? Такие надолго не задерживаются в отряде, летом пару раз в экспедицию выедут и пропадут. Остаются другие... Промозгло, холодно, снег, грязь, болото, а они – в деле. За четверть века никто не взрывался, не калечился. Царапины и мозоли к делу не относятся. В воду проваливаются, сушатся у костра. Костяк присматривается, что человек из себя представляет, какой вклад внёс, чем дышит, чем занимается.

И потом: отряд «саморучно», по выражению Костюковича, себя обеспечивает всем необходимым, на материальном самообеспечении находится, ведь извне его никто не финансирует... Весь транспорт – собственный, ремонт, бензин, солярка

– за свой счёт, кормёжка, обмундирование, снаряжение – то же. Действует общая касса, такой же котёл. В отпуск на Канары или куда там поближе в тёплые края никто не ездит. Дважды в год берут на своих предприятиях по две недели, в самое невыгодное для отдыха в обычном понимании время, чтобы участвовать в очередной «Вахте памяти»... Потянете такие лишения? Так-то в поход съездить, посидеть у костерка любителей хвастает. А с какой целью идёте в отряд?

– А ты сам – с какой целью, ради чего?

– У нас был наставник – Илья Геннадьевич Прокофьев, в то время он руководил фондом поисковых отрядов Ленинградской области, я же там регистрировался. Говорил: ты вот попробуй, тебя потом за уши не оттащишь.

– Он прав?

– Прав, в моём случае – да.

– А смысл?

– Один раз или два посмотришь на перезахоронении в глаза родственникам погибших, послушаешь, что они говорят, и поймёшь: занимаешься нужным делом...

Целые, фрагментарные, подмоченные, подгнившие, с едва проступающими буквами и цифрами записочки, все до единой найденные форпостовцами, прошли через руки Виктора. Чтобы сохранить информацию, стали их тут же, едва бережно расправленный иголкой свёрточек ляжет на командирский стол, фотографировать. Позже, с появлением новой техники, начали «ксерить», получая несколько копий. И теперь в штабной палатке едва ли не в каждой экспедиции можно увидеть выставленный на общее обозрение дубликат очередной находки.

– Страх есть: отвернёшь колпачок – и бумажка на воздухе разрушится?

– Все зависит от условий, в которых находился медальон. Повреждена ли бумажка грибком... Если ты его нашёл и начал крутить, назавтра уже не отложишь. Поэтому я запретил вскрывать на месте, – сообщает командир отряда. – Надо в чистоте, не спеша. Бывает, записка на раз раскручивается, а бывает – и иголкой, и в ванночке, и со спецрастворами на основе глицерина для укрепления бумаги – это уже дома. Когда у меня

совсем не выходит, тогда – экспертиза в Питере. Сейчас при наличии хорошего сканера выставляешь на нём огромное разрешение – и отправляешь по электронной почте в фонд поисковых отрядов, у них там есть спецпрограммы на восстановление утраченных фрагментов.

...Известно, что только 2-я дивизия народного ополчения Московского района Ленинграда, принявшая в середине 1941-го года первый бой с прорвавшимися на территорию Кингисеппского района фашистами, насчитывала в своём составе около девяти тысяч человек. На месяц задержав врага, рвавшегося в Ленинграду, дивизия понесла большие потери, пополнялась, «перекачала» здесь через себя еще сотни добровольцев. А пока захоронена едва ли половина павших тогда...

– Будем работать! – говорит Костюкович.

ЛЁТЧИК, КОТОРОГО ЛЮБИЛИ, НО НЕ ДОЖДАЛИСЬ

Повести военных лет записаны прямо на теле родной земли – линиями зарастающих окопов, обвалившимися блиндажами и землянками, воронками от разрывов снарядов, сравнявшимися с поверхностью холмиками безымянных могил... Вот строчки из одной такой повести.

Жил под Ростовом в городе Шахты парень по имени Павел Титов. Родился он в 1918 году, понятно, учился в школе, вступил в комсомол. Когда ему исполнилось двадцать лет, Павла призвали в армию. Хотел, как многие мальчишки той поры, стать лётчиком и мечту свою осуществил: через год его приняли в Ейское Военно-морское авиационное училище. По его окончании в звании младшего лейтенанта Титов был направлен в распоряжение военно-воздушных сил Краснозна-

мённого Балтийского флота и назначен младшим лётчиком четвёртой авиаэскадрильи 5-го истребительного авиационного полка. В мирном небе Павлу почти не удалось полетать, потому что началась война с фашистами.

На такой стержень биографических сведений, почерпнутых из архивного послужного списка лётчика, если бы писать настоящую повесть о нём, можно было бы нанизать долю определённой фантазии: был он строен и голубоглаз, ему очень шла офицерская морская форма и, когда Павел по делам службы или в отпуске оказывался в Ленинграде, девушки глядели ему вслед. А он обратил внимание на одну студентку и всеми помыслами был с ней, впрочем, это оказалось взаимно...

Последнее предположение имеет под собой серьёзное основание. Когда осенью 2003 года поисковики подняли из глубины болота части самолета, на котором Титов летом 41-го воевал в небе над Кингисеппским районом, в нагрудном кармане его кителя, рядом с сердцем, оказался сохранившийся комсомольский билет и сильно попорченное водой письмо на тонких листках бумаги: «...10 августа 1941 года. Здравствуй, Павел! Я послала тебе письмо 24 июля, но ответа на это письмо не получила. Не знаю, почему, или много работы, или послал, а я не получила. И решила написать ещё письмо, в которое вкладываю своё фото, хотя, правда, фото очень плохое, просто изуродовали меня. Хотела не брать, нужно снова перефотографироваться и ещё 15 дней ждать. Ну я и решила послать хоть это. Носи, Павел, меня с собой, я буду с тобой в воздухе, на земле и на воде, везде и всюду помогать тебе уничтожать врага...»

На этом месте обрывается одна повесть о Павле Титове, частью вымышленная (относительно цвета его глаз, например), но близкая к реальности, и начинается другая, основанная на документах, собранных бойцами «Форпоста» и их помощниками из областного фонда поисковых отрядов. Повесть, материалы к которой добыты в студёной топи болота урочища Крикково замёрзшими руками и горячими сердцами Виктора Костюковича и его товарищей.

А началось в первых числах октября 2003 года с того, что жительница Кингисеппа Любовь Петровна Попова подска-

зала поисковикам, где может быть нечто, интересное им. На клюквенном болоте в районе Крикково есть место приметное: такие же ягодники, как она, находившись по лесу, нередко устраивают себе привал на... обломке самолетного крыла. Отряд Костюковича тут же отправился в разведку. И действительно, опытные глаза и проверенные в деле инструменты поисковиков указали на едва приметную воронку неподалёку, в десятке метров от крыла. Откуда были извлечены многочисленные различные части «ишачка» – самолета И-16, идентифицировать его форпостовцы уже вполне могли.

Поскольку после затяжных летних и осенних дождей взбухли речка Солка и само болото, разбить на нём лагерь оказалось невозможно. Жили поисковики на даче родителей командира в шести километрах от «операционного поля» и, естественно, преодолевали это расстояние дважды в короткий осенний день – туда и обратно, чтобы успеть просушиться до следующей вылазки. На себе носили все необходимое для работы имущество, без конца, становясь в цепочку, вычерпывали воду из воронки вёдрами, так как тяжёлую мотопомпу доставить к месту работы было выше человеческих сил.

– Вода в речке поднялась на несколько метров, – вспоминает участник операции, тогда руководитель поисковых отрядов Ленинградской области и наставник Виктора Костюковича Илья Прокофьев. – Даже поваленные через основное русло большие деревья уносило течением, так как противоположный берег оказался затопленным. В результате наш путь к самолёту увеличивался ещё на несколько километров, так как мы обходили речку по автомобильному мосту.

Группа была озабочена одной целью – поскорее достичь кабины И-16. В ней, как уже выяснили по цифрам на карбюраторе машины, по повторённому через трафарет чёрной краской на обрывке перкаля заводскому номеру самолёта 24P21855, погребён пилот. На это указывала и часть парашютной лямки с пряжкой, попавшая в одно из вёдер, – уже стопроцентная гарантия того, что в воронке находятся останки лётчика. Из глубины извлекаются два сильно повреждённых при ударе авиационных пулемёта и патроны к ним – полный бое-

вой комплект в звеньях ленты. Судя по всему, очень коротким был последний бой, раз не израсходован боезапас...

Поисковики едва успевали откачивать воду, чтобы зацепить крюком тали отдельные элементы самолёта, как яма снова заполнялась торфяной жижей. Но вот удалось: всё ближе к ногам треноги из брёвен, установленной над воронкой, подтягивается фрагмент кабины, однако болото сопротивляется лебёдке, к тому же быстро темнеет. Приходится отложить подъём.

Но время не теряется даром. Ночью по своим каналам Прокофьеву удалось выяснить: архивные донесения о боевых действиях в этом районе и акты списания техники несут информацию, что в период с 16 по 26 августа 1941 года разбились три однотипных самолёта, в том числе – И-16 № 24Р21855. Известно также о гибели двух лётчиков, третий, по всей видимости, спасся на парашюте. А вот кто конкретно ушёл в вечность на борту 855-го, предстоит выяснить в ближайшие дни.

Томительно тянется время. Поисковики Костюковича и их товарищи уже видят воротник кожаного реглана пилота. Но его тело, пропитанное водой, набухшая одежда и парашют настолько тяжелы, что срываются несколько попыток вытащить погибшего на поверхность. Всё же удаётся освободить лётчика от ремней, которыми он пристегнут к креслу. Лебёдка цепляется к парашюту. Наконец-то! На краю воронки приготовлен кусок полиэтилена, на него и укладывается тело пилота. Погиб он мгновенно: голова прострелена вражеской пулей...

Реглан, китель – всё в удивительной сохранности. Из левого накладного кармана на груди выглядывает обложка какого-то документа. Ребята осторожно спарывают карман, и вот он – комсомольский билет на имя Павла Петровича Титова!

Уже в спокойной домашней обстановке разложили поисковики перед собой всё найденное в нагрудном кармане Павла Титова: комсомольский билет, справку Ейского военноморского авиационного училища о сдаче им норм комплекса ГТО второй ступени, удостоверение о том, что он совершил ознакомительный прыжок с самолёта, и письмо от девушки,

которая хочет быть с Павлом в воздухе, на земле и на воде, везде и всюду помогать ему уничтожать врага... Рядом легли на стол личные вещи пилота: наручные часы фирмы «Tissot», целая пачка «Беломорканала» и другая с тремя оставшимися папиросами, два подворотничка, пара носков, два носовых платка, бумажник.

Видеоматериалами этой экспедиции её участники поделились с программой «Вести – Санкт-Петербург», и в эфир вышел сюжет о возвращении лётчика Павла Титова, пропавшего в августе 41-го, в строй тех, кто воевал с фашистами и благодаря поисковикам вновь обрёл своё имя. На другой же день последовало неожиданное продолжение этой повести: на телестудию позвонила взволнованная женщина и сообщила, что письмо, с которым не расставался пилот, могла написать её мать...

И вот дверь открывает звонившая из питерских Озерков Галина Титова. Нет, она не дочь Павла Титова, а только однофамилица. Так сложилось, что её мама Мария Ивановна Морева после блокады вышла замуж за Николая Титова, но всегда помнила Павла и рассказывала дочери историю их дружбы. Мама училась в пединституте и познакомилась с лётчиком в 1940 году в Ленинграде. На лето 41-го они планировали свадьбу, но планы разрушила война, в начале которой её Павел пропал без вести...

Над прахом Павла Петровича Титова, торжественно захороненном на воинском мемориале в Мануйлово 22 июня 2004 года, встал новый памятник и прозвучал ружейный салют современных солдат.

Так окончилась ещё одна повесть о войне, которая записана на земле траншеями и воронками, а ещё – шрамами на сердцах всех участников повествования, растянувшегося на долгие десятилетия.

То была одна из самых коротких и одновременно самых трудоёмких экспедиций «Форпоста». Заняла она ровно десять дней от указания на место падения самолёта до извлечения того, что от него осталось, а главное – останков лётчика и полного его опознания...

НАТАЛИЯ ПУНЖИНА

Пунжина Наталия Викторовна – поэт, филолог. Член Союза писателей России. Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях. Автор поэтических сборников: «Глаза-незабудки» (2004), «Орешник за винской частью» (2020), «Золотые контуры судьбы» (2020). Участник 27-й Конференции молодых писателей Северо-Запада (Санкт-Петербург, 2007). Финалист Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина И.Н. Григорьева (2016 и 2020), лауреат (2017) и победитель этого конкурса (2021); лауреат Конкурса «Выборгская чайка» в номинации «Лирическая поэзия» (2017); дипломант поэтического Конкурса Союза писателей России «В труде и в бою храни беззаветно Отчизну свою» (2017). Живёт в Гатчине Ленинградской области.

ДЕРЖИМ ВРЕМЯ В ГОРСТИ...

ГЛАЗА-НЕЗАБУДКИ

*Никто не забыт и ничто не забыто.
О. Берггольц*

Глаза-незабудки, глаза-небеса.
Да, редко увидишь такие глаза.
Как те незабудки – синей не найти, –
Что там, в сорок третьем, остались цвести.
Навек в сорок третьем. Цветут для солдат,
Чьи юность и счастье в окопах лежат,

Для тех, кто с небес лишь увидел салют.
Цветут они в памяти. Вечно цветут.

Как чистые капельки старческих слёз,
Цветут у израненных белых берёз,
Во имя Победы святой и добра,
Во имя того, чтоб вовек детвора

Не знала, что юность бывает седой,
Что тонет в воронках с кровавой водой,
Что слепнет от взрывов и в танках горит,
Что стынет в снегах у прибрежных раки...

Не знала б... Но в жизни, увы, ветеран,
У внука – Чечня, а у сына – Афган.
И мальчик, прищурился задумчиво глаз,
Глядит, как медали сияют у вас.

...Цветут незабудки – в траве небеса.
У правнука точно такие глаза.
Ничто не забыто. Никто не забыт.
Цветут незабудки у мраморных плит.

Погибших помянут солдат,
За День Победы выпьют стоя,
И имя Родины святое
В который раз благословят.

Старик возьмёт букет гвоздик
В одну единственную руку...
Он в жизни плакать не привык,
Но по войне – ему и внуку,

Танкистам двум. Их жизнью свет
Усилен огненным ударом:
Горел под Сталинградом дед,
А внук горел под Кандагаром.

В альбоме фото рядом их.
 Похожи юные солдаты:
 Один седой – с сороковых,
 Другой седой – с восьмидесятых...

ДАЛЁКАЯ ВЕСНА

Мозаикой светлой – далёкая наша весна!
 Девчонки-подружки, атласные ленты, веснушки...
 Мальчишки играют во взрослых – у них не война,
 У них репетиция жизни серьёзной – «войнушка».

В жасминовых зарослях Димка сидит не дыша,
 С ружьём самодельным. Курок деревянный –
 на взводе.

Напротив – из гущи сиреневой – ствол ППШ,
 Из «Детского мира» отцовский подарок Володе.

У нас – «дочки-матери», куклы не могут без нас.
 Мы – дочери и матери. Мирные наши заботы.
 Мы просто играем, мы просто взрослеем сейчас,
 Пускай удивляя не детской заботой кого-то.

Соседки с бидонами, тут же орава детей –
 Стремглав, через двор за сараи кривые куда-то...
 Безногий Трофимыч – кому-то: «Не целься в людей!
 Игра-то – играй, да не знать бы войны вам, ребята!»

Из «Детского мира» – и кукла, и это ружье...
 Для детского нашего мира – любые игрушки.
 Мозаикой светлой – ушедшее детство моё.
 Сегодня мальчишки, как прежде, играют в «войнушку»...

МЕЧТА

Рухнула на пыльную дорогу
 Самолёта хрупкая модель.
 Взмыл он плавно, покружил немного,
 Но внезапно стукнулся о ель.

Фюзеляж изрядно поковеркан,
 Отлетело левое крыло...
 Он на прочность не прошёл проверку.
 Да, ему сейчас не повезло.

Создавал его мальчишка долго.
 А другой – не враг он и не друг –
 Хулиган, задира, да и только,
 Пульг нахально выхватил из рук...

Задрожала синева, затмилась...
 Разве виновата высота?
 Почему нелепо так разбилась
 Первая высокая мечта?

СЛАВКА

1

Говорят, он трудным рос подростком,
 Атаманом шайки дворовой.
 ...Над его могилою берёзка
 Шелестит молоденькой листвою.

Голуби кружат над Божьим храмом,
 Плачут свечи, боли не тая...
 Обагрил он землю под Баграмом,
 Жизнь отдал за други за своя.

Скорбным рейсом полетел «груз 200»
Из чужой страны в родную даль...
И осталась маме и невесте
За отвагу Славкина медаль.

2

Над погостом – золотая главка,
На дорожке – колокольни тень...
Ты о чём щебечешь, птица славка,
Не о том ли, что короток день?

Не о том ли, что тебе доверен
Этот час, как вечности пролог?
Может статься, вопреки потерям
Просветлеет сердца уголок.

...Носят по улицам мальчишки,
Тихо плачет женщина в ночи...
Птичка славка, родич воробьишки,
Щебечи пока что, щебечи...

ОСЕННИЕ ЛЮДИ

Погостили, и будет!
Скоро сгинем во мгле
Мы, осенние люди, –
На весенней земле.

Отблеск прошлого века –
По-над шатким мостом.
Месит крошево снега
Двадцать первый – винтом.

Вьётся ветер понтовый,
Дней крошится шуга,

Мост кренится понтонный,
Не видны берега...

Кто сказал, что пора нам?
Держим время в горсти.
Лечим старые раны.
Мы живём – не гостим!

Сквозь туман лихолетья
Мы проходим опять.
На весенней планете
Нам ещё зимовать.

ЕЩЁ ОДНА ВЕСНА

В стареньком альбоме пожелтелом
Баба Рая карточки смотрела.
Сколько лет и зим, скажи на милость,
На бумаге хрупкой сохранилось!
Да и вёсен видано немало.
И ещё одна в душе настала...

...Пару фото года сорок пятого
Баба Рая в ридикюль припрятала.
Целый час вертелась у комода,
Вспоминая все этапы моды
Века прошлого, родного, длинного,
И вдыхала запах нафталиновый.
Розово напудрилась, ах батюшки!
Поясок расправила на платьишке,
Том, что сшила ей портниха Нина
Из кримплена цвета бальзамина,
Кажется, году в семидесятом.
А сидит получше, чем когда-то!
Из коробки «лодочки» достала –

Берегла их, редко обувала.
Повязала газовый платочек,
И в трюмо глядит: неплохо очень!

На углу, напротив остановки,
Ландышей купила у торговки.
Та глазами смерила Раису:
«Ишь ты, причепурилась, актриса!»
«А сегодня, знаешь ли, Татьяна,
Танцы под гармошку у фонтана.
У меня особый этот вечер –
С юностью своей спешу на встречу!»

...А фонтан резвится и взлетает!
Почему гармошка не играет?
Ах вы бабы, бабоньки, бабули!
Может, нас случайно обманули?
Вы не стойте, мол, не ждите, люди –
Танцев под гармонь у нас не будет.
Гармонисту будь земелька пухом!
Утром был он бодрым и, по слухам,
Вышел за картошкой с авоськой
И осел внезапно под берёзкой.
Не успела «скорая» домчатся –
Деда не дождалась домочадцы...
А намедни здесь же, у фонтана,
Собирались вместе ветераны,
И Семёныч в день великий мая
Нёс гармонь, к медалям прижимая.

...Солнышко над городом ликует.
У фонтана голуби воркуют.
И сметает дворник с парапета
Потемневших ландышей букет...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Не призраки, не прах земной, а люди
Меж нами здесь, на пяточке земли, –
Те, что под грохот бешеных орудий
Вдруг тишину навеки обрели.

Их имена не все на обелиске.
Всяк неизвестный воин, имярек,
Жизнь отдавая, знал – Победа близко!
...Набухло небо, наклонилось низко
И на траву роняет майский снег.
Представлю я – для вас оркестры грянут
Из гроз весенних дружных, и тогда
Все войны вдруг возьмут – нет, не тайм-аут –
Возьмут и прекратятся. Навсегда!

ИРЭНА СЕРГЕЕВА

Сергеева Ирэна Андреевна – поэт, прозаик. Член Союза писателей СССР, член Союза писателей России. Председатель секции поэзии Санкт-Петербургского отделения СП России. Автор двадцати четырёх книг стихов и семи книг прозы. Редактор и составитель коллективных альманахов и сборников, в их числе – «День русской поэзии» и «Северные цветы». Лауреат премий Союза писателей России «Традиция» (1996), им. Н. Заболоцкого и Всероссийской Православной им. Святого Благоверного князя Александра Невского, премии «Ладога». Имеет государственную награду – медаль А.С. Пушкина.

ВСЯ ЖИЗНЬ ВОКРУГ – ТЕБЕ НАГРАДА...

* * *

Роса упала на поля,
и, по тропе ступая,
я чувствую тебя, земля,
как будто обнимаю.

Как будто трогаю тебя
горячими губами,
как будто вижу всю тебя
от Пскова до Кубани.

И обхожу хлеба твои,
и травы приминаю,
и все прошедшие бои
опять припоминаю.

ПЕСНЯ СТАРШЕМУ БРАТУ

*Игорю Андреевичу Сергееву-Славинскому,
гвардии капитану*

Идёшь ты бравою походкой
вдоль майских улиц налегке.
И многоцветные колодки
горят на сером пиджаке.

Как это небо голубые,
глаза по-юному блестят.
А что виски уже седые –
так ведь тебе за пятьдесят.

Но ты тот парень норовистый,
пригожий, краше всех собой,
что в сорок первом стал танкистом,
а в сорок пятом кончил бой...

Ты тот, горевший вместе с танком,
тот, что в госпиталях лежал,
приехал к нам и пел «Землянку»,
медали мелом начищал...

Твоя горячая натура
и нам в тылу была видна.
Соседка наша тётя Нюра
с тобой стояла у окна.

Соседка наша тётя Настя
была, как видно, влюблена.
И в сорок пятом слёзы счастья
Россия в мае пролила...

Ещё не тяжкою походкой
в весенней молодой толпе
идёшь, и светятся колодки
наград на скромном пиджаке.

Вся жизнь вокруг – тебе награда
за кровь, пролитую в войне,
за оборону Ленинграда,
за оборону Сталинграда,
за юность, отданную мне.

ВАСИЛИСА

Тропочка такая узкая,
а вокруг – хлеба пльвут.
Женщина такая русская,
Василисою зовут.

Бабушка звала Васёною,
партизаны – Васильком,
хлебушком в войну спасённую,
не родимым молоком...

Ты идёшь, ещё цветущая,
васильками глаз светя.
Матерь ты всему живущему,
этот хлеб – твоё дитя.

На поле Волховского фронта
всё кровью полито родной.
Погибли... Кто считал урон-то?
Здесь тысячи за город мой.
Здесь дядя мой с любимым братцем,
что ранен был, и тот – чуть жив,
сражались...Брату было двадцать.
Другой – незнамо где лежит...

Брат Александрo-Невский орден
не зря носил, изранен весь,
им путь войны на танке пройден,
и кровь его не только здесь.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН (Баллада)

*Фёдору Николаевичу Корневу,
признанному партизану Ленобласти*

Бежал из плена Фёдор Корнев,
уже успев повоевать,
туда, где дом, родные корни,
и где жила старушка-мать,
где угнездилась вражья рать.
Умел он прыгать с самолёта,
а тут из поезда пришлось...
Решил: он встанет – словно рота,
один, вмещая месть и злость,
врагам – как будто в горле кость.
Село под немцами, и трое
предателей нашлось всего.
Он жил в землянке, лишь порою
мать навещал, придя в село,
дав слово уничтожить зло.
Потом не раз он тёмной ночью
один в разведку выходил,
стал партизаном-одиночкой,
всех трёх предателей убил...
Он мать и Родину любил.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

Памяти Василия Ивановича Семёнова, орденоносца, воевавшего на Ленинградском фронте

Он был военный переводчик
и ленинградец коренной.
По несколько коротких строчек
писал жене из разных точек
из полосы, из фронтовой.

Подробности бывали редки.
О новой форме там строка...
А это значит – был в разведке,
с отличным знаньем языка
брал – в высшем чине «языка».

Переводил он документы,
бывал и в штабе, и в бою...
Писал про «занятость» свою
и всё же находил моменты...
В конце всегда писал: «люблю!»

ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ

Сердечная Любовь Сергеевна – поэт, бард. Член Союза писателей России. Автор одиннадцати книг поэзии. Член жюри многочисленных российских и международных фестивалей и конкурсов поэзии и авторской песни. Руководитель Смоленского областного литературного объединения «Родник» им. Юрия Пашкова (2013-2021г.) Редактор и составитель ежегодного альманаха «Родник» и антологии «Поэзии живой родник» (Смоленск). Лауреат национальной премии «Поэт года» и международного конкурса им. поэта и воина И.Н.Григорьева. Награждена медалью «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923-1996)».

МЫ ОТСТОЯЛИ ОТЧИЙ КРАЙ!

Это мне выжигали звёзды,
Босиком на мороз выгоняли,
В душегубке травили газом,
Надевали на шею петлю...

Это я подрывала составы,
Закрывала собою дзоты,
Самолёт посылала на танки
И громила, громила врагов!

Это я умерла в Ленинграде,
В шахту сброшена в Краснодоне,

Сожжена в белорусской деревне,
Заморожена в глыбе льда...

Это я возродилась и встала!
Собралась и дошла до Берлина!
И на чёрных остатках Рейхстага
Водрузила наш красный флаг!

Это я! Я частичка народа,
Капля малая в океане...
Но со мною живёт наша память
В мыслях, в сердце, в поступках, в крови!

ВЫЖИЛИ

1

Два пацанёнка, четыре и пять,
(В чём только души!)
Дёргают мамку опять и опять:
«Мамочка, кушать!»

А у неё муж ушёл на войну.
В самом начале.
Помните, как, разорвав тишину,
Бабы кричали?

Выгнали фрицы из дома семью.
В ямке ютятся,
Дёргают, дёргают мамку свою,
Дёргают братцы.

А у неё провалились глаза,
Высохли груди.
Что им ответить? Что плакать нельзя?
Хлеба не будет.

А у неё во всю щёку синяк:
Немец – прикладом
Только за то, что смотрела не так –
Ласковой надо.

Детям хотела объедков собрать,
Что им валяться.
Немец увидел и – ну «набирать»
Палкой по пальцам.

И у неё от ногтей до локтей
Содрана кожа...
«Боженька, только спаси мне детей!
Где же ты, Боже!»

А у неё вместо сердца клочки
(Что же вы, боги?):
Младший нечаянно сжал кулачки –
Очередь в ноги...

Два пацанёнка, четыре и пять,
(В чём только души!)
Дёргают мамку опять и опять:
«Мамочка, кушать!»

«Ну, ничего, ничего, не беда.
Будет вам кашка.
Лето же: в поле растёт лебеда,
Клевер, ромашка...»

Выжили. Выросли. Встали сыны.
Всех сохранила.
Ждёт. Ой, как ждёт! Всё ждёт мужа с войны.
Не схоронила...

2

– Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь.
Вот сейчас заскрипят половицы...
Нет, сначала калитка. Не смазана. Пусть!
Пусть скрипит. И такая сгодится.

А потом сапоги захрустят по песку,
Каблуки застучат по ступеням,
Брякнет ковшик по кадке, отведать кваску,
Крякнет дверь, отворённая в сени...

Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь...
Задохнётся от счастья калитка.
Ты сказал, уходя: «Жди, родная, вернусь».
Я дождусь. Похоронка – ошибка.

3

В углу под потолком над телевизором,
Куда никто из нас залезть не мог,
Цветочками бумажными униженный,
Жил Бог.

Бабуля с ним всегда шепталась ласково,
А он молчал в ответ, смотрел в глаза.
Текла, казалось, по дощечке лаковой
Слеза.

А мы, притихшие, смотрели издали
(Мешать сейчас, поди, нехорошо!)
И вместе с ней просили Бога истово,
Чтоб дед скорей с войны домой пришёл...

И МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ В СТРОЮ! (ПОЭМА-РЕКВИЕМ)

«И Молодая гвардия в строю...»
Виктор Плескун

1. На терриконе

... А с террикона видно всё на свете:
Вот солнце светит, вот играют дети,
Вот шахта, вот речушка, вот сады...
И кажется, что не было беды.
Но обелиск, врываясь в небеса,
О подвиге героев рассказал.

На терриконе не стихает ветер...
Они же были дети, просто дети.
Хотели жить, мечтать, любить хотели...
Но на податливом и нежном теле
Фашисты детям звёзды вырезали,
Ломали кости, в шурф живьём бросали...

На терриконе в зной – мороз по коже.
Кто описать злодеяства эти сможет!
Четырнадцать, шестнадцать... Жить да жить:
Любить, учиться, Родине служить.
Служили. Служат! «Гвардия» в строю!
Пусть молодогвардейцев воспоют

И террикона красная порода,
И обелиск... Пусть в памяти народа
Хранится вечно подвиг краснодонцев!
О них расскажут и дожди, и солнце.
О них поют, не умолкая, птицы:
Знать! Помнить! Верить! Не забыть! Гордиться!

2. Фашисты пришли

Блеск антрацита. Блеск антрацита.
 Звёздный, манящий блеск.
 Треск мотоциклов. Треск мотоциклов.
 Грозный... грозящий треск.
 Звук самолётов. Звук самолётов.
 Злобный, гудящий звук.
 Стук пулемётов. Стук пулемётов.
 Дробный, разящий стук.
 Взгляд исподлобья. Взгляд исподлобья.
 Дерзкий, сверлящий взгляд.
 Гад преисподней. Гад преисподней!
 Мерзкий, смердящий гад.
 Рык вместо речи. Рык вместо речи.
 Гадкий, утробный рык.
 Штык для увечий. Штык для увечий.
 Гладкий, удобный штык ...
 Гром раскатился. Гром раскатился.
 Жуткий, смертельный гром.
 Дом задымился. Дом задымился.
 Звери
 Пришли
 В Краснодар.

3. Новый порядок

Вода в колонке – для хозяев. Не для русских!
 За неповиновение – расстрел!
 Не собираться в переулках узких.
 За неповиновение – расстрел!
 Без промедления стать на учёт на бирже.
 За неповиновение – расстрел!
 Порядок новый – к совершенству ближе.
 За неповиновение – расстрел!

4. Решение

Наши бати ушли на фронт.
 Старшие братья – тоже.
 Мы защитим Краснодар!
 Мы, комсомольцы! Мы сможем!

5. Танцы

– Любка, родная, ну же!
 Ну же! Пляши! Этот фон
 Нужен нам, очень нужен!
 Громче играй, патефон!

Гряньте, девчонки, песню
 Так, чтобы стёклам – звенеть!
 И не беда, что тесно,
 Главное – больше шуметь!

Любка, пляши, родная!
 Бей каблучками! Бей!
 Вести с советского края
 Уже принимает Сергей!

Мы уже пишем листовки.
 К ночи должны успеть.
 Витька, он смелый, ловкий...
 Не прекращайте петь!

Эй! Веселее пение!
 Дробь рассыпай, каблук!
 Наши идут в наступление!
 Скоро фашистам – каюк!

6. Седьмое ноября

Холодно. Сыро. И страшно.
Седьмое. Ноябрь уже.
Где задержались наши?
Где? На каком рубеже?

Хочется быть отважным.
Ой, как лютует фриц, –
Кто там на башне машет? –
Не получился Блиц!

Снова, слышал, расстреляли
Кого-то вчера в лесу...
Думали, нас испугали?!
Мечтали, хлеб-соль поднесут?!

Мы же советские люди!
Не будет угля для врагов!
Шахта работать не будет!
Да, что ж там среди облаков?

Седьмое! Священная дата!
Да, что ж там трепещет так?
Это же флаг, ребята!
Красный советский флаг!

7. Пожар

– Слышал я, комендатуру
Ночью сегодня сожгли...
– Слышали, комендатуру
Ночью сегодня сожгли?..

– Слышали, комендатуру...
– Нет. Не нашли. Потом...

– Витька! Алёшка! Шура!
Ну-ка, стрелю – в дом!

Весть разлеталась быстро:
Маленький городок.

– Был, говорят, с канистрой
Рыженький паренёк...
– Нет. Это дюжий детина,
Одетый, как полицейай...

– Да... Непонятна картина...
– Не знаешь, так не болтай!..
– Слышали, списки сгорели?
– Кто ж это сделать смог?

Вести, как ветер летели:
Маленький городок...

8. В застенках

Мне умереть не страшно.
Страшно не умирать.
Важно, мне очень важно
Под пытками не заорать...
Это не люди – звери.
Люди не могут пытать.
Не верю. Не верю. Не верю.
Витька не мог предать...
Силы всё тают, тают.
Вот палачи идут.
Знаю, я твёрдо знаю:
Наши не подведут.
Фашисты и полицаи
Будут гореть в огне!
Мамочка, я скучаю.

Мамочка, больно мне...
Важно, мне очень важно
Под пытками не заорать...
Мне умереть не страшно,
Страшно не умирать...

9. Смерть

«Смерти смотреть в глаза!» –
Так Кошевой сказал.
И ни один из нас
Не опустил глаз!

10. Праздник

Дней через пять после казни
Наши пришли в Краснодар.
Праздник! Какой же был праздник!
Он заглянул в каждый дом!

Каждому, каждому, каждому
Он посмотрел в глаза!
В них притаилось страшное,
О чём и сказать нельзя...

Но распрямлялись спины,
Стало свободно дышать...
– Сына! Найдите сына! –
В ноги бросалась мать.

– Дайте нам, – матери выли, –
Рядом с детьми умереть! –
Разве у праздника были
Силы на это смотреть!

Праздник, похожий на море,
Что не объять, не смирить,
Замер. Разбился о горе,
Не в силах его победить...

11. Их отыскали

Их отыскали мёртвыми. Растерзаны,
Изранены, измучены, изрезаны ...
Одни расстреляны в февральской роще,
С другими поступили проще:
В шурф шахты их, полуживых, толкали...
И, видно веря, что они из стали,
Гранаты сверху на тела бросали...
Но матери детей своих узнали
По ленточкам, по пуговкам, очкам,
По порванной одежде, по клочкам...
И нет ни слов, ни силы описать,
Как голосит по мёртвым детям мать...

12. В строю

Их хоронили в первый день весны.
Пусть снятся им счастливейшие сны.
Они, своею смертью смерть поправ,
Нам доказали: только смелый прав!
И «Молодая гвардия» – в строю!
Пусть молодогвардейцев воспоют
Ветра и солнце, облака и птицы:
Знать! Помнить! Верить! Не забыть! Гордиться!

НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ

Советная Наталья Викторовна – поэт, прозаик, публицист, литкритик. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства. Заместитель председателя общества дружбы «Беларусь – Россия». Автор 19 книг. Лауреат и победитель многих международных, всероссийских и республиканских конкурсов. Имеет награды.

БЛОКАДНИЦЫ (Отрывок из рассказа)

...Ксения Ивановна заколотила фанерой, занавесила плотным покрывалом окно, разлетевшееся вдребезги во время недавней бомбёжки. Немцы обстреливали город хаотично, не прицельно – лишь бы посеять в горожанах панику, страх, отчаяние. Никогда не угадаешь, куда прилетит, где разорвётся в очередной раз, и кто навсегда останется лежать на мостовой.

Ксения убрала осколки, глянула на часы: пора в ясли за Наташенькой. Всякий раз, отправляясь за дочкой, она мысленно благодарила Бога, что эти ясли вообще существуют в природе, что директор завода когда-то подписал мужу заявление на предоставление места ребёнку, что теперь есть за Наташенькой присмотр, хоть какое, но тепло, хоть жиденькая, но каша. Её (всего-то по одной столовой ложке на каждого!) детишки размазывали по тарелке и ели по капельке, медленно, вылавливая каждую разбухшую крупинку, которая без молока казалась серо-синюшной. Сегодня дома на ужин не было ничего, кроме маленькой корочки хлеба. Её Ксения поделила на крош-

ки и оставила в пустой кастрюле, накрыв крышкой и придавив молотком, чтобы не унюхали и не пробрались крысы.

В Татарском переулке, недалеко от Съезженской, где Амбросенки жили в коммуналке на первом этаже, находилась школа, в ней – столовая, потому от серых хвостатых бандитов и тогда, в мирное время, житья не было. Однажды Ксения своими глазами видела, как к кошачьей миске дворовой кошки, которую подкармливали школьники и работники столовой, крыса привела всё своё многочисленное семейство. И кошка, то ли по доброте душевной, то ли опасаясь за собственную жизнь, терпеливо ожидала в сторонке, пока непрошеные гости отобедают, и лишь потом подобрала остатки от крысиного пиршества.

Теперь увидеть кошку было почти невозможно: или, как и люди, они погибали от голода и морозов, или сами становились пищей для оголодавших ленинградцев. Зато крысы чувствовали себя в городе полноправными хозяевами. Они, как, впрочем, и мыши, вши, тараканы всегда появляются и плодятся там, где селятся горе-беда, страх, бедность, голод и смерть...

Ксения ещё раз проверила крышку на кастрюльке и вышла за порог. Прислушиваясь, задержалась на минуту у двери. Заслышав шаги на лестнице этажом выше, поспешно вернулась в комнату. Крысы крысами, но и люди с помутившимся от голода рассудком никуда не делись. Двери ведь ни у кого не закрывались, чтобы спасатели-комсомольцы из бытовых отрядов могли свободно попасть в любую квартиру, поэтому зайти туда мог кто угодно.

Ксения и её соседки по коммуналке подозревали жиличку с третьего этажа и малолетнюю дочь её, что не чисты они на руку: из комнат нет-нет да и пропадали вещи, которые можно было бы продать или обменять на продукты. Но, встречаясь с этой женщиной, все молча отводили глаза, не упрекали. Знали, что карточки на хлеб она потеряла или украли. А как выжить? Как ребёнка спасти? Да и за руку ведь её никто не схватил.

У Ксении Антон на заводе, на фронт не взяли из-за больной ноги, на которой открылся гнойный незаживающий свищ. Хлебная пайка у Амбросенко рабочая – двести пятьдесят

грамм, на Ксению и Наташеньку – по сто двадцать пять, ещё на старшую дочь Зою, которая училась в железнодорожном училище, двести пятьдесят грамм бесценного хлеба. Но изредка что-то ещё удавалось обменять, а что-то сохранилось в запасе с мирных времён. В ход шло всё: сварили Антонов кожаный ремень, съели Ксенину губную помаду и Наташину детскую присыпку, смололи древесную кору, которую догадались ободрать с поленьев. Дрова были довоенные, ведь дом отапливался печками, в комнате у Амбросенок сохранился даже изразцовый камин, но сейчас, для экономии, грелись буржуйкой, которую где-то раздобыл Антон. Чтобы достать воды, Зоя взбиралась на крышу (дело было для неё привычным: приходилось тушить зажигательные бомбы) и набивала снегом кастрюлю или чайник. Худо-бедно, но пока семья спасалась. Только ноги у Ксении распухли от недоедания, ведь от себя она всё время старалась Наташеньке отделить: растущий организм – ему важнее.

В сумерках комнаты Ксения наощупь отыскивала кастрюльку с крошками, прижала к себе, нерешительно потопталась на месте, осматриваясь по сторонам. Наконец, определившись, спрятала бесценную посудину под подушку.

От садика до квартиры Ксения с Наташенькой хоть и торопилась, но шла долго. Ноги двигались с трудом, руки слабели. Она всё время боялась, что не удержит ребёнка, уронит и не сможет поднять. Прислоняясь к стене, отдыхала и снова шла. Иногда всё же ставила Наташу, закутанную в огромный шерстяной платок, на снег и та крошечными шажками самостоятельно преодолевала пару метров, но затем останавливалась и смотрела на мать умоляющими глазами. Ксения понимала: если не возьмёт дочь на руки, та просто рухнет на тротуар, и тогда поднять её будет гораздо труднее, словно в ней внезапно прибавилось весу.

Была ещё одна причина, по которой следовало обязательно пронести девочку на руках и при этом быстро: чтобы как можно скорее миновать жуткое место, не напугав ребёнка. На самом коротком пути, выбранном Ксенией к дому, уже несколько дней на тротуаре в сугробе сидела мёртвая женщина. Снег запорошил её волосы и одежду, но застывшие глаза

словно продолжали пристально смотреть на прохожих.

К мёртвым людям Ксения уже начала привыкать, чувство страха притупилось, да и к самой смерти незаметно возникло и нарастало с каждым днём какое-то необъяснимое безразличие. Нет, она не ждала смерти, напротив, изо всех сил старалась жить, ведь ей надо было во что бы то ни стало спасти Наташеньку! Но смерть находилась так близко, известия об умерших соседях, знакомых, родственниках, сослуживцах приходили так часто, что силы для горестного переживания иссякли, как иссыхают выплаканые слёзы. Однако та женщина, в сугробе, пугала Ксению, пугала именно взглядом, мёртвым взглядом заледеневших глаз. Ей казалось, что это взгляд самой смерти. И она хотела уберечь, закрыть собою дочь от неё.

Дома Ксения бережно, чтобы не потерять ни единого миллиграмма хлебushка, разложила крошки на блюдца, сохранившиеся с того удивительного мирного времени, когда в гости навещались друзья и родные, а она угощала их чаем из изящных чашечек, которые ставила на стол вместе с блюдами – чайный сервиз, подаренный Амбросенкам на свадьбу. Не раздевая, усадила за стол Наташеньку:

– Ешь медленно, держи во рту дольше, рассасывай хлебushек, словно сахарок, – и придвинула блюдце к дочке. – А я буржуйку растоплю, водички вскипячу.

Девочка неуклюже потянулась застывшими пальчиками к крошкам, попыталась взять одну, самую маленькую, но та выскользнула из рук и упала на пол.

– Мама-а-а! – вскрикнула и вдруг, всхлипнув, горестно запричитала Наташенька: – Кусок! Кусок упал! Кусок хлеба упал!

Ксения тяжело опустилась на колени и осторожно, двигаясь на четвереньках, принялась высматривать на полу пропавший «кусочек», мысленно умоляя Господа: «Только бы не в щель между досками! Там не увижу... Не достану... Пропадёт!».

Но крошечка спокойно лежала у ножки стула. Женщина осторожно прижала её подушечкой указательного пальца, бережно приподняла и опустила на ладонь.

– Цел твой кусок, детка моя, – прошептала обрадованно, а глаза внезапно затуманились.

ЗА ЖИЗНЬ!

*Посвящается 80-летию освобождения Беларуси
от немецко-фашистских захватчиков
и наступательной операции «Багратион»*

1941

Запрягайте, хлопцы, коней!¹
Грозны тучи ветер гонит,
В середине лета – мрак!
И дороги топчет враг...

В сорок первом немец весел:
Города подмял и веси.
«Дранг нах Остен» возгласил
И бомбил, стрелял, месил...
Шнапсом упиваясь всласть,
Красный флаг втоптал он в грязь.
И скривил брезгливо рот:
– Русиш швайн! Скотина! Сброд!
Здесь отныне – дойче власть!

– С голодухи б не пропасть...

Грабит, грабит фриц – всё мало!
– Отдавай-ка одеяло,
И подушку, и тулуп!
А в кадушке нет ли круп?

Яйки! Млеко! Хлеб и сало!
Мало гитлеровцу, мало!
Где фашист, там быть беде...
– Прячешь хлеб?! Гореть в избе
Ребятишкам, бабам... Всем!
Рус капут – и ни хт проблем.

Студит, вьюжит круговерть.
Из прицела смотрит смерть...
Запрягайте, хлопцы, коней,
Гитлеровца вон погоним!

Братья, мужики, солдаты,
Отомстим за наши хаты!
Партизаны, гадов бей!
Отомстим за жён, детей!
Пусть горит земля под фрицем.
За Отчизну будем биться!

1942

Жмут морозы нынче – страсть!
Господи, не дай пропасть!

Год идёт сорок второй.
Стоны, плач, проклятья, вой
В тюрьмах, гетто, лагерях...
Боль и ненависть в глазах!
Головешки... Дым... Зола...
В ямах – мёртвые тела.
Петли, петли на столбах
Вдоль дорог, на площадях...

– Власть германска – это ад!
– Озверел фашистский гад!
Запрягайте, хлопцы, коней,
Вызволяйте из неволи!

1943

Среди туч просветы будто,
Словно наступает утро!
Сорок третий на пороге.
– Уноси, германец, ноги!
Мы идём, идём, идём!
Мы сильнее с каждым днём!

¹ «Запрягайте, хлопцы, коней...» – антоним названия популярной казачьей песни «Распрягайте, хлопцы, коней».

Отстояли Сталинград –
 Удирал от Волги гад!
 Укусить хотел под Курском –
 Драпал по тому же курсу!
 Но мосты вставали дыбом,
 Отправляя фрицев рыбам.
 Плавильсь от взрывов рельсы,
 Мины на дорогах сельских
 Тормозили немцам ход,
 Загоняя в край болот.

Враг от ярости кипел.
 И зверел, зверел, зверел...

Запрягайте, хлопцы, коней!
 Мы в болотах не утонем:
 Знаем тропки, строим гати,
 Сёстры, братья – в каждой хате...
 Нас не сжечь, не погубить,
 Мы – народ!
 Мы будем жить!

1944
 Посветлело небо, вроде,
 Лишь по краю тучи бродят...
 Запрягли ребята коней!
 Гоним мы фашистов, гоним!
 А в седле – Багратион,
 (Хоть незримо – с нами он!)
 «Блицкриг» – русский?!
 Вот так шок!
 И подумать фриц не мог,
 Чтоб его «Восточный вал»
 Шесть недель не простоял,
 И что гордость его – «Центр» –
 Не потянет и на цент!

– О Москве мечтал ты, враг?
 Что ж, как снег весной, размяк?!
 А в столице перезвон:
 – Победённых – эшелон!
 – Братцы, пленных тыщи тут!
 – Что, фашист, сменил маршрут?
 – Где же твой победный флаг?
 – Что ж плетёшься кое-как?
 – «Дранг нах Остен»? Получай!
 Догоню – поддам на чай!

1945
 Солнце в небе расцвело.
 И начищено седло...
 Так пришпоривайте коней,
 Хлопцы, дальше немца гоним!
 От границы белорусской
 До столицы дальней прусской,
 От Варшавы – до Берлина!
 Получайте, фрицы, дрына!

Вот и логово – Рейхстаг.
 Взвейся, наш советский флаг!
 Все, кто родине был предан,
 Ставьте подпись под Победой!
 Чтоб враги не смели драться,
 На стене пишите, братцы!

Лета, зимы пролетели.
 Замели следы метели.
 Вновь лютует круговерть.
 Где-то рядом бродит смерть...

Там – потоп. Тут – снегопад.
Землетряска. Шторм и град.
Да закат багрово-страшный!
И приказ тревожно-важный:
«Запрягайте снова коней!
Слышите, земля как стонет?
Враг опять нам дышит в спину,
Прячет под полой дубину...

Тот же фриц! И с ним же в ряд
Те же вражины стоят.
Гляньте: кони бьют копытом,
Высекают: «Не забыто!»
Сабля есть. И порох сух.
Крепок наш отважный дух!»

Запрягать мы можем долго:
Широка душа, как Волга,
Но и глубока она –
Не достанешь тайны-дна.
За Божественным щитом
Свят-Отечество – наш дом!

А поедем – так держись!
Встанем насмерть, но – за жизнь!
Запрягайте, хлопцы, коней,
Честь и знамя не уроним!

ЛИПЕЦКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ «ВОИНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО»

ВАЛЕНТИН БАЮКАНСКИЙ

Баюканский Валентин Анатольевич – прозаик, публицист. Родился в 1959 году в г. Липецке. Член Союза российских писателей. Действительный член Петровской академии наук и искусств и Международной академии русской словесности. Лауреат областной премии им. Е.И. Замятина. Награждён медалями «Во славу Липецкой области», «70 лет Липецкой области», «Максим Богданович». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси», Международной академической литературной премии им. Л.Н. Толстого

и литературного международного конкурса «Балтийский Гамаюн» (Литва). Автор 15 книг, печатался в журналах «Юность», «Петровский мост», «Берега», «На русских просторах», «Север», «Подъём», в альманахе «Ступени» (Литва), «Новая Немига литературная» (Беларусь).

КАЖДЫЙ БЛОКАДНИК – ГЕРОЙ

(Рассказ)

Памяти отца и всех переживших ад Ленинградской блокады посвящается

У фронтовиков – участников Великой Отечественной войны есть одна особенность. Они не любят рассказывать о том, как воевали и как пережили войну. Но иногда приходится вспоминать... Дается им это крайне тяжело. Оно и понятно: у кого-то погибли родные, у кого-то друзья-однополчане. Так было и в биографии моего отца. Из двенадцати человек

его ленинградской семьи блокадное чрево войны поглотило одиннадцать. В живых остался лишь отец, который был тогда шестнадцатилетним пареньком, мало выдавшим на своём коротком веку хорошего. Но судьба оберегала его, чтобы он смог всё пройти, всё превозмочь и возродить наш род – талантливых творческих личностей.

Накануне празднования 75-летия Победы над фашистской Германией я готовил книгу, посвящённую Великой Отечественной войне, и спросил отца, пережившего ленинградскую блокаду, чем для него являются те страшные события. Отец задумался, ведь ему пришлось пережить суровое время. Я-то всё хорошо знал. Но он понимал, что другие этого могут и не знать, поэтому обязан рассказать:

– Говорить много не стану, но самым первым впечатлением поделюсь.

Жили мы тогда в Ленинграде, на Невском проспекте, недалеко от Московского вокзала, в самом центре, потому все новости узнавали первыми. А меня и других дворовых мальчишек – безотцовщину, ещё всегда привлекали плакаты в витринах магазинов. Среди них были и такие, в которых говорилось о будущей войне:

«Если завтра война,
Если завтра в поход, –
Будь сегодня к походу готов!»

Мы тогда даже не вдумывались в предупреждающий смысл текста. «Полетит самолёт» – куда? «Застрочит пулемёт» – в кого?

В день объявления войны я с ребятами отправился на стадион имени Ленина, расположенный на Петровском острове Малой Невы. Там должен был состояться матч между харьковским «Спартак» и ленинградским «Зенитом». Но ворота стадиона были закрыты. В это время подъехал грузовик, в кузове за небольшим столом – мужчина в полувоенной форме. Обращаясь к болельщикам, он сообщил, что началась война, на нашу страну напали немцы, но тут же успокоил: «Товарищи, не волнуйтесь. Через две недели мы их полностью разобьём! Билеты, пожалуйста, сохраните. По ним можно будет пройти на матч, который состоится после победы».

После таких слов мы, мальчишки, известия о начале войны не испугались. Решили доехать до Казанской площади, недалеко от которой находилось наше ремесленное училище. И удивились, что она уже была заполнена людьми – не протолкнуться! За столиками – девушки в красных косынках, к ним – огромные очереди. Шла запись добровольцев на фронт. Мы тоже встали в очередь. Нам казалось, что война совсем не страшна, мы победим легко, так, как пелось в наших песнях. Девушка, записывающая добровольцев, окинула строгим взглядом нашу компанию:

– Из какого училища?

– Из сорокового, – ответили гордо.

– Так ступайте учиться! Надо будет, вас позовут, а пока обойдёмся.

Вскоре немцы уже обстреливали город снарядами, сыпали зажигательными бомбами. А мы, ухватив щипцами немецкие «гостинцы», бросали их в бочки с водой, в ящики с песком, которые устанавливались на крышах. Приходилось даже выявлять пособников фашистов, указывающим немецким самолётам места ударов.

Как-то в начале сентября сорок первого я спешил на завод, где с товарищами вытачивал на станках ручки для носилок. Начался обстрел из дальнобойных орудий. Прислонившись лицом к дощатому забору, я замер. Вдруг ухнуло совсем близко, и у меня словно загорелось левое ухо. Рядом со мной в забор вонзился большой осколок от разорвавшегося снаряда. Меня спасли всего несколько сантиметров. Я отколупал перочинным ножиком ещё горячее железо из доски и, перекидывая его из руки в руку, побежал на работу.

Дети оставались детьми. Не в состоянии до конца осознать опасность, мы устраивали соревнования: кто больше соберёт осколков. Однако всё это было лишь в самом начале войны, которая никак не заканчивалась, а становилась всё страшнее и невыносимее. Из магазинов исчезло продовольствие. Хлеба выдавали всего по сто двадцать пять граммов. Дров для отопления не было. Стёкла в домах выбиты... И всюду смерть.

После того, как резко сократили хлебный паёк, люди ста-

ли умирать от голода. Первыми уходили те, кто до войны хорошо питался. В нашем доме на Лиговском проспекте жило много известных людей: профессора, артисты. Вот с них-то и начался смертельный отсчёт. Умер и наш дворник. Мне он казался буржуем, ведь многие жильцы, возвращаясь домой поздно, одаривали его гривенниками, чтобы не ворчал, открывая двери припозднившимся. Умерла и милая девочка, моя первая любовь...

Я встретил её маму, когда она тянула саночки с мёртвым телом:

– Толя, я Лизу везу, – остановила меня, чтобы я смог проститься.

Но вместо моей любимой девочки я увидел маленькую старушку. Так изменилось её исхудавшее лицо.

С каждым прожитым днём сил оставалось всё меньше и меньше. Один за другим умирали родственники. Умирали на моих глазах. В нашей коммунальной квартире рядом с живыми, лежали умершие соседи. Из мальчишки я вдруг превратился в битого жизнью взрослого человека, который тоже умирал. И мама моя умирала. Мы лежали с ней на одной кровати, потому что так было теплее, и ждали смерти. Почти не разговаривали: берегли силы.

Смерть я ощущал физически, даже видел её в виде чёрной ленты-змеи, окутывающей мои ноги. Когда она поднималась до туловища, я терял сознание. Так повторялось несколько раз. Так было и когда я оказался в морге.

Попытка выбраться из города по Дороге жизни закончилась для меня сильнейшей контузией. Но считалось, что мне повезло. Несколько тысяч моих сверстников, как и я учеников ремесленных училищ, погибли. Меня же вернули в блокадный Ленинград, хотя сначала отправили в морг. После контузии я потерял сознание. Врач вынес вердикт: «Этого в нулевку», что означало – в морг. Ночью я очнулся на ледяном полу, застонал. Кто-то услышал... Все время думаю, что меня всю жизнь спасала молитва моей верующей бабушки, ведь много раз смерть приходила ко мне.

Нет того дня, чтобы я не вспоминал военное прошлое и своих сверстников-друзей, которых давно уже нет... Вспоми-

наю и тех восемнадцатилетних ребят, моих ровесников-солдат, с которыми воевал в Белоруссии. Однажды во время привала начался обстрел. Погибли почти все. А нужно было срочно идти дальше. Ребят наскоро захоронили. Комья земли падали на их лица...

Отец замолчал. На его глаза навернулись слёзы. Немного успокоившись, он продолжил:

– Но особенно тяжело вспоминать блокаду. Когда у нас ещё оставались силы ходить, мне с товарищем дали в училище задание отвезти на Волково кладбище нашего старого мастера, умершего несколько часов назад. Мы положили его на фанерный лист, кое-как дотащили до кладбищенских ворот и решили оставить там тело. Хоронить на кладбище не разрешали – не было места. Да и сил нести его дальше уже не было. Мы сели передохнуть. В этот момент подошла полуторка, и, когда открыли борта, из кузова посыпались покойники: голые тела мужчин, женщин, детей. Их облили горючей жидкостью и подожгли.

К трупам мы уже привыкли, ведь они были везде: в квартирах, в подъездах, на улицах. Всюду. Я думал, что видел всё самое страшное. Видел даже, как крысы огромными стаями выходили на водопой к Неве. И если в это время на их пути оказывался человек, то хвостатые твари сбивали его с ног и загрызали насмерть. Я видел это. Но то, что я с товарищем увидел на кладбище, оказалось самым ужасным зрелищем, которого мне не забыть вовек. Охваченные огнём мёртвые тела словно ожили, они зашевелились, стали приподниматься и изгибаться. Жуткий танец смерти!

Отец снова прервал рассказ. А мне вдруг показалось, что его душа сейчас вовсе не здесь, а в том далёком и страшном прошлом.

В морском госпитале, куда он попал после контузии, его заново научили есть, сидеть, стоять, ходить – жить. И, конечно, отец мог бы ещё рассказать о том, как чудом остался жив после попадания вражеского снаряда точно в то место, где папа находился минуту назад, но чей-то голос (мистический, необъяснимый!) вдруг потребовал, чтобы он немедленно покинул это

место. Мог бы рассказать, как на глазах его парализованного родственника умирала от голода жена, но он никак не мог ей помочь, потому что сам был прикован к креслу-качалке, а потому только смотрел на неё, пока не умер сам. Мог бы рассказать, как умирал вместе с мамой от голода, но в квартиру пришли девушки из бытового отряда и забрали его в госпиталь, а маму взять не смогли: не было у них на это ни рук, ни сил... Мог бы рассказать, но теперь у него не было на это сил.

– То, что мы тогда пережили, – подытожил отец, – надо помнить. Всегда. Каждый выживший и погибший блокадник по сути – герой. Своим сопротивлением смерти каждый из них не позволил врагу овладеть Ленинградом.

Отец говорил правду. Иначе не мог, ведь пережитое народом для него было святым.

Военная биография Анатолия Баюканского вмещается всего в несколько строк, но за каждой из них кроются многочисленные важные события.

Родился отец 16 декабря 1925 года в Москве. Юность провёл в Ленинграде. После эвакуации из осаждённого города работал в Сибири на военном заводе. В 1943 году был призван в ряды Красной Армии. Принимал участие в освобождении БССР, Прибалтики и Северного Китая. Награждён орденом Отечественной войны II степени, 12 медалями, но особо ценит медаль «За оборону Ленинграда». Из жизни он ушёл на 97 году. Эстафету памяти передал мне – сыну, а я обязан предать её другим.

ЛЮДМИЛА БАХТИНА

Бахтина Людмила Ивановна – прозаик. Родилась в Лебедянском районе Липецкой области. Член ЛООО Союза писателей «Воинское содружество». Руководитель Лебедянского отделения. Стихи и проза публиковались в периодической печати, в литературно-художественном альманахе «Ямб», «Вознесение». В коллективных сборниках «Воинского содружества», в российско-белорусских сборниках: «Две сестры: Россия – Беларусь», «Четыре вечных времени», «В стране фантазий», «Достояние», в альманахе «Литературное созвездие». Отличник просвещения РФ.

ПИСЬМО С ФРОНТА (Эссе)

Любая война несёт ужас гибели людей. Но, когда речь идёт о защите Отечества, каждый становится воином – на фронте, в тылу. В нашей семье воевал мой отец, рядовой Кукушкин Иван Афанасьевич, мой дядя, майор Сотников Алексей Викторович, который был тяжело ранен при переправе через Одер. Ещё один дядя, ефрейтор Сотников Василий Викторович, прошёл три войны: финскую, Отечественную и японскую. Мой крёстный, Филатов Александр Федорович, которому идёт 102-й год, с первых дней войны сражался с врагом. Был контужен и попал в плен, где провёл четыре года. Но они вернулись живыми, и это было настоящим счастьем. Фронтвики мало рассказывали о войне: они не хотели вспоминать то, через что пришлось пройти. Поэтому так остро в семье переживали потерю близкого человека – Лёни, моего дяди.

Этот жёлто-серый листок, вырванный из школьной тетради в клеточку, я никогда не забуду.

Моя бабушка, Алимпиада Андреевна, или по-уличному Пияша, мать семерых детей, отдала войне старшего сына Алексея, или Лёню, как звали его в семье. Он был на два года старше моего отца – 1923 года рождения, учился в Лев-Толстовском железнодорожном училище на машиниста паровоза. И весной 1943 года, сразу после окончания училища, был призван на фронт. Но воевать ему не пришлось – он погиб в первом же бою, о чём сообщалось в похоронке, присланной семье. Бабушка не часто рассказывала об этом. Похоронка вместе с важными документами лежала в сундуке, но я её видела и держала в руках: жёлтая, полуистлевшая тоненькая бумажка, в которой синими школьными чернилами было написано, что... «ваш сын красноармеец Кукушкин Алексей Афанасьевич погиб 8 марта 1943 года и похоронен в Брянской области д. Меловое Комарического с/с».

Бабушка Пияша была грамотной, закончила три класса Волотовской церковно-приходской школы, многие произведения русских классиков знала наизусть, читала рассказы Короленко и Мамина-Сибиряка, романы Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», сказы Бажова, это, как вы понимаете, серьёзная литература. Но похоронку сама не читала никогда.

Приходила я из школы раньше старшей сестры, которая уже училась в Лебедянском педучилище, и бабушка, покормив меня обедом, просила: «Люда, почитай про Лёню». Она доставала из сундука новый полосатый платочек, в котором были завернуты документы, и, пригладив волосы, разворачивала его. Дрожащей рукой вытаскивала жёлтую бумажку и протягивала мне. И я, почему-то всегда с замиранием сердца, читала. Бабушка сидела за столом, положив на колени узловатые, натруженные руки, и внимательно слушала. Наверное, ей виделся этот бой, она физически чувствовала боль от разрывающей тело пули, слышала последний вскрик сына и представляла, как он лежит, раскинув руки, на холодной, с остатками грязного снега, изрытой снарядами мартовской земле.

А потом бабушка подавала мне этот жёлто-серый листок,

вырванный из школьной тетради в клеточку. Это было письмо-треугольник – единственное письмо, присланное Лёней с фронта, а точнее – с дороги на фронт. Я хорошо помню, сколько тепла и трогательной заботы было в каждой строчке, хотя звучали они так привычно и немного наивно. «Здравствуйте, дорогие папаня и маманька, пишет вам сын Алексей. Во-первых строках своего письма спешу сообщить, что я жив-здоров, чего и вам желаю, а также братьям Ване, Коле и Толе, сёстрам Нине, Мане и маленькой Люсе». Почерк был мелкий, но почти каллиграфический, читалось легко. У меня срывался голос, в груди что-то сжималось, и было трудно дышать. Письмо было короткое. Лёня писал, что едут они днём и ночью, часто и надолго останавливаются в поле, и по отдельным приметам угадывалось – едут по недавно освобождённой от врагов территории. Называл какие-то две железнодорожные станции, но они были тщательно вымараны военным цензором. В письме просил маманьку не беспокоиться: кормят нормально, ребята хорошие. Была и просьба – выслать тёплые шерстяные носки, так как ночи холодные, а куда – он потом сообщит по прибытии на место. Очень скучает по родным, которым всем передаёт привет.

С трепетом я сворачивала листок в треугольничек и отдавала бабушке. Она брала солдатское письмо, единственную весточку от погибшего сына, проводила по сгибам пальцами, как будто гладила, бережно заворачивала его и похоронку в платочек и прятала бесценные сокровища в сундук.

Потом мы всегда молчали. В избе стояла звенящая тишина, только монотонно тикали ходики. Бабушка покачивала головой и беззвучно плакала, а я представляла мчащийся в ночи поезд, притихших, остриженных наголо юнцов, едущих навстречу своей смерти...

Никогда я не знала своего дяди, он навсегда остался 19-летним, таким, как на единственной фотографии, где стоит вместе со своим безымянным другом по Лев-Толстовскому железнодорожному училищу.

Худенький, в тёмной форме и в фуражке с молоточками, очень похожий на моего отца.

Так уж случилось, что никто из семьи не побывал на его

могиле. Помню, что присылали с Брянщины письмо – из сельсовета, приглашали на открытие надгробного памятника погибшим воинам. Но дедушка всего на два года пережил сына, да и бабушки Пияши уже не было в живых. Папе помешали какие-то непредвиденные обстоятельства, братья и сёстры разъехались по разным уголкам нашей необъятной страны, а мы с сестрой были подростками. Так и осталось во мне это щемящее чувство вины перед памятью Лёни, моего дяди, сложившего голову на безымянном поле во имя Победы. И пусть эти воспоминания будут частичным искуплением нашей вины перед погибшим.

ВЛАДИМИР БАШАРИН

Башарин Владимир Андреевич – поэт, прозаик. Родился в июле 1937 года в селе Кременки Ульяновской области. Член Союза писателей «Воинское содружество». Член Международной академии русской словесности. Полковник в отставке. Награждён 9-ю медалями. Также награждён Почётной грамотой администрации Лебедянского муниципального района за заслуги перед районом в области воспитательно-патриотической, литературной и общественной деятельности с вручением юбилейной медали «400 лет городу Лебедянь».

ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ТРУД СОЛДАТА?

Я тебя на закате
Унесла от Днестра.
Я не в белом халате –
Фронтная сестра.
Знаю, тёмные силы
Шепчут: «Ну, покорись!»
Ну, пожалуйста, милый,
Не сдавайся, борись!
Отрекись от могилы
Через мутную взвесь.
Ну, пожалуйста, милый,
Не сдавайся, я здесь!
На земле твоё царство
Среди солнечных струй,
У меня из лекарства

Лишь один поцелуй.
Да ещё вот мой голос,
Я зову тебя жить.
Будет зреть в поле колос,
В небе ястреб кружить.

На войне, вам скажу, трудно быть молодым.
На войне слишком раны жестоки.
Для меня много лет застилал чёрный дым
Золотую зарю на Востоке.
Мне глаза застилала кровавая мгла –
Врач сказал, что бывает такое.
Наяву и во сне головешкою жгла
Ненасытная жажда покоя...
Шли года за годами своим чередом –
Они тело от ран излечили.
А родная земля и родительский дом
Меня заново плакать учили.
Много лет всё носил автомат на ремне,
Память алым по белому стлалась...
До сих пор не пойму: неужели во мне
Довоенное что-то осталось?

Чем измерить труд солдата?
Эталон какой найти?
Потом, нервами, лопатой,
Километрами пути?
Скорбными холмами глины
Измерять солдата суть,
Что от Волги до Берлина
Расстелили Млечный путь?

Силой, верностью, отвагой,
 Орденами на груди?
 Или новой передрагой,
 Что маячит впереди?
 Труд солдата не измерить,
 Сил его не исчерпать.
 И в солдата надо верить,
 Как солдат в Россию-мать.

ТО СВИДАНЬЕ ЕЙ НАЗНАЧИЛА ВОЙНА

От восхода до заката
 Лишь минута на обед,
 Пашет дальний клин покатый
 Тракторист в шестнадцать лет.
 Губки – кровь у тракториста,
 Хоть портрет с неё лепи,
 На плече висит «мониста»
 От конвейерной цепи.
 В сапогах, в косынке яркой,
 Кровь бурлит, как кипяток,
 Руки, мытые соляжкой,
 Вытирает о платок.
 Целовать бы эти руки,
 Бредить музыкой стихов,
 Слушать сердца перестуки
 Вплоть до третьих петухов.
 Петь сердечные страданья...
 Ведь красива и стройна,
 Но сердечное свиданье
 Ей назначила война.
 Время сжато до минутки,
 Плуг кладёт за валом вал,
 Трактористка третьи сутки

Налегают на штурвал.
 А в глазах рябит и пляшет,
 А в ушах и свист, и вой,
 Дарья здесь не землю пашет,
 А ведёт смертельный бой.

ЖИВИТЕ, ЛЮДИ!

Посвящается павшим землякам

Иваны, Маши и Володеньки
 Слагают песни обо мне.
 И в этих песнях я молоденький,
 Ведь я остался на войне.
 Со мной ушли года военные,
 И это надо понимать.
 Уже давно, трудом согбенные,
 Ко мне пришли отец и мать.
 Гуляет ветер над планетой,
 Текут года из века в век.
 Живите, люди, в жизни этой,
 В ней, только в ней вы – человек.
 Земля прекрасна, мне поверьте,
 Между водою и огнём
 В их непрерывной круговерти
 Живите, люди, каждым днём.

ВИКТОР ИВАНОВ

Иванов Виктор Викторович – литератор, кандидат экономических наук, футуролог. Директор Института общественного развития, научный секретарь и член президиума Российской муниципальной академии. Автор более 200 научных работ и монографий, ряда теорий общественного развития, книг афоризмов. Общественный деятель. Член Липецкого Союза писателей «Воинское содружество», «Московского союза литераторов», «Российского союза профессиональных литераторов», «Московского клуба афористики», Московского клуба юмористов и сатириков «ЧД». Публикуется во многих профессиональных литературных сборниках, альманахах, как в России, так и за её пределами (Сербия, Беларусь, Болгария, Израиль), а также в центральных российских газетах, журналах и на сайтах рунета. Живёт в Москве.

СВЯЗЬ ВРЕМЁН (Эссе)

Мы нередко говорим о каких-то событиях: жизнь причудливее любой фантазии. Данное выражение стало уже расхожей фразой и часто воспринимается нами как гипербола или просто курьёзный случай, рассказанный для привлечения чужого внимания.

Однако порой с нами происходят реально сокровенные происшествия, переворачивающие наше мировоззрение или оставляющие в глубокой задумчивости и шоке от увиденного. Я не мистик, хотя жанр фантастики мне не чужд, но до сих пор не могу найти ответа одной истории, произошедшей со мною

несколько лет назад практически в самом центре Петербурга... или Ленинграда?

Случай привёл меня с супругой в этот замечательный город в конце января. Снег, позёмка, особая, ни с чем не сравнимая атмосфера. Почти случайно оказавшись в пустом скверике напротив здания Адмиралтейства, мы решили ненадолго присесть на скамейку, чтобы полюбоваться открывающимися величественными видами, которые, казалось, уже не менялись которое столетие.

И вдруг что-то незримо изменилось вокруг. Возникло какое-то странное напряжение, и практически сразу же неподалеку от нас появилась группа детей, как будто их привели сюда из детского сада. Взгляд скользнул по ним, отзываясь на это неожиданное появление, и мозг пронзило странное ощущение какого-то непонятного диссонанса.

В этот момент Лена, с которой мы вообще об этом не говорили, весьма тихим и взволнованным голосом вдруг спросила меня: «Ты ЭТО видишь?»

И тут как будто произошло прозрение. Десяток ребятшек, их игрушки... были словно из военного времени. Казалось, что такой одежды и игрушек уже давно нет, да и мы, родившиеся позже тех событий, видели их только в своём раннем детстве, потому что кое-где в сундуках такие вещи ещё хранили. Но вдруг здесь. Как?!

Удивление сменялось шоком. Картина была перед нашими глазами и привиделась сразу двоим, не страдающим излишней мнительностью и впечатлительностью. Мы видели этих ребят рядом с собой весьма отчётливо. Если уж что-то и двоилось в этот момент, то не изображение, а наше осознание.

Тихий говор, птицы. И совершенно не было транспорта рядом. Только тяжёлое свинцовое небо, зима и... удивительные дети. В этот момент возникло полное ощущение смены времени и пространства. Как будто бы мы погрузились в военные годы – странное ощущение сопереживания. Вдруг кто-то позвал детей – они начали двигаться в глубь сквера, и последний мальчик, повернувшись, посмотрел нам в глаза. Хотя нет, куда-то глубже, в душу. В её потаённые места, куда обычно человек никого не пускает и где он бывает остаётся один на

один с самыми непростыми личными переживаниями и обстоятельствами. Это был взгляд как будто из той войны.

Мы её не застали, но так сложилось, что в наших семьях были блокадники, пережившие те страшные годы в непокорённом городе.

Ужас в том, что если для взрослых людей жизнь и борьба в это время были сознательным выбором, пониманием происходящего, то совсем маленькие дети, столкнувшиеся со всеми этими чудовищными обстоятельствами, были практически перед ними беззащитны.

Моя тётя Алла, которую я знал как эффектную активную женщину со стальной волей и удивительным обаянием, родилась до войны и получила лучезарное необычное имя – Афродита. В самый разгар блокады трёхлетняя девочка оказалась одна на развалинах дома, чудом выжила при бомбёжке. Через несколько дней её подобрала наша бойцы.

Но жизнь во всякий день блокады была подвигом для неё, её близких, соседей, всех ленинградцев! Я помню многих. На их лицах отразилась война. Эти лица были поразительны! Необыкновенный сплав достоинства, внутренней силы, культуры. Люди оказались сильнее обстоятельств, перенесли все невзгоды с честью.

...Неожиданно откуда-то полилась музыка. Мы с Леной прислушались: Шостакович! Седьмая симфония – «Ленинградская». Симфония духа города-героя, города-крепости – Ленинграда. Казалось, музыка заполнила всё пространство, она звучала то мощно, то еле слышно. И когда смолкла, мы снова услышали гудение машин, шелест шин по дороге, увидели торпливых пешеходов и медленно падающий снег...

Каждый раз, приезжая в Петербург, я словно соприкасаюсь с историей, с величием города и его Духом.

Вот иду по улице и вижу: посечённый снарядами фасад здания с предупреждающей табличкой об опасной стороне при обстреле. Вдруг обожжёт душу и словно перенесёт в суровые будни войны. И увидится крылечко, магазинчик с заросшими пылью окнами, заклеенными крест на крест, и мешками с песком, прикрывающими здания.

Даже дорожки Летнего сада и особым образом заколочен-

ные в деревянные футляры скульптуры словно возвращают меня к военному времени....

Дата полного снятия блокады Ленинграда наложила особый отпечаток на город.

Я снова был удивлён и поражён. Современный город трепетно в больших и маленьких деталях выразил свои чувства, приглашая присоединиться к празднику. Декорации военного времени, ленты памяти, музыка особой силы, многочисленные мероприятия... Особая гордость и дух! И лица, и глаза участников: жителей города и гостей...

Ленинградцы те же, ленинградцы – помнят! И не они одни. Отраднo, что это великое событие – 80-летие снятия блокады – близко к сердцу принимают многие жители нашей огромной страны. В школах разных городов, библиотеках, памятных местах, мемориалах славы, дома люди выказывают своё глубокое уважение к тем героям, что выстояли и победили.

Пока ниточки памяти соединяют всех нас, жива не только наша душа, жив народ и каждый человек, его составляющий. Поэтому так важно чтить наших предков, чтить всех тех, кто волей случая или по собственному призванию достойно прошёл самые тяжёлые испытания, веря в Победу, каждый день приближая её.

Кто знает, что тяжелее: идти на смерть в атаку под шквальным огнём фашистов или из последних сил изо дня в день, зачастую не имея самого необходимого, преодолевать самые суровые испытания, которые ломали и очень сильных людей? Победа завоёвана сверхчеловеческим напряжением и болью каждого и всех вместе. В этом удивительном организме все были рядом – от мала до велика.

...Передо мной глаза того мальчика, который оглянулся, уходя. Совсем не детские глаза. В них была не только боль, но и надежда.

Страшно, когда дети познают войну. Но гораздо страшнее, когда в мирное время они не желают осознать, какое это зло – война. Поэтому так важно вовремя сделать историческую прививку человечности и сострадания, чтобы дети не превратились в манкуртов. И дело не только в знаниях, но и в особом камертоне души.

АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИК

Колесник Александр Викторович – прозаик. Родился в декабре 1953 года в д. Ливенская Задонского района Орловской области. Член Союза российских писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов, Союза писателей «Во-инское содружество». Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

ОДИН ДЕНЬ И ВСЯ ЖИЗНЬ (Эссе)

Вспоминая своё детство, постоянно чувствую рядом войну. Хотя родился я уже через восемь лет после Победы, и деревня наша была не совсем рядом с линией фронта. Но войну мы, мальчишки, ощущали, словно вчера произошедшее событие. Подталкивали к этому постоянные, чаще – случайно обронённые, а нами подслушанные фразы бывших фронтовиков, рассказы наших родителей, застольные песни тех лет – фронтовые.

Мы видели живых вдов, видели детишек – наших ровесников, родившихся от чужих отцов, видели симпатичных бобылок, что остались незамужними, потому что их ровесники не пришли с фронта, видели инвалидов войны с жутковатыми деревянными протезами, их нищету.

Мы жили в той послевоенной среде. Но когда в школе проводились мероприятия, посвящённые войне, Дню Победы, все гордились лётчиком, дважды героем Советского Союза Степанищевым, другими героями, уроженцами нашего района, мне всегда становилось слегка не по себе. У многих отцы дошли до

Берлина, кто-то прошёл пол-Европы, а мой папа, Виктор Ерофеевич Колесник, был на войне всего один день... Теперь стыдно за свою детскую наивность.

Мама, Мария Леонтьевна Колесник (в девичестве – Козина), рассказывала о своей молодости подробно и неоднократно. Помню почти наизусть всё, ею рассказанное: как называлась её организация – «Строительство 101», которая занималась прокладкой Мурманской железной дороги; подведение узкоколейной «дороги жизни» через Ладогу к Ленинграду во время блокады; затем восстановление Смоленска; красный Сулин.

Только от папы я мало слышал о войне... Он всегда был занят. Я не помню, чтобы он днём отдыхал. Если садился ужинать, часто прямо за столом засыпал. Когда я осмеливался попросить папу рассказать, «как он был на войне», он чаще хмурился и отмахивался. Но когда я подрос, вот что услышал.

Папа был 1921 года рождения и призывался служить в армию в 1941 году. Проходил курс молодого бойца в Западной Украине, в городе Стрий, вблизи границы. Шло перевооружение. Им, молодым солдатам сапёрного батальона, предписывалось хорошо знать землеустроительные, мостостроительные и иные схожие работы. Даже винтовку приходилось держать в руках лишь несколько раз. Да и винтовок-то было – одна на троих. Старое оружие забрали, новое не поступило.

Двадцать второе июня папа запомнил как кромешный ад, и только то, что было до бомбежки. А она началась неожиданно, в четыре часа утра, когда все спали по своим казармам. Помнил взрывы... Все бежали... Когда бомбардировка закончилась и все казармы были разнесены в щепки, стали разбирать – кто жив, кто ранен, кто убит. Убитых было много. Из-под завалов стен извлекали и раненых, и мёртвых солдат. Вдруг кто-то в груди щебня увидел торчащие сапоги 45 размера, а такие были во всей роте только у моего бати. Его откопали – живой, но без сознания. Вмятина в боку, как потом определили – сломаны четыре ребра, и осколок в голове – контузия. Осколок вынули в полуразбомбленной санчасти. А фашисты уже окружали и продвигались дальше. Отец всю жизнь с особым уважением

вспоминал фамилию капитана Стременко, что выводил их из окружения лесами и болотами, как он сам говорил, «волчьими тропами».

В Ростовском госпитале ему сделали операцию – вскрывали череп, удалили одно внутреннее ухо. Но удаление повлияло и на второе. Отец лишился слуха. При выписке из госпиталя врач выдал справку, где было указано, что он по состоянию своего ранения освобождён от воинской обязанности.

Теперь сам пытаюсь стать на место своего отца. Он молод, полон сил – подлеченные рёбра и глухоту можно не брать в счёт. Обидно – его друзья остались воевать, а он не у дел. Тем более понимал, что война только начинается и враг силён, а стране нужна победа.

А вот что было потом, отец мог рассказать и рассказывал. Отвалявшись в госпитале, нашёл себе работу по силе – в соседнем городке Красный Сулин, на металлургическом заводе. Сначала работал молотобойцем, затем кузнецом. Бил в наковальню с усердием, ему казалось, он этим молотом лупил по фашистским головам, танкам, самолётам. Не получилось там, на фронте, он их тут, в тылу, будет добивать.

Закончилась война, нужно было восстанавливать разрушенное. Вот тут и пригодилось батю умение орудовать молотком. Заметили его старание и способность самостоятельно решать многие производственные вопросы и предложили стать кровельщиком-жестянщиком.

Сколько он в одиночку перекрыл крыш – не помнил, да и не считал. Зато я уже понимал кое-что и удивлялся: как он может всё сам, один? Поставить верх – каркас крыши, подготовить к укладке листы, поднять наверх, уложить... А ему ж одному было легче – не надо на кого-то надеяться, кого-то слушать, он ведь всё равно не услышит.

Только он не комплексовал от этого, наоборот, окружающие его очень уважали за честность, самостоятельность, редкое трудолюбие и бескорыстие. Я никогда не видел, чтоб отец гордился сделанным – это было для него просто нормой. И теперь, уже прожив большую часть своей жизни, я вижу, что в чём-то недотягиваю до планки отца. И постоянно думаю, что

его и других наших отцов в то время толкало на постоянное движение вверх, куда мы, их сыновья, пока дотянуться не можем?

Но должны и помнить, и стремиться, как они – бывшие солдаты той войны.

ГОДЫ, СОТКАННЫЕ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ (Эссе)

В пятидесятые годы прошлого столетия фронтовики жили почти в каждом доме каждой деревни. И им уделяли внимание не больше, чем обычным гражданам нашей страны, хотя об их прошлом и боевых заслугах знали все. Мало кто из фронтовиков в те годы мог думать о каких-нибудь для себя льготах или послаблениях. А ведь они воевали и были героями. Какой-либо чиновник мог в адрес фронтовика сказать:

– Вы все там были, и все герои, так что ж теперь вам и больше всех надо? На всех и не наготовишься!

Мой сосед Анатолий Васильевич Щетинин вспоминает годы детства с вдохновением:

– Нам отцы мало что рассказывали, больше отмахивались – отстань, не до этого... Но мы их подлавливали, когда они, бывшие солдаты войны, встречались в «пуньке» у кого-то из друзей-фронтовиков, и вот тут-то, за стаканчиком, и начинались воспоминания, хоть в книжку записывай. Нам тогда было лет по девять – одиннадцать, и наша задача была в очередной раз сбегать для них в магазин за водкой. Расплатой служила возможность пристроиться где-нибудь в углу пуньки и тихонько, им не мешая, слушать по-настоящему откровенные рассказы.

Отец был при штабе связистом, самому, может, и не пришлось много стрелять, зато по нему стрелял всякий фашист, не жалея патронов. Помню, отец рассказывал: «Бежишь с катушкой провода – засвистели пули – падаешь, чуть стихло – опять вскочил, побежал.

На Одере нужно было протянуть связь на тот берег. Вода

ледяная, плыву, в зубах провод, осталось чуть, берег – вот он, а сил нет!

Ныряю – хорошо, дно неглубоко, так по дну и дошёл до берега».

За этот подвиг рядовой связист Василий Щетинин получил медаль «За отвагу».

Или вот такое:

«Тянули с напарником связь и вдруг за кустами заметили с пяток людей, присмотрелись – фашисты, видимо, свою связь настраивали. Хорошо с собой один на двоих автомат был – полоснули по кустам, всех положили. Заметили б позднее – нас самих положили б. Перекрестились и потянули провод дальше».

Ещё один случай запомнился. По словам отца, дело было весной. Они тянули, как обычно, провод. Видят, воронка, полная воды, а они некупанные за всю зиму ни разу. Как он говорил, «вши такие здоровенные, три штуки в спичечный коробок не влезали». Решили искупаться. Поскидали с себя одежду, а в это время лётчик с немецкого самолёта их заметил да как начал из пулемёта гонять. Они, голые, бегом в кусты. Только тогда их фашист потерял.

А вот это вспоминает моя родственница. Отец у неё воевал под Старой Руссой. Был тяжело ранен осколком снаряда в живот, но доктор в госпитале спас, хотя пришлось лишиться части кишечника. После операции врач сказал, что сильное сердце, потому и выжил.

Прошу: «Пап, ну, расскажи, что и как там было на фронте?» – А он отвечает: «Да что, лежим целый день в болоте, а по нам стреляют. Слышишь рядом – чмок! Попали в кого-то. Один отмучился».

Спрашиваю: «А помнишь кого-либо из командиров?» – Говорит: «Они там каждый день менялись. Одного убили – другого прислали».

Будто сам лежишь с ним рядом в затерявшихся белорусских болотах и видишь своими глазами этот ужас прощания с жизнью...

Мой тещь-фронтовик, Иван Васильевич Кузнецов, был

награждён орденом Красной Звезды за боевое ранение. Представьте, в атаке, на бегу, осколком касательно ему распорол брюшину.

Кишечник вывалился на снег. Тещь не растерялся – быстро сгрёб и засунул на место... упал уже без сознания. В госпитале зашили и Иван Васильевич довоевал до конца войны.

Ушли невозвратно эти годы. Мы гордимся солдатами той войны, что сумели дожить до наших дней. А сколько героев, достойных нашей памяти, ушло, не рассказав о своей военной юности, своих подвигах? Остаётся только сожалеть об этом. Поэтому нужно передать детям и внукам то, что осталось теперь в нашей памяти, и завещать им свято беречь эту память о своих дедах и прадедах-героях. Создать живую, не запятнанную ложью, а омытую кровью и слезами героическую летопись войны.

ВИКТОР КОРОЛЁВ

Липецкой области. Лауреат премии А.Т. Березнева.

Королёв Виктор Петрович – поэт, прозаик. Родился в мае 1945 года в деревне Карельский городок Калининской области. Действительный член Международной академии русской словесности. Член Союза писателей России, член Союза писателей «Воинское содружество». Лауреат Международной академической литературной премии им. Л.Н. Толстого. Отмечен Благодарностью главы администрации

ОНИ ВСТАВАЛИ ЗА СТРАНУ И ВЕРУ

Я презирал мужские слёзы,
Пока душой не возмужал.
Прости, отец, тебя я тоже,
Когда ты плакал, презирал.
Не мог понять, что ты, хмелея,
Слезу ронял не от вина,
А просто в памяти острее
Вставала прошлая война.

ВСЕМ ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

Украла ночь и звёзды, и луну,
Закрыла небо тёмной кисей,

А город наш зарылся в тишину
И спит в ночи, как будто не живой!
Пьяны весной и люди, и дома,
И ветер майский дует надо мной,
Давным-давно закончилась война,
А дядька мой ещё идёт домой.
Все видели, как он в атаку встал
И как кричал: «За Родину! Вперёд!»
Он не погиб, он без вести пропал,
И до сих пор домой к себе идёт.
Отпели всех, кто умер и убит,
И даже тех, что расстреляли в ночь,
А дядька мой в болоте где-то спит,
А я живой, но не могу помочь!
Раскрутит утро жизни карусель,
Закружат пчёлы, собирая мёд,
И загудит весенняя метель,
А дядька мой ещё домой идёт.
Промчится мимо много зим и лет,
Не раз на реках треснет талый лёд,
А дядьки моего всё нет и нет,
Он где-то там под Питером идёт!

ВСЕМ, КТО ПРОШЁЛ ПО ГОРЯЩЕЙ ЗЕМЛЕ

Вчера я был на площади героев,
Я слышал их дыхание в лицо
И понял вдруг, что этот мир раздвоен
И никогда не сложится в кольцо,
Что души их и души наши тоже
Порой близки и всё же далеки,
Что в том бою последнем, рукопашном
Правее были наши старики.

Они вставали за страну и веру,
 За истину, что вряд ли нам понять.
 Ну чем мы можем подвиг их измерить,
 Как силу духа можем их познать?
 Своих врагов мы тоже не жалели,
 Сходились в рукопашную не раз,
 Мы тоже счастья для себя хотели,
 Но не могли не выполнить приказ.
 Нам пятки жгло на каменных уступах,
 В душе горели злоба и огонь,
 А вечером смеялись, может, глупо,
 И рвали до истерики гармонь.
 Пройдут года, и время всё рассудит:
 За что боец скатился со скалы.
 Пусть изверги стреляли в нас – не люди,
 Мы тоже были в чём-то не правы.

Давно война в полях отгрохотала,
 Давно травой траншеи заросли,
 Стоят мосты, где были переправы,
 Живых и мёртвых в списках разнесли!

А память всё тревожит, что-то хочет,
 И шрамы на груди ещё болят,
 И много лет к тебе приходят ночью
 С полей войны друзья твои, солдат!

Плечом к плечу, пронизывая время,
 Они встают из-под могильных плит,
 Встают на миг, чтоб повстречаться с теми,
 Кто знает их и в памяти хранит!

И вновь война, разведка перед боем,
 Война свою потребовала дань,
 Опять, как прежде, строй идёт за строем,
 Бойцы спешат в алеющую рань!

И через годы ты глядишь им в спину,
 Прикрыв тревогу дымом сигарет,
 Твои виски давно осыпал иней,
 А им всё также восемнадцать лет.

Тебя помяли годы и заботы,
 Морщинами изрыт упрямый лоб,
 Но ты всё также рядовой пехоты,
 И это твой уходит в небо взвод!

ПАВЕЛ КУЗОВЛЕВ

конкурса «Я – гражданин своей страны».

Кузовлев Павел Владимирович – поэт, прозаик. Родился в ноябре 1952 года в селе Кузовлево Лев-Толстовского района Липецкой области. Член Союза российских писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов, Союза писателей «Воинское содружество», действительный член Петровской академии наук и искусств и Международной академии русской словесности. Лауреат Всероссийского

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА – ДЛЯ МЕНЯ ЭТО... (Эссе)

Узнав, что возникла идея издать коллективный сборник, посвящённый 80-летию освобождения Беларуси, я задумал написать о своём отце-фронтовике. Для меня Великая Отечественная война – это святая память об отце, обо всех погибших и замученных, обо всех безвинно убиенных. Мы должны эту память пронести через поколения и сохранить её на века. Ведь я и мои братья с раннего детства общались с теми, кто освободил мир от коричневой чумы и пришёл с войны израненным, поседевшим в свои двадцать лет. Мы общались с теми, кто недолго прожил под мирным небом и умер от ран, с теми, кто так и не дождался с войны своих самых родных и близких людей...

Мой отец, Кузовлев Владимир Павлович, родился в декабре 1925 года.

Он будто знал, как мало ему отпущено жить на этой земле,

поэтому спешил всё успеть, узнать, попробовать. С малых лет что-то мастерил, изучал, изобретал. Его самая большая мечта детства – стать лётчиком и подняться в небо. Наверное, он осуществил бы эту мечту, но началась война. Семнадцатилетним юношей ушёл защищать родную землю. Испил до дна всю чашу страданий и лишений военных лет: бесстрашно бросался в атаку и хоронил боевых друзей, замерзал в стылых болотах и истекал кровью. Смерть часто смотрела ему в лицо, но судьбе, видимо, было угодно оставить его в живых. Отец участвовал в боях на территории Белгородской области, а затем – Донбасса. Находясь в составе формирования Юго-Западного фронта, совместно с частями Южного фронта в августе-сентябре 1943 года он освобождал и ставший ныне широко известным городок Славянск. Позднее, будучи бойцом одной из воинских частей вновь сформированного Третьего Украинского фронта, Владимир Павлович прошёл с боями до Австрии, освобождая Днепропетровск, Днепродзержинск, захватывая совместно с Черноморским флотом плацдарм южнее Запорожья, потеснив врага в Болгарии, Сербии и Венгрии. Весной 1943 года отец был тяжело ранен очередью из автомата, когда высаживался с парашютным десантом.

В архиве нашей семьи сохранилась бесценная реликвия – письмо отца с фронта, которое он написал домой 4 января 1944 года.

«Здравствуй, мама! – сообщал он родным. – Я писал вам письмо из города Славянска, когда учился на курсах средних командиров. Я просил не писать мне туда, так как на курсах я учиться не захотел, а пошёл на фронт. С 29 декабря 1943 года нахожусь на передовой. Мама, живу я очень хорошо. Новый год праздновали на отбитых у немцев позициях. Жизнь моя сейчас смешана с визгом мин и пуль и грохотом снарядов и бомб. Настроение хорошее, ведь уже пора к этому привыкнуть после второго ранения на фронте. Мама, обо мне не печалься, остаюсь жив и здоров, гвардии старший сержант Кузовлев».

О войне отец старался не говорить, а о том, как он воевал, нам рассказывал словоохотливый сосед дядя Костя, который в начале войны служил с отцом в одной роте.

«Если бы не я, – говорил дядя Костя, – отца бы вашего не было б на белом свете. Горяч больно был. Так и рвался из окопа в атаку, да я его за ноги – назад! Команды не было, а он лезет!» По словам нашего соседа, такое происходило не один раз. Дядя Костя был намного старше моего отца и, конечно же, гораздо опытнее. Но и ему не удалось избежать тяжёлого ранения. От взрыва снаряда ему оторвало правую ногу, и после госпиталя его комиссовали. Когда я спрашивал об этом отца, он только улыбался и говорил: «Да, врёт всё дядя Костя! Ты же видишь, у меня ноги-руки целы, а у него ноги нет, так что неизвестно, кто кого спасал!»

Тем не менее, отец умер в тридцать восемь лет. От ран...

ПАМЯТЬ ЗВЁЗДАМИ СВЕТИТСЯ

НАША ПОБЕДА!

Снова в памяти бой
Под Москвой в сорок первом...
А над городом вой
Сумасшедшей сирены!
А над полем седым
Дым пожарищ стеною,
Над деревней Хатынь
И над Курской дугою!
Как такое забыть?!
Вновь слеза пеленою.
Мы смогли победить,
Но какую ценою!
Над Великой страной
Вороньё разлеталось!
Дорогою ценой
Нам Победа досталась!

А в глазах до сих пор
Опалённые лица.
Мир расстрелян в упор!
Как же с этим смириться?
Сталинград был и Брест,
Ад, Вселенское горе...
...И без имени крест
На могиле героя...

Память вечная всем,
Той войною распятым
И сгоревшим в огне,
Без вины виноватым!
Кто о жизни просил
И молил безутешно
В лагерях Саласпилс,
Бухенвальд и Освенцим!

Тем, кому не забыть
Вкус блокадного хлеба...
Нас нельзя победить!
Нашей будет Победа!
И сожжённый Рейхстаг.
Знамя красное – в небо!
И поверженный враг.
Это наша Победа!

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

Кто поставил на страшном событии крестик?!
Ведь забвения час для войны не пробил!
До сих пор не нашлись все пропавшие без вести,
До сих пор не известны сотни братских могил!
Годы, грозы и ливни не щадили могилы!

Время холмики эти уж сравняло с землей...
 Только ветры степные знают, как вы погибли,
 Только птицы небесные вам приносят покой!
 ...А на стареньком фото надпись милой невесте,
 И признание в любви, и вселенское – жди...
 Где ж искать вас, солдаты, пропавшие без вести?!
 Но летят без ответа в облаках журавли!
 Память звёздами светится ныне и присно!
 Это души солдат безымянных горят!
 И летят эти души к одному обелиску
 Со словами на камне «неизвестный солдат»!
 Нет! Не будет поставлен на войне этой крестик!
 Память будет священна и сильнее во сто крат!
 Не должно быть отметин: «Пропавшие без вести»,
 Мир вернёт твоё имя, Неизвестный Солдат!

ИРИНА ТИТОВА

Титова Ирина Леонидовна – поэт.
 Родилась в июне 1966 года в городе
 Ельце. Член Союза писателей «Воин-
 ское содружество», лауреат Междуна-
 родного фестиваля «Ковчег».

ФРОНТОВОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

*Посвящается участнику ВОВ,
 моему дедушке Петру Лаухину*

Лист в линейчку сложен привычным
 На войне треугольным письмом.
 И написано там всё обычным,
 Только сжатым скупым языком.
 «Жив, здоров, что и вам я желаю.
 Всем привет, как у вас там дела?
 Завтра утром я в рейс уезжаю,
 Вся дорога от снега бела.
 А сейчас, в редкий миг передышки,
 К вам пишу и волнуюсь о том,
 Как растут там без папы детишки
 И как трудно сейчас вам втроем».
 Так написано в жёлтом потёртом
 И последнем от деда письме,
 Что пропахло и дымом, и потом

И досталось от бабушки мне.
Его часто она доставала
Из комода, читала тайком
И слезинки свои вытирала
Смятым, мокрым от горя платком.
Так всю жизнь прождала она деда.
Ведь никто похоронок не слал,
А когда пришла в мае победа,
Сообщили, что дед мой пропал.
А потом говорили, взорвался
Он на mine с машиной своей.
И растаял, исчез, затерялся
Среди дыма горящих полей.
Лист в линеечку сложен привычным
На войне треугольным письмом.
И написано там всё обычным,
Только сжатым, скупым языком.

РАИСА УСОВИЧ

Усович Раиса Михайловна – прозаик, краевед. Родилась 15 марта 1944 года в селе Романово Липецкой области. Член Союза писателей «Воинское содружество». Действительный член Петровской академии наук и искусств. Дважды Дипломант литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Лауреат премии А.Т. Березнева. Награждена шестью медалями, почётными знаками «Отличник милиции» и «За заслуги перед Данковским районом».

«ОЙ, ВОЙНА, ЧТО Ж ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА...» (Очерк)

Чтобы описать подвиги воинов села Романово в Великой Отечественной войне, потребуется отдельная книга. И они достойны этого. В данном повествовании расскажу лишь о немногих. Были призваны в ряды Красной армии четыре сына бабушки Матрёны Филипповны Вороновой: Николай Иванович, Сергей Иванович, Пётр Иванович, Владимир Иванович и дочь Клавдия Ивановна Усович. Николай Иванович погиб 26 августа 1943 года, освобождая от фашистов село Гнилицу Ахтырского района Сумской области Украины. В селе был памятник, где значилась и фамилия моего дяди.

До 2021 года памятник стоял. Нет возможности узнать, не снесли ли его сейчас националисты Украины. Пётр Иванович на Брянском фронте подорвался на mine. После этого ранения перенёс тридцать три операции. Прожил пятьдесят три года.

Владимир Иванович, несмотря на множество ранений, выжил, вернулся домой. У Клавдии Ивановны на её глазах в двух километрах от Орла был смертельно ранен муж Михаил Акимович Усович, он похоронен в Туле на Всехсвятском кладбище. Сергея Ивановича прямо от Москвы поездом «отправили» в плен к фашистам.

«КАТЮША» – УЖАС ДЛЯ ВРАГА

Житель села Романово Андрей Андреевич Носов в середине тридцатых годов получил специальность тракториста. 24 октября 1937 года его призвали на службу. До октября 1940 года был наводчиком 34-го артиллерийского полка. Приходилось служить в 14-м гвардейском миномётном полку 33-й отдельной гвардейской миномётной дивизии, в 301-м гвардейском миномётном полку. Принимал участие в освобождении Западной Белоруссии, участвовал в борьбе с белофиннами. В октябре 1940 года Носова перевели в 14-й гвардейский миномётный полк. Он прошёл подготовку по овладению самым современным оружием того времени – сверхсекретной «Катюшей».

Эти машины подъезжали к передовой, обстреливали врага и тут же возвращались в тыл. В случае невозможности ретироваться по разным причинам, не только машина, но и её экипаж следовало взорвать, чтобы не захватили враги. Андрей Андреевич всю войну воевал на «Катюше», был командиром орудия, помощником командира взвода. Однажды после залпа машина возвращалась в наш тыл и из-за распутицы забуксовала. Экипаж ничего не мог сделать и уже готовился к самовзрыву. И всё-таки удалось вырваться из грязи и прибыть к месту дислокации.

До апреля 1946 года гвардии старший сержант Носов служил в 301-м гвардейском миномётном полку, участвовал в освобождении Украины, Белоруссии, Румынии, Болгарии. Был награждён орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», нагрудными знаками «Гвардия», «Отличный артиллерист».

Вот что говорится в наградном листе по представлению Андрея Андреевича к награде орденом Красной Звезды: «Тов. Носов отважный и умелый командир боевой установки. Боевые задания командования по разгрому врага т. Носов и его расчёт выполняют только на отлично. При яростных бомбёжках, обстрелах дорог и огневых позиций, установка Носова только несколькими залпами уничтожила: 28.3.42 г. в дер. Ануфриево до роты пехоты и обоз противника, а 30.3.42 г. до двух рот пехоты противника; 29.3.42 г. в дер. Чернышёва 2-мя залпами было уничтожено до 3-х рот пехоты и миномётная батарея противника; 3.4.42 г. в дер. Ожедово была уничтожена арт. батарея противника, а 6.4.42 г. подавлена контратака в районе квадр. Рощи; 11.6.42 г. в районе д. Соколово уничтожена минометная батарея и 2 огневых точки противника; 20.7.42 г. в район д. Великое село подавлена контратака противника, уничтожено и рассеяно до 400 солдат и офицеров, артбатарея, чем и было обеспечено занятие деревни нашими частями. А всего оружие т. Носова за последнее время боевых действий 38 раз выполняло боевые задания и всегда отлично поражало цели. Т. Носов достоин правительственной награды.

Командир батареи гв. ст. лейтенант Неретин
Военком батареи гв. ст. политрук Новиков».

В 1948 году Андрей Андреевич вернулся в родное село. Невеста Наталия дождалась своего суженого, они поженились. Его намеревались назначить председателем колхоза, в 1950 году направили на шестимесячные курсы по подготовке руководящих кадров в Рязань. По возвращении с курсов Андрея Андреевича назначили председателем колхоза «Завет Ильича». Вскоре с трудом, но ему удалось отказаться от почётной должности, возвратиться за руль трактора. Он говорил: «Не могу ловить женщин с вязанками». Время-то было тяжёлое, бедные вдовы не могли прожить, чтобы не украсть вязанку соломы из колхоза.

ДОЛГ СИЛЬНЕЕ СТРАХА

С древнейших времён у романовских мужчин в крови в генах сохранялись верность своему Отечеству, готовность отдать жизнь за свободу и независимость Родины, смелость, отвага. Жил на улице Селище Дмитрий Иванович Носов. Он не отличался внешней красотой или богатырским ростом, но обладал огромной силой воли, трудолюбием, добродушием. С ним легко было жить в семье, общаться соседям, работать в колхозе. В 1939 году Дмитрия Ивановича призвали в ряды Красной армии. Сначала он служил на Дальнем Востоке, а 10 сентября 1942 года был призван на фронт. Стал красноармеец Носов наводчиком зенитной батареи. Его сослуживцам казалось, что Носов лишён чувства страха. Разумеется, это не так. Как любой живой человек, он испытывал его, но на первом месте у него были чувства долга, ответственности, желание защитить свою Родину от ненавистного врага.

Будучи наводчиком зенитной батареи 978-го зенитно-артиллерийского полка 8-й зенитной дивизии, в боях на Воронежском фронте 9 августа 1943 года при налёте на обороняемый объект тридцати самолётов противника Носов со своим расчётом вёл неравный бой с врагом. Четыре сослуживца из расчёта были ранены. Дмитрий Иванович с оставшимся в строю товарищем в неимоверно трудных условиях продолжал вести огонь из орудия. Точной наводкой им удалось уничтожить пять самолётов противника, остальные ретировались. За этот подвиг Дмитрия Ивановича наградили орденом Красной Звезды.

В наградном листе от 5 мая 1945 года говорится: «В наступательных боях на I Белорусском фронте при прорыве обороны противника на подступах к Берлину и в уличных боях в Берлине т. Носов проявил себя как неутомимый артиллерист, не знающий страха и обладающий исключительной стойкостью. В самых трудных условиях в уличных боях большого города не переставал стойко выполнять задания.

В жаркой перестрелке т. Носов был ранен, но не покинул поле боя. В уличных боях и в схватке за переправу орудие т.

Носова уничтожило две огневые точки и до десятка гранатомётчиков, что дало возможность продвигаться нашим частям. В этих боях расчётом, где находился Носов, были захвачены в плен 50 солдат противника». За проявленные смелость и отвагу Дмитрия Ивановича наградили орденом Славы III степени.

Дмитрий Иванович также был удостоен медалей «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». В 1945 году из госпиталя Дмитрий Иванович вернулся в Романово инвалидом 2-й группы. Много позже знаменитый лебедянский хирург Кучинский удалил из его желудка осколок, засевший там во время ранения на улицах Берлина 5 мая 1945 года. Дмитрий Иванович работал в колхозе сторожем на ферме на Селищах.

ВСЁ ВЫТЕРПЕЛ И ВЫЖИЛ

Михаил Устинов родился в 1918 году. Пятнадцатилетним пареньком стал работать в колхозе. Тянуло его к технике. К концу 30-х годов без специальных курсов, на практике, освоил трактор.

Пришла пора служить в Красной армии. Михаил Дмитриевич уходил с надеждой на скорое возвращение к родной земле, к трактору, к необъятным просторам колхозных полей. Во время службы тракторист Устинов легко усвоил специальность шофёра (тогда не было в обороте слова «водитель»). С началом войны направили Михаила Дмитриевича доставлять снаряды для машин БМ-13, которые впоследствии называли «Катюшами». Это было новейшее засекреченное оружие Красной армии. Обслуживающий персонал отбирался строжайшим образом. Ни снаряды, ни машины не должны попасть к врагу. В случае окружения действовал приказ – взорвать себя вместе с машиной и снарядами. Осенью сорок первого фашисты намеревались взять Москву, бросив сюда огромные силы. Именно здесь были испытаны наши «Катюши», к которым Устинов на полutorке доставлял снаряды. Но силы были неравные. При очередном рейсе Михаил Дмитриевич понял, что попал в окружение. Паниковать не спешил, жить-то хотелось. А вдруг удасться выскочить.

В части уже считали его погибшим. А он вырвался из ада, спас и себя, и машину со снарядами. Сорок первый год скуп был на награды. Но за этот подвиг Устинова наградили орденом Славы III степени. На своей полуторке много военных дорог исколесил Михаил Дмитриевич. При форсировании Северной Двины пришлось даже быть разведчиком. За ценные разведданные награждён орденом Красной Звезды.

В 1943 году под городом Великие Луки машина Устинова подорвалась на mine. Шофера спасли, отделался ранением в ногу. С надеждой на быстрое выздоровление отправили боевые товарищи Михаила Дмитриевича в госпиталь. Санитарный поезд вёз раненых в Сибирь. Не было лекарств, необходимого оборудования. У Михаила началась гангрена. Трижды ампутировали ногу, без наркоза, примитивным способом, укоротив до самого бедра. Вытерпел, выжил.

Вернулся в Романово подавленный. Прощай, трактор, прощай, родная земля с важными грачами и звонкими жаворонками. Но жить надо. В Рязани выучился на портного, стал шить шинели, гимнастёрки. Не мог крестьянин жить в закрытом пространстве, без ветра, без неба. Приехал домой. Зашёл в МТС хоть посмотреть на железных коней. Мужики встретили по-доброму, подбодряли: «Вот, мол, Мересьев без ног на самолёте воевал. А ты-то всего без одной ноги, может, справишься с трактором». Дали попробовать порулить. С трудом, но что-то получалось. Трактористов не хватало, работы – непочатый край. Дали Устинову трактор. Вскоре он приспособился, овладел «стальным конём» не хуже других. Правда, приходилось пешком отмерять с поля километры домой. Солярки не хватало, на ночь трактора оставляли на пашне. Домой шли пешком, чтобы утром возвратиться в поле. С палочкой ходил Михаил Дмитриевич, бывало, растирал культю до крови. Заставлял себя победить и эту боль, чтобы чувствовать себя нужным людям.

При Хрущёве ликвидировали МТС. Устинов стал работать трактористом в своём колхозе, где стал лучшим трактористом области. К боевым наградам прибавились трудовые ордена: «Знак Почёта» и «Октябрьской Революции».

ГАЛИНА ШЕЛАМОВА

Шеламова Галина Николаевна – писатель, публицист. Член Союза журналистов России, Липецкого Союза писателей «Воинское содружество», председатель Елецкого отделения. Родилась в июне 1957 года в городе Североморске Мурманской области. Награждена грамотой Министерства культуры Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры, медалью «Во славу Липецкой области» (2014). Ветеран труда, внесена в книгу «Трудовая слава города Ельца» (2017). Неоднократный победитель и лауреат городских, областных, всероссийских и международных профессиональных и литературных конкурсов.

«АХ, ВОЙНА, ВОЙНА... БОЛЕТЬ НАМ ЕЮ, НЕ ПЕРЕБОЛЕТЬ»

(Эссе)

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая...
Булат Окуджава*

ВОЙНА ДЛЯ МЕНЯ ЭТО...

Война для меня – это, в первую очередь, БОЛЬ. Боль физическая – от ран, от голода и холода, от непосильного труда, и боль душевная – от тревоги за самых дорогих, от неизвестности, от потери родных и близких.

Такое представление о войне зародилось в далёком детстве, когда в головке крошечной девочки, едва научившей-

ся говорить, соединились между собой два слова: «война» и «больно».

...Двухметровый великан подхватывает меня и ставит на колени, бережно поддерживая огромными ладонями. Мои руки тянутся к дедушкиному лицу, где предметом особого интереса является шрам. Мой пальчик тонет в его глубине и медленно скользит по гладкой коже.

– Ой, ой, – говорит дедушка.

– Деда, больно? – пугаюсь я.

– Больно, внучка, больно, – отвечает дедушка.

Я старательно дую на шрам и слюнявлю поцелуями дедушкино лицо.

– Война... – вздыхает папа, наблюдающий за нами.

Ещё не способная, в силу возраста, понять, что же это такое – война, я уже ненавидела её за то, что она сделала больно моему дедушке, которого я обожала. Эта она, война, нанесла ему страшную рану, оставившую после себя глубокий шрам, который тянулся широкой полосой от левого виска вниз по щеке. Это она, война, заставила дедушку потом всю жизнь страдать от сильных головных болей.

С болью в душе много лет жила моя бабушка, потерявшая на войне старшего сына. Семнадцатилетним пареньком ушёл он на фронт и, спустя полгода, пропал без вести. А она ждала...

Всё моё детство из рассказов взрослых о войне, из услышанного, увиденного и прочитанного, капля по капле складывалось во мне, росло и крепло ощущение и осознанное отношение: война – это боль. Война – это боль искалеченных человеческих судеб.

Я, как и все, горжусь, что мы выстояли и победили в той кровопролитной войне, горжусь боевыми наградами своих дедушек, знаю, что война – это и мужество, стойкость, отвага, самопожертвование, и страдания, слёзы, ужас, страх. А сколько боли выпало на долю миллионов людей: тех, кто воевал, умирал в блокадном Ленинграде, попадал в фашистские концлагеря, находился в оккупации, ковал победу в тылу и тех, кто ждал. Эту боль принесла им война... Она не утихает с годами. Отголоски этой боли живут и в нас.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Семейные истории... Сколько их хранится в нашей памяти!

Нет в России ни одной семьи, которой не коснулась бы война. Время безжалостно. Память о Великой Отечественной войне отходит всё дальше. С каждым годом всё меньше живых свидетелей тех страшных лет. Уже уходят и дети войны, которые помнят тяготы военного времени.

Недалёк тот день, когда День Победы будут встречать потомки ветеранов, которые никогда не видели участников Великой Отечественной войны своей семьи, не слышали их рассказов.

Но живы в памяти моего поколения услышанные от них в разное время истории. И теперь уже мы, внуки ветеранов и дети «детей войны», рассказываем их своим внукам.

История 1. ОРДЕН ХЛЕБОПЁКА

Великая Отечественная Война – самая страшная война за всю историю человечества – не просто вписана в историю страны, но и является отдельной главой в летописи каждой семьи. Мою семью война тоже не обошла стороной. В этой войне участвовал мой дедушка Глазунов Илларион Васильевич.

Дедушка никогда не любил рассказывать о тех годах. Наверное, для него так тяжела и горька была память о страшных боях, о ранах, о погибших друзьях и однополчанах. А я никогда не спрашивала у него о войне (очень жалею сейчас об этом), о том, как и где он воевал. Наверное, потому, что как и все дети военных, с детства мы были приучены ничего не спрашивать и ничего никому не рассказывать о службе отца.

То, что я знаю, – это услышанное в детстве из разговоров взрослых, дополненное данными из доступных ресурсов для поиска информации об участниках Великой Отечественной войны.

Дедушка родился 2 февраля 1902 года в селе Михайловка Саратовского района Пензенской области в большой трудолю-

бивой крестьянской семье. Хозяйство по тем временам было «справное»: две коровы и лошадь.

После революции Пензенский край был беспокойным, здесь часто вспыхивали крестьянские бунты. Дедушка был ещё подростком, когда их семья попала под выселение. Тогда особо не разбирались: живут зажиточно, значит, кулаки и враги народа. И повёз их эшелон куда-то за Урал, в Сибирь. В этом же эшелоне ехала и семья бабушки.

Пока поезд медленно шёл на восток, две семьи договорились, как спасти своих детей.

Бабушка была старше деда (1898 года рождения). Ей убавили года, а дедушке их прибавили, чтобы поженить молодых. И... они сбежали из поезда. Сначала обосновались в Алтайском крае, где и родились старшие дети, потом перебрались в Новосибирскую область (Каргат, железнодорожная станция на Транссибирской магистрали). Дедушка работал на строительстве Каргатского элеватора, потом на железной дороге. Перед войной он был старшим весовщиком. В семье было пятеро детей: два сына (младший из них – мой папа) и три дочери.

Когда началась Великая Отечественная война, в первый же день, дедушка был призван в ряды Красной армии Каргатским РВК Новосибирской области. Воевал в составе 654-го особого сапёрного батальона Северо-западного фронта 14-ой мотострелковой бригады Северо-западного фронта в звании рядового. Был трижды ранен: третьего февраля сорок второго (согласно картотеке ранений, выбыл из госпиталя ЭГ3054 г. Ардатов, Мордовия, двадцать восьмого мая), потом двенадцатого ноября этого же года и двадцать седьмого июля сорок третьего.

Последнее ранение было самым тяжёлым – осколочное в голову. Дедушка чудом остался жив. По семейной легенде, он уже умирал, когда привиделась ему бабушка. Стоит она на дороге в самом конце их улицы, смотрит вдаль, где дорога теряется где-то далеко в Барабинской степи, и говорит: «Ларион, возвращайся! Нам ещё дочерей поднимать надо».

Дедушка выжил, долго выздоравливал – рана зажила, оставив, как напоминание, глубокий шрам. После госпиталя сразу

не вернулся домой – продолжил службу в качестве пекаря сто десятой полевой хлебопекарни в составе действующей армии десятой артиллерийской дивизии прорыва РГК (Белорусский фронт) с четвёртого октября сорок четвёртого по девятое мая сорок пятого года. В это же время (пятого ноября сорок четвёртого) приказом подразделения №1-Н за подписью командира дивизии гвардии полковника А. Струева и начальника штаба дивизии подполковника В. В. Лягушкина, от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество были награждены семнадцать военнослужащих: один – орденом «Красная звезда», десять – орденом «Слава» 3-й степени, шесть – медалью «За боевые заслуги». Первым в списке награждённых (орден «Красная звезда») был мой дедушка Глазунов Илларион Васильевич – рядовой, кандидат ВКП (б).

В наградном листе заместитель командира дивизии по тылу гвардии майор Бажанов дал такое краткое изложение его заслуг:

«Красноармеец-пекарь ГЛАЗУНОВ за время нахождения в 110 Полевой хлебопекарне, проявил себя исключительно работоспособным. Все приказы командования выполнял и выполняет точно и вовремя.

ГЛАЗУНОВ показал хорошие примеры своей работой. По производству и его примеру следуют все товарищи по работе. Пекарь Глазунов, несмотря на проработанное время в 1 смене, без отдыха переходил во 2-ю и 3-ю смену подряд и старался выпускать качественный хлеб. По его методу и инициативе произошло улучшение работы ПАХ-а. Красноармеец Глазунов достоин Правительственной награды ордена «Красная звезда».

А в День Победы мой дедушка был ещё награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Когда вернулся домой, продолжал работать на железной дороге. Умер скоропостижно двадцать девятого мая семьдесят седьмого.

Когда дедушка уходил на фронт, его провожали пятеро детей, а когда вернулся с войны, его встретили только четверо. Не было среди них старшего сына Миши. Но это уже другая история...

История 2. ПОРТРЕТ

Мой папа был кадровым военным, и моё детство прошло в сборах и переездах, в военных городках и гарнизонах, вдали от больших городов. Бабушки и дедушки видели меня раз в год, когда мы приезжали в отпуск.

Каждое лето бывали семьёй в Сибири (даже если перед этим навещали родных мамы в Риге). В городе Каргате Новосибирской области жили все родные отца: родители и три сестры со своими семьями.

Обустроивались мы всегда у бабушки с дедушкой. Хозяйственная летняя жизнь проходила в большой летней кухне, спали же все в избе. Детям отводилась дальняя комната. Там в углу висели бабушкины иконы, а рядом на стене в рамках под стеклом, висели две большие фотографии. На одной – папа в форме курсанта военного училища, а с другой смотрел очень похожий на него серьёзный парнишка лет шестнадцати: белая рубашка с отложным воротником, галстук в полоску, пиджак с широкими лацканами, кепка. Мой взгляд часто останавливался именно на этой фотографии. Какой-то папа (так решила я) на ней «не такой».

Каково же было моё удивление, когда я узнала, что это не он, а его старший брат Миша, пропавший без вести в годы войны. И теперь я смотрела на фотографию другими глазами. Очень жалко было дядю Мишу – так называла его в детстве, так зову и сейчас.

Дядя Миша, Глазунов Михаил Илларионович, родился шестнадцатого ноября 1926 года в селе Васильчуки Ключевского района Алтайского края, где тогда жила семья дедушки. Моя бабушка, Глазунова (в девичестве Латаева) Антонина Николаевна, родила девять детей. Но к началу войны в семье

было пятеро: два сына и три дочери. Дедушка ушёл на фронт. Папе было девять лет, дяде Мише – четырнадцать.

До призыва Миша работал конюхом в ветбаклаборатории. Призвался Каргатским райвоенкоматом Каргатского района Новосибирской области двенадцатого декабря сорок третьего. За месяц до этого ему исполнилось всего семнадцать. Таких брали только с разрешения родителей или матери, если отец был на фронте. Конечно, бабушка не хотела отпускать сына на войну. Они поссорились. Чем Миша убедил мать, не знаю. Но на фронт он ушёл. Рядовой Глазунов был направлен в распоряжение 112-го (по другим источникам – двадцать второго) Запасного стрелкового полка города Бердска Новосибирской области. Последнее письмо от него получено из воинской части, полевая почта 20116.

В мае сорок четвёртого Миша пропал без вести. А бабушка ждала... Ждала до последней минуты своей долгой жизни. Её не стало четырнадцатого декабря восемьдесят девятого, через 46 лет после того, как эшелон тронулся, увозя Мишу и других новобранцев на войну. Сколько их, совсем юных ребят, сложили головы на полях сражений!

Сколько раз я видела её у калитки в конце огорода, где она всегда ждала нашего появления на дороге, или в комнате с иконами и портретом пропавшего сына. Кого же продолжала ждать, если мы уже приехали? О чём молила Бога? Просила вернуть Мишу домой?

В 1976 году мой отец от имени неграмотной бабушки пытался узнать о судьбе брата через Центральный архив Министерства обороны Союза ССР. Единственное, что удалось узнать по данным учётно-послужной картотеки на рядовой и сержантский состав 22 Запасного стрелкового полка за 1943-1945 годы: Глазунов Михаил выбыл с маршевой ротой до станции Великие Луки эшелонном 41982 (пр.175) одиннадцатого мая сорок четвёртого. И всё. Дальше след теряется. Но папа добился, чтобы бабушка получала пенсию за погибшего сына.

Пропал без вести... Неизвестность – самое страшное для любой семьи, чьи близкие не вернулись, не похоронены в родной земле. Надежда на то, что человек жив, теплится годами...

История 3. В ОККУПАЦИИ

Когда началась Великая Отечественная война, семья моей мамы жила в деревне Яковлево Идрицкого района Псковской области. Идрица – посёлок на юго-западе Псковской области, почти на границе с Белоруссией. До 1995 года деревня входила в Идрицкий сельсовет.

С первых дней войны началась мобилизация, и дедушка, Вишневыкий Тимофей Афанасьевич, 1908 года рождения, ушёл на фронт, оставив дома жену и четверых детей. Моей маме, самой старшей из них, в июне сорок первого не было ещё и семи лет.

Дедушка воевал в составе 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии и 585-го стрелкового полка 213-й стрелковой Ново-Украинской дивизии (I-ый Украинский фронт), был ранен в августе сорок первого и в декабре сорок третьего. Награждён медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды. Он был помощником командира, а потом и командиром отделения стрелковой роты. Уходил на войну рядовым, а вернулся сержантом. Но даже представить себе не мог, что пришлось пережить его семье.

...Фронт стремительно приближался. Волны беженцев устремились в глубокий тыл. Бабушка Настя с детьми попыталась уйти, но далеко ли убежишь с малыми ребятками? Двигались медленно, не смогли уйти от наступавших немцев, вернулись домой. А там уже погостевали гитлеровцы. «Расстреляли» портрет Сталина. Портрет Ленина не тронули.

Железнодорожная станция Идрица, имевшая важное стратегическое значение, подвергалась интенсивным налётам немецко-фашистской авиации. Во время бомбёжек мама хватала малышкой и вместе со своей младшей сестрой пряталась в воронке от разорвавшегося снаряда.

Город Псков был захвачен на восемнадцатый день войны. Находился под нацистской оккупацией тридцать шесть месяцев и тринадцать дней, по двадцать второе июля 1944 года. Немногие города в Советском Союзе в такой же мере ощутили

на себе весь ужас существования «под немцами». Двенадцатого июля сорок первого посёлок Идрица тоже был оккупирован на долгих три года. На его территории действовал фильтрационный лагерь для военнопленных красноармейцев и местных жителей, через который прошли тысячи советских людей. Работоспособных узников угоняли в Германию. Детей отправляли в латвийский Саласпилс, самый жуткий из фашистских концлагерей, где малышкой использовали как доноров крови для немецких солдат.

На оккупированной территории Псковщины немцы установили свои порядки. Была введена обязательная трудовая повинность для всех лиц от восемнадцати до сорока пяти лет. Рабочий день длился четырнадцать-шестнадцать часов. Всё трудоспособное сельское население работало на полях по 11–12 часов в сутки. Трудилась в поле и бабушка. На мамыны детские плечи легла забота о сестре и младших братьях.

Каждый день бабушка пребывала в страхе за детей. Ведь их тоже могли отправить в Саласпилс. В 1943-м году фашистское командование отдало приказ о массовом сожжении русских сёл и деревень. В Псковском районе их было уничтожено более шестисот. Сжигали вместе с жителями.

А пока были живы, детей надо было во что-то одеть и обуть. Валенки были одни на всех, носили их по очереди. И уже после освобождения гулять тоже выходили по очереди. Маме, как самой старшей, валенки доставались последней совсем вымокшими. Плохо было и с тёплыми вещами. Первая военная зима была очень холодной. Морозы доходили до минус сорока пяти. Немецкие солдаты тоже мёрзли. Население обязано было сдать для них часть тёплых вещей.

Годы оккупации – голодные годы. Немцы сохранили колхозы, потому что нужны были продукты для их солдат. И те, кто трудился в хозяйствах до войны, обязаны были в них работать по двадцать пять дней в месяц. Но того, что бабушка получала за свой труд, было мало для большой семьи.

Спасал ревенёк – плодovitый и скороспелый весенний «фрукт». Это крупная многолетняя трава с однолетним стеблем. Листья с черешком достигают метровой длины. Листья

есть нельзя, в них много щавелевой кислоты, которая образует в организме нерастворимые соли оксалаты. В пищу идут черешки растения с кисло-сладким вкусом. Ребячишки очищали их и ели даже сырыми, чтобы унять чувство голода.

Бои за освобождение Идрицы длились восемь месяцев, до июля 1944-го. За долгих три года дети сполна испытали ужасы оккупации. А ведь война в сотни раз страшнее, если видеть её детскими глазами... И никакое время не сможет вылечить раны от войны, тем более детские...

Мама не любила вспоминать о тех годах. Слишком рано ей пришлось повзрослеть. Но голодное детство давало о себе знать. Однажды моя младшая сестра спросила:

– Мама, почему ты режешь хлеб, стоя?

– Бабушка Настя всегда так делала, чтобы ни одна крошечка не упала. Отрежет нам по кусочку, а сама крошечки собирает...

В нашем доме всегда в полотняных мешочках, которые мама шила сама, хранились соль, сахар, мука и был запас спичек. Наверное, ей так было спокойнее... за нас.

История 4. САМОЛЁТ

Когда началась Великая Отечественная война, Клавдии Фёдоровне Шеламовой, моей свекрови, было девять лет. Их семья жила в селе Селитренное Харабалинского района Астраханской области.

14 июля 1942 года в Сталинградской области, включая Астраханский округ (Астраханская область была официально создана 27 декабря 1943 года на территории Астраханского округа) было объявлено военное положение. 17 июля 1942 года началась Великая битва на Волге – Сталинградская битва.

Летом сорок второго линия фронта проходила в 100-150 километрах от Астрахани. Астраханская область являлась крупным транспортным узлом на стыке водных и железнодорожных путей. Вражеские самолёты бомбили город, заводы, порт, железнодорожную переправу и суда, идущие с грузами с

Каспия по Волге. Совершались налёты и на железнодорожные станции и переправы округа. Немцы вошли в Сталинград, их самолёты летали через село Селитренное на станцию Сероглазово Харабалинского района. Там они бомбили цистерны с горючим. Нефть горела так, что по ночам зарево было видно и в селе. Сначала самолёты летали ночью, а потом и днём. Но Селитренное не трогали.

Первый налёт вражеских бомбардировщиков потряс село. Их тяжёлый рёв вверх в ужас. Люди метались, собирали пожитки, чтобы бежать. Куда? Спрятаться ведь негде – кругом степь. В результате так и остались дома. Постепенно люди в селе призывали к рёву стервятников. Но однажды случилось непредвиденное.

Дети возвращались из школы. Вдруг от летящего клина самолётов, возвращавшихся от Сероглазова, один снизился и... застрочил пулемёт. Немецкий лётчик стрелял по детям!

– Ложитесь! – закричали сельчане.

Растерявшиеся школьники попадали на землю. Взметая облака пыли, пули стучали рядом...

Самолёт уже нагнал своих, а дети всё лежали и боялись поднять голову. Когда шум моторов совсем стих, потихоньку стали подниматься. Но встали не все...

Когда Клавдия Фёдоровна рассказывала об этом, у неё дрожали руки и в глазах блестели слёзы.

Великая Отечественная война закончилась почти 80 лет назад, а память о ней живёт до сих пор. И будет жить всегда. Пока мы будем о ней говорить и чтить память погибших на той войне, пока мы будем помнить каждую семейную историю, каждую легенду. Сколько бы лет ни прошло, но мы снова и снова будем вспоминать про те горькие годы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Н. И. Кочанова. <i>Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь</i>	5
В. Ф. Шугля. <i>Председатель Совета ТРОО «Союзинтеграции братских народов». Почётный Генеральный Консул РБ в РФ в Тюмени</i>	7
А. Д. Беглов. <i>Губернатор Санкт-Петербурга</i>	8
А. Ю. Дрозденко. <i>Губернатор Ленинградской области</i>	10
А. Н. Карлюкевич. <i>Председатель Союза писателей Беларуси, лауреат Премии Президента РБ «За духовное возрождение»</i>	12
Н. Ф. Иванов. <i>Председатель Правления Союза писателей России</i>	13
Б. А. Орлов. <i>Председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России</i>	15
М. П. Поздняков. <i>Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси, председатель общества дружбы «Беларусь – Россия», заслуженный деятель культуры РБ</i>	16
И. А. Смолькин-Изборцев. <i>Председатель Псковского регионального отделения СП России</i>	17
В. А. Баюканский. <i>Руководитель Союза писателей «Воинское содружество»</i>	20
С. Ю. Порохов. <i>Председатель правления Ленинградского областного отделения Союза писателей России</i>	21
Часть 1. «И ЭХОМ НАБАТНЫМ СЛОВА ПРОЗВУЧАТ...» БЕЛАРУСЬ	28
Михаил Поздняков Хай бягуць, пралятаюць гады (<i>вершы/стихи</i>).....	29
Хлеб для партизан (<i>рассказ</i>).....	34
Материнская надежда (<i>рассказ</i>).....	37
Доброта (<i>рассказ</i>).....	38
Винтовки (<i>рассказ</i>).....	39
Дядя Давыд (<i>рассказ</i>).....	41
Анатолий Аврутин О Родина, ты мой нательный крест (<i>стихи</i>).....	45

Анатолий Андреев У каждого своя война (<i>рассказ</i>)	51
Галина Бабарико Думкі на кургане. (<i>вершы/стихи</i>)	60
Валентина Быстримович Хлеб с чужого стола (<i>рассказы</i>)	67
Женское счастье бывает (<i>рассказ</i>)	70
Станислав Володько Многае бачыцца ў Вечным агні (<i>вершы/стихи</i>)	74
Людмила Воробьева Долгая дорога войны и мира. (<i>О поэме Валентины Дробышевской «Не знать бы войны»</i>)	80
Валентина Дробышевская Навечна (<i>стихи</i>)	87
Не знать бы войны (<i>поэма</i>)	89
Людмила Воронова Давно была война (<i>стихи</i>)	98
Андрей Геращенко Мамка, я – живой! (<i>рассказ</i>)	102
Славомир Даргель Помним всех поимённо (<i>стихи</i>)	113
Зинаида Дудюк Каб болей на свеце вайны не было (<i>вершы/стихи</i>)	117
Виктор Ермолович Беларусь: эпизоды партизанской войны (1941-1942 гг.) (<i>статья</i>).....	120
Тамара Залеская Верочка (<i>очерк</i>)	128
Девушка за ведро мёда (<i>очерк</i>)	132
Ирина Карнаухова Но та война – страны судьба (<i>стихи</i>)	136
Тамара Ковальчук По законам военного времени (<i>рассказ</i>)	140
Бабушка Агата (<i>рассказ</i>)	146
Васильки (<i>рассказ</i>)	149
Наталья Кондрашук На перекрёстке мира и войны (<i>стихи</i>)	151
Вернулся после трёх похоронок (<i>очерк</i>)	151

Татьяна Конопацкая «Звезду Героя не успел увидеть и примерить...» (очерк)	154
Анна Красовская Моя Беларусь синеокая (стихи)	161
Елена Крикливец Повестка пришла в субботу (стихи)	163
Виктор Кудлачѳв Виновата война (стихи)	170
Михаил Кулеш Словно вижу Хатынь и Рейхстаг наяву (стихи)	173
Игорь Лазарчик Солдатская молитва (стихи)	179
Ольга Любашина Я на фронт уожу (стихи)	181
Людмила Марковская Прожекторщицы (рассказ)	187
Михаил Никитин Бомблѳнная Яма (рассказ)	201
Дмитрий Николаев По волнам народной памяти (эссе)	207
Зинаида Новосад Он шѳл на страшную войну (стихи)	210
Надежда Парчук Храни, Боже, мир! (стихи)	214
Пройдя лагеря и тюрьмы (очерк)	216
Дмитрий Радиончик Один из тысяч (очерк)	221
Олег Сешко Память пронзает доверху (стихи)	225
Виталий Синенко Беречь Победу как лампадку священного огня (очерк)	232
Наталья Советная От дней военных – в наш далѳкий час (стихи)	245
Генрих Тарасевич Няхай ані колі не будзе вайны (вершы/стихи)	253

Татьяна Цвирко Каждого помни, земля моя! (стихи)	257
Виктор Шимолин Волосы (рассказ)	272
Татьяна Шульга Я бойцам читала на границе (стихи)	280
Часть 2. «СУДЬБА РОССИИ – ПОБЕЖДАТЬ!» РОССИЯ. ПСКОВ	283
Игорь Смолькин-Изборцев Защити, Небесная Царица (стихи)	284
Сергей Горшков Говорят – война позади (стихи)	292
Иван Иванов Солдат придѳт домой с Победой (стихи)	295
Надежда Камянчук А победа была – и будет! (стихи)	298
Андрей Канавщиков Нам этой памяти учиться (стихи)	303
Без сокращений (рассказ)	307
Валерий Мухин И Россию жалели до слѳз (стихи)	317
Геннадий Синицкий Да воздастся каждому по делам его (рассказ)	322
Светлана Размыслович Кому дано – с того и спросится (стихи)	331
Наталья Стрехова-Хлудок Так больно мне слышать о войнах (стихи)	338
Любовь Федукова А выжить на войне хотелось (стихи)	346
САНКТ – ПЕТЕРБУРГ и ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	350
Сергей Порохов Как я провел лето в подполье на чердаке (рассказ)	351
Андрей Антонов Отчизна дорогого стоит (стихи)	368

Александр Андриюшкин Старшее поколение моей семьи: участники и свидетели войны (<i>эссе</i>)	373
Ольга Вербина А мне приснилось, что идёт война (<i>стихи</i>)	377
Григорий Григорьев. Ветер радости. Городокское приволье (<i>главы из книги</i>)	383
Ирина Катченкова «Мы бились с врагами у стен Ленинграда»: поэт-фронтовик Павел Шубин (1914 –1951) (<i>очерк</i>)	393
Виктор Кокосов В ряды героев зачисляет народ!(<i>очерк</i>)	399
Светлана Конева И сколько их было, и сколько их пало (<i>стихи</i>)	405
Борис Костин «И память сердца говорит...» (<i>очерк</i>)	416
Ольга Мальцева Строже сердца нет судьбы (<i>стихи</i>)	424
Татьяна Никольская «Мы Родину защищали»: Об экранизациях повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» (<i>эссе</i>)	431
Юрий Польский Возвращение (<i>фрагменты из книги</i>)	438
Наталья Пунжина Держим имя в горсти (<i>стихи</i>)	448
Ирэна Сергеева Вся жизнь вокруг – тебе награда (<i>стихи</i>)	456
Любовь Сердечная Мы отстояли отчий край! (<i>стихи</i>)	461
Наталья Советная Блокадницы (<i>отрывок из рассказа</i>)	472
За жизнь! (<i>поэма</i>)	476
<i>ЛИПЕЦКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ «ВОИНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО»</i>	
Валентин Баюканский Каждый блокадник – герой (<i>рассказ</i>)	482

Людмила Бахтина Письмо с фронта (<i>эссе</i>)	488
Владимир Башарин Чем измерить труд солдата? (<i>стихи</i>)	492
Виктор Иванов Связь времён (<i>эссе</i>)	496
Александр Колесник Один год и вся жизнь (<i>эссе</i>)	500
Годы, сотканые из воспоминаний (<i>эссе</i>)	503
Виктор Королёв Они вставали за страну и веру (<i>стихи</i>)	506
Павел Кузовлев Великая Отечественная война – для меня это... (<i>эссе</i>)	510
Память звёздами светится (<i>стихи</i>)	512
Ирина Титова Фронтовой треугольник (<i>стихи</i>)	515
Раиса Усович «Ой, война, что ж ты, подлая, сделала» (<i>очерк</i>)	517
Галина Шеламова «Ах, война, война... болеть нам ею, не переболеть» (<i>эссе</i>)	523

Победили! Перамаглі!

Сборник поэзии, прозы и публицистики
Союза писателей Беларуси, Союза писателей России (Санкт-
Петербургское, Ленинградское областное, Псковское
региональное отделения) и Липецкого Союза писателей
«Воинское содружество»

Согласно Федеральному закону от 29.12. 2010 г. № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию» книга предназначена
для читателей старше 16 лет.

Составитель *Н. В. Советная*
Обложка и шмуцтитулы *Д. Г. Рыбалтович*

Редактор, корректор *В. С. Дробышевская*
Вёрстка *З. Н. Клишевич*

Подписано в печать 29.09.2024
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Cambria.
Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 31,38. Уч.-изд. л. 15,90.
Тираж 300 экз. Заказ № ...

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 18-д